Российская Академия наук
Институт русской литературы (Пушкинский Дом)

На правах рукописи

Ефимов Михаил Витальевич

Д.П. СВЯТОПОЛК-МИРСКИЙ – ИСТОРИК РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ЛИТЕРАТУРНЫЙ КРИТИК. ГОДЫ ЭМИГРАЦИИ (1920–1932).

Специальность 10.01.01 русская литература

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
доктор филологических наук, профессор
Грякалова Наталия Юрьевна

Санкт-Петербург
2017

Содержание

Введение 3
Глава 1. Между историей литературы и литературной критикой 20
1.1. Д.П. Святополк-Мирский и российский литературно-теоретический контекст 20
1.2. Д.П. Святополк-Мирский и британская литературная теория и литературная критика 76
Глава 2. Историко-литературные нарративы 1924–1926 гг. 96
2.1. «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924) 96
2.2. «Pushkin» (1926) 124
2.3. «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927) 157
Глава 3. Литературно-критическая деятельность Д.П. Святополк-Мирского 201
в 1920–1928 гг. 201
3.1. Выбор жанра и стилистическая эволюция 201
3.2. Феномен билингвизма: материалы к сравнительному анализу 212
3.3. Д.П. Святополк-Мирский как англоязычный литературный критик (1923–1926) 234
3.4. Выступления в периодической печати русского зарубежья (1923–1926) .. 249
3.5. Журнал «Версты» (1926–1928): опыт построения трансграничного пространства русской литературы 323
Заключение 335
Список литературы 352

Введение

Литературный критик и историк литературы князь Дмитрий Петрович Святополк-Мирский (1890–1939) – значимая фигура в истории русской литературы XX в. Его деятельность протекала в кризисную и переломную для русской истории и культуры эпоху. Являясь современником выдающихся русских писателей и поэтов первой трети XX в., он выступил ярким и значительным интерпретатором их творчества. Имя Святополк-Мирского стоит в ряду крупнейших литературных критиков русского зарубежья 1920-х гг., рядом с именами Г.В. Адамовича, А.Л. Бема, П.М. Бицилли, В.В. Вейдле, К.В. Мочульского, Ф.А. Степуна, В.Ф. Ходасевича и др.[1]

Биография Святополк-Мирского отчетливо делится на три периода: дореволюционный и эпохи Гражданской войны (до 1920 г.), эмигрантский (1920–1932 гг.), советский (1932–1939 гг.). Сложность личной биографии, ставшей пересечением взаимоисключающих социальных практик и идеологий, отразилась и на противоречиях его интеллектуальной биографии.

Роль Святополк-Мирского в истории русской культуры XX в. уникальна. Его посредническая деятельность как историка русской литературы, писавшего для иноязычной (в первую очередь – англоязычной) аудитории, обеспечила его трудам на Западе статус классических. Несколько поколений славистов в англосаксонском мире были воспитаны «на Мирском». На долгие десятилетия Святополк-Мирский стал для западного читателя проводником в мир русской литературы. По сути, Святополк-Мирский сформировал своеобразный канон русской литературы для западного мира, включающий в себя корпус текстов

---

[1] См.: *Петрова Т. Г.* Литературная критика русской эмиграции первой волны. Современные отечественные исследования. Аналитический обзор обзор / Российская акад. наук, Ин-т научной информации по общественным наукам. – М., 2010. – (Теория и история литературоведения).

русской литературы с древнейших времен до современности – середины 1920-х гг. Этот канон включал в себя как общепризнанные классические произведения, так и тексты писателей второго и третьего рядов, традиционно находящиеся на периферии исследовательского внимания даже в России. При этом Святополк-Мирский создал не только нормативный список текстов, но и предложил в высокой степени субъективную интерпретацию этих текстов. Эта интерпретация во многом повлияла на вкусы и исследовательские интересы западных специалистов по истории русской литературы.

Несмотря на это обстоятельство, многообразная деятельность Святополк-Мирского до сих пор не становилась предметом всестороннего рассмотрения в российском литературоведении. В настоящем диссертационном исследовании впервые предпринята попытка комплексно описать деятельность Святополк-Мирского как литературного критика и историка-литературы в период эмиграции – в 1920–1932 гг.

В эти годы он проявил себя в нескольких качествах: как литературный критик, пишущий о современной русской и европейской (в первую очередь – английской) литературе; как историк русской литературы, представляющий свою концепцию англоязычной аудитории; как инициатор и редактор русскоязычного периодического издания «Версты»; как участник евразийского движения.

Базовой чертой деятельности Святополк-Мирского является его двуязычие. Он в равной мере обращался и к русскоязычной эмигрантской аудитории, и к англоязычной – как академической, так и массовой (кроме того он писал также по-французски и по-немецки). Святополк-Мирский стал двусторонним посредником: англоязычную среду он знакомил с русской литературой, русскоязычную – с литературой английской.

Деятельность Святополк-Мирского уместно рассматривать в разных аспектах: в свете истории литературы русского зарубежья, русской литературной теории, историко-культурной мысли русской эмиграции, контактов метрополии и диаспоры, рецепции русской культуры на Западе и европейской литературной теории в России.

Актуальность исследования. Оценка первопроходческой роли Святополк-Мирского в знакомстве англоязычного читателя с классической и модернистской русской литературой до настоящего времени адекватно не соотносилась с его деятельностью как одного из крупнейших литературных критиков русского зарубежья 1920-х гг.

Фигура Святополк-Мирского является одним из наиболее ярких примеров успешного и плодотворного ознакомления иноязычной аудитории с достижениями русской культуры – в первую очередь русской литературы – и ее популяризации.

При этом рассмотрение деятельности Святополк-Мирского 1920-х гг. представляется значимым в более широком контексте – как пример изучения взаимовлияния русской культурной диаспоры и иноязычной среды. В условиях современного мультикультурного глобализма, размытости понятий «диаспора» и «метрополия», анализ деятельности Святополк-Мирского по конструированию трансграничной модели русской культуры является весьма актуальным. Изучение феномена Святополк-Мирского позволяет также уточнить механизмы межкультурного и многоязычного диалога, междисциплинарных практик внутри единого литературного пространства, что является одной из актуальных задач современного российского литературоведения.

Изучение межкультурного диалога, осуществлявшегося Святополк-Мирским в годы эмиграции, позволяет увидеть актуальный потенциал русской литературы как медиатора в межкультурной коммуникации России и ее близких и дальних соседей. Успешность коммуникативной практики Святополк-Мирского делает оправданным интерес к его деятельности и требует осмысления ее механизмов и результатов.

Святополк-Мирский – фигура «синтетическая»: литературный критик, историк литературы, литературный идеолог, редактор, страстный полемист. Многообразие релевантных точек зрения на литературно-критическую и историко-литературную деятельность Святополк-Мирского позволяет говорить

об актуальности изучения его творческой личности в различных аспектах, в том числе и в контексте истории русской литературы первой трети XX в.

Хронологические рамки исследования. Предметом диссертационного исследования избран эмигрантский период деятельности Святополк-Мирского – 1920–1932 гг., отличающийся идейно-эстетической целостностью. В 1932 г. Святополк-Мирский уезжает в СССР, где начинает карьеру советского литературного критика. Этот год проводит отчетливую демаркационную линию между Святополк-Мирским – эмигрантом и Святополк-Мирским – участником советского литературного процесса. Однако уже в конце 1920-х гг., после прекращения издания журнала «Версты» (1928), Святополк-Мирский идеологически полностью переориентируется в сторону СССР, что радикальным образом отражается и на его литературно-критическом дискурсе.

Объектом исследования является корпус литературно-критических и историко-литературных текстов Д.П. Святополк-Мирского на русском и английском языках, созданных в период 1920–1932 гг.

Предметом исследования являются историко-литературные концепции и система литературно-критических оценок Святополк-Мирского.

Научная новизна исследования. Д.П. Святополк-Мирский, погибший в годы сталинских репрессий, был посмертно реабилитирован в 1962 г. Статья Л.Н. Черткова в «Краткой литературной энциклопедии» (1967) фактически впервые ввела его имя в исследовательский оборот[2].

Первая посмертная публикация Святополк-Мирского в СССР была также осуществлена Л.Н. Чертковым в 1971 г.[3] Стоит отметить, что это была републикация статьи 1929 г. из просоветской газеты «Евразия», и посвящена она была творчеству художника Нико Пиросманишвили – предмету, не связанному с историко-литературной тематикой. Это была единственная в СССР публикация, связанная с эмигрантским периодом деятельности Святополк-Мирского.

---

[2] Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 4: Лакшин – Мураново. – М., 1967. – Стб. 861. Статья при этом не свободна от фактических неточностей и ошибок. Так, журнал «Версты» аттестован как «сменовеховский альманах» с местом издания в Брюсселе; Святополк-Мирскому приписано издание «неск[ольких] антологий рус[ской] поэзии» (Там же. Стб. 861).

[3] *Мирский Дм.* Нико Пиросманишвили // Литературная Грузия. – 1971. – № 7. – С. 11–12.

В 1978 г. вышел в свет том избранных работ Святополк-Мирского[4], куда были включены лишь статьи советского периода (в том числе о Джойсе (1933), две остро-полемические статьи «Новые издания старых поэтов» (1935) и проч.). Здесь же была опубликована писавшаяся Святополк-Мирским в 1937 г. биография Пушкина; вторая ее часть в данном издании публиковалась впервые[5].

В 1987 г. было опубликовано еще одно издание избранных литературно-критических и историко-литературных работ Святополк-Мирского[6], однако также только советского периода. Здесь впервые, по рукописи, найденной в архиве В.М. Жирмунского, была напечатана одна из последних работ Святополк-Мирского – исследование «Барокко и английская литература». Составителем обоих томов (1978 г. и 1987 г.) был М.В. Андронов-Михалков.

Сам принцип – допустимость для печати в Советском Союзе работ Святополк-Мирского лишь советского периода – изначально искажал оптику восприятия личности и наследия критика. Святополк-Мирский представлялся как «видный советский критик» с досоветской биографией, которая лишалась самостоятельной ценности и подавалась лишь как подготовительная стадия к биографии советского периода.

Изучение творческого наследия и биографии Святополк-Мирского стало возможным лишь в широком контексте истории литературы, культуры, политической мысли, т.е. вне пределов идеологизированной гуманитарной науки, доминировавшей в Советском Союзе.

Наследие Святополк-Мирского обрело своих исследователей на Западе в 1970-1980-х гг. Работы британского слависта Дж. Смита (см. ниже), эмигрировавшего на Запад Л. Н. Черткова и Н. Лаврухиной[7] по сей день остаются основополагающими для исследователей творчества Святополк-Мирского. В конце 1970-х гг. в США Г.П. Струве инициировал переиздание книги Святополк-

---

[4] *Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи / Сост. М. В. Андронов, И. Н. Крамов. Вступит. ст. М. Я. Полякова. – М., 1978.
[5] *Мирский Д.* А.С. Пушкин (Из биографии) // Там же. – С. 21–184.
[6] *Мирский Д.П.* Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. статья Н. Анастасьева. – М., 1987.
[7] D. S. Mirsky: Profile critique et bibliographique / Établie par Nina Lavroukine et Leonid Tchertkov; Avec la collab. de C. Robert. – Paris, 1980. – (Série “Écrivains russes en France “; Tome LVIII).

Мирского 1924 г. «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака»[8] и впервые напечатал один из важнейших текстов Святополк-Мирского – работу 1922 г. «О современном состоянии русской поэзии»[9]. В 1992 г. в Лондоне вышел выполненный Р. Зерновой и инициированный Дж. Смитом перевод англоязычной «Истории русской литературы» Святополк-Мирского[10].

В 1980–1990-е гг. Дж. Смит предпринял републикацию текстов Святополк-Мирского. В 1989 г. Смит опубликовал том его избранных работ, в который были включены тексты как эмигрантского, так и советского периодов, тексты, написанные по-английски, по-русски и – единственный случай в книге – по-французски[11]. Книга сопровождена обстоятельной вводной статьей. Издание 1989 г. – первый пример синтетического представления Святополк-Мирского как многоязычного литературного критика и историка литературы.

В 1997 г. Смит опубликовал еще один том избранных работ Святополк-Мирского, написанных по-русски и посвященных русской поэзии[12]. Здесь также была представлена единственная книга стихов Святополк-Мирского, опубликованная впервые в 1911 г.

В период 1993–1997 гг. Дж. Смит (один или в сотрудничестве с другими исследователями) осуществил масштабную публикацию эпистолярного наследия Святополк-Мирского[13]. Важнейшим событием стала публикация писем

---

[8] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Составил кн. Д. Святополк-Мирский. Вступит. ст. проф. Г. П. Струве. – New York, 1979.

[9] *Святополк-Мирский Д. П.* О современном состоянии русской поэзии / Предисл. и публ. Г. Струве, послесловие Дж. Смита // Новый Журнал. – 1978. – №. 131. – С. 79–110.

[10] *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. – London, 1992.

[11] *Mirsky D. S.* Uncollected Writings on Russian Literature. Edited, with an Introduction and Bibliography, by G. S. Smith. – Berkeley, 1989. – (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 13).

[12] *Мирский Д. С.* Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Comp. and ed. by G. K. Perkins and G. S. Smith, with an Intro. by G. S. Smith. – Oakland, 1997.

[13] *Smith G. S., Kaznina O.* D. S. Mirsky to Maksim Gorky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1993. – Vol. 26. – P. 87–103; *Smith G. S.* D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova Williams (1926), with an Unpublished Review by Ariadna Tyrkova Williams (1924) // Slavonic and East European Review. – 1993. – Vol. 71. – № 3. – P. 482–489; *Smith G. S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // Slavonic and East European Review. – 1994. – Vol. 72. – № 1. – P. 115–139; *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – Birmingham, 1995. – (Birmingham Slavonic Monographs, № 26); *Smith G. S.* D. S. Mirsky: Two Letters to Elizaveta Polonskaia (1935, 1936) on Translating Kipling and Christina Rossetti // Slavonic and East European Review. – 1995. – Vol. 73. – № 3. – P. 490–498; *Smith G. S.* D. S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty Letters from Moscow (1932–1937) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1996. – Vol. 29. – P. 93–131; *Smith G. S.* D. S. Mirsky and Hugh McDiarmid: A Relationship and an Exchange of Letters (1934) // Slavonica. – 1996–1997. – Vol. 3. – № 2. – P. 49–60;

Святополк-Мирского к П.П. Сувчинскому 1922–1931 гг., содержащих исключительно важные сведения о литературно-критической деятельности Святополк-Мирского, об издании журнала «Версты», об участии Святополк-Мирского в евразийском движении и о роли Святополк-Мирского в его расколе. Письма к Сувчинскому являются крупнейшим эпистолярным корпусом, выявленным и опубликованным к настоящему времени.

В 2000 г. Дж. Смит опубликовал монографию о Святополк-Мирском – результат своих изысканий на протяжении многих десятилетий[14]. До настоящего времени эта книга остается единственным систематическим жизнеописанием Святополк-Мирского, выходившим на каком-либо языке. Западные слависты продолжают изучать различные аспекты биографии Святополк-Мирского, публикуют архивные материалы[15].

В нашей стране с начала 1990-х гг. сочинения Святополк-Мирского стали появляться на страницах литературной и филологической периодики в виде републикаций[16]. Специфическая черта изучения наследия Святополк-Мирского в российском литературоведении – одновременность, но не синхронность и не взаимная обусловленность появления републикаций текстов критика и собственно историко-литературного их рассмотрения. Исключительно обширное творческое наследие Святополк-Мирского было представлено избирательно.

Отсутствие развернутого анализа эстетических оценок и идейной эволюции Святополк-Мирского в современной России можно объяснить, в первую очередь, отсутствием дефинитивных изданий его текстов. Осуществленное В.В. Перхиным в 2002 г. издание избранных работ Святополк-Мирского эмигрантского и

Smith G. S., Davies R. D. S. Mirsky: Twenty-Two Letters (1926–34) to Salomeya Halpern, Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1997. – Vol. 30. – P. 89–120.

[14] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – Oxford, 2000.

[15] См., напр.: *Zohrab I.* Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (With Some Letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and Two Unknown Reviews) // New Zealand Slavonic Journal. Festschrift in honour of Patrick Waddington. – Wellington, 1994. – P. 259–288; «... с Вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову (1922–1929) / Публикация Роберта Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Вып. V / Отв. редактор Олег Коростелев. – СПб., 2003. – С. 335–401.

[16] См., напр.: *Святополк-Мирский Д. П.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2: Эссе, очерки, рецензии, статьи. – М., 1993. – С. 61–66.

советского периода[17] обнаружило слабость изученности его наследия в сегодняшней России, что и было тогда же отмечено Н.А. Богомоловым[18].

До настоящего времени не собраны полностью тексты ни эмигрантского, ни советского периодов. Из шести главных книг Святополк-Мирского, написанных им по-английски[19], на русский переведены только две[20].

Лишь в 2010 г. в России было осуществлено репринтное издание «Русской лирики: Маленькой антологии от Ломоносова до Пастернака»[21], единственной книги, опубликованной Святополк-Мирским в эмиграции по-русски. Из русскоязычных книг Святополк-Мирского до сих пор в России не переиздана написанная уже в СССР книга «Интеллиджентсиа» (1934). Предпринятое в 2002 г. переиздание подготовленной Святополк-Мирским «Антологии современной английской поэзии» (1937)[22] не может быть признано корректным с точки зрения существующих эдиционных правил: издание не содержит вступительной статьи и авторских примечаний, Святополк-Мирский в нем не указан ни как составитель и автор текстов, ни как переводчик.

Не собраны целиком статьи Святополк-Мирского, опубликованные им в эмигрантской периодике («Современные Записки», «Версты», «Благонамеренный», «Дни», «Евразия» и др.), в англоязычных (напр., в журналах «The London Mercury», «The Slavonic Review», «Criterion», «The Contemporary Review», «The Outlook», «The Times Literary Supplement» и др.) и французских («Commerce» и др.) периодических изданиях, в немецко- и итальяноязычных

---

[17] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В. В. Перхина. – СПб., 2002. – (Русское зарубежье).

[18] *Богомолов Н.* [Рец.:] Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вст. ст. В. В. Перхина. СПб.: «Алетейя», 2002. 384 с. Тираж 1200 экз. / Русское зарубежье.) // Toronto Slavic Quarterly. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]: URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/02/bogomolov2.shtml#mirsky (дата обращения: 08.09.2017).

[19] “Modern Russian Literature” (1925); “Pushkin” (1926); “Contemporary Russian Literature, 1881–1925” (1926); “A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)” (1927); “Russia: A Social History” (1928); “Lenin” (1931).

[20] Русский перевод двух книг, “Contemporary Russian Literature, 1881-1925” (1926) и “A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)” (1927), издан в одном томе: *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. London, 1992; переиздания этого перевода: *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. – Новосибирск, 2006, 2007, 2009.

[21] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. Вступ. ст. Е. Б. Белодубровского. – Новосибирск, 2010.

[22] Антология новой английской поэзии / Вступ. ст. и коммент. М. Гутнера. – М., 2002.

славистических изданиях, многочисленные англоязычные предисловия к переводам русской литературы (от Аввакума и Пушкина до Ремизова). Не собраны все статьи Святополк-Мирского, опубликованные им после приезда в СССР (написанные как по-русски, так и по-английски, напр., для газеты «Moscow News»).

Текстологически корректная комментированная републикация текстов Святополк-Мирского в России – это первое условие для квалифицированного изучения его наследия. Есть еще одно принципиальное обстоятельство: свои основные работы Святополк-Мирский писал по-русски и по-английски. Ему был присущ весьма характерный стиль, отличавший как его русские, так и английские тексты, причем между этими двумя стилями есть ощутимая разница. Исключительно важным в этом ключе является осуществленный Р.А. Зерновой перевод двух томов англоязычный «Истории русской литературы». В России переводы англоязычных работ Святополк-Мирского представлены лишь в двух изданиях – в уже упомянутом издании 2002 г., а также в сборнике избранных работ Мирского, опубликованном в 2014 г.[23]

Для российских исследователей 1990–2000-х гг. Святополк-Мирский представлял оправданный интерес как эмигрант, участник литературного процесса русского зарубежья, евразиец. Однако, как нам кажется, играл свою роль стереотип восприятия Святополк-Мирского как советского критика, с последующим «достраиванием» его досоветской, эмигрантской биографии.

Крупнейшим российским специалистом в области публикации и изучения биографии и творческого наследия Святополк-Мирского, начиная с 1990-х гг. является В.В. Перхин. Исследователю принадлежит ряд важных републикаций[24], а также заслуга ввода в научный оборот важнейших материалов, связанных с

---

[23] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. – М., 2014.

[24] *Святополк-Мирский Д. П.* «Глубоко человечен и трогателен»: Неизвестный некролог С. А. Есенина / Предисл. и публ. В. Перхина // Русский рубеж: Спец. выпуск газеты «Литературная Россия». – 1990. – № 3. – С. 16; *Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи / Вступ. ст. и примеч. В. В. Перхина // Русская литература. – 1990. – № 4. – С. 120–154; *Святополк-Мирский Д. П.* «Великая поэзия совершенно нового рода…» / Предисл., примеч. В. Перхина. Пер. с англ. М. Бондаренко // Литературная Россия. – М., 1992. – С. 10.

арестом, заключением и гибелью Святополк-Мирского[25], а также его эпистолярного наследия[26].

В 2002 г. В.В. Перхин опубликовал книгу избранных работ Святополк-Мирского[27], в которой творчество Мирского было представлено и в эмигрантской, и в советской части, были опубликованы статьи, написанные по-русски и по-английски (последние даны в переводах). В.В. Перхину также принадлежит ряд специальных исследований, посвященных Мирскому как литературному критику[28].

Важный вклад в изучение эмигрантского периода жизни и деятельности Святополк-Мирского внесла О.А. Казнина. В ее монографии «Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века» (1997) Святополк-Мирскому была посвящена отдельная глава, с особым акцентом на деятельности Святополк-Мирского в евразийском движении[29]. Ей же принадлежит также ряд отдельных публикаций[30].

Имя Святополк-Мирского и некоторые его тексты можно встретить в российских публикациях 1990-х гг., посвященных истории евразийского движения[31]. Отметим также публикации магаданского исследователя А.М.

---

[25] *Перхин В. В.* Арест, допросы и реабилитация Д. П. Святополк-Мирского (по архивным материалам) // Русская литература. – 1997. – №1. – С. 220–237.

[26] *Перхин В. В.* Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д. П. Святополк-Мирского // Русская литература. – 1996. – № 1. – С. 235–262; Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922) (Публикация В. В. Перхина) // Русская литература. – 2008. – № 4. – С. 143–148.

[27] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В. В. Перхина. – СПб., 2002. – (Русское зарубежье).

[28] *Перхин В. В.* О единстве русской литературной критики (1917–1937): По материалам наследия Д. П. Святополк-Мирского // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1994. – Вып. 3. – С. 57–64; *Перхин В. В.* О рецензиях Д. П. Святополк-Мирского в газете «Евразия» // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. ст / ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб., 2000. – С. 100–105; *Перхин В. В.* Короткая рецензия Д. П. Святополк-Мирского // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика : Сб. ст. и материалов [Науч. конф., 25–26 сент. 2002 г., С.-Петерб. гос. ун-т] / Ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб., 2002. – С. 110–121.

[29] *Казнина О. А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М., 1997. – С. 119–155.

[30] *Казнина О. А.* [Рец.] Д. Мирский о русской литературе (D. S. Mirsky. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. with an Introd. and Bibliography by G. S. Smith. Berkeley, 1989) // Вопросы литературы. – 1990. – № 1. – С. 218–233; *Казнина О.* Д. П. Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала: религиозно-философский журнал. – 1992. – № 4. – С. 81–88; *Казнина О.* Дж. Смит о литературе русского зарубежья: Д. П. Святополк-Мирский // Славяноведение. – 2000. – № 4. – С.39–45.

[31] См., напр.: *Святополк-Мирский Д. П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев / Сост. С. Ю. Ключников. Отв. ред. Н. И. Толстой. – М., 1997. – С.358–365.

Бирюкова, рассматривающие, среди прочего, завершающий период жизни Святополк-Мирского, когда он был заключенным лагеря[32].

Современное российское филологическое и историко-культурное сообщество на «возвращение Святополк-Мирского» и на важнейшие западные публикации откликнулось спорадически. Показательно, что в названии и содержании статьи В.А. Лаврова «”Духовный озорник”: К портрету князя Д.П. Мирского, критика и историка литературы»[33] использован предложенный еще в 1950-х гг. Г.П. Струве применительно к Святополк-Мирскому образ «духовного озорства». По сути, анализ заменен развернутой цитатой из субъективного оценочного суждения (пусть и принадлежащего столь значительной фигуре, как Г.П. Струве).

В последние годы появляются ценные, хотя и разрозненные публикации эпистолярного наследия Святополк-Мирского[34]. Встречаются также работы, в которых критику атрибутируются тексты, фактически относящиеся к категории dubia. Так, Д.И. Зубарев в работе «Князь и вождь (исследование)»[35] предлагает спорную атрибуцию Святополк-Мирскому цикла статей «Lénine et la Russie. Essai psycho-sociologique» (1924), опубликованных по-французски в издававшейся в Индокитае газете «Avenir du Tonkin».

До настоящего времени единственными работами, посвященными взаимоотношениям Святополк-Мирского с отдельными представителями литературы, науки и искусства, являются публикации зарубежных исследователей, Дж. Смита[36] и Н. Лаврухиной[37] 1980–1990-х гг. В последние годы

---

[32] См., напр.: *Бирюков А. М.* Колымское триединство. Ч. 1: «Последний Рюрикович». – Магадан, 2001. – (Особый остров; Вып. 5). Переиздание в кн.: *Бирюков А.* Жизнь на краю судьбы. – Новосибирск, 2006.

[33] *Лавров В. А.* «Духовный озорник»: К портрету князя Д. П. Мирского, критика и историка литературы // Русская литература. – 1994. – № 4. – С.134–141; перепечатано в сб.: Петербургский текст: Из истории русской литературы 20–30-х годов XX века / Под ред. В. А. Лаврова. – СПб., 1996. – С. 136–147.

[34] См., напр.: Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступит. ст., публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. Т. 2. – СПб., 2001. – С. 349–367; Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922) (Публикация В. В. Перхина) // Русская литература. – 2008. – № 4. – С. 143–148.

[35] *Зубарев Д. И.* Князь и вождь (исследование). М., 2015; URL: http://scepsis.net/library/id_3720.html (последнее обращение: 05.09.2017).

[36] *Smith G. S.* Marina Tsvetaeva i D. P. Svyatopolk Mirsky // Marina Tsvetaeva. Actes du 1er colloque international, ed. Robin Kemball. – Bern, 1991. – P. 192–206; и уже упомянутая ранее работа: *Smith G. S.* D. S. Mirsky and Hugh McDiarmid: A Relationship and an Exchange of Letters (1934) // Slavonica. – 1996/97. – Vol. 3. – № 2. – P. 49–60. Обе

появляются исследования, рассматривающие историко-литературные оценки Святополк-Мирского применительно к конкретным писателям[38].

Наиболее востребованной частью наследия Святополк-Мирского остается его двухтомная «История русской литературы»; ей посвящены несколько специальных работ[39]. Также в недавнее время российские исследователи обратились к изучению книги Святополк-Мирского о Пушкине[40].

Первым диссертационным исследованием в России, посвященным творчеству критика, стала работа Н.Ю. Прайс «Публицистическая деятельность Д.П. Святополк-Мирского 1919–1932 гг.: творческая индивидуальность в контексте развития русской эмигрантской периодики»[41], защищенная в ФГБОУ ВПО «Кубанский государственный университет», на кафедре истории и правового регулирования массовых коммуникаций. Работа рассматривает деятельность Святополк-Мирского под углом зрения его публикационной активности в периодических органах печати русского зарубежья. Вопрос об историко-литературных взглядах Святополк-Мирского в исследовании рассмотрен факультативно. Достоинством работы следует считать привлечение широкого круга англоязычных источников.

До настоящего времени, однако, в российской филологической науке не предпринималось попытки системного анализа и последовательного описания феномена Святополк-Мирского как двуязычного литературного критика и

работы перепечатаны в кн.: *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой. – М., 2002.

[37] *Lavroukine N.* Maurice Baring & D. S. Mirsky: A Literary Relationship // Slavonic and East European Review. – 1984. – Vol. 62. – № 1. – P. 25–35; *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D. S. Mirsky on Maurice Baring // Chesterton Review. – 1988. – Vol. XIX. – № 1. – P. 51–62.

[38] *Кривенкова М.* Лев Толстой в восприятии Святополка-Мирского // Русская филология. 13: Сборник научных работ молодых филологов: Памяти Елены Швайковской / Отв. ред.: Т. Кузовкина (литературоведение), О. Паликова (лингвистика). – Тарту, 2002. – С. 116–123; *Сорокина Н. В.* Д. П. Святополк-Мирский о Г. Р. Державине // XII Державинские чтения. – Институт русской филологии. – Тамбов, 2008. – С. 30–32.

[39] *Егоров О.Г.* Неакадемические истории русской литературы первой четверти XX века (П. А. Кропоткин, Р. В. Иванов-Разумник, Д. П. Святополок-Мирский) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 1 (8). – С. 74–82; *Вэньфэй Л.* Д. П. Святополк-Мирский и его «История русской литературы» // Русская литература. – 2013. – № 3. – С. 203–212.

[40] *Черниговский Д. Н.* Первая биография Пушкина в русском зарубежье: О книге Д. П. Святополк-Мирского // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 99–105; *Черниговский Д. Н.* Биография А. С. Пушкина в литературоведении 1920–1930-х годов в СССР и русском зарубежье: генезис, эволюция, методология. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М., 2008.

[41] *Прайс Н. Ю.* Публицистическая деятельность Д. П. Святополк-Мирского 1919–1932 гг.: творческая индивидуальность в контексте развития русской эмигрантской периодики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Краснодар, 2015.

историка литературы, обращенного одновременно и к иноязычной аудитории, и к своим соотечественникам-эмигрантам.

В настоящем диссертационном исследовании предпринята попытка описать и проанализировать деятельность Святополк-Мирского как литературного критика и историка литературы в период его эмиграции, в 1920–1932 гг. В исследовании делается особый акцент на билингвизме Святополк-Мирского, на укорененности Святополк-Мирского в русской литературоведческой науке, на современных ему британских концепциях истории литературы и их усвоении российским критиком.

Святополк-Мирский рассматривается в исследовании как изнутри русско- и англоязычной сфер, так и на их пересечении.

Особое место в исследовании уделено синтетическому характеру деятельности Святополк-Мирского – как литературного критика, апеллирующего к историко-литературным реалиям, и историка литературы, использующего литературно-критические стратегии.

Источниковедческая база исследования. Архива Святополк-Мирского не сохранилось – ни в России, ни в Великобритании. В настоящем исследовании неопубликованных архивных материалов не используется.

Источниковедческой базой исследования стали тексты Святополк-Мирского. Их можно сгруппировать по двум признакам: языка и жанра.

Привлечен широкий круг опубликованных текстов Святополк-Мирского, написанных по-английски и по-русски.

К группе англоязычных текстов относятся: статьи и рецензии в британской периодической печати («The London Mercury», «The Slavonic Review», «Criterion», «The Contemporary Review», «The Outlook», «The Times Literary Supplement» и др.), а также книги Святополк-Мирского («Pushkin» (1926), «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926), «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927)).

К группе русскоязычных текстов относятся: статьи и рецензии в периодической печати русского зарубежья («Современные Записки»,

«Благонамеренный», «Дни», «Воля России», «Версты», «Евразия» и др.), а также единственная книга Мирского, вышедшая в эмиграции по-русски – «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924).

В исследовании использованы тексты Святополк-Мирского различной жанровой природы. Это систематические описания историко-литературного процесса («Contemporary Russian Literature: 1881–1925», «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)»), монография, посвященная одному автору («Pushkin»), комментированная антология («Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака»), статьи в периодической печати – обзоры, рецензии, некрологи, историко-литературные работы.

Методологическая база исследования. Основополагающими для настоящего исследования являются работы Дж. Смита и В.В. Перхина. Привлекаются также труды современных исследователей, занимающихся проблемой сравнительно-типологического изучения различных форм литературной критики (Г. Тиханов, Е. Добренко и др.).

Методологическую основу диссертации составляют структурно-описательный, культурно-исторический, историко-генетический и биографический подходы, а также методы историко-литературного сравнительного анализа. Литературно-критическая и историко-литературная деятельность Святополк-Мирского рассматриваются на фоне современных ему историко-литературных и литературно-критических работ в метрополии и эмиграции.

Целью настоящего диссертационного исследования является комплексное рассмотрение историко-литературные концепций и литературно-критических оценок Святополк-Мирского.

Для осуществления этой цели необходимо решить следующие **задачи**:

– проанализировать взаимодействие Святополк-Мирского и современных ему российских и британских литературно-теоретических и историко-литературных дискурсов;

– рассмотреть проблему жанра и стилистической эволюции в литературной критике Святополк-Мирского; описать и проанализировать проблему билингвальности Святополк-Мирского;

– проанализировать специфику историко-литературного и литературно-критического письма Святополк-Мирского в публикациях в русскоязычной и англоязычной периодической печати 1920-х гг.;

– проанализировать стратегии и концептуальные основании историко-литературных нарративов, созданных Святополк-Мирским в 1924–1926 гг. на русском («Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924)) и английском («Pushkin» (1926), «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926), «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927)) языках;

– на примере редакторской работы Святополк-Мирского в организованном им журнале «Версты» (1926–1928) показать реализацию авторской стратегии построения трансграничного пространства русской литературы.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Вопрос о методологических основаниях трудов Д.П. Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика имеет первостепенное значение для адекватного описания данной части его наследия в жанровом и стилевом аспектах.

2. Святополк-Мирский разрабатывал жанр *авторской истории литературы*.

3. В начале 1920-х гг. Святополк-Мирский был заинтересованным читателем формалистов и ретранслятором основных положений теории формалистов и их историко-литературной практики в своих англоязычных работах.

4. В своей деятельности историка литературы и литературного критика Святополк-Мирский синтезировал принцип историзации литературно-критического суждения (развиваемый русскими критиками рубежа XIX – нач. XX вв. и русскими формалистами) и принцип эстетической оценки историко-

литературного материала (заимствованный у британских историков литературы). Актуальность для Святополк-Мирского как русского, так и британского литературно-теоретического дискурсов позволила ему стать квалифицированным экспертом и интерпретатором литературной теории – как по-русски, так и по-английски.

5. Д. П. Святополк- Мирский выработал два принципиально разных подхода в работе с русскоязычным и англоязычным читателем.

По-английски Святополк-Мирский выступал в роли «русского среди иноязычных», являясь информантом и проводником сведений о современной русской литературе. Ознакомительная функция англоязычных публикаций Святополк-Мирского не исключает, однако, привнесения субъективных оценок самого критика.

По-русски Святополк-Мирский позиционировал себя в качестве полемиста, декларирующего свои внеконвенциональные взгляды.

Разница подходов к разноязычной аудитории породила разницу в восприятии деятельности Святополк-Мирского. С английский точки зрения, он – академический ученый, работающий в журналистике. С русской – публицист, осваивающий пространство академической науки.

6. По Святополк-Мирскому, историк литературы занимается историей литературных форм. Литературный критик, в свою очередь, должен обладать свойствами и знаниями историка литературы. Таким образом, идеальный литературный критик – это историк предшествующей литературы, занимающийся актуальной критикой. По сути, это – тот, кем Святополк-Мирский видел себя самого.

7. Для литературно-критической деятельности Д. П. Святополк-Мирского характерны следующие черты:

– акцент на историко-литературные параллелях анализируемого текста (как в сфере литературной классики, так и в современной литературе);

– соотнесение четырех составляющих текста – композиции, характерологии персонажей, языка и идейного содержания;

– преобладающее внимание к «словесной выразительности» и «словесной культуре»;

– иерархизующая оценка текста без эксплицитной мотивировки.

8. В эмиграции Д. П. Святополк-Мирский выступает последовательным сторонником и пропагандистом постсимволистской и постакмеистической поэтики и эстетики; творчество Б. Л. Пастернака, М. И. Цветаевой, А. М. Ремизова становится для него определяющими вехами в развитии русской литературы. Однако явное сочувствие модернистской поэтике Пастернака и Цветаевой не исключает для Святополк-Мирского актуальности идеи «нового классицизма».

9. Субъективизм историко-литературных суждений и оценок, являющийся одной из наиболее характерных черт творчества Д. П. Святополк-Мирского, необходимо соотносить с фактом тщательного знакомства критика с новейшими достижениями русской историко-литературной науки.

10. В русской эмигрантской среде Д. П. Святополк-Мирский пропагандировал новейшие достижения русской словесности. Он утверждал определенную систему ценностей, которая предполагает обращенность в будущее, «создание новых ценностей» и при этом – органическую историзацию современности. Практическим выражением этого устремления стало издание в 1926–1928 гг. журнала «Версты».

Структура работы. Диссертационное исследование состоит из введения, трех глав, заключения и списка литературы.

Глава 1. Между историей литературы и литературной критикой

1.1. Д.П. Святополк-Мирский и российский литературно-теоретический контекст

Вопрос о методологических основаниях работ Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика имеет первостепенное значение. Без понимания этих принципов невозможно адекватно ни описать, ни оценить литературно-критические выступления и историко-литературные труды Святополк-Мирского.

Дж. Смит отметил, что Святополк-Мирский «не старался щеголять теоретическими принципами и предпосылками <…> Во всех своих сочинениях Мирский ни разу не излагает свою теоретическую программу»[42]. Между тем, еще на начальном этапе своей деятельности в качестве литературного критика и историка литературы, в 1922 г. Святополк-Мирский отмечал (показательным образом – в частном письме): «Мои интересы скорей историко-литературные и методологические»[43].

Святополк-Мирский ощущал себя если не представителем академической филологической науки, то, по меньшей мере, человеком, близко причастным к судьбам российской филологии. Неслучайно в 1924 г. он заметил: «… и вообще в нашей науке открыты пока что только мнимые законы»[44]. «Наша наука» – это русская филология.

Наиболее развернутое высказывание Святополк-Мирского о русской филологии как науке содержится в статье «О московской литературе и протопопе Аввакуме» (1925): «Чтобы “открыть” допетровскую литературу, нужно уметь ее читать и понимать, для этого мало энтузиазма и вкуса, а надо много знаний. <…>

---

[42] *Смит Дж.* Параболы и парадоксы Д. Мирского // *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 22–23.
[43] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931 / Comp. and ed. by G. S. Smith. – Birmingham, 1995. – (Birmingham Slavonic Monographs, 26). – P. 19.
[44] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. П. Святополк-Мирский. – Новосибирск, 2010. – С. 9.

Тут надо быть филологом. А филологи народ особенный, – русские филологи, специалисты по допетровской литературе, чистые люди науки и субъективных оценок боятся как огня. Их дело установить филиацию редакций, источники, изводы, воспроизвести с палеографической точностью, но подите, спросите у академика Перетца о литературных достоинствах Симеона Полоцкого или Кирилла Транквиллиона, – он вам скажет, что это не его дело. Осуждать его за это не приходится, наоборот, мы должны быть ему искренно благодарны за его добросовестные и надежные работы и, вспомнив Иванова-Разумника, Венгерова и Пыпина, почесть себя счастливыми, что хоть в одной привилегированной области у нас есть исследователи, а не публицисты[45]. Такая наука, как представляемая <а>к<адемиком> Перетцом, необходима. Но она не достаточна, если мы хотим почувствовать живую связь с нашей словесной стариной. Тут нужен энтузиазм, желание заразить читателя своим восхищением»[46].

Здесь хорошо различимы несколько принципиальных положений:

1) Филология – академическая дисциплина, с четко установленными процедурами. Высшее воплощение филологии как «чистой науки» – исследования древнерусской литературы. Ее характерная черта – отсутствие субъективных оценок.

2) Широко известные не-академические историки русской литературы – не ученые и не популяризаторы, а публицисты, т.е. не являются ни генераторами, ни передатчиками научного знания.

3) Академическая филология необходима, но не достаточна для того, чтобы изучаемая ею литература стала актуальной для современного читателя.

В 1920 г., в своей первой статье, написанной и опубликованной в эмиграции, Святополк-Мирский постулировал: «Изучение литературной истории

---

[45] Ср. с более поздним высказыванием Г. П. Федотова в книге «И есть и будет. Размышления о России и революции» (Париж: Издательство «Новый Град», 1932) об изучении русской литературы до революции: «Эта дисциплина всегда была в позорном загоне в русских университетах. Вместо художественного слова изучались нередко направления публицистической мысли – “интеллигенциология”» (*Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 5: И есть, и будет / Примеч. С. С. Бычков. – М., 2011. – С. 105–106).

[46] *Святополк-Мирский Д., кн.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. – 1925. – № 4. – С. 338–350. Цит. по: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature / Ed. by G. S. Smith. – Oakland, 1989. – (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts. Vol. 13). – P. 145–155.

в России находится в постыдном состоянии»[47]. Последующая деятельность Святополк-Мирского как историка литературы и литературного критика должна быть увидена в перспективе именно этого высказывания.

Представляются релевантными и не получившими до настоящего времени должного рассмотрения следующие вопросы. – Были ли у Святополк-Мирского основания для столь ригористичной оценки 1920 г.? Насколько они были подкреплены конкретным материалом? Какое выражение нашли в опубликованных работах Святополк-Мирского его «историко-литературные и методологические интересы»? Каким образом Святополк-Мирский абсорбировал достижения предшествующей и современной ему российской филологической науки? Каково место Святополк-Мирского в актуальной российской филологии 1920-х годов?

Свой тезис о «постыдном состоянии» русской истории литературы Святополк-Мирский в том же тексте 1920 г. обосновывал следующим образом: «У нас нет даже сносной антологии; у нас нет отвечающего всем требованиям издания Пушкина; у нас нет надежной книги по просодии» (26). Собрание сочинений Пушкина под редакцией С.А. Венгерова[48] Святополк-Мирский аттестует как «урода, подобного тому, который был описан Горацием в первых строчках “Ad Pisonem”: там можно найти все, кроме понимания Пушкина» (26). Впоследствии, в книге о Пушкине (1926) Святополк-Мирский даст этому изданию развернутую характеристику: «Самым нелепым из всех изданий является издание Брокгауза и Ефрона (1907–1916), в шести больших томах in quarto, под редакцией покойного профессора С.А. Венгерова. Это памятник бесконечному трудолюбию и бесконечно дурному вкусу. Тексты произвольны, полный промискуитет законченных и незаконченных сочинений, иллюстрации разнородны, и большинство их на редкость безобразны. Издание содержит множество вступлений, комментариев и биографических материалов, значительная часть

---

[47] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В. В. Перхина. – СПб., 2002. – С. 26. Впервые: *Mirski D. S.* A Russian Letter: The Symbolists – I // The London Mercury. – 1921 (February). – Vol. III. – № 16. – P. 427–429.

[48] Библиотека великих писателей. Пушкин / под ред. проф. С. А. Венгерова. [В 6 т.] Т. 1–6. – Пг., 1915.

которых большей частью бессмысленна, хотя иные из них и незаменимы для любого исследователя Пушкина»[49]. В «Русском письме» Святополк-Мирский также крайне негативно отозвался о собрании сочинений Е.А. Баратынского под ред. М.Л. Гофмана[50]: «это памятник aere perennius [крепче бронзы] тому, как не следует редактировать поэта» (26)[51].

Поводы для оптимизма Святополк-Мирский в 1920 г. находил в историко-литературных работах В.Я. Брюсова («который, возможно, является нашим единственным поэтом, не лишенным чувства метода», 26), Н.И. Розанова и деятельности «молодых московских поэтов», собравших «обширные материалы для изучения русской просодии»[52] (26). Святополк-Мирский упоминает также неопубликованную рукопись книги А.И. Белецкого «о писательницах периода 1830–1860-х годов» и «миниатюрное эссе» М.И. Лопатто «Повести Пушкина. Опыт введения в теорию прозы» (Пг., Одесса, 1918) (27). Однако заканчивает этот обзор Святополк-Мирский почти нигилистически: «Все эти начинания могут оказаться временными проблесками. <…> … следующее поколение, возможно, будет вовсе неграмотным, обученным лишь борьбе и мародерству вместо чтения и письма» (27).

Это самое первое – и весьма эмоциональное – высказывание Святополк-Мирского о судьбах русской науки о литературе и литературной критике позволяет, как представляется, увидеть перспективу деятельности Святополк-Мирского в качестве проводника достижений новой русской филологии на Западе.

Приехав в Великобританию в середине 1921 г., Святополк-Мирский в 1922–1931 гг. преподавал в Школе славянских исследований при Королевском

---

[49] *Mirsky D. S.* Pushkin. Introd. G. Siegel. – New York, 1963. – P. 231.

[50] *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. – СПб., 1914–1915. – (Акад. б-ка рус. писателей; Вып. 10–11).

[51] Но уже в 1922 г. в англоязычном обзоре «Новые книги о Пушкине и его эпохе» (*Mirsky D. S.* Recent Books on Pushkin and His Times // The Slavonic Review. – 1922. – Vol. 1. – № 2. – P. 475–478) Святополк-Мирский исключительно высоко оценит пушкиноведческие работы Гофмана, в первую очередь – книгу «Пушкин. Первая глава науки о Пушкине» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 36–37).

[52] Речь явным образом идет о круге издательства «Мусагет» и С. П. Боброва и о работах Боброва, в частности: *Бобров С. П.* Новое о стихосложении А. С. Пушкина: Трехдольный паузник у Пушкина; Разбор статьи В. Я. Брюсова о технике Пушкина; Добавления; Объяснительные примечания. – М. , 1915.

колледже Лондонского университета (The School of Slavonic Studies of King's College, London University). По словам Дж. Смита, «получив место преподавателя в Школе, Святополк-Мирский стал первым и единственным штатным академическим специалистом по русской литературе в Великобритании»[53]. Школа была основана в 1922 г. крупным английским славистом сэром Бернардом Пэрсом[54]; в одно время с Святополк-Мирским в ней работали Г. Вильямс и барон А.Ф. Мейендорф. Вместе с Р.У. Ситоном-Уотсоном и Г. Вильямсом Пэрс создал и периодическое издание Школы, «The Slavonic Review» («Славянское обозрение», с 1928 г. и по настоящее время оно носит название «The Slavonic and East European Review»), один из старейших и наиболее авторитетных в мире славистических журналов. Все преподаватели могли (и даже должны были) публиковаться в этом журнале; по словам самого Пэрса, «сотрудничество в нем явля[лось] непременной обязанностью каждого штатного сотрудника»[55]. Все годы своей работы в Школе Святополк-Мирский регулярно печатался в «The Slavonic Review»[56]. Ему принадлежат статьи, рецензии, некрологи и переводы, общим числом свыше шестидесяти, посвященные самые разнообразным сюжетам и именам в истории русской литературы и культуры. Первой публикацией Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» стала рецензия 1922 г. на книгу Брюсова «Наука о стихе», последней, в 1931 г., – обзор английских переводов современной русской прозы (любопытно отметить, что в пределах одной рецензии Святополк-Мирский рассматривает книги Неверова, Ильфа и Петрова,

---

[53] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 94.

[54] Б. Пэрс (Sir Bernard Pares, 1867–1949) в течение десяти с лишним лет лондонской жизни Святополк-Мирского был не только его работодателем, но и поручителем перед английскими властями, ежегодно возобновляя это поручительство, дававшее Святополк-Мирскому возможность жить и работать в Великобритании. Идеологическая эволюция Святополк-Мирского привела к затяжному и мучительному для обеих сторон конфликту, результатом которого стал уход Святополк-Мирского из Школы славянских исследований. Подробнее см.: *Казнина О. А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М., 1997. – С. 140–145.

[55] Цит. по: Там же. – С. 141.

[56] В «The Slavonic Review» печатались и рецензии на книги самого Святополк-Мирского. См., напр., рецензию Б. Пэрса на «Историю русской литературы» (*B. P.* <*Pares B.*> [Rev.] A History of Russian Literature by Prince D. S. Mirsky // The Slavonic Review. – 1927. – Vol. 6. – № 16. – P. 233–234) и рецензию А. Тырковой-Вильямс на изданную Мирским «Русскую лирику. Маленькую антологию от Ломоносова до Пастернака» (*Williams A.* [Rev.] Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D. S. Mirsky // The Slavonic Review. – 1924 (June). – Vol. 3. – № 7. – P. 205–207).

Катаева, Либединского, Гладкова, Фадеева, Панферова, Одоевцевой, Лукаша, Осоргина и Чирикова)[57].

В разные годы Святополк-Мирский с различной интенсивностью участвовал в журнале. Например, в 1924 г. Святополк-Мирский «предлагал Б. Пэрсу план серии публикаций русской литературы XVII века в <«The Slavonic Review»>. В серии он предлагал включить произведения А. Палицына, И. Тимофеева, царя Алексея Михайловича, Аввакума»[58]. По предположению О.А. Казниной, «<п>ереводить, во всей видимости, собирался он <Святополк-Мирский> сам»[59], но этот проект так и не получил воплощения.

Помимо преподавания в Школе[60] и участия в «The Slavonic Review», Святополк-Мирский был занят написанием книг, статей в русской эмигрантской, английской и французской периодической печати, редакторской работой в журнале «Версты» и газете «Евразия» и др. Обязательный характер участия в «The Slavonic Review» как преподавателя Школы славянских исследований, однако, нисколько не уменьшает ценность опубликованных Святополк-Мирским в журнале текстов. На основании опубликованной библиографии можно привести следующую статистику участия Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» (по годам):

1922 г.: 6 публикаций (в т.ч. 5 рецензий, 1 некролог).

1923 г.: 7 публикаций (6 рецензий, 1 перевод).

1924 г.: 11 публикаций (8 рецензий, 2 некролога, 1 статья).

1925 г.: 7 публикаций (5 рецензий, 1 некролог, 1 статья).

1926 г.: 8 публикаций (6 рецензий, 1 некролог, 1 статья).

1927 г.: 6 публикаций (5 рецензий, 1 статья).

1928 г.: 5 публикаций (4 рецензии, 1 статья).

---

[57] *Mirsky D. S.* Recent English translations of contemporary Russian fiction // The Slavonic and East European Review. – 1931. – Vol. 9. – № 19. – P. 752–763.

[58] *Казнина О.А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – С. 120–121.

[59] Там же. – С. 121.

[60] О своем преподавании Святополк-Мирский отозвался в письме к А. М. Ремизову (октябрь 1925 г.) следующим образом: «… ужасно много дела, и самого скучного и хлопотного, корректуры и учение, которого я терпеть не могу» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929 / Публ. Р. Хьюза // Диаспора: Новые материалы. – СПб., 2003. – Вып. 5. – С. 371).

1929 г.: 9 публикаций (5 рецензий, 2 статьи, 1 некролог, редактирование раздела).

1930 г.: 3 публикации (1 рецензия, 1 некролог, 1 перевод).

1931 г.: 3 публикации (2 рецензии, 1 статья)[61].

Некоторые из этих публикаций в переработанном виде вошли позже отдельными фрагментами в «Историю русской литературы», другие получили и русскоязычное воплощение (напр., рецензии и статьи о М. Цветаевой, некролог С. Есенину и др.).

За почти десять лет активного сотрудничества с лондонским «The Slavonic Review» Святополк-Мирский создал на английском языке своеобразную комментированную хронику важнейших достижений русской филологической науки 1920-х годов. Но эта хроника носит не только информационный – для англоязычного академического читателя – характер. Рецензии Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» характеризуются и значимыми высказываниями самого Святополк-Мирского по актуальным вопросам российской филологической науки. Помимо рецензий, опубликованные в журнале статьи (напр., «Пушкин» (1923), «Древнерусская литература» (1924), «Декабристы» (1925), «Евразийское движение» (1927), «Периоды русской литературы» (1931)) принадлежат к числу важнейших текстов Святополк-Мирского.

Мы не располагаем сведениями, кто определял выбор тех или иных книг на рецензию – сам ли Святополк-Мирский или редакция журнала. В начале 1923 г. в письме к П.П. Сувчинскому Святополк-Мирский определит свою «работ<у> по Университетскому славянскому журналу» как «чисто механическ<ую>»[62]. Однако в любом случае во многих публикациях Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» хорошо различим исключительно пристальный интерес к работам по теории литературы и поэтике.

---

[61] «Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929). Публ., вступит. ст. и коммент. О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; пер. с англ. М. В. Ефимова // Русская литература. – 2013. – № 2. – С. 201–202.

[62] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 21.

«Методологические интересы», о которых Святополк-Мирский упоминал в 1922 г., нашли свое исключительно яркое выражение в отношении Святополк-Мирского к наиболее значительной новации в русской науке о литературе 1920-х гг., формальной школе.

Нетрудно заметить изначальные точки схождения между Святополк-Мирским и формалистами. Святополк-Мирский был сверстником формалистов, и принципиальное значение имеет тот факт, что он, как и многие из них, учился в Санкт-Петербургском университете в конце 1900-х и в 1910-е гг. В свой первый университетский год (1908) Святополк-Мирский, хотя и учился на китайском отделении факультета восточных языков, посещал Пушкинский семинарий С.А. Венгерова[63]. Мы не имеем документальных свидетельств о личном дореволюционном общении Святополк-Мирского с будущими русскими формалистами, но факт достаточно раннего знакомства с Жирмунским[64] делает такое предположение правдоподобным.

Святополк-Мирский и формалисты были укоренены в дореволюционной русской филологической культуре[65]. Вместе с тем они внимательно следили за новейшими достижениями европейской мысли (причем, сколько можно судить, не только гуманитарной – это, в особенности, характерно для Святополк-Мирского и Шкловского, ценителей технического не-филологического[66] знания).

---

[63] Любопытно, что в опубликованном в 1914 г. списке участников семинария Святополк-Мирский упомянут как поэт: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. – P. 47, со ссылкой на: Пушкинист: Историко-литературный сборник / Под ред. проф. С. А. Венгерова. [I]. – СПб., 1914. – С. 238.

[64] «Святополк-Мирский учился в 1-й петербургской гимназии. Там же учился и Жирмунский (См.: *Лавров А. В.* В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. В. Раушенбах. – М., 1996. – С. 339). Дж. Смит называет Святополк-Мирского «школьным товарищем» Жирмунского, «одноклассником» (*Smith G.S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. P. 57, 261). В 1907 году они печатались в одном сборнике «для учащихся русской средней школы» – «Звенья» (Письмо Д.П. Святополк-Мирского В.М. Жирмунскому (1922) (Публикация В. В. Перхина) // Русская литература. – 2008. – № 4. – С. 147).

[65] См. обзор русской до- и пореволюционной русской филологической науки «Буря и натиск: история литературы, общественная и философская критика. Символизм. Народничество. Политика и литературная критика. Политика и литературная критика до и после октябрьского переворота»: *Сегал Д. М.* Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. – М., 2011. – С. 42–82.

[66] Святополк-Мирский был в состоянии заметить даже о глубоко чтимом им Лескове: «… да и в древней географии он <…> не силен» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфи Зерновой. – Новосибирск, 2007. – С. 497). Ср. с замечанием о Случевском: «… он хорошо знал современную научную литературу. У него было великолепное видение мира, позволявшее наслаждаться безграничным многообразием живых существ и предметов. Его “географические” стихи, особенно вдохновленные русским Севером и мурманским побережьем, принадлежат к числу лучших» (Там же. – С. 502).

Годы революции и гражданской войны были для русских формалистов не только периодом историко-литературных «бури и натиска», но и периодом исключительно важным в их личных биографиях. Самый яркий пример этого – В. Шкловский, и неслучайно Святополк-Мирский многократно выделял «Сентиментальное путешествие» как одно из важнейших свидетельств о русской революции[67]. Можно предположить, что Шкловский занимал Святополк-Мирского не только как исключительно яркая фигура в литературе и литературоведении, но и потому, что биография Шкловского совмещала филологию и непосредственный опыт войны и революции[68]. Для Святополк-Мирского, боевого офицера, прошедшего две кровопролитные войны, это было более чем существенно. Собственно, если говорить о каком-либо биографическом параллелизме, то – пусть и со всеми оговорками – оно и применимо только к Святополк-Мирскому и Шкловскому[69].

Начало печатной литературно-критической работы Святополк-Мирского на английском языке датируется концом 1920 г. К этому времени в 1919 г. уже опубликованы два выпуска «Поэтики» – «сборников по теории поэтического языка»[70], а также первые – и самые знаменитые – работы Шкловского. Святополк-Мирский явным образом был знаком с этими опоязовскими публикациями. Осведомленность Святополк-Мирского в вопросах современной российской литературной теории может показаться странной, однако в декабре 1922 г. Святополк-Мирский писал своему наиболее доверенному корреспонденту, П.П. Сувчинскому: «Теперь я особенно занят вопросом о смене школ в русской поэзии и вопросом о понятии литературной школы»[71].

---

[67] См., в частности, в «Contemporary Russian Literature: 1881–1925»: «Мемуаров о 1917 г. существует множество: немногие из них являются литературой, но среди этих немногих такие замечательные вещи как “Взвихренная Русь” Ремизова и “Фронт и революция” (первая часть “Сентиментального путешествия”) Виктора Шкловского» (Там же. – С. 724). См. также: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 256, 269.

[68] Неслучайно Святополк-Мирский особо выделял из всех русских поэтов Н. С. Гумилева, пошедшего воевать на фронт в годы Первой мировой войны.

[69] Нелишне также заметить, что для Святополк-Мирского мог быть актуальным еще один ракурс – знаменитая страсть Шкловского к публичным «скандалам». В среде русской эмиграции Мирский и сам воспринимался как «скандалист». Заметим также, что имена Шкловского и Мирского впрямую – и резко негативно – сопрягал В. Ходасевич в своей известной статье «О “Верстах”» (Современные записки. – 1926. – № 29. – С. 439–440).

[70] До того – «Сборники по теории поэтического языка», вып. I–II (Пг., 1916–1917).

[71] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 19.

Чрезвычайно важно, что вопрос, которым Святополк-Мирский «особенно занят», – это вопрос, над разрешением которого в это самое и последующее время и будут работать формалисты. В письме к В.М. Жирмунскому (ноябрь 1922 г.) Святополк-Мирский пишет об истории русского стиха и конкретных стиховедческих вопросах с той детализацией, которая свидетельствует об исключительно подробном знакомстве и свободном владении материалом[72]; Святополк-Мирский публично обнаружил их в примечаниях к своей антологии «Русская лирика»[73].

Исключительно важным является то обстоятельство, что главные фигуры русского формализма – Шкловский, Тынянов, Эйхенбаум – были одновременно и историками литературы, и теоретиками, и литературными критиками. К. Депретто формулирует это так: «… в конкретных разборах теоретические размышления играют ничуть не меньшую роль, чем в статьях на общие темы. Формалисты стоят у истоков оригинального подхода к истории литературы, при котором она интерпретируется через призму литературы современной. Это их собственное открытие, принесшее неожиданные результаты, открытие абсолютно оригинальное»[74].

---

[72] При этом Святополк-Мирский – с учетом всех условностей – в приватном кругу отзывался о своих познаниях критически. Так, о своей статье «О московской литературе и протопопе Аввакуме» Мирский писал П. П. Сувчинскому (письмо от 8 октября 1924 г.): «Для англичан я знаю достаточно, для русских ничего не знаю, особенно для Евразийцев» (Ibid. P. 30), а в письме к А. В. Тырковой (от 23 января 1926 г.) – о своей книге о Пушкине: «Очень благодарен буду за критику моей книги, которая (критика), боюсь, будет очень (и по справедливости) строга. Единственное оправдание моей весьма легкомысленной книги, что она написана для иностранцев. Критики истинного пушкиниста они ни минуты не выдержит» (D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova-Williams, with an Unpublished review by Ariadna Tyrkova-Williams / Ed. by G. S. Smith // The Slavonic and East European Review. – 1993. – Vol. 71. – № 3. – P. 484).

[73] См., напр.: «Что же касается до диподий в 4-ст<опном> дактиле, анапесте и т. д., они существовали у нас независимо от англичан: наш XVIII в. рассматривал 4-ст<опный> анапест (и пр.) как длинный стих, требующий цезуры (langver<s>), таков он у Державина, хотя и с характерными для Державина константами. У него же и вариации анакрусы (“Ласточка”), и пропуски слогов in caesura <…> Кажется, как раз Жуковский (не под влиянием ли Шиллера?) внес большую строгость в трехсложные размеры. <…> Кстати о трехсложных размерах. Ямб действительно самый разговорный еще по одному соображению. В трехсложных размерах в среднем одно ударение приходится на 3,3 слога (или очень немногим меньше); в 4-ст<опном> ямбе это отношение приблизительно 2,7–2,8. Я делал подсчеты частоты ударений в русской прозе и выходило около 2, 6–2,7» (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). – С. 145). Исправляем неверно прочитанное публикатором иноязычное слово в рукописи: «langvers» (нем.).

[74] *Депретто К.* Формализм в России: предшественники, история, контекст / Авториз. пер. с франц. В. Мильчина. – М., 2015. – С. 116–117.

В другом месте К. Депретто справедливо замечает: «Литературная критика всегда была и хотя бы отчасти остается по сей день дисциплиной, предмет которой определен весьма неясно и оправданность существования которой нередко ставится под сомнение. В России в период с 1880 г по 1914 г. сфера литературной критики была столь же неопределенной и включала в себя самые разнообразные практики: размышления журналистов, эссе писателей или

Одновременность взаимодополняющей и взаимообусловленной литературно-критической и историко-литературной работы – это, однако, то «открытие формалистов», которое сделали не только они (достаточно вспомнить немецких романтиков), но и – в кругу их современников[75] – Святополк-Мирский. Представляется плодотворным сопоставить стратегию Святополк-Мирского с программой, заявленной Тыняновым и Якобсоном в «Проблемах изучения литературы и языка» (1928), в особенности – в тезисах 4 и 5[76].

Святополк-Мирский неслучайно определял в цитированном выше письме свои интересы как «скорей историко-литературные и методологические». Отсюда и тотальная диахронизация любого его литературно-критического высказывания о современной литературе. Можно сказать, что «литературную критику» Святополк-Мирский превращает в «историю», т.е. всякое явление в современной ему литературе он подвергает «мгновенной историзации»[77], т.е. оперирует на пересечении двух осей, синхронической и диахронической. Синхрония (литературная критика) и диахрония (история литературы) дают в случае Святополк-Мирского плодотворный синтез: в любом синхроническом срезе Святополк-Мирский видит его диахроническое измерение. В известном смысле, чаемый Тыняновым и Якобсоном синтез эволюционного и системного описания[78] и реализован Святополк-Мирским в двух томах его англоязычной «Истории русской литературы»[79].

Как много позже, в середине 1960-х гг., писал Р. Якобсон, «терминологическое смешение “литературоведения” и “критики” нередко ведет к тому, что исследователь литературы заменяет описание внутренних значимостей

мыслителей, научные исследования, выполненные по преимуществу университетскими профессорами» (Там же. – С. 29).

[75] В частности, особого рассмотрения заслуживает синтез историко-литературного и литературно-критического дискурсов в творчестве русских символистов и постсимволистов, а также критиков-публицистов 1900–1910-х гг.

[76] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. и комментарии Е. А. Тоддеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. – М., 1977. – С. 282–283.

[77] В этом одним из предшественников Святополк-Мирского был В. Г. Белинский, о котором Святополк-Мирский публично предпочитал высказываться весьма критически.

[78] Ср. тезис 3: «Используемый в литературе как литературный, так и внелитературный материал только тогда может быть введен в орбиту научного исследования, когда будет рассмотрен под углом зрения функциональным» (*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 282).

[79] О. Ронен приводит позднее (1960–1970-х гг.) высказывание Р. Якобсона, свидетельствующее о том, что и в то время Якобсон помнил об историко-литературных трудах Мирского 1920-х гг. (см.: *Ронен О.* Заглавия. Четвертая книга из города Энн: Сборник эссе. – СПб., 2013. – С. 283).

(intrinsic values) литературного произведения субъективным, оценочным приговором. Название “литературный критик” столь же мало подходит исследователю литературы, как название “грамматический (или “лексический”) критик” – лингвисту <…> никакой манифест, навязывающий литературе вкусы и мнения того или иного критика, не заменит объективного научного анализа словесного искусства. Не следует, однако, полагать, будто это утверждение означает проповедь пассивного принципа laissez faire; в любых сферах речевой культуры необходима организация, планирующая, нормативная деятельность».[80]

Сам Святополк-Мирский дал своей «нормативной деятельности» любопытную поколенческую мотивировку: «Общей панорамы, которую так охотно дают иностранцы, не обремененные слишком большими познаниями, и которую так трудно дать русскому, чье знакомство с мельчайшими деталями мешает широте обзора, – так вот, общей панорамы тут не будет. <…> Мои суждения могут быть личными и субъективными, но эта субъективность вызвана не партийно-политическими, а литературными и “эстетическими” пристрастиями. Однако и тут у меня есть смягчающее обстоятельство: я полагаю, что мой вкус до некоторой степени отражает вкусы моего литературного поколения и что компетентному русскому читателю мои оценки не покажутся парадоксальными. Но если русский читатель и поймет меня с первого взгляда, боюсь, что англосаксонский интеллектуал (ведь на самом деле русской литературой интересуются только интеллектуалы) найдет некоторые мои оценки в высшей степени странными»[81].

Обращают на себя внимание слова о «компетентном русском читателе», который будет читать его англоязычную «Современную русскую литературу: 1881–1925» и который поймет Святополк-Мирского «с первого взгляда». Представляется, что этот собирательный «компетентный читатель» – человек,

---

[80] *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. Пер. с англ., франц., нем., чешского, польск. и болгар. Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. Сост. М. Я. Поляков. Пред. В. П. Крутоуса. – М., 1975. – С. 196 (пер. с англ. И. А. Мельчука).

[81] *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 454, 456; *Mirsky D. S.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – P. VIII, IX.

знакомый с формалистской проблематикой литературной эволюции и литературных поколений.

Уже в одной из своих первых рецензий в журнале «The Slavonic Review» (июнь 1922 г.) – на книгу Жирмунского «Брюсов и наследие Пушкина»[82] – Святополк-Мирский называет Жирмунского «одним из наиболее выдающихся ученых в области теории литературы или, как это называют в России, “поэтики”»[83].

Святополк-Мирский неоднократно возвращался к тезису, изложенному Жирмунским в 1922 г. в «Задачах поэтики»[84], причем здесь важна не только интеллектуальная солидарность Святополк-Мирского с Жирмунским по конкретному поводу, но и акцент на «убедительности научного факта» историко-литературной работы исследователя в противовес предшествующему «угадыванию».

В том же номере «The Slavonic Review» в рецензии на петроградский журнал «Начала» (1921)[85] Святополк-Мирский особо выделяет отклики Жирмунского на книги формалистов: «Среди них наиболее интересны принадлежащие В. Жирмунскому: о трех новых исследованиях по теории литературы – брошюре Якобсона о поэте-футуристе Хлебникове и книгах Виктора Шкловского о Розанове, “Тристраме Шенди” Стерна и “Теории романа”.

---

[82] *D.S.M.* [Rev.] Valery Bryusov i nasledie Pushkina. (Bryusov and the Legacy of Pushkin). V. Zhirmunsky. Petrograd («Elzevir»). 1922 // The Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 266.

[83] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 34.
Представляется оправданной и перспективной мысль К. Депретто о том, что «более плодотворно говорить о русских формализмах во множественном числе, перестав принимать за точку отсчета один ОПОЯЗа, как это делается в большинстве случае еще сегодня. Например, Жирмунский (хотя его, как правило, не включают в формалисткую плеяду, поскольку он полемизировал с ОПОЯЗом и навлек на себя обвинения в эклектизме) представляет собой, возможно, фигуру наиболее близкую к формализму “западного” типа» (*Депретто К.* Формализм в России: предшественники, история, контекст. – С. 15).

[84] «Одним из наиболее убедительно обоснованных результатов изучения Жирмунским Пушкина является вывод, что стиль Пушкина тесно связан с классическим стилем XVIII в. И что, с другой стороны, позднейшие поэты XIX в. в своем стиле не были последователями Пушкина, но продолжали романтическую традицию, которую принес Жуковский из Англии и Германии. Главные характеристики стиля Пушкина – это редкие метафоры и весьма традиционное их употребление, его исключительное пристрастие к тропам метонимического типа и его совершенное владение “логикой речи”. Всё это более или менее угадывали все, кто изучал Пушкина, но Жирмунский дает этому убедительность научного факта» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 34).

[85] *D.S.M.* [Rev.] Nachala: Zhurnal istorii literatury i istorii obshchestvennosti. (First Principles: A Review of Literary and Social History) by The Academicians S. Oldenburg; S. Platonov // The Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 266–267.

Они показывают, как много было сделано в этом направлении плеядой молодых русских исследователей»[86].

Явным образом Святополк-Мирский заинтересован не только авторством Жирмунского, но и рецензируемыми работами (к слову, данная рецензия Святополк-Мирского содержит первое упоминание им имени и работы Р. Якобсона). Однако меньше чем через полгода, в ноябре 1922 г., в письме к Жирмунскому Святополк-Мирский утерждал: «Только в Ваших (и, кажется, Томашевского, кот<орого> я, впрочем, мало знаю) работах мне видится истинный путь и метод историко-лит<ературного> исследования. Особенно ценной мне кажется Ваша центральная мысль о целесообразности приемов»[87].

Это, казалось бы, уже задает некоторую линию сопротивления раннему формализму (с Жирмунским в качестве союзника)[88], но в том же письме Святополк-Мирский продолжает: «Преподавая Русскую литературу в Londonском университете (King's College), мне все приходится сталкиваться с изумительным убожеством и непроходимым кретинизмом всей нашей литературы о Русской литературе. Какое глубокое уныние охватывает по прочтении какой-нибудь книги Нестора Котляревского или какого-нибудь Замятина. До нынешнего времени я от этого воздерживался, теперь иногда приходится. Вы же и Ваши друзья делаете поистине великое культурное дело. По мне уж лучше кривлянья Виктора Шкловского, чем ce sombre crétinisme de naguére»[89].

Слова о «кривляньях» Шкловского осталась в частном письме ноября 1922 г., а в августе 1923 г. Святополк-Мирский закончил работу над своей «маленькой антологией от Ломоносова до Пастернака», «Русской лирикой». В предисловии к антологии Святополк-Мирский впервые высказался печатно по-русски об одном

---

[86] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 35.
[87] Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). – С. 144.
[88] В письме к П. П. Сувчинскому от 19 декабря 1924 г. Святополк-Мирский писал о Жирмунском: «… впрочем, его формалисты не считают за своего, см. последний номер Печати и Революции» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 36–37, подчеркнуто Святополк-Мирским). Речь идет о подборке материалов «К спорам о формальном методе» в журнале «Печать и революций» (1924. № 1. С. 1–38) (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 178).
[89] Этот мрачный кретинизм недавнего прошлого (фр.).
Письмо Д. П. Святополк-Мирского В.М . Жирмунскому (1922). С. 146. В. В. Перхин предполагает, что, «возможно, имеется в виду Г.А. Замятин (1882–?) – историк, в начале 1920-х годов профессор Воронежского университета» (С. 148).

из становых хребтов формализма – теории литературной эволюции – и при этом атаковал Шкловского: «Наш способный и самонадеянный современник Виктор Шкловский хотел даже открыть <…> общий закон литературной эволюции (“канонизация младших линий”). Закона тут, конечно, никакого нет (да и вообще в нашей науке открыты пока что только мнимые законы), но явление это встречается нередко. Дело, однако, не только в этом: каждая большая литературная школа (это не закон, а эмпирическое обобщение) проходит как бы некоторый период утробной жизни, когда все ее главные тенденции намечены, но ни одна не нашла себе убедительного выражения»[90].

Слова о том, что «в нашей науке открыты пока что только мнимые законы», метили, как представляется, не только в Шкловского, но и в общий методологический техницизм, свойственный ранним формалистам. Святополк-Мирский хорошо видел необходимость формалистической революции в теории литературы – и вместе с тем видел ее ограниченность. В том же предисловии он писал: «Всякое утверждение есть обобщение, всякое обобщение – искажение. Так во всех областях знания; тем более в истории литературы, где нет ни научно-установленной терминологии, где даже элементарнейшие части суждения не могут избежать метафоричности и иносказания, где еще недавно считалось возможным обходиться вообще без метода и где говорить по крайнему разумению “внутреннего чувства” будет всегда трудноодолимым соблазном»[91].

Вместе с тем, именно в «Русской лирике» Святополк-Мирский использовал некоторые основные положения работ Жирмунского «Задачи поэтики» и «Мелодика стиха» (см. п. 1 гл. 2 наст. диссертации).

Осенью 1923 г. Святополк-Мирский, рецензируя по-английски книгу П.Г. Богатырева «Чешский кукольный и русский народный театр»[92], опубликованную в качестве 6-го выпуска «Сборников по теории поэтического языка», безоговорочно высоко оценивает ОПОЯЗ: «П. Богатырев является одним из

---

[90] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 9.
[91] Там же. – С. 7.
[92] *D.S.M.* [Rev.] Cheshsky Kukolny i Russky Narodny Teatr. By Petr Bogatyrev. (The Marionette Theatre of the Czechs and the Russian Folk-Theatre.) Berlin, 1923 // The Slavonic Review. – 1923 (December). – Vol. 2. – № 5. – P. 460–461.

участников новой группы критиков, историков литературы и филологов, основавших Опояз (Общество изучения поэтического языка), зачаток новой школы истории русской литературы. Эта школа, уже блестяще себя проявившая, фокусирует все свои интересы на изучении формы, заимствуя в некоторой степени свои методы у других, более развитых наук, таких, как лингвистика и история искусства»[93].

На данном этапе тактику Святополк-Мирского можно описать так: представляя миру англоязычной славистики достижения новейшей русской филологии, Святополк-Мирский выступает в роли почти безоговорочного энтузиаста-пропагандиста[94]; в своих же русскоязычных высказываниях он позволяет себе более критическую интонацию[95].

Святополк-Мирский внимательно следил не только за специально-филологическими изданиями, выходившими в Советской России, но за всей советской литературной и литературно-критической периодикой. В 1928 г. Святополк-Мирский писал Сувчинскому о своем «полном комплекте “Лефа”», упоминая, в частности, и «№ 5 (1925)» со «стать[ями] о языке Ленина»)»[96] – В. Шкловского, Б. Эйхенбаума, Л. Якубинского, Ю. Тынянова, Б. Казанского и Б. Томашевского[97].

---

[93] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 67.

[94] Святополк-Мирский, явно подразумевая формалистов, не устает подчеркивать (март 1924 г.) (*D.S.M.* [Rev.] G. A. Sengeli. Traktat o russkom stixe. Moskva–Petrograd, 1923 // The Slavonic Review. – 1924 (March). – Vol. 2. – № 6. – P. 657): «Интерес к вопросам литературной формы, включая вопросы стихосложения, – одна из замечательных особенностей современного литературного движения в России. За последние несколько лет было создано больше ценных книг о просодии, чем за весь XIX век» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 70). Святополк-Мирский вписывает формализм в историю искусства в широком смысле, не ограничиваясь лишь лингвистическим модусом рассмотрения.

[95] Так, в январе 1924 г. в русскоязычной статье о Литтоне Стречи (*Святополк-Мирский Д.* Искусство биографии (Литтон Стрэчи) // Звено. – 1924. – 28 января. – № 52. – С. 2) Святополк-Мирский мимоходом задевает Шкловского (с дополнительным обертоном: Святополк-Мирский – филолог-классик по образованию, благосклонно замеченный самим М. И. Ростовцевым): «Югурта» и «Катилина» Саллюстия – это «прежде всего книги и создания искусства. А раз это так, то и относиться к ним следует как к произведениям искусства, в которых развитие сюжета определяется прежде всего художественной задачей. Историки, особенно историки древности, на практике имевшие дело с историками греческими и римскими, хорошо знают это, и разгадали важность художественных приемов задолго до Виктора Шкловского» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 75).

[96] Вероятно, описка Святополк-Мирского: речь идет о № 1 (5) за 1924 г.

[97] Представляется возможным соотнести факт знакомства Святополк-Мирского со статьями формалистов о языке Ленина с высказываниями Святополк-Мирского о стиле Ленина в его англоязычной биографии Ленина (*Mirsky D. S.* Lenin. – Boston, 1931. – P. 26–28).

1924 год, как известно, был также ознаменован выходом в Советской России в свет четырех номеров журнала «Русский современник», в котором формалистам принадлежит ряд исключительно важных публикаций[98]. Мы располагаем письменным свидетельством Святополк-Мирского о знакомстве с третьим номером журнала[99], но есть все основания предполагать, что Святополк-Мирскому были знакомы и остальные номера[100]. В них, в частности, внимание Святополк-Мирского должны были привлечь две статьи в первом номере – Б. Эйхенбаума «В ожидании литературы»[101] и Ю. Тынянова «Литературное сегодня»[102], и в четвертом – статья Тынянова «Промежуток»[103]. Отметим, что в журнальной публикации «Промежутка» была отдельная (четвертая) главка[104], посвященная Василию Казину, вызвавшего в свое время особый интерес Святополк-Мирского[105].

Позволим высказать предположение, что обе статьи Тынянова в «Русском современнике» и эйхенбаумовская «В ожидании литературы» являются типологически – и по смыслу, и стилистически – наиболее близкими литературно-критическим статьям Святополк-Мирского середины 1920-х гг. Представляется

---

[98] См.: Указатель содержания журнала «Русский современник» / Сост. М. А. Николаева // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 371–376.

[99] В письме к Сувчинскому от 22 ноября 1924 г.: *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 35.

[100] Добавим, что во втором номере «Русского современника» было опубликовано стихотворение Пастернака «Отплытье», вскоре переведенное на французский язык давней знакомой Святополк-Мирского и его будущей сотрудницей по «Верстам», Е. Извольской, и опубликованное в журнале “Commerce” в начале 1925 г. (см.: La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. – Roma, 2015. – P. 72 passim).

[101] *Эйхенбаум Б.* В ожидании литературы // Русский современник. – 1924. – № 1 [май]. – С. 280–290.

Как известно, этой статьей предшествовала другая статья Б. Эйхенбаума, «Нужна критика» (Жизнь искусства. – 1924. – № 4), в которой Эйхенбаум писал: «Но конечно – не та критика нужна нам сейчас, которая или ругает, или хвалит. Пятибалльная система сюда не подходит. Если просто “плохо”, так об этом нечего и писать, нечего соблазняться на легкую руготню. Критик должен обладать не просто “вкусом”, а острым чутьем долженствующей формы. Мы должны почувствовать в нем особый дар – чувство современности, чтобы прислушаться к его словам. Есть разного рода оценки: оценка критика – не то, что оценка школьного учителя. Да, критик не учитель. В этой роли он наивен и смешон, потому что никаких учеников у него нет» (Жизнь искусства. 1924. – № 4. – С. 12) (Цит. по: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 462).

Тынянов отозвался на эту статью статьей «Журнал, критик, читатель и писатель» (Жизнь искусства. – 1924. – № 22. – С. 14–15. Подпись: Ю. Ван-Везен). «В ожидании литературы» Эйхенбаума и было его откликом на тыняновское выступление. Однако маловероятно, что Святополк-Мирский мог быть знаком с публикациями в петроградской «Жизни искусства».

[102] *Тынянов Ю.* Литературное сегодня // Русский современник. – 1924. – № 1 [май]. – С. 291–306.

[103] *Тынянов Ю.* Промежуток // Русский современник. – 1924. – № 4 [декабрь]. – С. 209–221.

[104] И не вошедшая в публикацию статьи в составе книги Тынянова «Архаисты и новаторы» (1929).

[105] См., напр., главку «Казин» в статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922): *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 101.

возможным усилить этот тезис и утверждать, что в своей литературно-критической работе Святополк-Мирский отвечает на вопросы, поставленные Тыняновым и Эйхенбаумом. Потому, собственно, Святополк-Мирский-критик столь много пишет о советской литературе: это его единое с формалистами референтное пространство.

Нам неизвестно, как быстро до Лондона и Парижа доходили номера «Русского современника». Четвертый, и оказавшийся последним[106], номер журнала вышел в декабре 1924 г., а в феврале 1925 г. Святополк-Мирский заканчивал работу над рукописью своей книги «Contemporary Russian Literature, 1881–1925». Поэтому вероятность того, что Святополк-Мирскому в процессе работы над книгой стал известен текст «Промежутка» Тынянова, опубликованного в № 4 «Русского современника», не слишком велика. Однако она существует[107], возможность же влияния на работу над книгой текстов Тынянова и Эйхенбаума из № 1 весьма велика.

В марте 1924 г. Святополк-Мирский публикует в «The Slavonic Review» исключительно доброжелательную и заинтересованную рецензию на «Русское стихосложение» Томашевского и книгу Жирмунского «Рифма, ее история и теория»[108]. Говоря о Российском институте истории искусств, Святополк-Мирский определяет его как «площадку для молодой “формальной” школы

---

[106] Неизвестно, когда Святополк-Мирскому стало известно о прекращении издания «Русского современника». Но, быть может, существует некая косвенная связь между прекращением издания этого журнала и планами Святополк-Мирского издания собственного журнала (будущих «Верст»), но – при всех понятных различиях – определенное родство между двумя изданиями определенно существует. Добавим, что в феврале 1926 г., обсуждая название будущего журнала, Мирский писал Сувчинскому: «Я согласен на “Рус[ские] Сб[орники”]» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 47). В свою очередь, в редакционном обращении в первом номере «Верст» говорились: «В настоящее время – *русское* больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение *современности*» (<От редакции> // Версты. 1926. – № 1. – С. 6, курсив авторов обращения). В том же номере в редакционном предисловии к публикации «Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП» упомянут «конец “Русского Современника”» (Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП // Версты. – 1926. – № 1. – С. 193). Хотя мы не имеем достаточных свидетельств тому, что «Русский сборник» мог быть задуман как некое продолжение «Русского современника».

[107] См. далее п. 4 гл. 3 наст. диссертации, «Выступления в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)».

[108] *Mirsky D. S.* [Rev.] Voprosy Poetiki (Problems of Poetics): an unperiodical series, published by the Department of History of the Verbal Arts in the Russian Institute for the History of the Arts (Razryad Istorii Slovesnykh Iskusstv Rossiyskogo Instituta Istroii Iskusstv). Vol. 1. – Gogol’s Technique of the Comic (Tekhnika Komicheskogo u Gogol’a). By A. Slonimsky. Petr., 1923. Vol. 2. – Russian Prosody (Russkoe Stikhoslozhenie). By V. Tomashevsky. Petr., 1923. Vol. 3. Rhyme, its History and Theory (Rifma, ee Istoria i Teoria). By V. Zhirmunsky. Petr., 1923 // The Slavonic Review. – 1924 (March). – Vol. 2. – № 6. – P. 658–659. [Вопросы поэтики. Т. 1: Слонимский А.Л. Техника комического у Гоголя. Пг.: Academia, 1923; Т. 2: Томашевский В. Русское стихосложение. Пг.: Academia, 1923; Т. 3: Жирмунский В. Рифма, ее история и теория. Пг.: Academia, 1923]. Упомянутая в заглавии рецензии книга А. Слонимского в тексте Святополк-Мирского даже не упоминается.

историков литературы» и дает следующие характеристики: «Жирмунский – сильнейший теоретик школы, Томашевский – ее первый авторитет в вопросах стихосложения. Оба, но в особенности Жирмунский, обладают обширными познаниями в европейской литературе; оба настоящие ученые, а не как некоторые их друзья, лишь энтузиасты-реформаторы устаревших методов»[109].

Противопоставление Жирмунского и Томашевского, «настоящих ученых», «лишь энтузиастам», может быть истолковано как новое нападение на Шкловского.

Вскоре, в июне 1924 г., Святополк-Мирский рецензирует в «The Slavonic Review» следующие выпуски «Вопросов поэтики», «Сквозь литературу» Эйхенбаума и тыняновскую «Проблему стихотворного языка»[110]. В книге Эйхенбаума Святополк-Мирский отмечает как «наиболее примечател<ьный> <…> и блестящий» – «очерк о Некрасове, подлинно нов[ую] отправн[ую] точк[у] в изучении этого поэта-мученика, любимой жертвы “интеллектуальных” и “гражданских” комментаторов. Это, можно сказать, начало новой эпохи в понимании этого великого писателя»[111].

Применительно к «Проблеме стихотворного языка» Святополк-Мирский оговаривается: «Кажется, это его <Тынянова> первая книга», что свидетельствует о том, что Святополк-Мирскому к 1924 г. еще не была известна первая тыняновская книга, «Достоевский и Гоголь (к теории пародии)» (1921)[112].

---

[109] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 71–72.

[110] *Mirsky D. S.* [Rev.] Problems of Poetics (Voprosy Poetiki), a non-periodical series, published by the Department of Literature (Slovesnykh Iskusstv–literally, Verbal Arts). No. IV. Through Literature (Skvoz' Literaturu), by B.M. Eichenbaum. Leningrad, 1924. No. V. The Problem of Poetical Language (Problema Stikhotvornago Yazyka), by Yu. Tynyanov. Leningrad, 1924 // The Slavonic Review. – 1924 (June). – Vol. 3. – № 7. – P. 227–228. [Вопросы поэтики: Т. 4: Эйхенбаум Б. М. Сквозь литературу. Л.: Academia, 1924; Т. 5: Тынянов Ю. Проблема стихотворного языка. Л.: Academia, 1924].

[111] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 100. Напомним, что в статье о Некрасове Эйхенбаум резко атаковал К. Чуковского, а до того, в 1922 г., опубликовал статью «Методы и подходы», в которой негативно высказался о книге Чуковского «Некрасов как художник» (1922) (*Эйхенбаум Б.* Методы и подходы // Книжный угол. – 1922. – № 8. – С. 13–33. [Электронный ресурс]: URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/eihenbaum.htm (дата обращения: 23.09.2017).http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/eihenbaum.htm). Скорее всего, именно эту книгу Святополк-Мирский упоминал в письме к Чуковскому от 12 мая 1922 г.: «Вашей книги о Некрасове не читал, к сожалению, но все жду Некрасова под Вашей редакцией у Гржебина» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 245).

[112] Отметим также, что Святополк-Мирский усиливает высказывание Тынянова об адмирале Шишкове как о семасиологе, называя его «великим» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С.

В марте 1925 г. Святополк-Мирский в статье в эмигрантском «Звене»[113] делает à propos исключительно важное замечание о Шкловском: «… стилизованная импотентность ничуть не лучше настоящей. Проза, как и поэзия, прежде всего – искусство слова, и теряющий способность чувствовать слова да извержется из словесности. Даже Шкловский, писатель блестящий и значительный, грешен этим “хладным скопчеством” в отношении слова. Слова его – фишки, и играет он не ими, а отраженными в них понятиями»[114].

Хотя в статье речь идет об изящной словесности, слова о Шкловском допускают возможность, что Святополк-Мирский имеет здесь в виду Шкловского не только как писателя, но и как филолога[115].

В том же марте 1925 г. Святополк-Мирский публикует свое, пожалуй, наиболее значительное высказывание о русских формалистах по-английски. Оно содержится в рецензии на книгу Б.М. Эйхенбаума «Лермонтов: Опыт историко-литературной оценки»[116]. Определив Эйхенбаума как «во многих отношениях наиболее блестящего представителя так называемого “формального метода”», Святополк-Мирский без каких-либо оговорок относит к формалистам – помимо Тынянова – Жирмунского и Томашевского. О самой школе формалистов Святополк-Мирский говорит в превосходных степенях: «Без всякого сомнения,

---

100), тогда как Тынянов говорит лишь о «ценных языковых свидетельствах», что, кажется, обнаруживает предпочтения самого Мирского.

[113] *Святополк-Мирский Д., кн.* Молодые русские прозаики // Звено. – 1925. – 2 марта. – № 109. – С. 2–3.

[114] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 104.

[115] Имя Шкловского снова появляется в рецензиях Святополк-Мирского весны 1925 г., в разговоре о «Городах и годах» К. Федина: 1) Константин Федин // Звено. – 1925. – 6 апреля. – № 114. – С. 2: «Консерватизм стиля давно уже отмечается как характерная черта Федина, и если на кого из современников он похож, то только на петербургских западников. Влияние Шкловского с его “игрой сюжетом” сказалось в расположении глав, которые озаглавлены годами, в таком порядке: 1922, конец 1919, 1914, 1916, 1917, 1918, начало 1919, 1920. Таким образом развязка дается на первых страницах, но остается непонятной до самого конца: этот прием “торможения” и заинтересовывания выходит очень удачным; концы с концами сведены очень хорошо; первую главу, однако, приходится читать, окончив весь роман. Кроме этой дани Стерну и Шкловскому, Федин западничает еще и языком» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 117); 2) [Рец.] К. Федин. Города и годы // Современные записки. – 1925. [Июнь.] – № 24. – С. 432–434: «Но у Федина в “Городах и годах” есть коренной недостаток, недостаток всех петербургских “западников”, учеников Шкловского; недостаток, по-видимому, сознательно культивируемый такими писателями как покойный Лунц и Каверин, – пренебрежение к слову, к русскому языку, отношение к нему исключительно как “носителю сюжета”. Естественная реакция против сказа и словечек, такое отношение к слову приводит к уродливой газетности, от которой, можно было надеяться, нас освободили великие орнаменталисты. Но борьба за слово, оказывается, еще далеко не кончена даже в художественной прозе, а в журнальной и не начиналась» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 122–123).

[116] *Mirsky D. S.* [Rev.] Lermontov. Opyt istoriko-literaturnoy otsenki, by B. Eichenbaum. State Press. Leningrad, 1924 // The Slavonic Review. – 1925 (March). – Vol. 3. – № 9. – P. 733–735.

формалисты – наиболее энергичная, прогрессивная и созидательная сила в современных российских литературной критике и истории литературы. Можно с уверенностью сказать, что со времени их первой публикации, шесть лет назад, для истории литературных форм ими сделано больше, чем за все время с начала изучения литературы в России. Они выработали новую концепцию истории литературы, и с этого времени любой историк русской литературы, стремящийся к чему-то большему, чем просто к “общественной” или “метафизической” интерпретации, должен строить на заложенном формалистами фундаменте».

Здесь обращает внимание, что Святополк-Мирский декларирует продуктивность формального метода в равной степени и для историков литературы, и для литературных критиков, но уже в следующем абзаце он противопоставляет Мережковского-критика Эйхенбауму-историку литературы, что, как представляется, значительно усложняет «демаркационные возможности»: противопоставление попросту нерелевантно. Святополк-Мирский не дает никакого критерия литературной критики как таковой, хотя чуть далее и пишет: «Эйхенбаум, как все формалисты, старательно избегает выражать свои предпочтения и антипатии. Его задача – анализировать, а не оценивать. Однако несложно распознать его собственные пристрастия».

Любопытно, что Святополк-Мирский в этом тексте не упоминает об активной литературно-критической работе Тынянова, Эйхенбаума[117] и Шкловского – и сделает это лишь в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» (1926) (см. далее).

Святополк-Мирский вполне солидарен в принципиальном положении с Эйхенбаумом, «име[ющим] дело с литературными формами»: «литературные формы – это единственная конкретная и непосредственная реальность в литературе». Ключевым разделом рецензии является, однако, не рассмотрение историко-литературных реалий, а философские импликации формального метода: «Склад ума Эйхенбаума – исторический и эволюционный, и для него история

[117] См.: *Di Salvo M.* Б. Эйхенбаум – Литературная критика и полемика // Revue des études slaves. – 1985. – Tome 57. – Fascicule 1. B. M. Èjxenbaum: la mémoire du siècle, sous la direction de Catherine Depretto. – P. 57–60.

литературы – это непрерывный динамический процесс эволюции литературных форм. В этом и его сила, и его слабость. Он чувствует с необычайной остротой ход истории, подлинное биение ее ритма. С другой стороны, он – своего рода “фетишист необходимости”: пока не объяснит факт как необходимый, он не удовлетворен. Вероятно, эта черта – рудимент его первоначального философского образования, и восходит к гегелевскому “Alles Wirkliche ist vernünftlich”. Это поразительно напоминает методы марксизма, который, в конечном счете, потомок той же самой гегелевской диалектики. <…> Не будем обсуждать здесь метафизические основания этого детерминизма, исключающего само понятие случайности[118]. В этой тенденции таится опасность чрезмерного упрощения и слишком жесткого схематизма».

Данный фрагмент особо значим, поскольку в большей степени говорит не об Эйхенбауме, а является парадоксальным по своему характеру автометаописанием Святополк-Мирского, причем – в перспективе. Опасность «чрезмерного упрощения и слишком жесткого схематизма», «поразительно напоминающих методы марксизма» у Эйхенбаума в 1924 г., настигнет самого Святополк-Мирского в конце 1920-х гг.[119] Не менее важен – в автометаописательной перспективе – и финал этого пассажа: «Но, независимо от своей эволюционной доктрины, Эйхенбаум является блестящим обозревателем литературных фактов»[120].

Спустя несколько месяцев после этой англоязычной статьи Святополк-Мирский, в июне 1925 г., публикует в крупнейшем литературном журнале

---

[118] Ср. с высказыванием самого Святополк-Мирского в предисловии (1923) к «Русской лирике»: «Чего я, действительно, избегал в моей антологии, это – случайности. <…> Удалось ли это мне – судить, конечно, не мне. Но я надеюсь, что та линия, которую я, наверно не без ошибок, рассчитал и начертил, – не всем моим читателям покажется случайной. Объяснять, в чем смысл этой линии – я не буду, каждая вещь может быть выражена только одним образом и описывать ее было бы таким же пустословием, как, например, “передавать своими словами”, “что хотел выразить Пушкин своей Татьяной”» (Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 8).

[119] Не будем забывать при этом исключительно важного признания Святополк-Мирского в письме к Сувчинскому от 13 ноября 1929 г.: «Единственное, в чем я не иду с марксистами нынешними – я не делаю из абсолютной правильности исторического материализма выводов метафизического характера» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 143).

[120] Любопытно, что позднее, в 1929 г., Шкловский писал Якобсону о том, что Эйхенбаум «в последних работах разложился до эклектики. Его лит[ературный] быт – вульгарнейший марксизм» (*Чудакова М. О.* Социальная практика и научная рефлексия в творческой биографии Б. Эйхенбаума // Revue des études slaves. – 1985. – Tome 57. – Fascicule 1. – P. 38).

русской эмиграции «Современные записки» композитную рецензию под названием «Издания Российского института истории искусств»[121]. Рецензия была посвящена пяти выпускам «Вопросов поэтики», «Байрону и Пушкину» Жирмунского и «Лермонтову» Эйхенбаума, т.е. тем работам, которые Святополк-Мирский прежде уже отрецензировал по-английски в «The Slavonic Review». Однако русская рецензия не стала лишь переводом уже опубликованных прежде рецензий, при том что Святополк-Мирский сохраняет общий контур и интонацию своих предшествующих оценок.

Начав с «укола» Шкловского («громки[ие], подчас слишком громки[ие] выступлении[я] Виктора Шкловского»), Святополк-Мирский сразу же переходит к ключевому вопросу – кризису формализма как школы в условиях советской идеологии: «Теперь “формализм” уже потерял свою первоначальную наступательную остроту. Вместо легких побед над старыми интеллигентскими общественниками и импрессионистами ему приходится защищаться от гораздо более страшного врага – официального марксизма – и в условиях, которые заранее ставят формалистского Давида в безнадежно-невыгодное положение по отношению к марксистскому Голиафу. Более левая группа формалистов примыкает, более или менее, к “Лефу”, союзнику не вполне надежному, и для успеха своей политики все более и более стремится отмежеваться от формализма и одеться в более ортодоксальные одежды».

Святополк-Мирский впервые говорит об отсутствии «единого фронта» формалистов – и на сей раз специально оговаривает отдельный статус Жирмунского и Томашевского: «Разряд истории словесных искусств Р. И. И. И. явился средоточием более умеренных формалистов, ни один из которых не участвовал в старом “Опоязе”, и только один Эйхенбаум в “Поэтике”. Эйхенбаум и, тем более, Жирмунский имеют весьма не формалистское литературное прошлое. И Жирмунский только с оговорками может быть назван формалистом. Он – просвещенный эклектик, с оттенком, по словам какого-то лефовца,

[121] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. – 1925. [Июнь.] – № 24. – С. 434–438.

“тяжелого гелертерства”. В своих работах он (и Томашевский) вполне академичен».

Далее, аттестуя Эйхенбаума как «самого боевого» из участников «Вопросов поэтики», Святополк-Мирский, подробнее, чем в предшествующем английском отклике, пишет о философской подоснове (Святополк-Мирский называет это «историческими теориями») историко-литературных работ Эйхенбаума: «Вся история литературы представляется ему как тот же бесконечно повторяющийся диалектический процесс смены тезиса и антитезиса. Но высшего объединяющего начала в этот процесс Эйхенбаум не вводит, и он получает характер бесконечной цикличности. Эйхенбаум очень настаивает на своем историзме, но историзм его чисто абстрактно-динамический: “мы изучаем не движение во времени, а движение как таковое... В этом смысле... история есть наука о постоянном, о неизменном, о неподвижном, хотя имеет дело с изменением... Изучить событие исторически вовсе не значит описать его как единичное”. Этот историзм, столь отличный от обычного, сближает Эйхенбаума с марксизмом, с которым его роднит и прямолинейная и крайне упрощающая догматичность. Нечего и говорить, что догматизм его совершенно априорен, и Эйхенбаум и не пытается обосновать его широким сравнительно-историческим методом. Мало того, он настаивает на том, что теория должна *предшествовать* знанию, и только тогда исследование может быть плодотворно…[122]»

Говоря о работе Жирмунского «Байрон и Пушкин: Из истории романтической поэмы» Святополк-Мирский отдельно выделяет «обзор массовой литературы русских «байронических» поэм 20-х–40-х годов»: «Эта вторая часть – очень важный вклад в историю нашей литературы, и открывает совершенно новую область для исследования – до сих пор наши историки литературы занимались, как Тентетников, одними генералами».

---

[122] Дж. Смит специально отмечает это многоточие как исключительно редкий – и потому многозначительный – у Святополк-Мирского знак препинания (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 23).

Святополк-Мирский невольно перекликается здесь с неизвестной ему статьей Тынянова «Мнимый Пушкин» (1922)[123], а эксплицированный – и парафразированный Святополк-Мирским – подход Жирмунского нашел соответствие в тезисе Святополк-Мирского в предисловии к «Русской лирике»: «…есть две истории литературы: творческая и воспринимательская. Иные поэты, имевшие в свое время огромный успех, потом исчезли из нашего поля восприятия: историк не может их обойти, критик не имеет для них доброго слова. <…> И однако, описывая эти явления исторически, не трудно было бы указать, что именно привлекало в них современников»[124].

Говоря о «Проблеме стихотворного языка» Тынянова и всячески подчеркивая ее достоинства[125], Святополк-Мирский всё же делает одну оговорку: «К сожалению, тяжелый и абстрактный язык самого Тынянова требует крайнего напряжения читательского внимания»[126].

В 1926 г. Святополк-Мирский публикуют свою книгу о Пушкине[127], в которой, говоря об исследовании языка и поэтики Пушкина, особо отмечает как выдающиеся исследования формалистов[128] – «Байрона и Пушкина» В.М. Жирмунского, анализ «Гавриилиады» Б.В. Томашевским, работы Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума[129] и О.М. Брика – об «alliteratio Pushkiniana» в сборнике

---

[123] Ср.: «Между тем как бы высока ни была ценность Пушкина, ее все же незачем считать исключительной. Незачем смотреть на всю предшествующую литературу как на подготовляющую Пушкина (и в значительной мере им отмененную), а на всю последующую как на продолжающую его (или борющуюся с ним). Этот наивный телеологизм ведет к полному смещению исторического зрения: *вся* литература под знаком Пушкина становится бессмысленной, а сам он остается непонятным “чудом”. Историко-литературное изучение, вполне считаясь с ценностью явлений, должно порвать с фетишизмом. Ценность Пушкина вовсе не исключительна, и как раз литературная борьба нашего времени воскрешает и другие великие ценности (Державин)» (*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 78–79).

[124] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 9, 10.

[125] «… особенно ценна небольшая книжка Тынянова “Проблема стихотворного языка”. Замена понятием “стихотворного языка” неопределенного “поэтического” (откуда “Опояз”) дает этой работе большую конкретность и ясность. Выяснение принципиальной разности между стихом (даже самым “свободным”) и прозой (даже самой ”ритмической”, вроде “Котика Летаева”) вносит ясность и порядок в область, где господствовали представления самые сбивчивые (напр., Жирмунский в “Композиции лирических стихотворений”). Большая часть книги посвящена вопросу об изменении значений слова (особенно его “колеблющихся признаков”) в зависимости от его положения в стихе и вообще от стихотворной функции. Особенно интересен анализ изумительных последних строф баллады Жуковского “Алонзо”» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 127).

[126] Там же.

[127] *Mirsky D. S.* Pushkin. London– New York, 1926. – (Republic of Letters Series, ed. W. Rose).

[128] *Mirsky D. S.* Pushkin. Introd. G. Siegel. – New York, 1963. – P. 236.

[129] Мирский ошибочно пишет о «работе Б. Эйхенбаума о прозе Пушкина в его книге “Сквозь литературу”, 1924)» (236). В «Сквозь литературу» опубликована другая работа Эйхенбаума о Пушкине: *Эйхенбаум Б. М.* Проблема

«Поэтика» (1919)[130]. Из исследований пушкинской просодии Святополк-Мирский отмечает работы Томашевского о четырех- и пятистопных ямбах Пушкина[131].

В начале 1926 г. в 1-ом номере издаваемого кн. Д.А. Шаховским журнала «Благонамеренный» Святополк-Мирский печатает статью «О нынешнем состоянии русской литературы»[132], в которой делает своеобразную инвентаризацию современной русской литературы – с акцентом на «важности *волевой формы* в деле воспитания нации»[133]. Святополк-Мирский не упоминает в статье напрямую формальной школы, однако делает исключительно важное замечание: «Гумилев уже принадлежит к тому потоку, который унес символизм и андреевщину и их “отрицательную ауру” и оживил русскую литературу чистым воздухом формализма. <…> Оживляющее действие формализма совпало с упадком творческих сил русской почвы, и было тем драгоценнее»[134].

Важно отметить, что в конце ноября 1925 г. Святополк-Мирский в письме к редактору «Благонамеренного», кн. Д.А. Шаховскому, говоря о своей статье, писал: «Все-таки предъявляю еще одно авторское право: уничтожьте примечание про Романа Якобсона, если успеете. Много чести»[135]. Шаховской согласился на требование Святополк-Мирского – и в опубликованном тексте примечания про Якобсона (как и вообще упоминаний Якобсона) не содержится.

В этой же статье в «Благонамеренном» Святополк-Мирский дает, быть может, самую значительную (периода эмиграции) характеристику Шкловского:

поэтики Пушкина // *Эйхенбаум Б. М.* Сквозь литературу: Сб. ст. – Л., 1924. – (Вопросы поэтики / Рос. ин-т ист. искусств; вып. 4). – С. 159–172.

Статья «Путь Пушкина к прозе» опубликована в 1923 г. и перепечатана в книге 1926 г.: *Эйхенбаум Б. М.* Путь Пушкина к прозе // Пушкинский сборник памяти профессора С.А. Венгерова. – (Пушкинист. IV / Под ред. Н.В. Яковлева). – М.–Пг., 1923. – С. 59–74. Перепеч. в кн.: *Эйхенбаум Б.М.* Литература. Л., 1926.

[130] Речь идет о статье: *Брик О.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры языка) // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1–2. – Пг., 1919. – С. 58–98. Заметим, что ранее, в некрологе Брюсову Мирский писал, что «[з]адолго до Брика он [Брюсов] знал все, что можно знать о “звуковых повторах у Пушкина”, но таил свои знания про себя, пользуясь ими как профессиональной тайной» (*Святополк-Мирский Д., кн.* Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924) // Современные записки. – 1924. [Декабрь.] – № 22. – С. 419).

[131] Речь идет о работах: *Томашевский Б.В.* Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Рос. акад. наук. – Пг., 1918. – Вып. 29/30. – С. 144–187; *Томашевский Б.В.* Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. – Берлин, 1923. – С. 7–143.

[132] *Святополк-Мирский Д., кн.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 90–97.

[133] *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 227, курсив Святополк-Мирского.

[134] Ibid. – P. 228.

[135] *Шаховской Иоанн, архиепископ.* Биография юности: Установление единства. – Paris, 1977. – P. 203.

«Почти “гениальный”, но совершенно распущенный журналист, культивирующий свою распущенность, но отец почти всех идей, которыми живет современная ему эстетика: Шкловский»[136].

Любопытно, что Святополк-Мирский отказывает Шкловскому в именовании его филологом, ученым и писателем, называя «журналистом». И характерно, что, по Святополк-Мирскому, Шкловский оплодотворил не филологическую науку, но эстетику. Этот тезис нужно соотнести с одним важным фрагментом статьи: «… если бы у нас была Академия, никто не был бы более достоин войти в нее, чем Анна Ахматова, Евгений Замятин, и Владислав Ходасевич, – и если в Академию можно избирать за одно голое дарование, Алексей Толстой. Эти четыре имени напоминают (как мне напомнил об этом на днях один советский житель) о двух традициях русской литературы: глупой и умной, – и неслучайно, что из четырех имен “академиков” этого поколения, умных трое, хотя у четвертого хватило бы его “божественного дара” (как говорил, кажется, Бисмарк) на многих. И не случайно тоже, что в следующем поколении соотношение сил резко нарушается в пользу *Той,* кому написали Похвалы Эразм Роттердамский и Лев Шестов. И опять (я считаю *необходимым* указать на это) имена “умных” все (без исключения) “инородческие”: Мандельштам, Пастернак, Эренбург (конечно), Шкловский (все-таки), Бабель, Лунц. Но ум и глупость, конечно, категории второстепенные – был бы талант. Так нас, кажется, учили»[137].

Здесь важно то, что для «умных еврейского происхождения» из всех формалистов Святополк-Мирский выбирает лишь одного Шкловского – и в то же самое время уже обдумывает издание журнала (будущие «Версты»), в котором проектировалось участие большинства «умных». 1 февраля 1926 г. в письме к Л. Вулфу Святополк-Мирский писал о планах издания «Верст»: «… мы надеемся заручиться поддержкой нескольких писателей из СССР, особенно Пастернака,

---

[136] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 226.
[137] Ibid. – P. 224–225, курсив Святополк-Мирского.

Мандельштама, Бабеля и Шкловского»[138]. Однако, ни одного текста Шкловского в «Верстах» так и не появилось.

Важным коррелятом к печатным высказываниям Святополк-Мирского о формалистах в 1926 г. является статья М. Цветаевой «Поэт о критике», опубликованная во втором номере журнала «Благонамеренный»[139]. В своей статье Цветаева обрушилась на формальный метод, назвав его «видоизмененной базаровщиной» и отнеся критиков-формалистов к «лагерю тупости»[140]. Статья была опубликована в номере «Благонамеренного», где была также опубликована статья Святополк-Мирского «О консерватизме»[141], хотя, как следует из письма Цветаевой к редактору «Благонамеренного», кн. Д.А. Шаховскому[142], Цветаева рассматривала возможность публикации «Поэта о критике» в «Верстах». Обращает на себя внимание, что в статье Цветаева особо отмечает Святополк-Мирского как «резкое и радостное исключение – суждение о поэтах не по политическому признаку»[143], акцентируя, таким образом, внеидеологичность оценок Святополк-Мирского и при этом полностью игнорируя пристальный и сочувственный – и многократно засвидетельствованный в печати – интерес Святополк-Мирского к работам русских формалистам[144].

В начале февраля 1926 г. Святополк-Мирский, обсуждая с Сувчинским редакционные планы будущих «Верст», писал ему: «О языковедении сам думал, и радуюсь встрече намерений. Якобсона особенно хотел – непременно нужен, это огромная голова»[145].

---

[138] *Smith G. S.* D.S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 149; Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. – СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 364–365.

[139] *Цветаева М.* Поэт о критике // Благонамеренный. – 1926. – № 2. – Март-апрель. – С. 94–125.

[140] *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М., 1994. – С. 278.

[141] *Святополк-Мирский Д., кн.* О консерватизме. Диалог // Благонамеренный. – 1926. – Март–апрель. – № 2. – С. 87–93.

[142] В письме от 14 февраля 1926 г.: «… не жду 20-го (приезд Святополка-Мирского) и отдаю статью» (*Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 7: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М., 1995. – С. 32).

[143] *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. – С. 292.

[144] По крайней мере, Цветаева едва ли пропустила незадолго до того опубликованную статью Святополк-Мирского в «Современных записках»: *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. – 1925. [Июнь.] – № 24. – С. 434–438.

[145] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 44.

Как можно понять, идею пригласить Якобсона к участию в «Верстах» первым высказал Сувчинский, сообщивший о ней и Н.С. Трубецкому. 15 февраля 1926 г. Трубецкой писал Сувчинскому: «Проект нового журнала мне очень нравится. С приглашением Якобсона я бы пока повременил, т.к. он все-таки имеет определенную репутацию, и появление его имени в первых №№ журнала могло бы создать сразу определенную презумпцию. Но со временем его надо пригласить: он очень талантлив. Вообще же по возможности поменьше жидов»[146].

Последняя реплика, быть может, намекает на то, что Трубецкому была известна недавняя статья Святополк-Мирского в «Благонамеренном», но если это и так, то, в любом случае, декларируемый антисемитизм Трубецкого не сопоставим с высказываниями Святополк-Мирского.

С. Глебов комментирует слова Трубецкого следующим образом: «Сувчинский пригласил [Якобсона] участвовать в газете “Евразия”[147]. Якобсон принял приглашение, но предпочел печататься под псевдонимом. В свою очередь, Сувчинский участвовал в редактировавшемся Якобсоном научном журнале Slavische Rundschau. Многие эмигранты считали Якобсона (официально – сотрудника советского торгпредства) большевиком»[148].

Из проекта участия Якобсона в «Верстах» в итоге ничего не вышло, хотя и полтора года спустя, в сентябре 1927 г., он по-прежнему обсуждался. Н.С. Трубецкой писал тогда Сувчинскому: «Особенно единодушны мы с Якобсоном. В области науки это, пожалуй, самый близкий мне человек. Он теперь и насчет быта говорит “те” слова. Кажется, он собирается что-то об этом написать для “Верст”. Кстати сказать, он просит не распространять, что будет участвовать в “Верстах”. Вероятно, он все-таки будет писать под псевдонимом. – К сожалению, он безнадежен не только в отношении религии, но и в отношении политической установки. Идеократии и этатизма не приемлет никак, сколько я ни стараюсь»[149].

---

[146] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. – М., 2010. – (Новые границы). – С. 374.

[147] Явная описка публикатора: речь идет не о газете «Евразия», начавшей выходить лишь в 1929 г., а о журнале «Версты» (№ 1 вышел и поступил в продажу в начале июля 1926 г.).

[148] Там же. – С. 377.

[149] Там же. – С. 502. Здесь обращает особое внимание подчеркивание Трубецким возможного синтеза структурной лингвистики и евразийства – в т.ч., в пространстве журнала «Версты».

Предваряя и анонсируя грядущий выход первых «Верст», Святополк-Мирский прочел 5 апреля 1926 г. в Париже доклад «Культура смерти в предреволюционной русской литературе», на котором присутствовали И.А. Бунин, Г.В. Адамович, М.А. Алданов, З.Н. Гиппиус, Д.С. Мережковский, В.Ф. Ходасевич, Б.К. Зайцев, А.М. Ремизов, З.А. Шаховская и др.[150]

Святополк-Мирский напечатает сокращенную переработку текста своего доклада – с измененным названием «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе» – лишь во втором номере «Верст» (вышел и поступил в продажу в начале января 1927 г.), но имеет смысл упомянуть его здесь, поскольку основные тезисы получили широкую огласку до выхода даже первого номера.

В финале доклада Святополк-Мирский утверждал: «… еще до революции *тональность* русской литературы начала меняться. Это изменение не было следствием революции, но, скорее, явление параллельное ей. Подобно ей оно было *освобождающим обеднением*. В литературе оно связано с направлениями формализма, футуризма и акмеизма. Смысл всех трех был в ампутации духа, настолько охваченного гниением, что исцелить его было уже невозможно. Но ferrum sanat, и для спасения организма гниющий дух был вылущен. Эта операция, может быть, нас и не спасла, но без нее спастись нам было невозможно. (Так и сама революция была кризис, за которым может следовать или смерть, или выздоровление, но без которого выздоровление невозможно). Поэтому и поэзия Маяковского, с ее презрением ко всем “высшим ценностям”, и нигилистический формализм Шкловского, и даже “материализм” комсомола имеют свою целебную ценность, так как отсекают от нас зараженный член.

Конечно, ни формализм, ни материализм положительной ценности не составляют. Но уже стала возможной и уже зародилась новая фаза русского духа. История не считается с хронологией, и фаза эта, которую для краткости я назову

---

[150] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939 . – P. 150.

“возрождением героического”, началась до революции в (еще недооцененном) творчестве Гумилева[151]»[152].

Здесь в первую очередь обращает на себя внимание персонификация формализма: Святополк-Мирский говорит лишь о «формализме Шкловского»[153]. Ключевым является тезис об «освобождающем обеднении». По Святополк-Мирскому, формализм, *«конечно»,* «не имеет положительной ценности». Формализм ценен не тем, что в нем есть, а тем, что в нем отсутствует: отсутствием «духа, охваченного гниением». К целебной «ампутации духа» Святополк-Мирский парадоксальным образом относит не только футуризм, но и акмеизм – в одном ряду с формализмом. Присутствие имени высоко ценимого Святополк-Мирским Гумилева («возрождение героического») – как и в статье в «Благонамеренном» – только усугубляет парадокс. «Героическое» из «ампутированного духа» не происходит. Но поскольку и в «Поэтах и России» Святополк-Мирский говорит о «мажорной тональности» послереволюционной Цветаевой, можно предположить, что в «Веянии смерти» его интересует не историко-литературные реалии, а трудноуловимый «русский дух», причем в перспективе персональной идеологической эволюции Святополк-Мирского середины 1920-х гг.[154]

Между тем, в том же самом 1926 г. выходит ставшая впоследствии знаменитой и обретшей статус классической книга «Contemporary Russian Literature, 1881–1925». В ней Святополк-Мирский посвящает формалистам отдельную главку и, в целом, повторяет свои предшествующие англоязычные

---

[151] Это предложение почти дословно повторяет финал статьи Святополк-Мирского «Поэты и Россия», опубликованной в первой книге «Верст»: «В младшей, после-революционной поэзии господствует мажорная, восходящая, “Державинская” тональность. Державинское начало воскресло в поэзии Гумилева, Маяковского, Пастернака, Марины Цветаевой. (То, что эти поэты существовали уже до 17-го года, кроме общеизвестного факта, что история не считается с хронологией, только подтверждает пророческую природу поэзии)» (*Святополк-Мирский Д., кн.* Поэты и Россия // Версты. – 1926. – № 1. – С. 145).

[152] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 163, курсив Святополк-Мирского.

[153] В позднейшей англоязычной статье «The Background of the Russian Films» (The London Mercury. 1931. № 24. P. 53–64) Святополк-Мирский также пишет о «молодом поколении», представленном «главным образом поэзией футуристов и формализмом в литературоведении. Лидерами были соответственно Владимир Маяковский и Виктор Шкловский» (русск. пер. А. В. Подгуренко цит. по: Литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 95).

[154] Отметим уравнивание Святополк-Мирским в 1926 г. формализма и материализма как в равной мере не имеющих «положительной ценности».

высказывания[155]. Новым является деление Святополк-Мирским формалистов на две группы. Первая: «группа молодых лингвистов, более или менее связанных с поэтами-футуристами, – Виктор Шкловский, Осип Брик и Роман Якобсон».

Святополк-Мирский весьма неожиданно называет их «экстремистами»: «Экстремисты практически отождествляют изучение литературы и лингвистики: они занимаются в основном фонетическим аспектом поэзии и являются сторонниками «заумного» поэтического языка. Один из них – Осип Брик – опубликовал интересный анализ фонетической структуры пушкинского стиха, а другой, Роман Якобсон, – замечательную работу о чешской просодии в сравнении с русской».

Тут же Святополк-Мирский еще раз – и странным образом – относит к группе лингвистов Шкловского, напоминая о его «блестящих, непринужденных и лихих статьях». «Экстремистам» Святополк-Мирский противопоставляет «петербургскую группу», состоящую «из более умеренных – это Борис Эйхенбаум, Юрий Тынянов, Борис Томашевский и, особенно, Виктор Жирмунский. Для всех них характерен пристальный интерес и глубокое проникновение в процессы истории. История литературы для них – это история литературной традиции и их главная задача – объяснение почвы, из которой вырастают индивидуальные произведения, и образуемой ими органической целостности».

Святополк-Мирский еще раз особо выделяет Эйхенбаума: «Самый блестящий из них Эйхенбаум, чья статья о гоголевской Шинели стала «гвоздем» сборника Поэтика. Его труды Молодой Толстой (1922), о Некрасове и о Лермонтове (1924) – шедевры исторического анализа, обращенного

---

[155] «Новейший этап развития русской литературной критики связан с так называемым “формальным методом” и деятельностью Опояза (Общества изучения поэтического языка). Это движение направлено сразу против всех существующих критических методов – против подмены литературных вопросов и мерок политическими или метафизическими и против безответственного субъективизма критиков-импрессионистов. Формалисты Опояза во всеуслышание заявляют, что отказываются от всяких оценок: они анализируют и описывают – но не судят <…> Новая школа богата талантами, и ее приверженцы многочисленны и воинственны. Им удалось произвести впечатление, они запомнились и теперь мужественно борются против официальных марксистских доктрин» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 818).

непосредственно к способам литературного выражения и направленного на создание подлинно-органической evolution des genres».

Чрезвычайно значима концовка: «Все эти труды – в строгом смысле слова не критика, поскольку авторы принципиально воздерживаются от эстетических оценок.

Но теперь уже появляется связанная с формализмом критика, которая выносит суждения о современной литературе, не порывая с формалистским прочно историческим взглядом на вещи. Из формалистов умными и острыми критиками современной литературы являются Шкловский и Тынянов»[156].

И именно Шкловскому Святополк-Мирский дает развернутую отдельную характеристику, правда – в разделе, посвященному художественной литературе, а не филологии, при том, что характеристика начинается с аттестации Шкловского именно как «самого заметного» формалиста:

«Теоретик он, несомненно, блестящий, хотя стиль у него аффектированный и неряшливый, а сам он поверхностен и совершенно лишен чувства исторической перспективы и чувства меры. Но идеи, которые он пустил в оборот – здравые идеи, оказавшиеся очень плодотворными. Как критик он умело применяет свои любимые теории к любому литературному произведению, старому и новому, отбрасывая их “идеи” и “философии” и сводя их к чисто формальным элементам. Любимый его писатель Стерн, и на примере Тристрама Шенди он продемонстрировал два своих любимых явления: “игру с сюжетом” и “обнажение приема”. Недавно он опубликовал подробный анализ “Крошки Доррит”[157], в котором демонстрирует приемы “романа тайн”. Сам он не писал художественных произведений, но у него есть место не только в теории литературы, но и в самой литературе, благодаря замечательной книге воспоминаний, название для которой он, верный себе, взял у своего любимого Стерна – “Сентиментальное

---

[156] Отметим, что ни этого, ни прочих высказываний Святополк-Мирского не приводится в новейшей работе: *Львов В. А.* Литературная критика формальной школы (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук (специальность 10.01.10 – журналистика). М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра литературно-художественной критики и публицистики, 2014).

[157] Речь идет о работе: *Шкловский В.* Техника романа тайн // ЛЕФ. – 1924. – № 4 (август – декабрь). – С. 125–155.

путешествие” (1923); в ней рассказаны его приключения от Февральской революции до 1921 года. По-видимому, книга названа так по принципу “*lucus a non lucendo”*[158], ибо всего замечательнее, что сентиментальность из книги вытравлена без остатка. Самые кошмарные события, как, например, резня курдов и айсоров в Юрмии, описаны с нарочитым спокойствием и с изобилием фактических подробностей. Несмотря на аффектированно-неряшливый и небрежный стиль, книга захватывающе интересна. В отличие от столь многих нынешних русских книг, она полна ума и здравого смысла. Притом она очень правдивая и, несмотря на отсутствие сентиментальности, напряженно эмоциональна. При всех своих недостатках это самая замечательная книга на подобную тему. После “Сентиментального путешествия” Шкловский выпустил “роман в письмах” – “Zoo” (1923). Здесь все недостатки его предыдущей книги непомерно вырастают, а достоинства не сохраняются. Она жеманна, неряшлива, визглива и слишком охотно занимается личной жизнью автора и его друзей. К сожалению, эти черты стиля Шкловского имели такое же большое влияние, как его теории, и у молодых людей теперь модно начинать литературное поприще с натянуто-шутливой и претенциозной “автобиографии”»[159].

Эта характеристика Шкловского является самой обширной из всех, что сделаны Святополк-Мирским по-английски. Отнесенные Святополк-Мирским к Шкловскому слова о «блестящем, хотя и неряшливом» стиле, а также об отсутствии «чувства меры» весьма схожи с тем, что в русском зарубежье писали о самом Святополк-Мирском. Святополк-Мирский, скорее всего, этот параллелизм осознавал, потому и слова о том, что, вопреки всему, идеи Шкловского – идеи здравые и плодотворные, можно в известной степени считать косвенной автохарактеристикой самого Святополк-Мирского.

Но характерно, что в однотомном американском издании «Истории русской литературы» Святополк-Мирского 1949 г.[160], которое и стало нормативным

---

[158] «роща не светит» – лат. форма, означает «по противоположности».
[159] *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года. – С. 791–792.
[160] *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. Comprising A History of Russian Literature & Contemporary Russian Literature / Ed. by F. J. Whitfield. – London–New York, 1949.

изданием для послевоенных англо-американских славистов, отсутствуют разделы и о формалистах, и о Шкловском. Также отсутствует и исключительно ценная библиография и к «Contemporary Russian Literature, 1881–1925», и к вышедшему в следующем году второму тому, «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927). В библиографическом комментарии ко второй книге Святополк-Мирский писал: «На русском языке не существует стандартной истории русской литературы. То, что есть, либо безнадежно устарело, либо является очевидными компиляциями сведений из вторых рук <…> В последние несколько лет возникла новая школа историков литературы, известная как “формалисты”, много делающая для изучения русской литературы с более литературной точки зрения, чем это было до сих пор. Работы Жирмунского (“Байрон и Пушкин”), Эйхенбаума (о Лермонтове и “Молодой Толстой”), Тынянова, Виктора Виноградова (“Гоголь и Достоевский”) являются важным вкладом в наши знания»[161].

Однако формалисты и топика их исследований присутствуют в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» не только в виде прямых отсылок к их работам, но и, как представляется, в самом плане историко-литературного нарратива Святополк-Мирского.

Святополк-Мирский едва ли прошел мимо статьи Тынянова «О литературном факте», опубликованной в «ЛЕФе» в 1924 г.[162], в которой Тынянов ставил вопрос о статическом и эволюционном способах описания истории литературы[163] и, среди прочего, писал о границах литературы: «Определения

---

[161] *Mirsky D. S., Prince*. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). London– New York, 1927. – P. 376–377.

[162] *Тынянов Ю.* О литературном факте // ЛЕФ. – 1924. – № 2 (6). – С. 101–116. В том же номере опубликованы фрагменты «Конармии» и «Одесских рассказов» Бабеля, ставшие предметом самого пристального внимания Святополк-Мирского.

[163] Тынянов писал: «Перед нами результат такого статического обособления – в изучении Пушкина. Пушкин выдвинут за эпоху и за эволюционную линию, изучается вне ее (обычно вся литературная эпоха изучается под его знаком). И многие историки литературы продолжают поэтому (и только поэтому) утверждать, что последний этап лирики Пушкина – высший пункт ее развития, не замечая именно спада лирической продукции у Пушкина в этот период и наметившегося выхода его в смежные с художественной литературой ряды: журнал, историю.

Подменить эволюционную точку зрения статической и осуждены многие значительные и ценные явления литературы. Тот бесплодный литературный критик, который теперь осмеивает явления раннего футуризма, одерживает дешевую победу: оценивать динамический факт с точки зрения статической – то же, что оценивать качества ядра вне вопроса о полете. “Ядро” может быть очень хорошим на вид и не лететь, т. е. не быть ядром, и

литературы, оперирующие с ее ”основными” чертами, наталкиваются на живой *литературный* факт. Тогда как твердое *определение литературы* делается все труднее, любой современник укажет вам пальцем, что такое *литературный* факт. Он скажет, что то-то к литературе не относится, является фактом быта или личной жизни поэта, а то-то, напротив, является именно литературным фактом. Стареющий современник, переживший одну-две, а то и больше литературные революции, заметит, что в его время такое-то явление не было литературным фактом, а теперь стало, и наоборот»[164].

В предисловии к своей книге Святополк-Мирский писал, что его вкусы отражают «вкусы [его] литературного поколения» и что, соответственно «компетентному русскому читателю [его] оценки не покажутся парадоксальными»[165], косвенным образом отвечая, таким образом, на тыняновское «любой современник укажет вам пальцем, что такое литературный факт»[166].

Тынянов пишет о «явления[х], которые обладают исключительной динамичностью, значение которых в эволюции литературы громадно, но которые ведутся не на обычном, не на привычном литературном материале и потому не оставляют по себе достаточно внушительных статических “следов”, конструкция которых выделяется настолько среди явлений предшествующей литературы, что в

может быть “неуклюжим” и “безобразным”, но лететь хорошо, т. е. быть ядром» (*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 260).

Своеобразным откликом Святополк-Мирского на эти высказывания Тынянова можно считать опубликованный в 1926 г., «диалог» «О консерватизме» (Благонамеренный. 1926. Март–апрель. – № 2. – С. 87–93), в котором Святополк-Мирский писал: «Традиция, как нить Ариадны, – раз уронили, уже не поднять. Опираться можно только на непосредственно предшествующую традицию, еще не оборванную. Реставрации не бывает ни в политике, ни в культуре. Новое должно быть новое, а не подогретое вчерашнее <…> Новое тем и отличается от старого, что оно неизвестно и неожиданно. Когда оно придет, мы его, вероятно, сразу не узнаем <…> Все непонятно для того, кто не имеет времени понять. Искусство – создание новых ценностей. Поэты потому и почитаются высшей породой людей, что они создают *новое,* т.е. такое, о чем раньше не знали и не догадывались. Никто не упрекает Эйнштейна за трудность теории относительности. Очевидно, стоит трудиться, чтобы понять. Не мы нужны поэтам, а они – нам <…> тут я Вам помочь не могу, если Вы сами не можете различить, что – конец прекрасного, может быть, но уходящего прошлого, что – начало совершенно незнакомого будущего» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 147–150, курсив Святополк-Мирского).

[164] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 257 (курсив Тынянова).

[165] *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 454, 456; *Mirsky D.S.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – P. VIII, IX.

[166] Ср. с высказыванием Святополк-Мирского о Лескове: «Даже теперь, когда он занял среди классиков бесспорное место и его знают лучше и читают больше, чем, скажем, Гончарова или Писемского, он не удостоился «официального» признания, т. е. постоянного места в учебниках. Лесков – разительный пример невыполнения русской критикой своего долга. Славу ему создали читатели вопреки критике» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 488).

“учебник” не умещается. (Такова, например, <…> *огромная* область эпистолярной литературы XIX века; все эти явления были на необычном материале; они имеют огромное значение в литературной эволюции, но выпадают из статического определения литературного факта)»[167].

Представляется, что Святополк-Мирский отозвался на эти тезисы Тынянова в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» разнообразными способами. Так, напр., Святополк-Мирский рассматривает эпистолярий как законную часть истории литературы: «… письма [Владимира] Соловьева необычайно остроумны, и читать их наслаждение. После Пушкина (у которого нет соперников) Соловьев без сомнения лучший русский мастер эпистолярного жанра и далеко позади третий – Чехов»[168].

Святополк-Мирский включает в свою «Современную русскую литературу» адвокатов (Спасовича, Урусова, Кони, Андреевского), философов (Леонтьева, Шестова, Розанова), историков (Ключевского) и историков искусства (Бенуа), публицистов (Михайловского), редакторов (Каткова), революционеров-эмигрантов, то есть на практике демонстрирует чаемое Тыняновым динамическое описание литературных фактов.

Не называя формалистов по именам, Святополк-Мирский акцентирует внимание читателя на конкретных текстах, подчеркивая в них именно те характеристики, которые релевантны для формалистов, в особенности – *литературную технику* авторов и *конструкцию* художественного высказывания. Дадим краткие примеры на материале первых глав «Contemporary Russian Literature, 1881–1925».

Святополк-Мирский нигде не разъясняет, что он подразумевает под литературной техникой, однако критерий ремесла является для него одним из решающих в его суждениях. Напр.:

---

[167] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 258 (курсив Тынянова).
[168] *Mirsky D. S., Prince*. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – P. 79; *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 545.

О Случевском: «… его иногда называли королем поэтов, но, будучи только заикой, не имеющим представления о самых основных положениях своего ремесла, он не мог иметь плодотворного влияния» (502).

«Возрождение истинно активного чувства формы <…> произошло <…> в 90-е годы XIX и в первые годы нынешнего столетия» (520–521).

О Надсоне: «Это предел падения русской поэтической техники» (535).

О Мережковском: «Мережковский с самого начала был по поэтической культуре гораздо выше своих современников» (535).

О Фофанове: «Стихи его – о звездах, о цветах, о птичках – все это иногда вполне искренно, но, в общем, мало интересно, и так как он не владел техникой, то уровень тут крайне неровен» (537).

Важность конструктивного фактора для Святополк-Мирского хорошо иллюстрирует, открывающая книгу глава о Л. Толстом. Напр.,[169]:

Об «Исповеди» как художественном произведении: «Оно построено, и построено с величайшим мастерством и точностью <…> Само произведение для нас важнее, чем факты, которые легли в его основу. Факты имели место в свое время и не существуют более» (469, 470).

О «народных рассказах»: «Все рассказы написаны великолепно, каждый – маленький шедевр построения, сжатости и соответствия художественных средств и цели. Форма и содержание представляют органическое целое» (476).

О «Хозяине и работнике»: «Это один из шедевров Толстого, по строгой красоте конструкции сравнимый с “Исповедью”» (478).

О «Фальшивом купоне»: «великолепно построенная история» (482).

О пьесах Толстого: «За исключением “Плодов просвещения”, комедии интриги, а точнее – фарса, все они построены по тому же принципу “кинетоскопа”, что и “Хаджи-Мурат”[170]. Действие не развивается постепенно, а состоит из сцен, представляющих основные моменты рассказа, который часто

---

[169] *Mirsky D. S., Prince.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – P. 13–27; *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 469–496.

[170] Святополк-Мирский писал о «Хаджи Мурате» в той же главе: «Рассказ ведется, как говорил Толстой, “в манере кинетоскопа” – сцены то и дело сменяют одна другую, главы похожи на набор картинок в волшебном фонаре. <…> Это трагедия, переданная простейшими средствами» (481–482).

охватывает много лет. Такая конструкция иногда напоминает средневековые моралите. Она легко поддается экранизации» (483).

О «Плодах просвещения»: «Как комедия интриги она построена не очень удачно» (485).

О «Живом трупе»: «Драма не слишком точно сконструирована, тут опять применен привычный уже метод “кинетоскопа”, и в точном смысле слова это даже не драма» (486).

При этом показательно, что Святополк-Мирский, исключительно высоко оценивая толстовскую «Исповедь» как художественное произведение, а не (авто-)биографический документ (что, казалось бы, одно говорит о его схождении с теоретическими установками формалистов), тут же замечает: «Нет смысла давать здесь подробный анализ этой вещи, поскольку все цивилизованные люди, надо думать, ее читали. Пересказывать ее своими словами было бы самонадеянно, вырывать цитаты из целого – разрушительно. Ибо “Исповедь” – великолепное целое, построенное с изумительной точностью и силой» (470).

Вывод парадоксальный: «незачем анализировать текст», поскольку «все его читали». Любопытно, что Святополк-Мирский словно уравнивает «подробный анализ» с «пересказом» и «цитатами», при том, что в предисловии к «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» он вполне определенно утверждал, что «стремился максимально придерживаться фактов, намеренно избегая обобщений» (454). Однако «обобщений» в «Истории» Святополк-Мирского предостаточно, и во многом именно они и придают книге ее ценность. Можно сказать, что Святополк-Мирский развернутому текстуальному анализу (характерному для формалистов) противопоставляет его концентрированный остаток (который едва ли можно назвать итогом, поскольку Святополк-Мирский не дает никакой аналитической «суммы»). При этом Святополк-Мирский – в отличие от формалистов – допускает в истории литературы существование необъяснимых и необъясняемых литературных фактов. Так, Святополк-Мирский обстоятельно пишет о языке позднего Толстого, начиная, однако, со слов о «великолепном толстовском языке, тайна которого до сих пор не раскрыта» (470–

471). Здесь, как представляется, Святополк-Мирский в большей степени действует как литературный критик «импрессионистского» толка, чем как историк литературы.

Вышедший летом 1926 г. первый номер «Верст», изобилующий перепечатками авторов, живущих в Советском Союзе, не содержал текстов кого-либо из формалистов, однако они всё же оказались представленными – и весьма характерным образом.

В обширной перепечатке из советского журнала «Журналист» под заголовком «Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП» (вызвавшей гневную реакцию в русском зарубежье) цитировался, среди прочего, и Шкловский: «1924 и 1925 годы были временем понижения квалификации в русской литературе. В беллетристике и в критике стали писать невнимательней, хуже. Отчасти это объясняется спором о литературной политике. Этот спор, создав группы “напостовцев” и “попутчиков”, сбил границы литературных группировок. Исчезло литературное общественное мнение. Как крапива, росла хрестоматия. От литературы ждали короткого ответа, как от солдата в строю. Сегодня напостовцы демобилизованы и могут начать писать. Попутчики вернутся из полетов. О них можно будет писать не как о больных. Для нас, формалистов, резолюция ЦК означает возможность работать, развивать и изменять свой метод не потому, что на нас кричат со всех сторон, а потому, что это может понадобиться в процессе исследования. Для меня это значит – возможность работать по специальности»[171].

Своеобразным – и двусмысленным, в свете последующих событий – коррелятом к этой цитате из Шкловского можно считать опубликованный в том же 1-ом номере «Верст» «Опыт обзора» А. Туринцева, в котором речь шла о судьбе современной русской литературы в условиях советской идеологической несвободы. Туринцев неоднократно отсылает к известным установкам

[171] Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП // Версты. – 1926. – № 1. – С. 200.

формалистов[172], подчеркивая, что «ремесло», сумма технических навыков писателя, даже выученика формалистов, не тождественно созиданию художественного смысла: «При всем моем большом уважении к формальному методу и его огромным заслугам, полагаю, однако, что дело не в “ключе к сюжету”, как думает Асеев, и не в новом жанре (во всяком случае – не в этом одном)»[173].

В декабре 1926 г. Святополк-Мирский в последний раз обозревает в «The Slavonic Review» новейшие публикации формалистов[174], определяя их как «заслуживающую восхищения работу в области изучения литературы». Говоря о сборнике статей «Поэтика»[175], Святополк-Мирский замечает: том «счастливо возрождает название знаменитого сборника 1919 г., положившего начало всему движению». Святополк-Мирский весьма заинтересованно отзывается о младоформалистах (Гинзбург, Бухштабе, Виндт) и при этом особо выделяет «Архаистов и Пушкина» Тынянова – работу о «Катенине и Кюхельбекере, двух замечательных личностях, которых только теперь начинают ценить по достоинству»[176].

И совсем вскоре, в январе 1927 г., из печати выходит вторая книга «Верст» (о «Веянии смерти» см. выше), в которой Святополк-Мирский уделяет особое

---

[172] См., напр.: «Слишком много в СССР говорят о том, какой должна быть литература. Задания, возлагаемые на нее – огромны. Она не справляется с ними и – ею недовольны. Ортодоксальная критика заботится о партийном «выправлении» литературы. Формалисты ищут новых форм, думают, что все дело в формовании, в умелом использовании литературных приемов. Для них ведь все искусство лишь – “сумма стилистических приемов”. Заметили, что читатель, в ущерб чтению отечественных произведений, увлекается переводной литературой, гл<авным> об<разом> фантастическими и авантюрными романами. Потянулись к деланию своего “авантюризма”. Даже Бухарин высказался о полезности “красного Пинкертона”. <…> Стали искать нового жанра (т. е. говорить о поисках), утверждая (Эйхенбаум), что “очередной кругооборот ведет нас сейчас от старых форм романа и новеллы к хронике, к воспоминаниям, к эпизодам, к письмам – к тем жанрам, где слово не заменить кинематографом”. <…> Главным образом в общем впечатлении неблагополучия повинны преобладающие численно молодые писатели, причисляющие себя в большинстве к пролет-писателям. Молодым в СССР теперь очень легко «пробиваться», к ним относятся чрезвычайно внимательно, от них многого ждут. И вот быстрый взлет, пяток хвалебных рецензий и разочарование. Ибо, как остроумно заметил Шкловский, “наши современники больше всего любят молодых писателей, но пишущих не хуже старых”. <…> Художественное произведение для автора ценность самодовлеющая, сама в себе (и подлинная, реальнейшая реальность). Коль скоро оно начинает служить чему-нибудь (по крайней мере сознательно), помимо художественной правды, т. е. становится для художника средством, а не целью, оно внутренний свой смысл уничтожает, обессиливается – цель берет все. Вот почему творчество пролетарских писателей в корне дефективно» (*Туринцев А.* Опыт обзора // Версты. – 1926. – № 1. – С. 226–227).

[173] Там же. – С. 227. Приводимые Туринцевым слова Эйхенбаума – цитата из статьи «В поисках жанра» (Русский современник. – 1924. – № 3. – С. 231).

[174] *Mirsky D. S.* Recent Publications in Russia // The Slavonic Review. – 1926 (December). – Vol. 5. – № 14. – P. 459–460.

[175] Поэтика. Сб. ст. В. Казанского, В. Виноградова, С. Бернштейна, А. Астахова, Г. Гуковского, Лидии Виндт, Р. Томашевской, Ю. Тынянова, Н. Колпакова и С. Балухатого. – Ленинград, 1926.

[176] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 155.

внимание Тынянову, причем – Тынянову-романисту. В номере напечатана последняя глава «Кюхли»[177], а также «Критические заметки» самого Святополк-Мирского, одна из которых целиком посвящена опять же «Кюхле»[178]. Святополк-Мирский вполне определенен в стратегически-высокой оценке и романа, и Тынянова: «Тынянов, надо заметить, один из наиболее видных историков литературы формальной школы; по моему мнению, самый тонкий и чуткий изо всех формалистов. Его книга о “Стихотворном языке”, несмотря на отпугивающий жаргон, – совершенно выдающаяся работа, и его недавнее исследование о Катенине и том же Кюхельбекере (сборник “Пушкин в мировой литературе”, Ленинград, 1926) – методологически лучший образец “формального метода”».

При этом Святополк-Мирский говорит о «Кюхле» как о «книге начинающего», соотнося ее вместе с тем с книгами А. Моруа и М. Алданова: «Недостатки ее слишком очевидны – плохо рассчитанные пропорции (особенно скомканность первых глав); явная спешка (по-видимому, издатель торопил к юбилею декабристов); невыработанный, срывающийся, хотя в основе правильно намеченный, стиль; одностороннее (почти исключительно литературное) знакомство с эпохой, сказывающееся в дилетантски претенциозных рассуждениях о 14-ом декабря».

Но – «[н]есмотря на это, “Кюхлю” надо признать выдающимся явлением. Эпоха декабристов представлена с большой зоркостью, зоркостью одновременно исторической и художнической. Движение времени передано с убедительностью. Кюхельбекер дан как целое существование im Werden, в росте и увядании, – это уже ручается за подлинное дарование художника. Эпизодические лица, иногда слегка намеченные, удачно угаданы, – у них есть физиономия, это не тени и не марионетки, хотя они и не уплотнены до полной человечности. Пушкин, в частности, кажется мне особенно удавшимся.

---

[177] *Тынянов Ю.* Конец // Версты. – 1927. – № 2. – С. 92–103.
[178] *Святополк-Мирский Д., кн.* Критические заметки // Версты. – 1927. – № 2. – С. 261–262.

Из отдельных глав книги особенно хороша последняя – “Конец”, в ней особенно ярко выступает историческая интуиция автора, – постепенное, медленное, но неизбежно нарастающее умирание декабристов в глухой пустыне николаевского царствования производит впечатление глубокое и безысходное. Этот конец в большой традиции русской литературы <…> После книги Тынянова Вильгельм Кюхельбекер, чистейший и благороднейший из русских Дон-Кихотов, станет, я уверен, навсегда родным и близким русской памяти»[179].

Примерно около того же времени, в том же 1927 г., Святополк-Мирский в англоязычной статьей «The Present State of Russian Letters»[180] выскажется о «Кюхле» короче, но столь же определенно-заинтересованно: роман «хорош и как пример исторического истолкования, и как собственно роман, и заставляет нас многого ожидать от автора, который также является одним из наших лучших критиков и историков литературы»[181].

Через два месяца после выхода вторых «Верст» в марте 1927 г. В. Ходасевич публикует статью «О формализме и формалистах»[182], в которой яростно обрушивается на формалистов, обвиняя их в «спиритуальном» большевизме. Святополк-Мирский на эту статью никак печатно не откликнулся (в том числе и в вышедшем в январе 1928 г. третьем номере «Верст»), но едва ли он пропустил ее: ранее в 1926 г. Ходасевич уже атаковал «Версты» и лично Святополк-Мирского с аналогичными (и более тяжкими) обвинениями (см. п. 4 гл. 3 наст. диссертации)[183].

Святополк-Мирский в это время и далее, в 1928 г., однако, в большей степени занят совсем иными сюжетами (закрытие «Верст», стремительное полевение, курс на СССР, поездка с Сувчинским к Горькому в Сорренто, совместная с Сувчинским же работа по расколу евразийского движения, начало газеты «Евразия»).

---

[179] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 170–172.
[180] *Mirsky D. S.* The Present State of Russian Letters // The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 275–286.
[181] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 255.
[182] *Ходасевич В.* О формализме и формалистах // Возрождение. – 1927. – 10 марта. – № 646.
[183] *Ходасевич В.* О «Верстах» // Современные записки. – 1926. – № 29. – С. 433–441.

В свою очередь, в жизни формалистов 1928 г. был отмечен событием исключительной важности – встречей Якобсона осенью 1928 г. в Праге с Тыняновым и Винокуром. Результатом пражского общения Якобсона и Тынянова стали, как известно, тезисы «Проблемы изучения литературы и языка», опубликованные в декабрьском (вышел в январе 1929 г.) номере «Нового Лефа» за 1928 г. Святополк-Мирский осенью 1928 г. находится в Лондоне (с выездами в Париж), но весьма вероятно, что о пражских встречах был наслышан от Сувчинского. Важны слова Н.С. Трубецкого в письме к Сувчинскому (октябрь 1928 г.): «В Прагу скоро приезжают два формалиста [Ю.Н. Тынянов и Г.О. Винокур]. Считаю необходимым их повидать, <…> чтобы не терять, а по возможности еще и упрочить связь с этим направлением, которое нам может пригодиться»[184].

Пока же, в феврале 1929 г., Святополк-Мирский публикует в просоветской парижской газете «Евразия» отклик на только что появившийся роман Тынянова «Смерть Вазир-Мухтара»[185], в котором писал: «По сравнению с “Кюхлей”, еще державшимся биографической формы, “Смерть Вазир-Мухтара” – несомненный шаг вперед. Подход к материалу свободней. Действующие лица не говорят цитатами, но разговор их выдерживается в тоне, созвучном их письмам и высказываниям <…> Наличность крепкого смыслового костяка (тема предательства и бессмысленности) спасает “Смерть Вазир-Мухтара” от сравнений с расплодившимся повсюду лже-биографическим жанром и делает его настоящим романом, с единством действия. Проявленная Тыняновым еще в “Кюхле” высокая способность создавать живых людей в новом его романе проявляется еще ярче. Сам Грибоедов сделан с большой убедительностью и в самой своей мертвости – жив. <…> Интересно в новой манере Тынянова несомненное использование гоголевских приемов, хотя и очень «дискретное», в стремлении дать фигурам простые физические формулы. Роман Тынянова вновь ставит вопрос об

---

[184] *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. – С. 544–545. Комментарий С. Глебова: «По свидетельству Якобсона, Винокур уехал из Праги до приезда туда Н.С. Трубецкого» (Там же. – С. 545).

[185] *Святополк-Мирский Д.* Роман Тынянова о Грибоедове // Евразия. – 1929. – 16 февраля. – № 13. – С. 7.

историческом романе как жанре. Для Тынянова это, прежде всего, реконструкция данной исторической действительности, т.е. вид истории. “Смерть Вазир-Мухтара” – историческая работа. <…> У Тынянова нет той “внутренней фауны”, которая одна делает “поэтов”, а только понимание, которое делает историков. Заинтересованность его в своих героях – объективная и социальная. Роман прямо отвечает социальному заказу (интересу читателя к эпохе). Все это не умаляет его ценности. Хорошая история лучше неумелой “поэзии”. Все-таки нужно различать и, признавая высокие качества “Смерти Вазир-Мухтара”, не надо забывать, что она принадлежит к иному классу, чем “Детство Люверс” Пастернака, “Конармия” Бабеля или “Рискованный человек” Тихонова»[186].

И совсем вскоре, в июне 1929 г., в статье к столетию Грибоедова Святополк-Мирский снова выскажется о «Смерти Вазир-Мухтара», на сей раз – в журнале «The Slavonic and East European Review»[187] (это все тот же «The Slavonic and East European Review», но с немного измененным названием): «Великолепный юбилейный памятник, обозначающий этот новый интерес к Грибоедову-человеку, – “Смерть Вазир-Мухтара”, роман Юрия Тынянова, с Грибоедовым в роли главного героя. Тынянов – один из наиболее выдающихся ныне живущих русских критиков и историков литературы. В этом качестве он уже многое сделал для изучения литературного фона, на котором мы должны увидеть Грибоедова. Вклад в историю русской литературы исключительной ценности – работа Тынянова о литературных друзьях Грибоедова, Катенине и Кюхельбекере, которые противостояли (как и сам Грибоедов) чрезмерному французскому влиянию школы Пушкина. Тынянов дебютировал в художественной литературе в 1925 г. другим романом с литературной биографией: ее главным героем был тот самый друг Грибоедова, поэт, идеалист и революционер Кюхельбекер. Роман имел большой успех, и от Тынянова сразу стали ожидать, что он сделает с Грибоедовым то же, что сделал с Кюхельбекером. Роман о Грибоедове – определенно одна из лучших прозаических книг, появившихся в России после

---

[186] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 204–205.
[187] *Mirsky D. S.* Centenary of the Death of Griboyedov (1829 – January – 1929) // The Slavonic and East European Review. – 1929 (June). – Vol. 8. – № 22. – P. 140–143.

1921 г., и, хотя он немного не достигает высшей сферы творчества, это в своем роде – шедевр. Отрадно, что великий писатель получил к своему столетию соответствующий памятник. Грибоедов стал героем художественной прозы, причем так, что его личность ничего не теряет. Роман Тынянова – это самый настоящий роман, а не биография, замаскированная под роман, или роман, замаскированный под биографию. <…> Портрет Грибоедова, каким он нарисован в книге, исключительно убедителен и, я полагаю, по сути верен. <…> Свет, пролитый художественным пониманием Тынянова, на последние годы Грибоедова и его смерть, объясняет, среди прочего, странную поэтическую бесплодность этих лет, и трагическую неудачу с пьесой, которую и современники, и он сам ждали как произведение много более значительное, чем “Горе от ума”»[188].

Чуть ранее, в апреле 1929 г., на страницах «Евразии», Святополк-Мирский рецензирует книгу В. Познера о современной русской литературе[189]. Рецензия становится одним из ключевых высказываний Святополк-Мирского о формалистах – и важнейшим свидетельством той идейной метаморфозы, которую он претерпевал. Его остро-критическая интонация может показаться совершенно неожиданной на фоне предшествующих высказываний: «Литературная эволюция воспринимается Познером как ряд сменяющих друг друга “Серапионовских братств”. Он выдвигает, как основные вехи, издание “Русских символистов” в 1894 г.; дружбу “блокистов” (по воспоминаниям Белого) в 1902–03 гг.; Цех поэтов и выступления футуристов в 1912–13; самих “Серапионов” в 1921 г. На самом деле, литературная эволюция протекает, конечно, совершенно иными путями, и все эти кружки принадлежат к истории не литературы, а литературного быта. Что же касается самих знаменитых “Серапионов”, роль их была совершенно не такая, как представляет себе Познер. Они были последней фазой дореволюционного

---

[188] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 202–203.
[189] *Святополк-Мирский Д.* Французская книжка о новейшей русской литературе // Евразия. – 1929. – 13 апреля. – № 21. – С. 6–7.

эстетизма, эпигонами, а не возродителями[190]. Формализм, со своим отказом от всего внелитературного, был явлением нисходящей линии; он был сдачей эстетских позиций. Историческая закономерность формализма в том, что, как раз в момент победы революции претендовавшая на общее культурное руководство эстетическая интеллигенция добровольно отрекалась от всякого вмешательства во “внелитературные ряды” и ограничила себя ролью спецов. На короткое время спецовство и восторжествовало в литературе, но время его торжества прошло»[191].

Это – ключевой момент в оценке Святополк-Мирским формалистов. Святополк-Мирский 1929-го года – это проводник «социологического метода»[192], нигде теоретически не эксплицированного, но явственно ощутимого в его работах конца 1920-х гг. Ныне для Святополк-Мирского формалисты не имеют самостоятельной ценности как историки и теоретики литературы[193]. Тынянов хорош для Святополк-Мирского как исторический романист с хорошей исторической интуицией, но этого недостаточно, чтобы формалисты были «восходящей линией»: дело не в литературе и истории литературы. При этом все предыдущие высокие оценки Святополк-Мирским работ формалистов рецензией 1929 г. словно аннулируются по умолчанию. Но при этом, вынося формалистам «исторический приговор», Святополк-Мирский использует ключевые формалистские понятия: «литературный быт», «внелитературный ряд».

Формалисты теперь измеряются лишь «вмешательством» / «невмешательством» во «внелитературные ряды». Святополк-Мирский постулирует вину формалистов: они – «культурная интеллигенция», которая претендовала на общее культурное руководство[194], но добровольно отреклась от этого. Для Святополк-Мирского, таким образом, формалисты в масштабе

---

[190] Быть может, здесь Святополк-Мирский имплицитно отсылает к «Литературному факту» Тынянова: «… *говоритъ о преемственности приходится только при явлениях школы, эпигонства, но не при явлениях литературной эволюции, принцип которой – борьба и смена*» (*Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 258, курсив Тынянова), направляя, таким образом, тезис формалистов против «Серапионов», их выучеников.

[191] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 209.

[192] И не только в 1929 г. В пространной статье 1931 г. «Periods of Russian Literature» (The Slavonic and East European Review. – 1931 (March). – Vol. 9. – № 27. – P. 682–694) Святополк-Мирский описывает периодизацию русской литературы по лекалу исторического материализма: это периоды русской литературы без литературы.

[193] При этом необходимо учитывать, что в том же самом 1929 году Святополк-Мирский начнет сотрудничество с журналом «Slavische Rundschau», который редактировал Р. Якобсон.

[194] Святополк-Мирский не объясняет, что и кого он имеет в виду.

большой истории – неудачники. Потому и о Шкловском в той же «Евразии», в августе 1929 г.[195], Святополк-Мирский скажет весьма жестко: «Применяющийся к советской современности Виктор Шкловский устарел и выглядит человеком, прилетевшим на уэллсовской машине времени из 1921 года в 1929-й. Он неизмеримо менее нужен сейчас, чем Бахметев или Никифоров»[196].

По Святополк-Мирскому, побеждают не «спецы», побеждают те, кто берет на себя «общее руководство». Именно в этой перспективе сам Святополк-Мирский и видел свое советское будущее, как он и писал Горькому в 1930 г.: «… меня двигает <…> вера в социальную революцию всеобщую <…> я совсем не хочу быть советским обывателем, а хочу быть работником ленинизма»[197].

В словах Святополк-Мирского 1929 г. о формализме, вероятно, больше всего обращает на себя внимание утверждение, что формалисты «ограничили себя ролью спецов» *добровольно*. Святополк-Мирский, безусловно, прекрасно знал, что формализм стал жертвой жесточайшего идеологического давления (и писал об этом в 1925 г. в «Современных записках»), завершившегося разгромом формальной школы. Это игнорирование Святополк-Мирским известных фактов есть само по себе проблема, подходить к которой необходимо крайне осторожно и вне той риторики, которая характерна для Святополк-Мирского конца 1920-х гг.[198] или его *политических* оппонентов. Святополк-Мирский реинтерпретирует и

---

[195] *Святополк-Мирский Д.* Проза поэтов // Евразия. – 1929. – 24 августа. – № 34. – С. 7–8.

[196] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 216.

Уже находясь в СССР, в статье «О некоторых вопросах изучения русской литературы XVIII в.» (1933) Святополк-Мирский крайне жестко выскажется об историко-литературных работах Шкловского, написанных после разгрома формализма: «Тем временем XVIII в. сделался спортивной площадкой для “исследователей” вроде Виктора Шкловского, облюбовавшего себе прозаиков екатерининской эпохи и создавшего такие шедевры самоуверенного верхоглядства, как его последняя книга “Чулков и Левшин”, в которой на основании прочитанных им нескольких старых книг, журнальных статей и справочников он претендует критиковать и ревизовать историческую концепцию Покровского. Концепция Покровского – первая не только марксистская, но вообще связная концепция истории XVIII в. – конечно, подлежит еще большому уточнению. Не следует забывать, что она изложена наиболее детально в ранней, дооктябрьской, работе великого историка и не представляет собой последнего слова зрелого Покровского. Но это уточнение может быть проведено только на основании большой работы во всеоружии марксистского метода и с учетом всех новых материалов. Наскоки Шкловского не могут, конечно, повредить этой большой работе, но в кустарщину общеисторических взглядов литературоведов они могут внести много новой и лишней путаницы (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 244–245).

[197] *Smith G. S., Kaznina O.* D. S. Mirsky to Maksim Gorky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. – 1993. – № 26. – P. 94.

[198] Отметим, однако, что еще в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925» Святополк-Мирский писал о развитии русского культуры в нач. XX в.: «Может быть, марксисты в своем объяснении фактов не так уж далеки от истины: по их мнению, новые движения были симптомами социальных перемен, то есть рождения буржуазии –

свою биографию, и судьбы формалистов в категориях марксистского социологизма. История литературы – это «симптом», а не самостоятельная ценность, а изучение истории литературы – и вовсе «симптом симптома».

В 1929–1932 гг. Святополк-Мирский сотрудничал с пражским немецкоязычным журналом «Slavische Rundschau», восточнославянский отдел которого редактировал Р.О. Якобсон[199]. Участие Святополк-Мирского в «Slavische Rundschau» – немаловажный факт в биографиях и Святополк-Мирского, и Якобсона. По словам Н.С. Автономовой, «[в] целом, журнал – детище Якобсона со товарищи»[200]. Допустимо, как представляется, все же скорректировать этот тезис. В журнале русистике было отведено столько же места, сколько полонистике, болгаристике и другим славистическим дисциплинам, в которых роль Якобсона была неизмеримо ниже, чем в русистике. По крайней мере, те первые три года издания журнала, когда с ним сотрудничал Святополк-Мирский, демонстрируют широкий славистический консенсус, без специальной руководящей роли Якобсона.

Для Якобсона сотрудничество с Святополк-Мирским явно не было факультативным, поскольку в 1931 г. – т.е. в то время, когда Святополк-Мирский публиковался в «Slavische Rundschau» – именно он оказался единственным автором, с кем Якобсону удалось издать сборник памяти Владимира Маяковского[201]. В сборник, как известно, вошли только две статьи: «О поколении,

---

образованного класса, занимающего свое место в культурной жизни» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 624).

[199] См.: *Ефимов М.В.* Статьи и рецензии Д. П. Святополк-Мирского в журнале “Slavische Rundschau” (1929–1932 // Литературный Факт. – 2016. № 1–2. – С. 83–94.

[200] *Автономова Н. С.* «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н. С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М., 2009. – (Российские Пропилеи). – С. 61.

[201] Смерть Владимира Маяковского. – Берлин, 1931.

Истории создания сборника «Смерть Владимира Маяковского» был посвящен доклад А. Устинова «Roman Jakobson and the Generation “that Squandered its Poets”» на международной конференции «Roman Jakobson: Linguistics and Poetics / Роман Якобсон: Лингвистика и Поэтика» (Милан, Верчелли, ноябрь 2015 г.). См. также: *McLean H.* Roman Jakobson, A Memoir // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана. – М., 2010. – С. 642–659.

растратившем своих поэтов» самого Якобсона[202] и «Две смерти: 1837–1930» Святополк-Мирского[203].

Для Святополк-Мирского период рубежа 1920–1930-х гг. – решающий в его биографии. Радикальное полевение Святополк-Мирского привело его к фактическому разрыву с русской антибольшевистской эмиграцией. Закрытие издававшегося Святополк-Мирским и Сувчинским журнала «Версты» повлекло за собой издание газеты «Евразия», в которой Святополк-Мирский активно участвовал – причем больше как историк и политический публицист, чем как литературный критик[204]. В это же время значительно сокращается количество публикаций Святополк-Мирского в журнале «The Slavonic and East European Review». Причиной этого была и сознательная переориентация Святополк-Мирского с историко-литературных интересов на исторические и политические, и нарастающий конфликт Святополк-Мирского с Б. Пэрсом, руководившим Школой славянских исследований при Королевском колледже Лондонского университета. Опубликованная в 1932 г. в «Slavische Rundschau» уже после увольнения Святополк-Мирского из Школы статья о русском историческом романе оказалась последней собственно историко-литературной работой Святополк-Мирского, относящейся к его эмигрантскому периоду.

---

[202] Статья Якобсона была первоначально опубликована в «Slavische Rundschau» в немецком переводе: *Jacobson R.* Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat // Slavische Rundschau. – 1930. – № 7. – S. 481–495.

[203] А.Л. Бем печатно высказался о сборнике и помещенных в нем статьях в статье «Спор о Маяковском» (Руль. – 1931. – 2 июля. – № 3220). Статья Р.О. Якобсона «… принадлежит, несомненно, к одной из лучших работ о Маяковском, появившихся после его смерти.

Однако приходится пожалеть, что очутилась она по соседству со статьей Д. Святополк-Мирского. Прежде всего поражает полная противоположность двух статей, объединенных общей обложкой, по основной своей идее. Если Р. Якобсон склонен видеть в гибели поэта жестокое проявление непонимания окружающей средой поэта, если в этом он видит сходство в судьбе Маяковского с судьбой Пушкина, то для Д. Святополк-Мирского гибель и одного, и другого явилась прямым следствием непонимания поэтами нового духа времени. Эту свою мысль Д. Святополк-Мирский пытается обосновать в духе социологической школы и делает это с завидной прямолинейностью. Как раз то, что рисуется Р. Якобсону наиболее значительным в поэтическом творчестве В. Маяковского, его лирика, представляется Святополк-Мирскому “спадом в обывательщину” и проявлением “мелкобуржуазной сущности”. Смерть Маяковского только показала, что пришел конец индивидуалистическому периоду русской литературы. На смену ему пришла пролетарская литература. Она единственная восходящая сила.

Статья Д. Святополк-Мирского прекрасное доказательство от противного. Она убедительно показывает, что поэзия Маяковского никак не укладывается в рамки казенного марксистского мировоззрения. И Святополк-Мирский здесь куда более последователен, чем подневольные советские критики, которые пытаются сохранить Маяковского для себя. Им страшно сознаться, что один за другим ушли от них в смерть и Блок, и Есенин, и Маяковский» (*Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. – М., 2001. – (Studia philologica). – С. 345).

[204] См.: *Ефимов М. В.* Д.П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. – 2015. – Вып. 1 (41). – С. 39–52.

Святополк-Мирскому принадлежит в «Slavische Rundschau» восемь публикаций. Это – три обзорные аналитические статьи (о литературе русской эмиграции[205], о современном русском историческом романе[206], о рецепции творчества Достоевского в Европе[207]), три небольшие рецензии на историко-литературные публикации (книги Н. Арсеньева[208], М. Алексеева[209] и В. Кирпотина[210]) и два небольших обзора культурных событий в Великобритании, связанных с Россией [211].

В статье «Современный русский исторический роман» (1932) Святополк-Мирский особо останавливается на исторической романистике Тынянова. Это уже третье по счету обращение Святополк-Мирского к данному материалу, но в статье в «Slavische Rundschau» он предлагает новый угол рассмотрения. Святополк-Мирский сравнивает метод Тынянова-прозаика с методом Толстого и замечает: «… контраст между большим вниманием формалистов к формальной структуре чужих произведений и отсутствием подобной структуры в их собственном творчестве вообще типичен для технически высококвалифицированной, но лишенной всякой общественной цели интеллигенции»[212]. Святополк-Мирский, таким образом, увязывает «внимание к формальной структуре» художественного высказывания с общественной функцией автора высказывания. Святополк-Мирский иллюстрирует это следующим образом: «Из всех формалистов (в широком смысле слова) формальную ясность демонстрируют лишь те, кто в наибольшей степени слился с

---

[205] *Sv'atopolk Mirskij D.* Die Literatur der Russischen Emigration // Slavische Rundschau. 1929. – Bd. 1. – № 4. – S. 290–294.

[206] *Sv'atopolk-Mirskij D.* Der Russische Historische Roman der Gegenwart // Slavische Rundschau. – 1932. – Bd. 4. – S. 10–17.

[207] *Sv'atopolk-Mirskij D.* Dostojevskij im Westen – I: Dostojevskij in Frankreich und England // Slavische Rundschau. – 1931. – Bd. 3. – S. 310–318.

[208] *D.S.M.* [Rev.] N. von Arseniew. Die Russische Literatur der Neu Zeit und Gegenwart in ihren Geistigen Zusammenhangen. Mainz // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 490–491.

[209] *D.S.M.* [Rev.] M. P. Alekseev. Voltaire et Schouvaloff: Fragments inedits d'une correspondance franco-russe au XVIII siecle. Odessa, 1928; M. P. Alekseev. Etjudy o Marlinskom. Irkutsk, 1928; Sibir' v romane Defo. Irkutsk, 1928 // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 551–552.

[210] *D.S.-M.* [Rev.] V.Ja. Kirpotin. Radikal'nyj Raznocinec: D.I. Pisarev. Leningrad // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 829.

[211] *D.S.M.* England // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – №. 1–2. – S. 112–114; *D.S.M.* Englische Rossica [Kulturchronik] // Slavische Rundschau. – 1930. – Bd. 2. – № 2. – S. 158–159.

[212] *Святополк-Мирский Д. П.* Статьи и рецензии в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932). Пер. с нем. Т. В. Марченко. Подгот. текста и коммент. М. В. Ефимова, Т. В. Марченко. Вступит. ст. М. В. Ефимова // Литературный Факт. – 2016. – № 1–2. – С. 125.

пролетарской революцией, в первую очередь Маяковский, затем работающие в более “техническом” виде искусства кинорежиссеры Эйзенштейн и Пудовкин»[213]. Отметим, что Святополк-Мирский даже не упоминает в 1932 г. работ о кинематографе Тынянова и – особенно многочисленных – Шкловского.

Один из парадоксов деятельности Святополк-Мирского заключается в том, что Святополк-Мирский был историком литературы и литературным критиком по своим интересам и способностям, но по темпераменту и в силу социальных обстоятельств занимался этим вынужденно, ощущая себя при этом социальным неудачником (эмигрант, воин побежденной армии, человек, лишенный состояния и сословных привилегий)[214]. Святополк-Мирский не хотел становиться им снова – и на этот раз добровольно. Формалисты были для Святополк-Мирского неудачниками, потому что они хотели *только* индивидуального и профессионального спасения. Святополк-Мирский, мыслящий категориями диамата, не верит в индивидуальное. Им движет «вера во всеобщую социальную революцию». Потому, приехав в СССР в 1932 г., Святополк-Мирский скажет Жирмунскому: «Вы думаете, что я вернулся лишь для того, чтобы беседовать с вами и Тыняновым?»[215].

Кризис и разгром формальной школы во второй половине 1920-х гг. хронологически совпали с идеологической метаморфозой (радикальным полевением) Святополк-Мирского. Святополк-Мирский, еще прежде опознавший имплицитную близость формалистского детерминизма марксизму и определявший это как опасность для историко-литературных исследований, в конце 1920-х гг. сам усваивает этот детерминизм.

Формалисты уходят в академическое литературоведение, художественную литературу и кино, Святополк-Мирский – в советско-ориентированную историю и идеологическую публицистику. С точки зрения своего правоверного «ленинизма» Святополк-Мирский-идеолог видит «историческую обреченность»

---

[213] Там же.
[214] См.: *Ефимов М. В.* Д. Святополк-Мирский: между аристократией и интеллигенцией // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013 / [отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. – М., 2014. – С. 102–109.
[215] Цит. по: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 216.

формалистов как наследников буржуазной культуры, но в полной мере отдает им должное в историко-литературном и теоретико-литературном пространстве.

Одно из последних высказываний Святополк-Мирского-эмигранта о русских формалистах сделано им в 1930 г. по-английски на страницах «The Slavonic and East European Review» в виде трехстрочной (!) аннотации работы Н.И. Ефимова «Формализм в русском литературоведении»[216]: «В целом весьма враждебные обзор и критика “формальной” школы с полумарксистской точки зрения. Использованные и цитированные материалы, а также библиографические указания исчерпывающие»[217]. И сразу вслед за этим Святополк-Мирский дает однострочную аннотацию к изданию «Западная Белоруссия на скамье подсудимых: Процесс Белорусской крестьянско-рабочей громады. 23 февраля–22 мая 1928 г.» (Минск, 1929). Поскольку подобная аннотация ничем внешне не мотивирована и не имеет аналогов в предшествующих рецензиях и обзорах Святополк-Мирского, возможно таким своеобразным образом Святополк-Мирский выразил отношение к формалистам в СССР – «на скамье подсудимых».

Представляется существенным следующее обстоятельство. В своей статье Н.И. Ефимов обширно – и при этом без соответствующих ссылок – цитирует работу М.М. Бахтина «Слово в жизни и слово в поэзии», опубликованную под именем В. Волошинова в 1926 г. в ленинградском журнале «Звезда»[218]. Нам неизвестно, был ли Святополк-Мирский знаком со статьей Волошинова, однако сочувственный тон его отзыва 1930 г. позволяет это предполагать. Косвенным свидетельством в пользу этого может являться и факт знакомства (по крайней мере – заочного) Святополк-Мирского с братом М.М. Бахтина, Н.М. Бахтина, который – как и Святополк-Мирский – в 1920-е гг. был постоянным автором парижского «Звена»[219].

---

[216] *Ефимов Н. И.* Формализм в русском литературоведении // Науч. известия Смоленского гос. ун-та. – 1929. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 31–107.

[217] *D.S.M.* [Rev.] Formalizm v Russkom Literaturovedenii (Formalism in Russian Literary Studies). By Professor N. I. Etimov. Smolensk, 1929. (Reprint from the Bulletin of Smolensk University.); [Anon.] Zapadnaja Belorussija na skam'e podsudimyx. Minsk, 1929 // The Slavonic and East European Review. – 1930 (March). – Vol. 8. – № 24. – P. 736.

[218] *Волошинов В.* Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. –1926. – № 6. – С. 244–267.

[219] См. библиографию публикаций Н.М. Бахтина в «Звене»: *Бахтин Н. М.* Философия как живой опыт. Избранные статьи. Сост., предисловие, комментарии С. Федякина. – М.: Лабиринт, 2008. – С. 223–224. См. также: *Осовский О.* Николай Бахтин на страницах журнала “Звено” (1926–1928) // Культурное наследие российской эмиграции 1917–

Отметим также, что есть основания допустить, что Святополк-Мирский был знаком с оппозиционной, не-марксистской критикой формального метода[220]. В частности, в полемике с формалистами участвовал В.Э. Сеземан[221], печатавшийся, в свою очередь, в евразийских изданиях и в журнале «Версты»[222], выходившем под редакцией Святополк-Мирского. Вопрос о знакомстве Святополк-Мирского с идеями М.М. Бахтина 1920-х гг. и его круга требует специального дальнейшего рассмотрения.

Приезд Святополк-Мирского в СССР в 1932 г. радикально изменил многое в системе его историко-литературных и литературно-критических оценок. Однако его «советская» и – и негативная – оценка достижений формальной школы сложилась еще в эмиграции, в конце 1920-х годов. В этой оценке собственно литературоведческий аспект принесен в жертву крайне догматически воспринятому Святополк-Мирским историко-материалистическому взгляду.

Представляется возможным сформулировать несколько положений. В начале 1920-х гг. Святополк-Мирский был заинтересованным читателем формалистов и ретранслятором основных положений теории формалистов и их историко-литературной практики в своих англоязычных работах. Для Святополк-Мирского формалисты были теми исследователями, кто впервые создает методологически-мотивированную историю русской литературы, в первую очередь – в конкретных исследованиях поэтики. Особый интерес представляет вопрос о возможном синтезировании в работах Святополк-Мирского идей русских формалистов и британской литературной теории 1920-х гг. (А.А. Ричардс и др.) (см. п. 2 гл. 1 наст. диссертации).

1940: в 2-х кн. / под общ. ред. Е. П. Челышева, Д. М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн. 2. – С. 167–181. О возможных пересечениях в работах Н.М. Бахтина и М.М. Бахтина см.: *Тиханов Г.* Миша и Коля: Брат-Другой (пер. с англ. Е. Канищевой и А. Полякова) // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 5 (57). – С. 54–68.

[220] См. подробный аналитический обзор: *Николаев Н. И.* М. М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. – Вып. 5 / Отв. ред. В. Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 210–280.

[221] См.: *Сеземан В. Е.* Эстетическая оценка в истории искусства // Мысль. – 1922. – № 1. – С. 117– 147.

[222] *Сеземан В. Э.* Искусство и культура (к проблеме эстетики) // Версты. – 1927. - № 2. – С. 185–204; *Сеземан В.* [Рец.] Путь, орган русской религиозной мысли. № 4, июнь – июль 1926 // Версты. – 1927. - № 2. – С. 275–280; *Сеземан В.* [Рец.] А. Ф. Лосев. Философия вмени. Москва, 1927 г. 254 стр. Издание автора; А. Вейдеман. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). 327 стр. Рига, 1927 г. // Версты. – 1928. - № 3. – С. 163–172; *Сеземан В.* [Рец.] «Путь», орган русской религиозной мысли. № 5 (октябрь–ноябрь 1926 г.) и № 6 (январь 1927 г .) // Версты. – 1928. - № 3. – С. 175–181.

В первой половине 1920-х гг. Святополк-Мирский видит достижения формалистов и в методологизации изучения русской литературы, и – в более широком контексте – в преодолении интеллигентско-идеологического модуса поведения, как дореволюционного, так и пореволюционного[223].

Для Святополк-Мирского принципиально важным было совмещение формалистами историко-литературной работы с литературно-критической и взаимовлияние этих двух направлений. Весьма вероятно, что Святополк-Мирский видел в этом определенное типологическое сходство между собой и формалистами.

В первой половине и середине 1920-х гг. Святополк-Мирский является одной из ключевых фигур в процессе рецепции русского формализма на Западе – как в среде русской эмиграции в Европе, так и для англоязычного славистического сообщества. Показательно, что деятельность Святополк-Мирского была интерпретирована именно в этом ключе в статье известного русского журналиста, И.В. Шкловского (родного дяди В.Б. Шкловского), писавшего под псевдонимом «Дионео» («Dioneo»). В 1926 г. Дионео-Шкловский опубликовал в парижских «Последних новостях» статью под названием «”Он изрядно подшутил”», в которой исключительно резко критиковал Святополк-Мирского. Первая часть статьи посвящена Святополк-Мирскому как литературному критику, пропагандирующему новейшую русскую литературу, создающуюся в СССР (см. п. 3 гл. 3 наст. диссертации). Вторая же часть рассматривает Святополк-Мирского как апологета русской формальной школы: «… я хотел <…> указать читателям на то, что кн. Святополк-Мирский говорит англичанам о советских литературных критиках. Мы узнаем от него, что плеяда талантов, как Жирмунский, Томашевский и Т<ынян>ов[224] с “блестящим” Борисом Эйхенбаумом во главе возвестили миру такое новое слово, что теперь историю

[223] См. в «Contemporary Russian Literature, 1881–1925»: «История идей, господствующих среди интеллигенции, много раз описана, и историки интеллигенции не раз пытались отождествить историю этих идей с историей русской литературы. Это грубая фальсификация» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 503).
[224] В газетной публикации – ошибка набора: «Тиняков» вместо «Тынянов».

литературы надо писать заново»[225]. Отметим, что во всей своей статье Дионео-Шкловский ни разу не упоминает имени своего племянника, В. Шкловского, хотя, напр., особо подчеркивает внимание формалистов и Святополк-Мирского к стилю Розанова в «Опавших листьях». Процитировав фрагмент из статьи Святополк-Мирского в «The Slavonic Review» (март 1925 г.) (см. выше), Дионео-Шкловский замечает: «Судя по приведенной выдержке из статьи кн. Святополк-Мирского, теперь, после появления “плеяды” формалистов, надо “вытащить на улицу и сжечь” сочинения Белинского, Добролюбова, Овсянико-Куликовского, Горнфельда, не говоря уже о публицистах, как Писарев и Михайловский»[226]. По Дионео-Шкловскому, Святополк-Мирский «с безграничным презрением говорит о критиках, пишущих об “идеях” и “психологии”», а сами формалисты являются лишь вульгаризаторами «этнопсихологического» метода Э. Эннекена, изложенного в его труде «La critique scientifique» («Опыт построения научной критики», русс. пер. 1892). Дионео-Шкловский подчеркивает, что «как образованный человек» Святополк-Мирский, «конечно, все это должен знать». Итог, к которому приходит Дионео-Шкловский: пропагандируя работы русских формалистов, Святополк-Мирский «систематически мистифицирует англичан»[227].

Неоспоримым, однако, остается тот факт, что Святополк-Мирский был первым, кто привлек в англоязычном мире столь пристальное внимание к русским формалистам и их достижениям. Идеи формалистов нашли многообразное выражение и в историко-литературных, и в литературно-критических работах самого Святополк-Мирского.

---

[225] *Dionео [Шкловский И. В.].* «Он изрядно подшутил» // Последние новости. – 1926. – 25 августа. – № 1981. – С. 2.
[226] Там же. – С. 2.
[227] Там же. – С. 3.

1.2. Д.П. Святополк-Мирский и британская литературная теория и литературная критика

Начало XX в., 1900–1920-е гг., в Европе в целом и в Великобритании в частности было временем активной рефлексии о сущности и методах изучения истории литературы и литературной критики. Как отметила Т.Н. Красавченко, «в Англии, начиная с 20-х годов, складывается “культ Критики”, которая выходит на литературную авансцену, оказывает влияние на критику других стран»[228].

Англоязычные дискуссии о природе, характере, функциях и методах истории литературы и литературной критики представляются естественным референциальным планом для деятельности Святополк-Мирского 1920-х гг. Святополк-Мирский был не только заинтересованным читателем, но и своеобразным проводником некоторых из обсуждаемых проблем и идей.

Ренэ Уэллек в классической работе «Бунт против позитивизма в новейшей европейской науке о литературе» («The Revolt Against Positivism in Recent European Literary Scholarship») определяет основную тенденцию развития европейской науки о литературе как «восстание против позитивизма» XIX в. Последний включал в себя «антикварианизм» (собирание изолированных фактов) и стремление уподобить методы гуманитарного знания методам естественных наук. Реакция против этого проявилась, в частности, в субъективном эстетизме конца XIX в., в квантитативных методах и в попытках применить биологические аналогии в сфере изучения истории литературы (изучение эволюции жанров в работах Ф. Брюнетьера, Дж.Э. Саймондса)[229]. Положение в Великобритании в начале XX в. Уэллек определяет как сочетание двух тенденций: «новой “библиографии”» (под которой понимается «текстуальная и “высокая” критика»), наиболее ярко представленной в работах У.У. Грэга (W.W. Greg) и Дж.Д. Уилсона (J. Dover Wilson), и «субъективных критических эссе, которые часто вырождались

---

[228] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – М., 1994. – С. 6.
[229] *Wellek R.* Concepts of Criticism. Ed. and with an Introduction by Stephen G. Nichols, Jr. – New Haven and London, 1967. – P. 255–258.

в демонстрацию совершенно безответственной капризности»[230]. По Уэллеку, английская филологическая среда характеризовалась «недоверием к интеллекту и любому организованному знанию», зашедшему «дальше, чем в какой-либо иной стране, по крайней мере – в академической сфере». Это «недоверие к интеллекту» имеет, по Уэллеку, результатом «безграничный скептицизм перед возможностями рационального подхода к поэзии и, соответственно, полное отсутствие какой-либо рефлексии о фундаментальных проблемах

Причиной указанного Уэллеком «сочетания двух тенденций» стал вопрос об институционализации изучения истории английской литературы в британских университетах. Вторая половина XIX в. была временем, когда вопрос о введении в университетскую программу систематических курсов по истории английской литературы дебатировался исключительно широко. Дискуссия между сторонниками «классической» школы (преподавателями латыни и древнегреческого) и «английской» школы фокусировалась вокруг содержания предмета, истории английской литературы. «Классицисты» возражали против исследований современной английской литературы как дилетантизма[231]. Одним из аргументов была спорная валидность получаемых знаний: «литературную оценку нельзя ни преподавать, ни экзаменовать»[232]. Здесь различимы несколько принципиальных позиций:

– изучение классической античности ставилось сторонниками «классической» школы в основу занятий историей любой литературы;

– «классик» принадлежит университетской корпорации и в этом качестве противостоит «дилетантам»-англистам, которые не имеют академической позиции и находят прибежище в сфере журналистики;

– оппозиция «филология vs. литература»[233]. Под первой «классиками» понималась схема, применяемая в изучении классической литературы:

---

[230] Ibid. – P. 264.
[231] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 36.
[232] *Martin W.* Criticism and the Academy // The Cambridge History of Literary Criticism. Volume VII: Modernism and the New Criticism. Edited by A. Walton Litz, Louis Menand, and Lawrence Rainey. – Cambridge, 2000. – P. 283.
[233] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 35.

«текстологический анализ, редакторско-составительская работа, комментарии»[234]. Под второй – «болтовня о Шелли»[235], под чем подразумевалась субъективная вкусовая оценка.

Вопрос о «дилетантизме» представляет особую сложность и интерес. Как отмечает У. Мартин, «самые прославленные исследовательские проекты XIX в. – издания «Общества по изучению ранне-английских текстов» (“Early English Text Society”) (основанного Ф.Дж. Фурнивалем), “Оксфордский словарь английского языка” <…> были большей частью работой энтузиастов-любителей»[236]. Известен и случай Дж. Сейнтсбери, начавшего работу над своей многотомной «Историей критики», приняв университетскую кафедру, и вернувшегося к литературному журнализму после выхода в отставку[237].

Междисциплинарность, совмещение занятий историей литературы и литературной критикой, при внешнем институциональном конфликте между ними, является характерной чертой второй половины XIX – нач. XX вв. В этой связи чрезвычайно показательно, что крупнейший английский литературный критик второй половины XIX в., Мэтью Арнольд, избранный профессором поэзии в Оксфорде в 1857 г., провозглашает «эпоху историзма в британском литературоведении»[238] и в 1867 г. публикует исключительно влиятельное впоследствии исследование «Об исследовании кельтской литературы» («On the Study of Celtic Literature»).

В 1904 г. в своей «Истории критики» («History of Criticism») Дж. Сейнтсбери постулировал: «новый критик» «должен читать и, насколько возможно, читать всё <…> Он должен постоянно сравнивать книги, авторов и литературы, <…> но никогда для того, чтобы негативно оценить что-либо лишь потому, что оно не есть нечто другое. Он должен, насколько это возможно, отказаться от любых представлений, чем *должна быть* книга, до тех пор, пока он

---

[234] Там же. – С. 36.
[235] Там же.
[236] *Martin W.* Criticism and the Academy. – P. 287.
[237] Ibid.
[238] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 35.

не видит, чем книга является сама по себе»[239]. У. Рэли, ставший в 1904 г. в Оксфорде первым профессором английской литературы, утверждал: «Мы не судим наших поэтов; мы их диагностируем»[240]. В свою очередь, первый профессор английской литературы в Кембридже (с 1911 г.), сэр А. Квиллер-Куч, в своей инаугурационной лекции провозгласил три принципа, которыми предполагал следовать: «во-первых, изучать произведение для того, чтобы понять, чем руководствовался автор; во-вторых, поскольку изучение связано в основном с вопросами стиля, всегда опираться на конкретные примеры, избегая любых обобщений и теорий; в-третьих, признать, что английская литература все еще находится в процессе развития»[241]. Позднее Квиллер-Куч настаивал, что «любое критическое суждение или вкус относительны»[242]. Т.Н. Красавченко определяет подобную позицию как «обычный релятивизм», а критическую идеологию Квиллера-Куча в целом характеризует как «сочетание эмпиризма и идеализма, разнородной учености и любительского наслаждения литературой»[243].

Уже эти детали позволяют соотнести положение британской истории литературы и литературной критики рубежа XIX–XX вв. с деятельностью Святополк-Мирского. Святополк-Мирский по образованию – филолог-классик[244], что, с британской университетской точки зрения, давало ему определенные преимущества (при том, что Святополк-Мирский, в строгом смысле, никогда не работал по этой своей специальности). Святополк-Мирский был университетским преподавателем-славистом, который публиковался в Великобритании и в академической университетской печати («The Slavonic Review»), и в массовой периодике. В последней Святополк-Мирский был представлен и как славист, и как англист, поскольку рецензировал многочисленные издания, посвященные истории английской литературы. Святополк-Мирский, таким образом, и как

---

[239] Цит. по: *Martin W.* Criticism and the academy. P. 288, курсив Дж. Сейнтсбери.
[240] Цит. по: Ibid. – P. 289.
[241] Ibid.
[242] Цит. по: *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 38.
[243] Там же.
[244] В мае 1914 г. Мирский окончил классическое отделение историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета.

историк литературы, и как литературный критик, был хорошо осведомлен о текущем положении филологической науки в Великобритании.

Один из ключевых вопросов, который стоял перед Святополк-Мирским: каковы критерии историко-литературных и литературно-критических оценок и как они соотносятся между собой. Иначе говоря, как соотносится имманентный анализ текста с анализом историко-контекстуальным. По сути, это те же самые вопросы, ответы на которые искали британские филологи и критики. Современный британский исследователь У. Мартин считает, что в первой половине XX в. наиболее значительной инновацией в сфере академической критики стала т.н. «практическая критика» («the practical criticism»)[245]. Наиболее видным теоретиком этого направления стал А.Э. Ричардс.

В своих работах «Principles of Literary Criticism» (1924), «Practical Criticism» (1929) и др. Ричардс, «утверждая, что критика должна стремиться превзойти науку в точности, пытался определить специфический характер литературного языка, различая “эмотивный” язык поэзии и “референциальный” язык не-литературного дискурса»[246].

Основной тезис Ричардса: поэзию необходимо рассматривать «в понятиях ее воздействия на читателя, его психологического отклика на литературное произведение»[247]. Ричардс не предлагает никакой историко-литературной перспективы для анализа конкретного поэтического текста. И это, казалось бы, диаметрально противоположно тотально-историзующему взгляду Святополк-Мирского.

Однако именно Святополк-Мирский в 1927 г. в печати обратил внимание на «Принципы литературной критики» Ричардса как «наиболее примечательную» книгу[248]. Святополк-Мирского в подходе Ричардса могла заинтересовать, во-первых, общая черта у Ричардса и русских формалистов: «Как и Тынянову, ему

---

[245] *Martin W.* Criticism and the academy. – P. 269.
[246] A reader’s guide to contemporary literary theory / Raman Selden, Peter Widdowson, Peter Brooker. 5th ed. – Harlow etc., 2005. – P. 17.
[247] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 141.
[248] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 327.

<Ричардсу> свойственно стремление создать цельную, рациональную систему»[249]. Во-вторых, «Ричардс разделял взгляд Л. Толстого на поэзию как источник выражения чувств и ссылался на его теорию способности искусства “заражать”, считая внимание к этой, “коммуникативной” стороне искусства необычайно важным»[250]. Быть может, Святополк-Мирский видел в Ричардсе своего союзника, поскольку именно в толстовской теории «заражения» можно обнаружить источник принципиального для Святополк-Мирского понятия «волевая заразительность». В 1925 г. Святополк-Мирский постулировал: «*волевая заразительность* <…> не завис<ит> даже от художественного, а тем более психологического сознания самого писателя»[251]. Таким образом, и Ричардс, и Святополк-Мирский делают акцент на психологическом уровне рецепции художественного текста.

В статье «Чехов и англичане» («Chekhov and the English»,1927) Святополк-Мирский цитировал высказывание Ричардса о У. де ла Маре из книги «Наука и поэзия» («Science and Poetry», 1926)[252]. Исключительно важен тот факт, что в 1926 г. Святополк-Мирский обращался именно к Ричарду с просьбой написать статью об английской литературе для редактируемого Святополк-Мирским журнала «Версты»[253]. Статьи Ричардса в «Верстах» не появилось, однако сам он в «Верстах» упоминался – в рецензии (1927) на собрание стихотворений Т.С. Элиота Святополк-Мирский назовет Ричардса «умнейшим критиком» и «лучшим истолкователем Элиота»[254].

Имя Элиота здесь особо значимо. Одним из важнейших событий в процессе трансформации британской литературной истории и литературной критики стала публикация в 1919 г. эссе Т.С. Элиота «Традиция и индивидуальный талант» («Tradition and the Individual Talent»)[255]. В нем Элиот писал: «Нет поэта, нет

---

[249] *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – С. 140.
[250] Там же. – С. 142.
[251] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 226.
[252] *Mirsky D. S.* Chekhov and the English // The Monthly Criterion. – 1927. – № 6. – P. 300.
[253] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 49.
[254] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 157.
[255] *Eliot T. S.* Tradition and the Individual Talent // The Egoist. – 1919 (Sept.). – Vol. 6. – № 4. – P. 54–55 (Part I); 1919 (December). – Vol. 6. – № 5. – P. 72–73 (Parts II–III). Вошло в книгу: *Eliot T. S.* The Sacred Wood: Essays on Poetry and Criticism. – L., 1920.

художника – какому бы искусству он ни служил, – чьи произведения раскрыли бы весь свой смысл, рассмотренные сами по себе. Значение художника, его оценка устанавливаются, если выяснить, как созданное им соотносится с творениями ушедших художников и поэтов. О нем нельзя судить изолированно; нужно – для контраста и для сравнения – судить о нем, сравнивая его с ушедшими. Для меня это принцип не только истории литературы, но и художественной критики. Та связь, которой подчиняется и которую длит поэт, не односторонняя связь; когда создано новое художественное произведение, это событие единовременно затрагивает все произведения, которые ему предшествовали»[256].

В 1923 г. в редактируемом им журнале «The Criterion» Элиот опубликовал эссе «Назначение критики» («The Function of Criticism»)[257], в котором писал: «Говоря о критике, я здесь имею в виду, разумеется, комментирование и объяснение художественных произведений посредством печати <…>. Никто из толкователей назначения критики (в том ограничительном смысле, какой здесь имеется в виду) не выдвигал, мне кажется, абсурдной мысли, что критика представляет собой самодовлеющую область творческой деятельности»[258].

Попутно отметим, что мысль, очень близкую к «абсурдной» (по Элиоту), высказал в 1924 г. Ю. Тынянов: «Новые вещи изобретались в литературе не критикой, новых узлов она никогда не завязывала, а только распутывала старые. <…> И критика, ориентирующаяся на писателя, и критика, ориентирующаяся на читателя, – обе прозябают в равной мере. <…> Где же выход? *Выход – в самой критике, и выход – в самом журнале. Критика должна осознать себя литературным жанром, прежде всего*»[259].

Далее Элиот писал: «Критика <…> должна всегда служить определенной цели, которой, грубо говоря, является толкование произведений искусства и воспитание вкуса. Тем самым задача критика обозначена для него с совершенной

---

[256] *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. Перевод с английского. – Киев, 1996. – (Citadelle). – С. 158–159.
[257] *Eliot T. S.* The Function of Criticism // The Criterion. – 1923 (October). – Vol. 2. – № 5. – P. 31–42.
[258] *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. – С. 168.
[259] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 148. Впервые: *Ван-Везен Ю. [Тынянов Ю.]* Журнал, критик, читатель и писатель // Жизнь искусства. – 1924. – № 22. – С. 14–15, курсив Тынянова. Не исключена вероятность того, что Святополк-Мирскому этот текст был известен.

ясностью; и вряд ли особенно большой труд решить, отвечает ли работа критика этим требованиям; более того, какого рода критика полезна и какого рода бесплодна»[260]. Далее Элиот саркастически рисует картину современной ему английской литературной критики: «…она <…> напоминает общественный парк, где в воскресный день тщатся перещеголять друг друга сцепившиеся из-за пустяков ораторы, которые и сами-то толком не понимают, что заставляет их спорить друг с другом»[261]. По Элиоту, критик «должен стараться обуздать собственную предвзятость и личные склонности – кто же от этого свободен? – и елико возможно согласовывать свои индивидуальные побуждения с побуждениями других в общем стремлении выработать истинное суждение о произведениях»[262]. Элиот создает обобщающую картину дефектов литературной критики: «… критик зарабатывает себе на хлеб тем легче, чем яростнее и непримиримее спорит с другими критиками; либо средства к жизни дает ему умение навязывать всем собственные мелочные причуды, становящиеся как бы приправой к тем мнениям, которых и без него все придерживаются и которые – из тщеславия ли, из лености ли – не собираются менять» (169).

Святополк-Мирский много писал об Элиоте[263] как о поэте, как о стороннике эстетики и идеологии классицизма[264], был лично знаком с ним и публиковался в

---

[260] *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. – С. 169.
[261] Там же.
[262] Там же.
[263] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1927. – № 17. – P. 208–210 (о книге Элиота «Shakespeare and the Stoicism of Seneca»); *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] T. S. Eliot. Poems. 1905–1925 // Версты. – 1927. – № 2. – С. 263–265; *Mirsky D. S.* T. S. Eliot et la fin de la poesie bourgeoise // Echanges. – 1931. – № 5. – P. 44–58.
[264] См., в частности, его статью «Литературная пресса в Англии. Классики и романтики» (1925), в которой, среди прочего, Святополк-Мирский писал: «Т.С. Элиот, глава “классической” партии, – американец, но один из тех американцев, которые, как Хенри Джемс и Пирсал Смит совершенно ассимилировались в Англии; если в них что и осталось от их первоначальной новосветской природы, то разве только некоторая чрезмерная, варварски-утонченная культурность. Элиот – очень выдающийся поэт, “формальный”, холодный и трудный. Классицизм его того же стиля и той же исторической формации, что классицизм Валери. Это – классицизм, прошедший через школу символизма и много из нее удержавший. Малларме для него почти такое же имя, как Расин. Ориентация его – французская. В англо-американской колонии Монпарнасса имя Элиота пользуется почетом. Из нынешних литературных снобизмов Англии классический снобизм едва ли не котируется выше других.
Элиот борется, главным образом, против распущенности, бесформенности, чрезмерной эмоциональности поэтов XIX века. Век этот нам обычно кажется веком великого расширения и освобождения вкуса, когда многое запретное стало дозволенным. Элиот указывает, наоборот, на большое сужение и обеднение поэтического материала. Поэзия ограничилась поэтичным и потеряла способность поэтически преображать неблагородный материал» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 121).

редактировавшемся Элиотом журнале «The Criterion»[265]. Однако Святополк-Мирский никогда не высказывался публично об эссе Элиота 1919 г. и 1923 г. Между тем, тезис Элиота о необходимости рассмотрения «индивидуальных талантов» писателей в исторической перспективе исключительно важен применительно к установкам самого Святополк-Мирского. Элиот постулирует: необходимо соотносить любое художественное произведение с предшествующей традицией. Это соотнесение, «чувство истории», включает автора в традицию.

Как отметила Т.Н. Красавченко, «влияние теории традиции Элиота очевидно в книге <Святополк-Мирского> “Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака” (Париж, 1924), в которой он представляет литературу как нечто устойчивое, вневременное, выстраивая единый ряд от Ломоносова до Пастернака в пространственной перспективе – как достояние современности»[266].

По Элиоту, «вся литература собственной твоей страны существует единовременно и образует единовременный соразмерный ряд. Это чувство истории, являющееся чувством вневременного, равно как и текущего, – вневременного и текущего вместе, – оно-то и включает писателя в традицию. И вместе с тем оно дает писателю чрезвычайно отчетливое ощущение своего места во времени, своей современности»[267]. Как отмечал в предисловии к «Русской лирике» Святополк-Мирский, он «представлял себе <…> Антологию цельным, внутренне логическим единством, в котором и ломоносовский Иов, и гитара Аполлона Григорьева, и есенинский жеребенок являются необходимыми и взаимно-обусловленными подробностями»[268].

---

[265] *Mirsky D. S.* Chekhov and the English // The Monthly Criterion. – 1927. – № 6. – P. 292–304; *Mirsky D. S.* [Rev.] G. Fletcher. Europe’s Two Frontiers: A Study of the Historical Forces at Work in Russia and America as They Will Increasingly Affect European Civilisation. London, 1930 // The Criterion. – 1931. – № 10. – P. 534–536; *Mirsky D. S.* H. G. Wells and History – I // The Criterion. – 1932. – № 12. – P. 1–9. О журнале «The Criterion» см.: *Ушакова О. М.* Т. С. Элиот как автор и издатель литературных журналов // Вестник ПСТГУ. III: Филология. – 2011. – Вып. 1 (23). – С. 145–150. См. также: *Жуковский А. Ю.* Т. С. Элиот как арбитр поэзии: Литературная критика 1920-х – 1930-х гг. Дис. … канд. филол. наук. – М., 2014.

[266] *Красавченко Т. Н.* Мирский Д. П. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). <Т. 1.> Писатели русского зарубежья. Ч. II. – М., 1997. – С. 268.

[267] *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. – С. 158.

[268] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 8.

Плодотворно сравнить тезис Элиота 1919 г. и его рецепцию Святополк-Мирским с высказанным в 1924 г. утверждением Б. Эйхенбаума: «Критик должен быть своего рода историком, но только смотрящим на современность не из прошлого и вообще не из *времени*, а из актуальности как таковой. Усмотреть в становящемся на его глазах признаки того, что в будущем окажется “историей литературы” – основное дело критика»[269].

Эйхенбаум предлагает смотреть на современный литературный процесс «не из времени, а из актуальности». Сегодняшняя литературная критика предвещает завтрашнюю историю литературы. Для Элиота «чувство истории» – это чувство «вневременного и текущего вместе». Святополк-Мирский, как представляется, в своей историко-литературной и литературно-критической практике синтезировал оба подхода, русского формалиста и британского традиционалиста-классициста.

Важно также учитывать деятельность К.С. Льюиса, возрождавшего концепцию диалектической эволюции: он сочетал эволюционную схему истории жанров с отрицанием «персональной ереси в критике» и преувеличенного внимания к биографическому и психологическому контекстам[270].

Святополк-Мирский, детальным образом следивший за публикациями русских формалистов и отзывавшийся в печати на большинство из них, не оставил ничего подобного применительно к английской и европейской литературной критике и истории литературы. Причина этого, как представляется в том, что все отклики Святополк-Мирского на английские и континентальные исследования и публикации были по определению ситуативными и мотивировались редакционными заданиями. Потому представляется корректным дать примеры этих высказываний Святополк-Мирского.

Святополк-Мирский не только указывает на характерные особенности аналитической методики того или иного ученого, но и типизирует их, в частности – по национальному признаку. В 1921 г. Святополк-Мирский отмечал, что

---

[269] *Эйхенбаум Б.* Нужна критика // Жизнь искусства. (Пг.) – 1924. – № 4. – С. 12. Цит. по: История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. – М., 2011. – С. 11.
[270] *Wellek R.* Concepts of Criticism. – P. 267.

«симпатия к изучаемой эпохе» – это черта, «далекая от презренной добродетели англосаксонского ученого»[271].

В 1925 г., рецензируя книгу А. Жермена (Germain A. De Proust à Dada. Paris, 1924), Святополк-Мирский указывал: «Французская критика, когда она враждебная, способна быть грубой и нечестной; когда дружественна, то слишком часто похожа на обрывочный разговор критика с автором или их несколькими общими друзьями и вряд ли понятна непосвященному читателю. Критика г-на Гермена предназначена читателям, необязательно посвященным. Можно не всегда согласиться с его суждениями, но они всегда интересны и – в смысле литературы – честны. Его враждебность к Прусту может возмутить многих читателей, но по всей справедливости г-н Гермен делает свои возражения с убедительной силой. Мы можем продолжать восхищаться Прустом и, однако же, согласиться, что грехи, найденные в нем критиком, совершенно реальны»[272].

Французская литературная критика будет охарактеризована Святополк-Мирским и в другой рецензии 1925 г.: «Хотя, вероятно, Франция является страной, где стандарты литературной критики стоят на самом высоком уровне и которая создала и все еще создает наибольшее количество хорошей критики, забавно, что французские “университетские люди” (“universitarians”), посвятившие себя изучению зарубежных литератур, должны быть столь последовательно едины в полном отсутствии понимания подлинных ценностей в чужих литературах. Французские ученые создали весьма ценные работы, посвященные *жизням* иностранных писателей и истории идей в зарубежных странах, но их критические суждения почти неизбежно оказываются недостаточными»[273].

Рецензируя в 1925 г. работу У.Л. Ренвика (W.L. Renwick) об Э. Спенсере («Edmund Spenser»), Святополк-Мирский делает одно из наиболее значительных замечаний о главнейшей функции истории литературы: «История литературных

---

[271] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1921. – Vol. V. – № 26. – P. 210.
[272] *Mirsky D. S.* Recent Foreign Books // The London Mercury. – 1925. – № 13. – P. 444.
[273] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1925. – № 12. – P. 548. курсив Святополк-Мирского.

форм и родов (species) – это и есть подлинный предмет истории литературы, отличной и от биографий писателей, и от хронологически-организованного критического обзора книг»[274]. Здесь обращает на себя внимание почти полная тождественность англоязычного высказывания Святополк-Мирского с поддержанным им в том же 1925 г. положением Эйхенбаума, «име[ющим] дело с литературными формами»: «литературные формы – это единственная конкретная и непосредственная реальность в литературе»[275].

При этом Святополк-Мирский настаивает на необходимости изучения первичных источников, т.е. собственно литературных текстов, а не исследовательской литературы: «Обобщения допустимы лишь тогда, когда они являются результатом самостоятельного изучения [предмета], а не взяты в готовом виде у академических авторитетов» (1921)[276].

В своих рецензиях Святополк-Мирский неоднократно дает своеобразные портреты «идеального историка литературы». Так, в 1921 г., говоря о книге «Кембриджские чтения по испанской литературе» (J. Fitzmaurice-Kelly, ed. Cambridge Readings in Spanish Literature, 1920), Святополк-Мирский пишет о редакторе этого издания, Дж. Фицморисе-Келли: «Профессор Фицморис-Келли занимает столь бесспорное и столь исключительное место в испанистике, что едва ли нуждается в какой-либо рекомендации. Сочетая, как он это делает, широчайшие познания и точнейший метод с широким и кафолическим суждением, он на практике соответствует идеальному типу историка литературы. Не так легко найти ученого достаточно многостороннего, чтобы с равным пониманием (sympathy) оценить веселое легкомыслие плутовского романа и мистический пыл св. Иоанна Креста, блистательные фейерверки Гонгоры и

---

[274] Ibid. – P. 549.

[275] *Mirsky D. S.* [Rev.] Lermontov. Opyt istoriko-literaturnoy otsenki, by B. Eichenbaum. State Press. Leningrad, I924 // The Slavonic Review. – 1925 (March). – Vol. 3. – № 9. – P. 733–735. Цит. по: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 106.

[276] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1921. – Vol. V. – № 26. – P. 210.

спокойное величие Луиса де Леона, честную риторику [Мануэля Хозе] Кинтаны и морбидную сентиментальность Х.Р. Хименеса»[277].

В 1926 г. в рецензии на книгу Э. Легу (E. Legouis) об Э. Спенсере («Spenser», 1926), Святополк-Мирский отметил, что книга принадлежит к малому числу тех книг, «которые сочетают настоящее исследование и настоящую критику», а сам автор, Э. Легу – это «историк литературы, который одновременно и историк, и критик»[278].

В аналогичном ключе выдержана высокая оценка (1926 г.) книги М. Праца (M. Praz) «Secentismo e marinismo in Inghilterra: John Donne – Richard Crashaw» (1925): «Синьор Прац совмещает качества историка и критика»[279].

Антитезами подобных комплиментарных оценок может служить оценка Святополк-Мирским работ голландского историка литература Х.Г. де Маара (H.G. de Maar). В рецензии 1925 г. на книгу де Маара «История современного английского романтизма» («A History of Modern English Romanticism», 1924) Святополк-Мирский писал: «Д-р де Маар – голландец и его метод рассмотрения истории литературы очень отличается от обычного английского. Де Маар четко отделяет историю от критики, и читатель остается в неведении о его критических мнениях и личных вкусах. <…> В последней главе д-р де Маар суммирует свои взгляды на долг историка литературы. “История литературы – говорит он, – не тождественна истории индивидуального литературного гения. История литературы – это скоординированная общим планом фиксация общей суммы всего, что было написано. Все, что случилось в мире слов” должно изучаться историком литературы, включая газетные статьи и даже частные письма: ужасная перспектива для историка, который должен изучать литературу своего времени в соответствии с этими принципами! <…> <В рецензируемой книге автор> почти исключительно ограничивает себя задачами библиографа и хронологиста»[280].

---

[277] Ibid. – P. 211. См. также в той же рецензии (в разделе, посвященном книге Дж. Д. М. Форда (J. D. M. Ford) «Основные течения испанской литературы» («Main Currents of Spanish Literature») высказывания Мирского об испанской теории стиха.
[278] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1926. – № 15. – P. 552.
[279] *Mirsky D. S.* Recent Foreign Books // The London Mercury. – 1926. – № 15. – P. 222–224.
[280] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1925. – № 12. – P. 322–323.

Святополк-Мирский заявляет себя противником интуитивизма в литературно-критических оценках. Так, он весьма резко высказался в 1925 г. о книге Дж.М. Марри (J.M. Murry) «To the Unknown God» (1924): «Мистер Миддлтон Марри твердо и спокойно убежден, что хотя он не открыватель, а лишь искатель истины, его способ поиска – единственно правильный, и все писатели должны оцениваться в соответствии с тем, родственен ли их “опыт” авторскому. Это может быть (и есть) интересным во многих отношениях. Это определенно не имеет ничего общего с принятым значением литературной критики»[281].

Святополк-Мирский также выступает против восприятия художественной литературы как материала для комментариев к внелитературной реальности. Исключительно ярко эта позиция сформулирована в рецензии 1926 г. на книгу Х.Й. Вайганда (H.J. Weigand) об Ибсене («The Modern Ibsen»): «Профессор Вайганд обращается с персонажами пьес Ибсена так, как будто они были реально существующими мужчинами и женщинами, обсуждает их моральные ценности и размышляет, что они сделают после закрытия занавеса. Освежающе знать в наше перезрелое время, что некогда литературу рассматривали столь неискушенным способом»[282].

Самым развернутым высказыванием Святополк-Мирского о каком-либо английском историке литературы и литературном критике стала, однако, статья 1925 г., написанная по-русски. Она посвящена восьмидесятилетию Джорджа Сейнтсбери[283], выдающегося историка литературы, впрочем, «никому не известного вне англоязычных стран». Святополк-Мирский характеризует его следующим образом: «Вкус <…> Сейнтсбери – романтический (или, скорее, по-романтически всеядный). <…> Сейнтсбери полон самых несправедливых пристрастий и самых неоправданных капризов (при критическом понимании необыкновенной широты и, как англичане говорят, кафоличности) <…> Сейнтсбери исключительно широкий по своим вкусам критик. Но это не мешает ему иногда как бы совсем терять всякое зренье. <…> Объем его чтения особенно

[281] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1925. – № 11. – P. 660.
[282] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1926. – № 14. – P. 542.
[283] *Святополк-Мирский Д., кн.* Джордж Сейнтсбери // Дни. – 1925. – 25 декабря. – № 888. – С. 3.

поражает при чтении его трехтомной “Истории критики” <…> Скучно с книгой Сейнтсбери никогда не бывает, даже в таких вещах, как эта “История критики” или столь же трехтомная “История английского стихосложения”. Но если очень много читать его подряд, начинаешь чувствовать некоторое однообразие.<…> Критика Сейнтсбери такого рода, которая существует только в Англии – чисто-гедонистическая. Судит он литературу как кино, только с точки зрения приносимого ему удовольствия. Вкус у него очень разнообразный и натасканный, но, конечно, тем, кто ищет у критика глубоких философских откровений о существе вещей, в роде известного Кроче, тем нечего читать Сейнтсбери»[284].

В характеристике Сейнтсбери, данной Святополк-Мирским, нетрудно заметить иронические обертоны, однако в целом характеристика весьма комплиментарная и помогает понять, что могло привлекать в исследовательском и литературно-критическом темпераменте Сейнтсбери Святополк-Мирского. Это сочетание «критического понимания необыкновенной широты» и колоссальной эрудиции, органического соединения в одном лице историка и критика, а также «гедонистический принцип» в литературно-критических оценках.

Однако, как представляется, не Сейнтсбери был для Святополк-Мирского предметом наиболее острого интереса. Фигурой, привлекшей к себе особое внимание Святополк-Мирского, был Дж. Литтон Стрэчи. Ему Святополк-Мирский посвятил в 1923–1924 гг. две статьи – по-русски[285] и по-английски[286]. Святополк-Мирский рассматривает Стрэчи как литературного критика и историка литературы на первом этапе, и как биографа и историка[287] – впоследствии.

---

[284] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 136–139.

[285] *Святополк-Мирский Д., кн.* Искусство биографии (Литтон Стрэчи) // Звено. – 1924. – 28 января. – № 52. – С. 2.

[286] *Mirsky D. S.* Mr Lytton Strachey // The London Mercury. – 1923. – № 8. – P. 175–184.

[287] В 1923 г. в статье «Современные английские романисты» (Звено. – 1923. – 14 мая. – № 15. – С. 3) Святополк-Мирский аттестовал Литтона Стрэчи как автора «Королевы Виктории» – « лучшей известной мне биографии во всей мировой литературе, богатейшей умом и талантом книги современной Англии» (цит. по: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 55).

Стрэчи как биографа он несколько раз упоминает в связи с русской литературой. Так, в рецензии на книгу Г. Блока «Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам» (Современные записки. – 1925. [Март.] – № 23. – С. 475–476) Святополк-Мирский писал: «… в общем, метод Блока замечательно близок к методу великого английского биографа Литтона Стречи, автора “Королевы Виктории”. В чем Блок уступает Стречи, это – общее горе русских писателей – искусство композиции, чувство меры и пропорции» (цит. по: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 116).

В книге «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) Святополк-Мирский сравнил со Стрэчи не только Г. Блока, но и М. Алданова: «В нем есть что-то от Стрэйчи, хотя он очень далек от свойственного автору “Королевы

О первом периоде деятельности Стрэчи Святополк-Мирский отозвался по-русски так: «Как критик Стречи уже тогда проявил исключительные дарования – зоркость, тонкость, вкус, большое и дисциплинированное остроумие. <…> <В «Истории французской литературы», 1912>[288] Стречи проявил поистине удивительное чувство меры и пропорции, особенно в скупом, но крайне выразительном выборе цитат. А такие страницы, как характеристики Бальзака, Сен-Симона и <…> Расина – настоящие жемчужины сжатой и содержательной критики и слога, обдуманного и взвешенного до последней мелочи»[289].

Здесь обращает на себя внимание афористичное перечисление составляющих подлинной литературной критики: «зоркость, тонкость, вкус, большое и дисциплинированное остроумие».

Однако лишь в англоязычной статье Святополк-Мирский эксплицирует литературно-критический метод Стрэчи. Аттестовав характеристику Сен-Симона как «лучшее из того, что мне известно в описательной критике», Святополк-Мирский расшифровывает это понятие: «Критика г-на Стрэчи – это наиболее трудный вид критики, который не занимается интерпретацией или комментарием, но описывает своими собственными словами эффект, который создает писатель, и способ, которым он этого достигает <…> Подлинная описательная <…> критика <…> относится к описываемому ею произведению так же, как гравюра к картине, которую она воспроизводит»[290].

Дж. Смит считает, что сочинения самого Святополк-Мирского являются воплощением «описательной критики», несмотря на то, что этот тип критики «вышел из моды в британских академических кругах <…> после того, как был осмеян в “Принципах литературной критики” А.Э. Ричардса»[291].

Виктории” идеального чувства меры» (*Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 789).

[288] «Историю французской литературы» («Landmarks in French Literature») Стрэчи Святополк-Мирский процитирует, говоря о Пушкине, в книге «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927): «В целом ранние стихи Пушкина и те поздние, что написаны в том же стиле, всего более из всей нефранцузской поэзии приближаются к “тому тону, где смесь достоинства, веселости и грации”, как говорит м-р Литтон Стрэйчи, “являет единственный в своем роде плод зрелого поэтического гения Франции”» (*Святополк-Мирский Д.П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 151–152).

[289] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 74–75.

[290] *Mirsky D. S.* Mr Lytton Strachey. – P. 177.

[291] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 91.

Интерес Святополк-Мирского к современной английской литературе не ослаб и в то время, когда он был всецело занят редактированием журнала «Версты». Симптоматично, что в 1926 г. после отказа А.Э. Ричардса написать для «Верст» статью об английской литературе Святополк-Мирский не искал другого *критика*, а обратился к *писателю* – Э.М. Форстеру. И не менее симптоматично, что Форстер отказался от какой-либо теоретической концептуализации, а вместо этого предложил метафору: «Нынешнюю английскую литературу я представляю себе в виде больший неубранной комнаты. Беспорядок всюду»[292].

Как отметил Дж. Смит, статью Форстера можно прочесть как «сокращенный вариант» его же книги «Аспекты романа» («Aspects of Novel»), которую Святополк-Мирский рецензировал в «The London Mercury»[293].

Говоря о творчестве Т. Харди, А. Беннета, Г. Уэллса, Дж. Голсуорси, Р. Киплинга и Б. Шоу, Форстер замечает: «я <…> не собираюсь говорить об них, так как всем известно, где они стоят и что делают. <…> Деятельность этих шести солидных завершилась, и дела их, в некоторых случаях, вероятно, останутся бессмертны»[294]. Книги «шести солидных» «может быть, будут читаться тогда, когда большая часть книг, о которых я собираюсь говорить, будут забыты. Все-таки я собираюсь говорить об этих книгах». Мотивировка Форстера: «Нельзя заниматься одними знаменитостями, – а иностранцы, следящие за нашей литературой слишком к этому склонны»[295]. Эти слова являются невольной (и неизвестной Форстеру), но тем более замечательной параллелью к словам самого Святополк-Мирского в 1925 г.: «… до сих пор наши историки литературы занимались, как Тентетников, одними генералами»[296].

---

[292] *Форстер Е. М.* Современная английская литература / Перев. с рукописи Д. С. М. // Версты. – 1927. – № 2. – С. 240.

[293] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 158. Речь идет о рецензии: *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*E. M. Forster.* Aspects of the Novel. London; *J. Carruthers.* Scheherazade, or the Future of the English Novel. London – New York; *J. G. MacLeod.* Beauty and the Beast. London; *L. P. Smith.* The Prospects of Literature. London; *T. S. Eliot.* Shakespeare and the Stoicism of Seneca. London.) // The London Mercury. – 1927. – № 17. – P. 208–210.

[294] *Форстер Е.М.* Современная английская литература. – С. 240.

[295] Там же.

[296] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 126. Впервые: *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. – 1925. [Июнь.] – № 24. – С. 434–438.

Сходство здесь не только узкое, но и в широком, концептуальном ключе. В конце статьи в «Верстах» Форстер подводит итог: «Моя точка зрения, конечно, узка. Книги живые существа, и их иногда не удается пригнать к теории; пригоняются они только к самим себе. Все-таки, если брать их оптом, приходится подходить к ним с какой-нибудь теорией, иначе ничего кроме каталога не получится. Так что я и счел лучшим в начале статьи обобщить послевоенное состояние английского общества – в виде неубранной комнаты. И вокруг этого обобщения расположить имена нескольких современных писателей в надежде дать о них некоторое общее понятие»[297].

Форстер, таким образом, предлагает антитезу: теория / каталог. Но сам он демонстрирует не теорию и не инвентарь, а метафору с иллюстрациями. Причем если в начале статьи Форстер представляет «в виде больший неубранной комнаты» «нынешнюю английскую *литературу*», то в финале «неубранная комната» – это «обобщение» «послевоенного состояния английского *общества*».

Форстер наглядно демонстрирует отсутствие теории. Он предлагает «обобщение», которое является художественным образом. И это обобщение, предназначенное для характеристики изящной словесности, оказывается обобщением социологическим. По сути, Форстер, написавший статью по просьбе Святополк-Мирского, невольно создает картину, эквивалентную той, которую Святополк-Мирский создавал на материале современной русской литературы.

В своих рецензиях и прочих печатных высказываниях на английском языке Святополк-Мирский сформулировал несколько принципиальных положений о природе истории литературы и литературной критики, которые можно суммировать следующим образом:

1. Историк литературы является одновременно и историком, и критиком.

2. Главные качества настоящей литературной критики – «зоркость, тонкость, вкус, большое и дисциплинированное остроумие». Широта вкуса критика – его достоинство. Широта вкуса напрямую коррелирует с литературной эрудицией критика.

---

[297] *Форстер Е.М.* Современная английская литература. – С. 246.

3. Литературная критика должна не комментировать текст, а «описывать своими собственными словами эффект, который создает писатель, и способ, которым он этого достигает».

4. Предмет истории литературы – это история литературных форм. «Хронологически-организованный критический обзор книг» историей литературы не является.

Эти взгляды Святополк-Мирского сформулированы на основе его знакомства с современными ему европейскими историко-литературными и литературными текстами. Важно, однако, соотносить их с положением современной Святополк-Мирскому русской литературной критики и истории литературы и оценкой их Святополк-Мирским (см. п. 1 гл. 1 наст. диссертации).

Святополк-Мирский в качестве литературного критика и историка литературы занимал двойственную позицию. С одной стороны, он был исключительно хорошо осведомлен о новейших теоретических построениях как российской, так и британской филологической науки. Актуальность для Святополк-Мирского как русского, так и британского литературно-теоретического дискурсов позволила ему стать эффективным посредником в британско-российском интеллектуальном трансфере, квалифицированным экспертом и интерпретатором литературной теории – как по-русски, так и по-английски, на материале русской и европейской литературы.

В частности, именно Святополк-Мирскому принадлежит заслуга последовательного знакомства англоязычного славистического сообщества с достижениями русской формальной школы. С другой стороны, Святополк-Мирский, усвоив некоторые основные положения русских формалистов, учитывал их в своих историко-литературных нарративах (см. гл. 3 наст. диссертации), применяя различные стратегии – приемов представления и анализа текстов, эксплицитного представления (прямые отсылки), заимствования терминологии. Вместе с тем, Святополк-Мирский не является безоговорочным сторонником русских формалистов: видя достоинства их «исследовательской

идеологии» (т.е. – принципа внеидеологического рассмотрения литературных фактов), он фиксирует и ограничения формального метода.

В своей деятельности историка литературы и литературного критика Святополк-Мирский синтезирует принцип историзации литературно-критического суждения (развиваемый русскими формалистами) и принцип эстетической оценки историко-литературного материала (заимствованный у британских историков литературы).

Таким образом, практическая литературно-критическая и историко-литературная деятельность Святополк-Мирского получает фундированный референциальный план, позволяющий корректно и обоснованно соотносить деятельность Святополк-Мирского с ландшафтом литературной теории первой трети XX в.

Глава 2. Историко-литературные нарративы 1924–1926 гг.

2.1. «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924)

В начале 1924 г. в парижском издательстве «La Presse franco-russe» («Франко-русская печать») вышла подготовленная Д.П. Святополк-Мирским книга «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (далее – РЛ)[298]. «Русская лирика» стала первой опубликованной книгой Святополк-Мирского. Антология состоит из 130 стихотворений 46 поэтов, авторского предисловия, авторских примечаний и двух указателей, стихов и поэтов.

Название РЛ отсылало к двум книгам: к «историко-литературным очеркам» И.Н. Розанова «Русская лирика» (1914)[299], которую в своей книге Святополк-Мирский аттестовал как «отменный путеводитель по русским поэтам конца XVIII и начала XIX века»[300], и к составленной В. Ходасевичем антологии «Русская лирика. Избранные произведения русской поэзии от Ломоносова до наших дней» (1914)[301]. Антологию Ходасевича Святополк-Мирский охарактеризовал как «не лишенную единства замысла, но совершенно чуждую, по крайней мере, моему поэтическому восприятию»[302]. Святополк-Мирский оговаривает, что «зато есть несколько превосходных *специальных* антологий», к числу которых относит издания А.А. Веселовской и Ю.Н. Верховского[303].

---

[298] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. – Paris: La Presse franco-russe, 1924.
Книга была переиздана в следующем, 1925-ом, году под измененной издательской маркой: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. – Paris: La Presse française et étrangère, 1925.

[299] *Розанов И. Н.* Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М., 1914.

[300] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. П. Святополк-Мирский. – Новосибирск, 2010. – С. 246.

[301] Русская лирика: Избранные произведения русской поэзии от Ломоносова до наших дней / Сост. Владислав Ходасевич. – М., 1914. – (Универсальная библиотека; № 597– 599). Святополк-Мирский указывает выходные данные с учетом фактического выхода книги из печати: «1915, Универсальная библиотека» (Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 245).

[302] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 246.

[303] Там же, курсив Святополк-Мирского.

Святополк-Мирский проявлял устойчивый интерес к антологиям русской поэзии. В 1920 г., в своей первой англоязычной публикации, вводном «Русском письме», говоря о «постыдном состоянии», в котором находится изучение истории литературы в России, Святополк-Мирский в качестве первого тому свидетельства приводит следующее: «У нас нет даже сносной антологии»[304]. В специальном примечании, помещенном в конце РЛ, Святополк-Мирский развернет это утверждение: «Я думаю, не будет большой ошибкой утверждение, что у нас нет хорошей антологии <…> Хрестоматия Галахова, замечательная для своего времени – совершенно чужда нашему. “Русские поэты” Гербеля (1873 и 1887) имеют большую ценность, но только как сборник биобиблиографических сведений <…> Хороших антологий современной поэзии тоже нет»[305].

В 1922 г. Святополк-Мирский опубликовал в «The Slavonic Review» подробный обзор новейших русскоязычных антологий русской поэзии[306], к большинству из которых был настроен критически. Сочувственно Святополк-Мирский выделяет антологии, составленные И. Эренбургом. Святополк-Мирский указывает на два главных, по его мнению, достоинства антологий: «антология[307] содержит множество шедевров и дает потрясающую картину исключительной жизненности, отваги и энергии русской поэзии в самых неблагоприятных условиях». Также Эренбург «первым из составителей антологий <…> уделил должное внимание исключительно свежей и непосредственной поэзии Марины Цветаевой»[308].

Представляется, что антологии Эренбурга стали для Святополк-Мирского одним из основных источников сведений о новейшем состоянии русской поэзии и

---

[304] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 26.
[305] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 245–246.
[306] *Mirsky D. S.* Recent Russian Anthologies // Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 255–257. Русский перевод: *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 99–102. Святополк-Мирский обозревал следующие издания: Русский Парнас / Сост. А. и Д. Элиасберг; послесл. А. Элиасберг. – Лейпциг, 1920; Антология русской поэзии 20 столетия / Сост. Н. Ф. Мельникова-Папоушкова. – Прага, 1920; Книга для всех. – Берлин, 1921. – № 1, 2–3, 17, 50–51, 57–58; *Эренбург И.* Портреты русских поэтов. – Берлин, 1922; Царское Село в поэзии / Ред. Н. О. Лернера; Вступ. ст. Э. Ф. Голлербаха. – Пб., 1922.
[307] Мирский имеет в виду издание: Книга для всех. – Берлин, 1921. – № 57–58.
[308] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 101.

снабдили его материалом как для РЛ, так и для статьи «О современном состоянии русской поэзии» (см. ниже).

Показательно, что в рецензии 1922 г. Святополк-Мирский отмечает как определенный недостаток Эренбурга «преувелич<ение> значения Пастернака, который видится <Эренбургу> наиболее многообещающим из поэтов молодого поколения»[309]. Тогда же, в 1922 г., Святополк-Мирский заметит: «Я не отчаиваюсь в Пастернаке. Работа, даже ненужная и бесплодная, лучше успокоений в самодовольной привычке»[310]. Но уже через год, в 1923 г., Святополк-Мирский сочтет возможным и необходимым поставить имя Пастернака в подзаголовок собственной антологии, безоговорочно включая его, тем самым, – и более того: обозначая как некую веху – в историю русской поэзии[311].

В 1924 г., в том же году, что и РЛ, вышла «Оксфордская антология русской поэзии» («Oxford Book of Russian Verse»)[312], подготовленная давним знакомым, а в начале 1920-х гг. и помощником Святополк-Мирского, Морисом Берингом. Святополк-Мирский принимал участие в подготовке антологии, снабдив ее своими примечаниями. Естественно предположить связь между работой Святополк-Мирского над собственной антологией (РЛ) и участием в подготовке антологии Беринга. Однако, как показал Дж. Смит, подход Святополк-Мирского в англо- и русскоязычных антологиях принципиально отличен: примечания Святополк-Мирского в антологии Беринга «в первую очередь снабжают информацией, тогда как в русскоязычной антологии примечания в основном импрессионистично-оценочны»[313]. Разницу между двумя антологиями отмечал (в пользу антологии Беринга) в своей рецензии на РЛ М. Цетлин: в РЛ «Бунина нет совсем, потому что его стихи названы “стилистическими упражнениями очень большого прозаика”. Между тем в примечаниях к другой антологии,

---

[309] Там же. – С. 101.
[310] Там же. – С. 69.
[311] О Пастернаке и Святополк-Мирском см.: *Флейшман Л.* Из пастернаковской переписки [Святополк-Мирский] // *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М., 2007. – (Научное приложение. Вып. LVIII). – С. 668–676.
[312] Oxford Book of Russian Verse / Chosen by Hon. Maurice Baring; with notes by Prince D.S. Mirsky. – Oxford, 1924.
[313] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 131.

составленной Морисом Бэрингом, тот же кн. Святополк-Мирский называет поэзию Бунина “единственной настоящей парнасской поэзией в России”»[314]. Этого примера достаточно, чтобы увидеть разницу между объективизмом примечаний Святополк-Мирского в антологии Беринга и способом оценки, выбранным Святополк-Мирским в РЛ.

История работы над РЛ документирована крайне скудно. В августе 1923 г. Святополк-Мирский сообщал П.П. Сувчинскому: «… я очень занят, готовлю к печати мою “Русскую лирику”, которая выйдет, Бог даст, в сентябре»[315]. Важно и другое эпистолярное свидетельство. В декабре 1922 г. Святополк-Мирский обсуждал с Сувчинским вопрос о возможной публикации в одном из евразийских изданий «статьи о “смене школ в русской лирике”»[316]. Таковой статьи Святополк-Мирский Сувчинскому не представил, но за полгода до этого, в июне 1922 г. Святополк-Мирский отправил П.Б. Струве, который являлся редактором журнала «Русская мысль», статью «О современном состоянии русской поэзии» (далее – ОССРП). Статья предназначалась для публикации в журнале в январе 1923 г.[317], однако опубликована не была[318].

Целесообразно сопоставить текст ОССРП и РЛ по причине определенного тематического и концептуального сходства этих двух высказываний Святополк-Мирского, при всем их жанровом различии. Как представляется, то обстоятельство, что текст ОССРП остался неопубликованным в 1923 г., позволило Святополк-Мирскому использовать некоторые положения статьи в РЛ. Отметим, что подобное схождение предполагалось самим Святополк-Мирским, поскольку, в частности, и ОССРП, и РЛ Святополк-Мирский предпослал один и

---

[314] *Цетлин М.* [Рец.:] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. П. Святополк-Мирский. Париж: Франко-русская печать, 1924 / Современные записки. – 1925. [Июнь.] – № 24. – С. 441.
[315] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 23.
[316] Ibid. – P. 19.
[317] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 313.
[318] Статья была опубликована лишь в 1978 г.: *Святополк-Мирский Д. П.* О современном состоянии русской поэзии [1922] / Предисл. и публ. Г. П. Струве // Новый журнал. 1978. – № 131. – С. 79–110. Публикация сопровождалась предисловием Г. П. Струве (*Струве Г. П.* Кн. Д. П. Святополк-Мирский о русской поэзии в 1922 году // Новый журнал. – 1978. – № 131. – С. 78–79) и послесловием Дж. Смита (*Смит Д.* «О современном состоянии русской поэзии» и путь Д. П. Святополка-Мирского // Новый журнал. – 1978. – № 131. – С. 111–115).

тот же эпиграф – стихотворение Фета «На книжке стихотворений Тютчева»[319] (в РЛ – полный текст, в ОССРП – только первую строфу, с видоизмененной (и неоговоренным изменением) первой строфой[320]). Читателям это обстоятельство известно не было, и это позволило, напр., М. Цетлину заметить, что эпиграф из Фета к РЛ «невольно дал повод читателю воспринять эти строки как нескромную оценку <Святополк-Мирским> своего собственного труда»[321].

О. Казнина называет ОССРП «как бы маленькой энциклопедией русской поэзии»[322]. У подобного сравнения есть некоторые основания: в статье Святополк-Мирский рассматривает поэзию в широком диапазоне, включающем Блока, Бальмонта, Гиппиус, Волошина, Брюсова, Маяковского, Пастернака, Клюева, Есенина, Казина, Цветаевой, Андрея Белого, Вяч. Иванова, Ходасевича, Кузмина, Гумилева, Мандельштама, Ахматовой, Радловой, Одоевцевой, течения футуристов, имажинистов, «скифов». Широта диапазона, однако, преследует вовсе не энциклопедические цели. ОССРП – текст аналитический, литературно-идеологический и историко-литературный.

Святополк-Мирский начинает ОССРП с утверждения: современная русская поэзия находится в «периоде расцвета»: «До 1908 г. приблизительно шел подъем, затем мы вышли на плоскогорье, где и посейчас находимся. Молчание и смерть Блока не изменили положения – русская поэзия богата разнообразными дарованьями» (60–61)[323]. Здесь же Святополк-Мирский совмещает историко-литературную констатацию («поэзия захватила все поле литературной деятельности и вытеснила всю прозу вон вовсе», 61) с тезисом о влиянии революции на русскую поэзию: «Революция не только не нанесла удара поэзии, но, наоборот, возвысила ее <…> усилив и укрепив индивидуально лучших из

---

[319] Святополк-Мирский цитировал строки из этого стихотворения («… духа мощного господство / Утонченной жизни цвет») в англоязычном обзоре 1922 г. «Новые книги о Пушкине и его эпохе» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 35).

[320] У Фета – «Здесь утонченной жизни цвет» (так же и в РЛ), в ОССРП – «Здесь вдохновенной жизни цвет» (отмечено В.В. Перхиным в: *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 313).

[321] *Цетлин М.* [Рец.:] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 440.

[322] *Казнина О.* Д. Мирский. Несобранные статьи по русской литературе [о книге: Mirsky D. S. Uncollected writings on Russian Literature. Oakland, 1989] // Вопросы литературы. 1990. – № 1. – С. 225.

[323] Здесь и далее текст ОССРП цитируется по изданию: *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 60–84, с указанием номера страницы в тексте.

поэтов и подвигнув их на достижения высшие, иногда несоизмеримые с прежними» (61). Этот тезис, однако, не означает какого-либо идеологического приятия Святополк-Мирским революции. Он называет современность «годиной тягчайших бед и глубочайшего отчаяния» (61), и именно в это время «мы должны быть счастливы, что <…> нам дано иметь великую поэзию» (61). Говоря о поэтах, Святополк-Мирский использует евангельский образ: «Русские поэты оказались, когда пришла пора, мудрыми девами, сохранившими свой елей и достойными выпавшей на их долю судьбы» (61). Святополк-Мирский наделяет поэтов профетической ролью: «Именно в поэтах мы слышим ясней всего голос будущего возрождения; в нем же наша надежда» (61). По Святополк-Мирскому, русская поэзия обладает общенациональной сверхличной ценностью: «Именно поэты, застигнутые революцией, явили высокий духовный строй, бодрость и мужество. Именно поэты теперь находят слова, нужные для всех, хотя и не совсем еще слышные. Но шум и звон уже наполняет многие уши, прежде глухие. И имеющий уши имеет теперь во что вслушиваться» (61). Этот мотив варьируется в разделе, посвященном Вяч. Иванову: «Он стал из поэта кружкового и эзотерического поэтом по существу всечеловеческим и всенародным. Поэзия его нужна всем, и, если к ней не идут или ее не понимают, тем хуже для непонимающих и неидущих» (75). Святополк-Мирский помещает современную русскую поэзию в широкую историко-культурную (близкую к историософской) перспективу: «Не подлежит сомнению <… ни> типичность <русской поэзии> в смысле отражения духовной жизни нации, ни значительность ее тем. Поэзия в настоящее время несомненно есть одно из самых важных проявлений национальной жизни и поглощает большую долю духовной энергии нации» (82).

Эта высокая риторика является своеобразной обрамляющей конструкцией в ОССРП. Основной текст статьи посвящен характеристике отдельных поэтов и поэтических направлений. Святополк-Мирский утверждает, что «современных русских поэтов удобнее всего группировать по географическому признаку – вокруг трех характернейших центров современной русской культуры: Москвы, Петербурга и Пасси» (63). При этом, «относя поэта к тому или иному из этих

центров, руководиться приходится не одним только адрес-календарем, но и более внутренними признаками» (63). Святополк-Мирский не дает никакого определения поэтической школы – и тут же помещает слово «школа» в кавычки, давая, тем самым, понять, что речь идет о некоей метафоре: «… каждая из этих трех “школ” несомненно интимно связана со своим географическим центром» (63).

Поэтическая школа Пасси (Святополк-Мирский называет ее «пассийская», 63) имеет, по Святополк-Мирскому, единственный объединяющий признак – негативный: «По ряду причин (в общем, я думаю, неслучайных) отбор поэтов в эмиграцию делался вообще по признаку ненужности. Из старых поэтов здесь очутились прежде всего такие, как Игорь Северянин и Саша Черный. Эмигрантская молодежь в поэтическом отношении проявила редкое однообразие бездарности» (63–64). По Святополк-Мирскому, «поэтическое бесплодие» русской эмиграции есть «как бы карма отделения от родной почвы, вне которой поэзия – самый органический цвет национальной культуры – существовать не может» (64). Потому Святополк-Мирский отмечает «троих из старших» – Бальмонта, Бунина, Гиппиус, с одной стороны, аттестуя их как «имена, дорогие каждому другу русской поэзии» (64), с другой же – давая характеристики, близкие к уничижительным[324].

В дальнейшем тексте статьи Святополк-Мирский говорит о двух других «школах» русской поэзии – московской и петербургской (и более не упоминая «пассийской»), предлагая своего рода бинарную оппозицию: «Москва vs. Петербург». Эта оппозиция поддерживается и несколькими другими: «Москва тесней и интимней связана с Революцией, чем Петербург. Петербург <…> воспринял великую трагедию Октября как силу внешнюю, как вьюгу, налетевшую из бескрайних просторов России, как нашествие каких-то неведомо откуда взявшихся матросов. Москва отождествила себя с Россией. Петербург

[324] О Бунине: «Стихи его, во всяком случае, менее значительны, чем <”Господин из Сан-Франциско”,> эта трагическая арлекинада»; о Бальмонте: «… бледный пережиток давно отжитых переживаний <…> свечка, горевшая ярко, догорает и оставляет только чад»; о З. Гиппиус: «… прикованная, как каторжник к тачке, к печальной компании Мережковского, она, кажется, осуждена на бесплодие и на медленное перерождение всех своих духовных тканей» (64).

только страдает от Революции или судит ее. Москва ее делает» (66). Далее Святополк-Мирский развивает этот тезис, совмещая географический, идеологический и эстетический планы: «… ход событий, географически неизбежный, отстранил Петербург от участия современности и оставил его влачить свое великолепное одиночество среди своих гранитов и кочек Ингерманландии. Другая черта петербургской поэзии <…> – ее математичность и дисциплина. <…> В противоположность “мишелистой” распущенности Москвы – петербургские поэты подтянуты, пожалуй, немножко “однообразной” красивостью» (75). В другом месте Святополк-Мирский говорит о «традиционно распущенной московской душе» (69)[325] и о «чертах петербургской школы – мужестве и строгости» (81).

Помимо оппозиции «дисциплина / строгость vs. распущенность» Святополк-Мирский оперирует оппозицией «пассивность vs. активность». Она существует на «издерганном и распущенном фоне хорошо знакомой нам русской действительности» (68). «Пассивность» – это некое онтологическое свойство. Святополк-Мирский говорит об «иррациональной пассивности» «России и Революции» (63). Святополк-Мирский особо останавливается на творчестве Блока и Белого: «Величайшие наши поэты – Блок и Белый – поэты совершенно пассивного типа, с полной атрофией активного, волевого начала творчества, Эоловы арфы нездешних ветров» (83); Блок «глубоко осознавал свою женственность, пассивность, рецептивность» (62); «Два великих поэта – Блок и Белый – в одинаковой мере, хотя и разным образом, были пассивны и восприимчивы» (74). Уместно соотнести эти высказывания с содержащимися в РЛ: для Блока характерен «чисто пассивный, женственный процесс творчества»[326]; «”Творческий разум” <Блок> ненавидел, и понятна отсюда его нелюбовь к поэтам, поставившим на первое место активное мастерство (Гумилев)»[327].

---

[325] См. также высказывание в ОССРП о М. Цветаевой: «Московская непосредственность, московская сердечность, московская (сказать ли) распущенность в каждом движении ее стиха» (72).
[326] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 237.
[327] Там же.

Признавая в ОССРП разницу в масштабах дарования, Святополк-Мирский видит ту же, что и у Блока, черту в Есенине: «В Есенине нет мужественного, устойчивого хребта; он поэт женственный, пассивный, “славянская душа”» (70). Есенин – представитель крестьянской поэзии; Святополк-Мирский трактует и ее, и «московскую» литературу в рамках той же оппозиции «пассивность vs. активность»: «Поэты, выдвинутые деревней, все – упадочники, гнущиеся трости, декаденты. Бессилие перед стихией, пассивная отдача себя ее силе характеризует большую часть нашей (особенно московской) литературы; то же идолопоклонство стихии в столь хвалимом теперь Пильняке, тоже порождении провинции и деревни» (83).

Святополк-Мирский отождествляет пассивность с упадочностью. Это, по Святополк-Мирскому, не только категория поэтической идеологии, но и категория литературной социологии: «Сравнение Казина с Есениным, Клюевым, Кусиковым – поэтами деревни – наводит на любопытные мысли. В деревне несомненен дух упадочный и усталый. Свежий воздух Казина идет с фабрики. Клюев почти что Гюисманс Севера; Есенин почти Тургенев крестьянства; Кусиков – казачий Мариенгоф. Не ошибаются ли те, кто хотят видеть будущее России в крестьянстве? Не лучше ли надеяться, чтобы она была городской – рабочей? Для меня этот вопрос давно перестал быть вопросом. И Казин, и Есенин только предлог. Вверимся же поэтам – и Маяковский, горожанин с головы до ног, свежей, здоровей, живей, чем все, что дано нам деревней» (72).

«Пассивность / упадочность» не есть, однако, последнее слово об их носителях. Святополк-Мирский делает важное уточнение: «Как бы пассивны ни были Блок и Белый, и они причастны (да еще как!) к Культуре Вечности, и свойственный этой культуре высокий духовный строй несравненно сильнее проникает других поэтов, особенно петербургских» (83). «Культура Вечности» – одно из центральных понятий в ОССРП. Святополк-Мирский локализует ее в Петербурге («столица Культуры Вечности – Петербург. Там даже она имеет свою Академию – Вольную Философскую Ассоциацию», 74) и определяет ее как «группу писателей, собравшуюся вокруг издательства “Алконост” и “Записок

мечтателей”» (74). При этом «самое характерное и широко известное проявление этой культуры выходит за пределы поэтической литературы – “Переписка из двух углов” Вячеслава Иванова и Гершензона» (74). Как на «одного из лучших представителей новой Культуры Вечности» Святополк-Мирский указывает Мандельштама (79). «Культура вечности» – это торжество активного начала над началом пассивным: «Будем надеяться, что <…> голос стихии не заглушил во всех русских голос Разума, единственного вожатого. Не на Пильняке же свет клином сошелся» (80).

Святополк-Мирский заканчивает ОССРП высказыванием, в котором уравнивает волю, разум, активное начало и будущее русской поэзии, явленное, по его мнению, в «новом классицизме»: «Мандельштам сказал: “Классицизм – поэзия Революции”. И если под Революцией понимают то, что начал Петр Великий, в этом есть доля истины. Классицизм – поэзия активная, поэзия Воли и Разума[328], искусство телеологическое, в противоположность пассивному детерминистскому искусству, Романтизму. Именно отсутствие Воли и Разума сделало <февральскую революцию 1917 г.> бездарной. И присутствием их, если суждено нам победить, мы победим. Мандельштам только наиболее подчеркнутый представитель этой новоклассической поэзии, она уже одушевляет и Ахматову, и Радлову, и вообще всех петербуржцев; она же имеется в более примитивной стадии и у москвича Казина; она же обнаруживается и у иных провинциальных поэтов <…>; она же составляет ценное, хоть и замутненное, ядро поэзии Пастернака. В этой воле преодолеть стихию и утвердить творческую свободу и ответственность личности будем видеть знак грядущего возрождения и указание возможного пути» (84).

---

[328] Выражение «поэзия воли» – применительно к Н. Гумилеву – использовал К. Мочульский в статье 1922 г. (*Мочульский К. В.* Классицизм в современной русской поэзии [Рец. на кн.: *Гумилев Н. С.* Огненный столп. Пб.: Петрополис, 1922; *Кузмин М.А.* Эхо: Стихи. Пб.: Картонный домик, 1921; *Кузмин М. А.* Нездешние вечера. Пб.: Петрополис, 1921; *Маслов Г. В.* Аврора: Поэма. Пб.: Картонный домик, 1922; *Рождественский В. А*. Золотое веретено: Стихи. Пб.: Петрополис, 1921; *Иванов Г.В.* Сады: Третья книга стихов. Пб.: Петрополис, 1921; *Адамович Г В.* Чистилище: Стихи. Книга вторая. Пб.: Петрополис, 1922] // Современные записки. – 1922. – № 11. – С. 370).
См. также замечание Т. Венцловы о «Несвоевременных мыслях» М. Горького: «Слова *разум* и *воля* в “Несвоевременных мыслях” принадлежат к числу ключевых, наиболее частотных и порою звучат как магические заклинания <…> Даже если сделать поправку на риторику, следует признать, что воля и разум человека здесь гипостазированы и мифологизированы» (*Венцлова Т.* Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. – М., 2012. – С. 374, курсив Т. Венцловы).

Это утверждение Святополк-Мирского соотносимо с высказыванием Б. Эйхенбаума в «Проблемах поэтики Пушкина» (1921): «Из недр символизма возник новый классицизм – в поэзии Кузмина, Ахматовой и Мандельштама находим мы новое ощущение классического Пушкина, утвержденное красивым в своей парадоксальности афоризмом Мандельштама: “Классическая поэзия – поэзия революции”»[329]. Святополк-Мирскому текст Эйхенбаума был знаком, поскольку в рецензии на сборник «Пушкин. Достоевский», где была опубликована статья Эйхенбаума, Святополк-Мирский эту работу отметил особо: «… весьма любопытное эссе о стиле Пушкина Эйхенбаума, члена молодой школы “формальной критики”»[330].

Слова о классицизме как «поэзии активной, поэзии Воли и Разума» корректно соотнести с высказыванием в тексте ОССРП о поэме Блока «Двенадцать». Святополк-Мирский называет поэму «творением окончательным и неизменимым»: «Эта окончательность и неизменимость не может принадлежать великим творениям классическим. Гомер мог найти другое выражение для XXII песни “Илиады”; Расин мог иначе написать “Федру”; Пушкин мог найти другие слова для “Медного всадника”. В классическом искусстве процесс творчества есть процесс выбиранья, процесс активный и процесс принципиально безнадежный – логическая стихия слова по существу неадекватна темному потоку вещей. Поэтому классическое творение в самом своем совершенстве имеет сознательную человечность и трагическое несовершенство целесообразного акта. Блок, как Кольридж, лишен активной силы классического зодчества» (62). При этом тезис о том, что «окончательность и неизменимость не может принадлежать великим творениям классическим» находится в видимом противоречии с высказыванием в ОССРП о «Святой Руси» М. Волошина: она, по Святополк-

[329] *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. – Л., 1969. – С. 25. Впервые: Пушкин. Достоевский: Сборник. – Пб., 1921. – С. 76–96.
[330] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 37. Впервые: *Mirsky D. S.* Recent Books on Pushkin and His Times // The Slavonic Review. – 1922. – Vol. 1. – № 2. – P. 475–478.

Мирскому, «уже стала классической, и действительно она имеет законченность произведения классического» (65)[331].

Более важным представляется, однако, другое. Говоря о Блоке, Святополк-Мирский утверждает: «Великая оригинальность Блока как поэта в том, что он довел до самого крайнего предела стремление поэтической выразительности преодолеть логическую стихию слова и “предаться музыке”. “Музыке” Блок предался без предела, продолжая великую (и столь редкую) традицию, идущую к нему от “Агамемнона” через “Вакханок” и “Аттиса”, первую часть “Фауста”, “Гимны ночи” и великие поэмы Кольриджа. Вся карьера Блока есть борьба со стихией музыки, героическая и под конец победоносная, стремление канализировать и утилизировать эту трансцендентную музыку сфер, влить ее в формы поэтического выражения. Это осуществил Блок в третьем томе не в разладе, а в согласии с логической стихией слова» (61–62). «Двенадцать» Святополк-Мирский характеризует следующим образом: «Поэма Блока, поскольку он пользуется (и с совершенным мастерством) логической стихией слова, есть фантасмагория и невнятица. Будучи адекватна существу вещей, она неадекватна нашему пониманию <…> Конструктивно “Двенадцать” пассивно. Но сложившаяся привычка, усвоенная культура дала стихам ту, которую мы имеем, словесную форму» (62). Отметим также уже упомянутый фрагмент («логическая стихия слова по существу неадекватна темному потоку вещей»), а также, напр., высказывание о Хлебникове – «бунт пресыщенного словом утонченника против логической власти слова» (68).

Слова о стихии музыки и логической стихии слова имеют, как представляется, определенный источник. Это – работы В.М. Жирмунского. Святополк-Мирский был знаком с Жирмунским и его работами; в журнале «The Slavonic Review» Святополк-Мирский опубликовал сочувственные рецензии на

---

[331] Ср. с высказыванием Ю. Айхенвальда о Брюсове в 3-ем выпуске «Силуэтов русских писателей» (2-е доп. изд. М., Мир, 1913): «… его слова заменимы; никогда их не отличает необходимость» (*Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей / Предисл. В. Крейда. – М., 1994. – С. 393). В 1923 г. в Берлине вышло переиздание «Силуэтов русских писателей» (цитированные слова о Брюсове: *Айхенвальд Ю. И.* Силуэты русских писателей. Том III: Новейшая литература. Издание четвертое, переработанное. – Берлин: Книгоиздательство «Слово», 1923. – С. 136). ОССРП написана в 1922 г., так что в данном случае речь может идти только о возможном знакомстве Святополк-Мирского с дореволюицонными изданиями книги Айхенвальда.

«Задачи поэтики» и книгу «Валерий Брюсов и наследие Пушкина». В первой половине 1920-х гг. Святополк-Мирский состоял с Жирмунским в переписке[332].

В ОССРП различимы признаки усвоения Святополк-Мирским некоторых ключевых положений работ Жирмунского конца 1910 – нач. 1920-х гг. В работе «Преодолевшие символизм» (1916)[333] Жирмунский писал: «Лирика в последнюю литературную эпоху становится более музыкальной. Певучим соединением слов она старается подсказать слушателю настроения, невыразимые в словах. Вместо логически ясно очерченных понятий слова должны были стать намеками, полутонами и полутенями, подсказывать настроения, логически неясные, но музыкально значительные <…> лирика поэтов-символистов родится из духа музыки; она напевна, мелодична, ее действенность заключается в музыкальной значительности. Слова убеждают не как понятия, не логическим своим содержанием, а создают настроение, соответствующее их музыкальной ценности. Кажется, раньше слов звучит в воображении поэта напев, мелодия, из которой рождаются слова. В противоположность этому стихи Ахматовой не мелодичны, не напевны; при чтении они не поются, и не легко было бы положить их на музыку»[334]. Высказывание Святополк-Мирского об Ахматовой в ОССРП представляется, в частности, прямым парафразом Жирмунского: «возрождение конкретной и логической поэзии взамен метафизической и музыкальной поэзии символистов» (80).

В ОССРП Святополк-Мирский заимствует у Жирмунского не только оппозицию «музыкальность слова vs. логическая стихия слова». Близкородственная оппозиция «романтизм vs. классицизм», столь важная в ОССРП (см. цитированное заключение статьи), также находит свои параллели в работах Жирмунского, в частности – в статье «О поэзии классической и романтической» (1920)[335]. Жирмунский настаивал, что рассматривает не

---

[332] См.: Письмо Д. П. Святополк-Мирского В.М. Жирмунскому (1922). – С. 143–148; *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 36–37.
[333] Впервые: Русская мысль. – 1916. – № 12.
[334] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Отв. ред. Ю. Д. Левин, Д. С. Лихачев; изд. подг. Н. А. Жирмунской. – Л., 1977. – С. 107, 112.
[335] Впервые: Жизнь искусства. – 1920. – 10 февраля. – № 339–340.

«историческое явление в его индивидуальном богатстве и своеобразии», а «некоторый постоянный, вневременный тип поэтического творчества»[336]. В заключении книги «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» Жирмунский предпринял попытку обозначить «типологическую противоположность искусства романтического и классического» как «различие двух стилей – напевного, эмоционального, и вещественно-логического, понятийного»[337] и при этом предложил «предварительную схему развития русской лирики XIX в.»: «Пушкин в этой схеме является завершителем классического искусства XVIII в., воспитанного влиянием преимущественно французской лирики; от Жуковского идет развитие новой, романтической, песенной лирики под сильным воздействием Германии, которая в середине XIX в. достигает своего расцвета в творчестве Фета и некоторых поэтов его круга (А. Толстой, Вл. Соловьев). Символисты продолжают и усиливают эту романтическую традицию. Новейшая русская лирика в лице Кузмина и Ахматовой, преодолев символизм, возвращается к забытому наследию Пушкина. Из поэтов пушкинской поры Лермонтов и Тютчев представляют сложное взаимодействие обоих стилей»[338].

Отметим, что весьма вероятной и релевантной параллелью к этим тезисам Жирмунского, учитываемой Святополк-Мирским, могла быть статья К. Мочульского «Классицизм в современной русской поэзии», опубликованная в 1922 г. в парижском журнале «Современные записки»[339]. В ней Мочульский весьма близок к предлагаемой Жирмунским концепции нового классицизма и «нового пушкинизма»[340].

---

[336] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 134. Примеры классического искусства по Жирмунскому: «Поэмы Гомера, трагедии Шекспира и Расина (в этом смысле одинаково “классические”), комедии Плавта и Мольера, “Полтава” Пушкина и его “Каменный гость”, “Вильгельм Мейстер” и “Герман и Доротея» Гете»; примеры романтического искусства: «Поэмы Байрона и Мюссе, “Новая Элоиза” Руссо и “Фауст” молодого Гете, лирика Фета и Блока и его драматические произведения (“Незнакомка”, “Роза и Крест”)» (*Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 135).

[337] Там же. – С. 61.

[338] Там же. – С. 61, 62.

[339] *Мочульский К. В.* Классицизм в современной русской поэзии. – С. 368–379.

[340] Напр..: «Апатию романтической лирики, статичность “настроений” и “переживаний” сменяет энергия, активность, конструктивность, и в этом титаническом деле поэта ведет вера в могущество слова. Поэтому все новые поэты – крайние вербалисты <…> Сборники молодых поэтов (Маслова, Рождественского, Г. Иванова и Адамовича) представляют единое целое. Несмотря на все индивидуальные отличия и особенности фактуры – они проникнуты одним духом, написаны одним языком, принадлежат одной художественной школе. И так как объединяющим началом является пушкинская традиция, то невольно, говоря о них, вспоминаешь *плеяду Пушкина*.

Важен дуализм позиции Жирмунского: с одной стороны, в «Мелодике стиха» он декларирует: «Мы научились смотреть на литературное произведение как на явление художественное, требующее особых приемов изучения, соответствующих его особенностям как эстетического предмета. <…> Изучение поэзии как искусства составляет задачу поэтики»[341]. С другой стороны, для Жирмунского принципиально положение, высказанное в «Преодолевших символизм»: «Всякое искусство, и поэзия больше других искусств, живет рядом внехудожественных переживаний, вызываемых переживанием эстетическим. <…> художественное восприятие создает в сознании слушателя эстетические образы, которые, раз создавшись, выходят из сферы искусства, вступают в мир наших привычных симпатий и антипатий и подлежат оценке по своему смыслу, как ценности нового, внеэстетического порядка – философские, моральные, религиозные или жизненные»[342]. Как представляется, для Святополк-Мирского был актуален предложенный Жирмунским синтетический подход к рассмотрению лирики: сочетание анализа поэтики с характеристикой поэзии как «ценности нового, внеэстетического порядка».

Святополк-Мирский закончил работу над текстом ОССРП в июне 1922 г.; ноябрем 1922 г. датировано его письмо Жирмунскому, а в августе 1923 г. (судя по дате послесловия) Святополк-Мирский заканчивал подготовку над текстом РЛ. Представляется, что реакция Святополк-Мирского на основные тезисы Жирмунского была одним из определяющих механизмов в работе как над ОССРП, так и над РЛ. Быть может, это является дополняющим объяснением названия антологии Святополк-Мирского – «Русская лирика», поскольку в самом начале «Мелодики стиха» Жирмунский утверждал: «Русская наука о литературе всегда отводила изучению лирики второстепенное место <…> мы не можем, мысленно перебирая наиболее известные труды по истории русской литературы XVIII и XIX вв., назвать хотя бы одно исследование, специально посвященное

Никогда еще со времени тридцатых годов русская поэзия не была столь сплочена и однородна, как теперь» (*Мочульский К. В.* Классицизм в современной русской поэзии. – С. 372, 376, курсив Мочульского).

[341] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 56.

[342] Там же. – С. 133.

изучению поэтического искусства русских лириков <…> русская наука и литературная критика не находили подходящего для своих задач материала в произведениях чисто художественных, какими в большинстве случаев являются именно лирические стихотворения»[343].

В предисловии к РЛ Святополк-Мирский, словно отвечая Жирмунскому, писал, что первоначально он собирался «предпослать антологии сжатый и содержательный очерк истории русской поэзии» (8)[344], но отказался от этого намерения: «Несмотря на огромную и ценную работу, сделанную <в изучении истории русской поэзии> за последние годы, слишком многое остается не вскрытым. Многое, временно принятое в науку, представляется очень спорным, и даже там, где мне кажется, что я что-то знаю – в условиях краткого введения пришлось бы излагать догматически и бездоказательно взгляды, которые показались бы устарелыми и опровергнутыми и или парадоксальными и невероятными» (10). Поэтому Святополк-Мирский предлагает в РЛ неожиданную и по внешности парадоксальную стратегию: «пожертвовать некоторыми из <своих> мнений и взглядов», а «другие, в более или менее случайной и несвязанной форме, перенести в примечания», которых, как тут же добавляет Святополк-Мирский, «никто читать не будет и где их никто не примет за что-нибудь большее, чем они на самом деле есть» (10).

В примечаниях Святополк-Мирский активно ссылается на новейшие российские историко-литературные исследования. Святополк-Мирский отсылает к «интересному, хотя и фантастическому во многом» стилистическому анализу «Не пой, красавица, при мне» в «Символизме» Андрея Белого (206)[345]. Святополк-Мирский сочувственно ссылается на работу Ю.Н. Никольского о Фете[346] (222–223) и дважды – на «Некрасова как художника» К. Чуковского (196, 226); причем если второе упоминание работы Чуковского – нейтральное (226), то первое –

---

[343] Там же. – С. 56.

[344] Далее РЛ цитируется по изданию: Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д.П. Святополк-Мирский. – Новосибирск, 2010, с указанием номера страницы в тексте.

[345] Как на ценное историко-литературное свидетельство Святополк-Мирский дважды ссылается на «Воспоминания о Блоке» Андрея Белого (230, 236).

[346] *Никольский Ю.* Материалы по Фету. 1. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений», 1850 г. // Русская мысль (София). – 1921. – Кн. 8–9. – Август-сентябрь. – С. 211 – 227.

иронически-полемическое: «Чуковский <…> вменяет Некрасову в особую революционную заслугу употребление» четырехстопных дактилей (196)[347].

Святополк-Мирский исключительно внимательно ознакомился с работами Жирмунского, включая этапную для Жирмунского работу – статью «Мелодика стиха», вызванную одноименной книгой Б.М. Эйхенбаума, где, в частности, обсуждался вопрос о трех типах лирики – «декламативном», «напевном» и «говорном»[348]. Святополк-Мирский писал Жирмунскому в ноябре 1922 г.: «Вы написали “Брюсова” и “Задачи поэтики”. Сейчас я прочел (перечитал) Вашу статью в “Мысли” о “Мелодике” Эйхенбаума (которой, к сожалению, не видел). Совершенно в общем принимая все Ваши положения и указания, я хочу по поводу ее поставить несколько вопросов. И первое – нет ли опасности слишком резко разделять три типа поэтики? Эта классификация, вообще говоря, мне всегда казалась наиболее естественной. Но нет ли соблазна слишком настаивать на однообразном характере творчества каждого поэта?»[349]

В РЛ Святополк-Мирский ссылается на работы Жирмунского: о Жуковском – на исследование о Жуковском и Брентано (198); о Пушкине – на анализ «Для берегов отчизны дальной» в «Задачах поэтики» (207);

о Блоке – на «Поэзию Александра Блока» (1922), которую Святополк-Мирский аттестует как «лучшую историко-литературную характеристику» Блока.

Если в ноябре 1922 г. Святополк-Мирский сообщал Жирмунскому, что, «к сожалению, не видел» «Мелодики стиха» Эйхенбаума, то в РЛ он уже будет ссылаться на нее, говоря о Жуковском (198: «О мелодических приемах Жуковского см. интересную книгу Эйхенбаума “Мелодика стиха”») и Фете (223: «интересный, очень детальный анализ мелодических приемов»). В РЛ Святополк-Мирский также ссылается на работы Эйхенбаума – об Ахматовой (241), а также говоря о патриотической лирике 1830-х гг. (215).

---

[347] Святополк-Мирский писал об этом и в письме к Жирмунскому (1922): «Чуковский в своем “Некрасове” попал пальцем в небо, предполагая в стихе “Что твой Россини? Что твой Бетховен” оригинальность Некрасова, то же у Державина: “Что ты заводишь песню военну” и у Баратынского – “Вижу <нрзб.> жребий благой” (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В.М. Жирмунскому (1922). – С. 145). Публикатором письма осталась не разобрана цитируемая Мирским строка из «Пироскафа» Баратынского: «Вижу Фетиду: мне жребий благой».

[348] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 68.

[349] Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). – С. 144.

В комментариях к РЛ Святополк-Мирский широко использует терминологию и классификацию Эйхенбаума и Жирмунского применительно к вопросу о стилях русской лирики[350]: Жуковский – «идеалистическая лирика мелодического стиля» (198); Батюшков – «чужд мелодизма Жуковского» (199); «мелодический стиль» Лермонтова (217); высказывание об эволюции «мелодического стиля» Блока (235–236). Вместе с тем, и в письме к Жирмунскому, и в РЛ Святополк-Мирский выражал свое несогласие с данным Жирмунским в «Мелодике стиха» определением лирики Фета как напевной и идущей от Жуковского[351].

Также, как представляется, слова Святополк-Мирского о том, что «любопытно было бы написать “цыганскую” историю “Утра туманного”», создавшего «целую “школу” подражаний» (219), имплицитно связаны с высказываниями о культуре цыганского романса в «Мелодике стиха» Эйхенбаума[352] и комментарием Жирмунского[353].

Однако факт усвоения Святополк-Мирским в РЛ терминологии и классификации Эйхенбаума и Жирмунского важен не только как свидетельство активной рецепции Святополк-Мирским новейших достижений русской филологической науки в целом и, в особенности, исследований формалистов (см п. 1 гл. 1 наст. диссертации). В предисловии к РЛ Святополк-Мирский писал: ««Я хотел сделать <антологию> вроде кривой, представляющей хаотическую сложность для неопытного глаза, но могущей быть рассчитанной с точностью по

---

[350] Необходимо учитывать факт полемики (в т.ч. – о терминологии) Жирмунского с Эйхенбаумом. См.: *Ханзен-Лёве О. А.* Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Пер. с нем. С. А. Ромашко. – М., 2001. – (Серия «Studia philologica»). – С. 302; *Эткинд Е. Г.* Историзм В. М. Жирмунского (1910–1920-е годы) // *Эткинд Е. Г.* Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь. Статьи и исследования. – СПб., 2005. – С. 670–672.

[351] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 62.В письме к Жирмунскому Святополк-Мирский писал: «Фет не так уж чужд ”говорности”. <…> Конечно, он все время “стремится” к напевности (“Муза” и т. д.). Но такое стихотворение, как “О долго буду я”, конечно, классично. “Ивы и березы”, конечно, тоже разговорны <…> Вообще, мне кажется, Фет не совсем еще понят <…> В Фете <…> и Тютчеве была классическая, логическая подкладка» (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В.М. Жирмунскому (1922). – С. 145). В РЛ Святополк-Мирский выразит этот пункт расхождения с Жирмунским следующим образом: «Фет главным образом представляется как создатель весьма своеобразного мелодического “романсного” (в смысле “Romances sans paroles”) стиля. Но есть в Фете и другие стороны, на которые обыкновенно обращается меньше внимания. Ю. Никольский справедливо указал на его рассудочность. <…> В “Вечерних огнях” мыслительный элемент господствует над песенным. Все это очень осложняет облик Фета-певца <…> <”Ивы и березы”> показывают власть Фета над логической стихией слова, с элегантной и стройной диалектической конструкцией» (222–223).

[352] *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. – С. 437–438.

[353] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 62.

самому короткому отрезку. Я и представлял себе мою Антологию цельным, внутренне логическим единством, в котором и ломоносовский Иов, и гитара Аполлона Григорьева, и есенинский жеребенок являются необходимыми и взаимно-обусловленными подробностями» (8). Святополк-Мирский выражал надежду, что «линия, которую <он>, наверно не без ошибок, рассчитал и начертил, – не всем <его> читателям покажется случайной» (8). И далее Святополк-Мирский делает утверждение, которое корректно считать ключевым: «Объяснять, в чем смысл этой линии – я не буду, каждая вещь может быть выражена только одним образом, и описывать ее было бы таким же пустословием, как, например, “передавать своим словами”, “что хотел выразить Пушкин своей Татьяной”» (8). Таким образом, как можно понять, это высказывание Святополк-Мирского – не о принципе отбора стихов для антологии, а о принципах развития самой русской лирической поэзии, т.е. о предмете исследования, а не о методе исследователя.

Святополк-Мирский сообщает читателям, что в основе его отбора лежит некий принцип, но отказывается объяснять, какой именно. Святополк-Мирский декларирует этот отказ: «описывать <этот принцип> было бы пустословием», хотя здесь он – непоследовательно – уравнивает «объяснение принципа» и «объяснение содержания стихов». При этом тезис Святополк-Мирского о том, что «каждая вещь может быть выражена только одним образом до этого» находится в очевидном противоречии с его же словами в статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922): «Пушкин мог найти другие слова для “Медного всадника”»[354].

Вне понимания принципа, положенного Святополк-Мирским в основание его антологии, антология лишается того смысла, которым Святополк-Мирский ее наделял. Декларация о существовании принципа, который, в то же время, не будет обнародован, находится, как представляется, в связи и с еще одним утверждением. В предисловии Святополк-Мирский сообщает, что «поставил себе несколько формальных правил: в нее включена только лирика в широком,

[354] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 62.

разговорном значении этого слова; только оригинальные стихотворения, только целые стихотворения и только небольшие: самое длинное <…> имеет 144 стиха» (15). Из четырех «формальных правил» два никак не формализованы: лирика понимается «в разговорном значении слова», длина определена субъективно («небольшие»). Таким образом, заявляя о формальных критериях отбора, Святополк-Мирский тут же дезавуирует эту «формальность».

В предисловии Святополк-Мирский уподобляет свою антологию «правильно искажающему зеркалу, дающему возможность всегда ввести определенную поправку» (7). Святополк-Мирский также утверждал, что то, чего он «действительно избегал» в антологии, это – «случайности» (8). Значит, читателю предлагается дедуцировать этот смысл из всего корпуса книги, и этот смысл будет описывать некое «логическое единство» (8).

С учетом заявленной Святополк-Мирским «более или менее случайной и несвязанной» (10) формы его высказываний в комментариях можно сделать несколько предположений относительно этого.

Святополк-Мирский видит историю русской поэзии – со второй половины XVIII в. и до первой четверти XX в. – как динамическое противостояние двух поэтик, классической и романтической[355]. При этом Святополк-Мирский возражает против того, чтобы исходить из «однообразного характера творчества каждого поэта»[356]. Потому, напр., Пушкин и Лермонтов рассматриваются Святополк-Мирским в РЛ в перспективе обеих поэтик.

Классическая поэтика характеризуется «оригинальной разработкой общего места» (194) и воплощена в Ломоносове (192) и Державине (194). В пушкинскую эпоху связь с классицизмом – это связь с XVIII в. и французской традицией (208). «Замена классической поэтики» осуществлена Карамзиным; это новая субъективная, «Руссо-Гердеровская» поэтика, в лирике она воплощена Жуковским (197).

---

[355] Выражения «классическая поэтика» и «романтическая поэтика» Святополк-Мирский употребляет в первом же комментарии к РЛ, говоря о Ломоносове (192).
[356] Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). – С. 144.

«Лучшая эпоха русской поэзии», ее «Золотой век» – 1820-е гг.[357] «Золотой век» характеризуется не господством классической или романтической поэтики, а самоценной «культурой стиха» (211). Наивысшее проявление этой культуры – «власть над логической стихией слова» у Пушкина (204). «Золотой век» был непродолжителен: «Гармония Жуковского, Пушкина, Баратынского <…> оказывается разложенной на декадентство Языкова (следующий шаг – Бенедиктов) и нейтральность Веневитинова (следующий шаг – Клюшников)» (211).

«Золотой век» характеризуется высоким ремеслом; последующая поэзия (с 1830–1840-х гг.; «упадочное время», 220) деградирует, она «обратилась в лирический дневник переживаний» (218). Романтизм Лермонтова «занимает в сокровищнице русской поэзии, столь бедной романтизмом, место совершенно исключительное» (217). «Идеалистическая критика» 1830–1840-х, воплощенная в Белинском, «подменяет мысль идеями» (208). Наиболее типичный пример поэзии периода упадка – А. Майков с «самодовольной важностью его “идейности”, эклектизмом его вкуса, нейтральностью словесной ткани»: «Майков вполне осуществил идеал поэта по Белинскому с его “художественностью”, “мышлением образами” и уважением к общественности» (220).

Современная русская поэзия, по Святополк-Мирскому, отмечена высокими индивидуальными достижениями: Сологуб – «крупнейший из символистов старшего поколения» (231), поэзия Гиппиус – «является очень важным моментом в эволюции стиха и лирической композиции» (231), Анненский обладает «высокой абсолютной ценностью» (233). Однако реабилитация поэтического ремесла осуществилась не в них, а в творчестве Вяч. Иванова и М. Кузмина. У Вяч. Иванова «мастерство глубоко сознательное»: «Молодых поэтов, на которых его влияние было великого и благотворно, он учил упорно и добросовестно работать, ничего не оставлять случайности, не терпеть в стихе “пустого места”, стремиться к тому, чтобы каждая точка в нем была действенна» (234). В свою

[357] Ср. о Дельвиге: «С 1825 г. и до смерти редактор “Северных цветов”, Дельвиг был центральной фигурой этой лучшей эпохи русской поэзии» (202).

очередь, в Кузмине явлено «возвращение поэзии к *ремесленным* традициям прошлого» (239, курсив Святополк-Мирского): «Мастерство Кузмина огромно; влияние его на младших поэтов петербургских было очень значительно, отчасти уравновешивая влияние В. Иванова» (239).

У Мандельштама Святополк-Мирский отмечает как «основную линию творчества» – «возрождение классической оды, ломоносовской риторики большого стиля» (241), у Пастернака – «большое словесное мастерство» (243), у Маяковского – «центр интереса на *словотворчестве*, на языковом *ремесле*» и «мастерство композиции» (242, 243, курсив Святополк-Мирского).

Таким образом, эволюцию русской поэзии по Святополк-Мирскому следует понимать как движение от классицизма к эклектично-нейтральному упадку и последующему возвращению к некоторым принципам классической поэтики. Здесь хорошо различимо использование и развитие тезисов из работ Жирмунского. Важно, что при всем акцентировании *формального мастерства* Святополк-Мирский подчеркивает также и содержательный аспект поэтического текста, что также находит соответствие в тезисе Жирмунского в «Преодолевших символизм» о том, что поэтические произведения «подлежат оценке по своему смыслу, как ценности нового, внеэстетического порядка – философские, моральные, религиозные или жизненные»[358]. Поэтому, напр., хотя о Есенине Святополк-Мирский замечает, что он «вовсе не работник» (т.е. находится вне проблематики поэтического ремесла), он подчеркивает в нем не только «певучесть», но и такую особенность, как «томящую элегическую грусть с бесшабашным озорством хулигана» (243). В Гумилеве Святополк-Мирский особо подчеркивает «скрытую струю глубокого и живого мужественного чувства» (240), в Ахматовой – «острый бытовой и психологический реализм» (241), у Гиппиус – «разработку “свидригайловской” темы о вечности» (232) и т.д.

При этом Святополк-Мирский исходит из того, что наряду со всякой общей тенденцией существуют поэты, находящиеся вне господствующего течения; таковы Тютчев (212), Некрасов (225), Фет (222–223), Случевский (228) – при том,

---

[358] *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика. – С. 133.

что Некрасов и Фет, как замечает сам Святополк-Мирский, своим историко-литературным генезисом предполагают обратное.

Святополк-Мирский особо останавливается на необходимости переоценки творчества русских поэтов, делая акцент на их недооцененности. О Ломоносове: «Наше время снова становится способно оценить его мощную, умную риторику, полет его научного натурфилософского воображения и ясность его классической дикции <…> Мы близки к тому, чтобы снова почувствовать в нем великого поэта» (192); о Ф. Глинке: «Высоко оригинальный, мало еще оцененный поэт» (201); о Дельвиге: «Только теперь начинают его снова оценивать» (202); о Некрасове: его «долго судили по партийным признакам. В настоящее время интерес к нему, чисто художественный, впервые дал возможность его объективной оценки, которая должна быть и остаться очень высокой» (225). Уместно сопоставить эти высказывания со статьей упоминаемого в предисловии к РЛ Б. Садовского «Л.А. Мей» (1908)[359]: «Не будем в подробностях вспоминать о том, как варварски неблагодарно отнеслась старая тенденциозная критика к истинным поэтам, как наобум судила о них. С легкомыслием дикарей, меняющих жемчужные раковины на стеклярус, венчали мы званием поэтов жалких посредственных стихотворцев <…> Не говорим о богатырях русской поэзии: их немного; окинем бегло ряд других теней <…> и мы поразимся, до чего мало мы знаем их и о них. Что нам известно, что было сказано кем-нибудь, когда-нибудь о Веневитинове, Д. Давыдове, кн. П. Вяземском, Полежаеве, Майкове, Полонском, Щербине, К. Павловой, Языкове. Хомякове, Бенедиктове, Мее? Мы можем пересчитать по пальцам беглые и случайные заметки, которыми критика почтила их произведения. <…> По традиции, мы сбивчиво перечисляем наших “лучших” поэтов, известных нам из хрестоматий еще со школьной скамьи, и, не понимая действительного их значения, безразлично смешиваем Фета с Полонским, Тютчева с Майковым, Алексея Толстого с Меем»[360]. Отметим, что все

---

[359] *Садовской Б.* Л. А. Мей // Русская мысль. 1908. № 7. – С. 145–155. Статья вошла в книгу: *Садовской Б.* Русская камена. Статьи. – М.: Книгоизд-во «Мусагет», 1910.
[360] *Садовской Б. А.* Лебединые клики. – М., 1990. – С. 368–369.

перечисленные Садовским поэты – за исключением Бенедиктова, Щербины и Мея – были включены Святополк-Мирским в РЛ[361].

Святополк-Мирский, отказываясь объяснить движущий принцип, легший в основание РЛ, тем не менее, решил применить метафору, предложенную им в предисловии к РЛ. Говоря о «принципиальной неадекватности поэтической антологии истории поэзии» (8), Святополк-Мирский уподобляет антологию – гипсографической карте, а историю поэзии – карте геологической (8–9). Святополк-Мирский говорит о латентном, «подземном» периоде в истории литературных школ (это и есть «подземное» «строение складок», 9) и о деятельности уже главных представителей этих школ (это – «гипсография», т.е. выпуклое, ощутимое на поверхности). Различая «скрытое» (подготовительное) и «явное» (реализованный потенциал) в литературной эволюции, Святополк-Мирский вводит еще одну оппозицию: история литературы творческая и история литературы рецептивная, «воспринимательская» (9). Как замечает Святополк-Мирский, для поэтов, утративших популярность, современный «критик не имеет доброго слова», а «историк не может их обойти» (9). При этом Святополк-Мирский тут же предлагает и еще одно противопоставление: Святополк-Мирский-критик vs. Святополк-Мирский-историк литературы. Хотя, «описывая эти явления *исторически*, не трудно было бы указать, что именно привлекало в них современников» (курсив Святополк-Мирского), самому Святополк-Мирскому «надо сделать большое усилие воли и полную переоценку ценностей» (10) для принятия Апухтина или Надсона.

Святополк-Мирский подчеркивает необходимость историко-литературного, а не субъективно-оценочного подхода к русской поэзии. Так, говоря о поэзии И. Анненского, Святополк-Мирский отмечает: «Искусство его достойно самого внимательного изучения» (233); или – о Тютчеве: «Разобраться в историко-

[361] См. замечание Святополк-Мирского: «… я не включил Щербину и Мея, и думаю, что знающие их меня не осудят» (12).

литературном генезисе Тютчева – одна из самых нужных, интересных и трудных очередных задач нашей науки» (212)[362].

Однако Святополк-Мирский, вне какой-либо историко-литературной логики, помещает в состав антологии три стихотворения Случевского, признавая как атипичность Случевского для своего времени, так и то, что «в наш век господства формальных задач Случевский имеет мало шансов на внимание» (228). Очевидным образом, речь здесь идет о личных предпочтениях Святополк-Мирского.

Утверждение Святополк-Мирского, что он «действительно избегал» в антологии случайности (8), дезавуируется не только случаем со Случевским, но и выбором из творчества Гумилева («Заблудившийся трамвай»): «Признаюсь, что в выборе его я руководствовался соображениями, чуждыми существу дела и важными для меня одного» (240).

Как представляется, именно вопрос о «мере в субъективности», о которой Святополк-Мирский писал в предисловии к РЛ, и стал центральным в критических откликах на антологию. Один из первых рецензентов, К. Мочульский, отозвался о РЛ исключительно комплиментарно: «Автор антологии должен обладать непогрешимым эстетическим вкусом, острым чувством современности и уверенностью в своей правоте. Он – представитель литературных “правительственных сфер” – им облечен властью судить. Кн. Святополк-Мирский – судья строгий, но праведный. Иногда его приговоры могут быть смягчены, но обжаловать их нельзя»[363]. По Мочульскому, в РЛ «находит выражение литературных вкус нашей эпохи. Для будущего историка культуры эта маленькая антология, вышедшая в 1924 году – драгоценный материал. По одному соотношению чисел он поймет великую нашу любовь к Пушкину и Тютчеву (15 и

---

[362] Весьма вероятно, что здесь Святополк-Мирский в имплицитной форме отсылает либо к статье Ю. Тынянова «Вопрос о Тютчеве» (Книга и революция. – 1923. – № 3. – С. 24–30), либо к упоминаниям о ней в работах Эйхенбаума и Жирмунского (см.: *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 410).

[363] *К.В. [Мочульский К. В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Составлял кн. Святополк-Мирский. Изд-во «Франко-русская печать». Париж 1924 // Звено. – 1924. – 11 февраля. – № 54. – С. 4.

10 страниц); влияние на современность поэзии Лермонтова и Фета, значение Анненского и Блока»[364].

Скептичней и умеренней в оценке РЛ был Д.В. Философов, который отмечал, что стихотворения в антологию отобраны «по вкусу и, довольно сложным, соображениям автора», а в предисловии «чувствуется какая-то претенциозность»[365]. При этом Философов отмечал, что Святополк-Мирский «считает всякую критику по существу “словоблудием”[366] и пользуется своими примечаниями для некоторой переоценки ценностей»; сами же примечания Философов называет «довольно любопытными и полезными»[367].

М.О. Цетлин отказался увидеть в РЛ ту «линию», о существовании которой в РЛ Святополк-Мирский писал в предисловии: «Ряд точек, между которыми линию можно провести только мысленно. Точки эти намечены порою с большим умением и уверенностью. Но это не уверенный чертеж ученого, но скорее капризный и смелый набросок художника импрессиониста. Две-три черты, две-три точки и сходство есть... или его нет»[368]. Цетлин явно полемизировал с Мочульским, когда писал, что РЛ «не только отражает, но и сама участвует в создании, в кристаллизации вкусов нашего времени. Но кто знает, не покажутся ли скоро и иные нынешние пристрастия устарелыми и непонятными. Я не поручусь, что когда-нибудь не устареет даже талантливый Пастернак, Вениамин этой книги»[369]. Цетлин особо отметил «обезоруживающую откровенность» Святополк-Мирского в мотивах помещения в РЛ «Заблудившегося трамвая» Гумилева (см. выше) и неодобрительно подчеркнул пристрастие Святополк-Мирского к Случевскому: «Составитель решил не брать юмористических стихов, но дает гротеск Случевского “Карлы”, который смело можно было бы опустить. Три стихотворения, пожалуй, вообще слишком много для Случевского, в

---

[364] Там же.
[365] *Д.Ф. [Философов Д. В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Составлена кн. Д.П. Святополком-Мирским. Париж, 1924 // За свободу! – 1924. – 26 мая. – № 137 (1192). – С. 4.
[366] Философов имеет в виду высказывание Святополк-Мирского о посвященной Пушкину литературной критике: «Статьи Ап. Григорьева и Достоевского гениальны, но ничего не говорят о Пушкине. Все остальное, за редкими исключениями – скучнейшее словоблудие» (203).
[367] *Д.Ф. [Философов Д. В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 4.
[368] *Цетлин М.* [Рец.:] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 440.
[369] Там же. – С. 441.

антологии, в которой не нашлось места для многих поэтов, где Веневитинов, Майков, Белый, Вл. Соловьев представлены одним, а Денис Давыдов, Кольцов, Сологуб двумя стихотворениями»[370]. Здесь Цетлин отсылает к разделу предисловия к РЛ, в котором Святополк-Мирский, по его словам, «устроил маленький Salon des Refusés, или, если угодно, присуждение утешительных призов», поскольку, как писал Святополк-Мирский, «иных поэтов <он> отверг не без сожаления и только потому, что надо где-то провести черту» (11).

«Случай Случевского» привлек особое внимание и А. Тырковой-Вильямс, которая в своей рецензии на РЛ писала: «… как может человек, который любит творчество больше, чем историю литературы, и поэзию больше, чем книгу, поставить третьестепенного К. Случевского выше В. Соловьева? И точно на зло читателям-беженцам, которым так трудно доставать книги, он дает три случайных стихотворения Случевского и только одно Соловьева»[371].

При этом Тыркова-Вильямс была «вынуждена смиренно заявить, что не сумела разгадать направление “той линии”, которую автор “рассчитал и начертал”, но в предисловии своем высокомерно отказался объяснять»[372]. Также Тыркова-Вильямс с иронией упомянула «“историко-литературный генезис”, о котором так любит говорить <…> составитель»[373], хотя во всей антологии этого выражения не встречается ни разу. Примечательно, что лишь Философов отметил, что Святополк-Мирский «стоит на точке зрения строго формальной»[374].

РЛ стала первым опытом Святополк-Мирского в построении историко-литературного нарратива на материале русской литературы. На основании вышеприведенного анализа можно выделить несколько характерных черт РЛ:

---

[370] Там же.

[371] Цит. по русскому оригиналу: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova Williams (1926), with an Unpublished Review by Ariadna Tyrkova Williams (1924). – P. 489.
Английский перевод рецензии опубликован в: *Williams A.* [Rev.] Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D. S. Mirsky // The Slavonic Review. 1924 (June). – Vol. 3. – № 7. – P. 205–207.

[372] *Williams A.* [Rev.] Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D. S. Mirsky. – P. 207.

[373] *Smith G.S.* D.S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova Williams (1926), with an Unpublished Review by Ariadna Tyrkova Williams (1924). – P. 488.

[374] *Д.Ф. [Философов Д.В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 4.

– Святополк-Мирский создает историко-литературный нарратив, который – в силу выбранного жанра (комментированная антология) – фрагментарен;

– Святополк-Мирский активно использует специальные историко- и теоретико-литературные исследования, с особым акцентом на работы русских формалистов и близких к ним ученых;

– Святополк-Мирский подчеркивает необходимость рассмотрения поэтики, а не экстралитературных факторов;

– Святополк-Мирский избегает обнаруживать свои методологические основания, декларируя, однако, их существование;

– Настаивая на необходимости объективной научной методологии при изучении историко-литературного материала, Святополк-Мирский, тем не менее, активно привносит в РЛ субъективные оценки.

– РЛ есть авторское высказывание; в РЛ Святополк-Мирский демонстрирует свое понимание эволюции русской поэзии, которая – при всем своем многообразии – образует историко-культурное единство, «от Ломоносова до Пастернака».

2.2. «Pushkin» (1926)

В вышедшей в 1924 г. антологии «Русская лирика» Святополк-Мирский заметил: «“Жизнь Пушкина” еще не написана»[375]. В 1925 г. (в течение несколько месяцев; предположительно – с февраля по сентябрь 1925 г.[376]) Святополк-Мирский написал книгу «Pushkin»[377], которую Дж. Смит назвал «первой серьезной английской монографией о творчестве Пушкина»[378].

В период ее создания Святополк-Мирский одновременно работал также над книгой «Современная русская литература: 1881–1925» («Contemporary Russian Literature: 1881–1925»)[379]. Им, в свою очередь, предшествовали подготовка антологии «Русская лирика» и работа над книгой «Modern Russian Literature» («Русская литература нового времени» или «Новая русская литература», вышла в свет в 1925 г.)[380]. Сразу после выхода в свет «Пушкина» и «Современной русской литературы» Святополк-Мирский готовит к изданию «Историю русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)»)[381].

Книга о Пушкине, таким образом, находится в ряду крупных историко-литературных нарративов, созданных Святополк-Мирским один за другим в исключительно короткий период времени (1923–1926 гг.), и при этом является его единственной монографией, созданной на каком-либо языке. Тот факт, что единственная монография Святополк-Мирского посвящена именно Пушкину,

---

[375] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 203.

[376] См. слова Святополк-Мирского в письме к А. М. Ремизову (май 1925 г.): «Я работаю как вол, пишу по-английски про Пушкина» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 368).

[377] *Mirsky D. S.* Pushkin. – London – New York, 1926. – (Republic of Letters Series, ed. W. Rose); idem: Introd. G. Siegel. – New York, 1963; репринтное издание: Saint Paul, Minn., 1973. Здесь и далее книга Святополк-Мирского цитируется по изданию 1963 г., с указанием номера страницы в тексте.

Небезынтересен контекст американского переиздания 1963 г. Редактор Дж. Сигел отсылает читателей книги Святополк-Мирского к В. Набокову – переводам из Пушкина в книге «Three Russian Poets» (1944) и эссе «On Translating Pushkin» (1955) (XII). Это редакторский совет 1963-го года, т.е. в канун публикации перевода и комментария В. Набокова к «Евгению Онегину» в 1964 г. В ожесточенной полемике Набокова и Уилсона о набоковском переводе «Онегина» книга Святополк-Мирского о Пушкине не упоминается ни разу, хотя обоим книга Святополк-Мирского была знакома. См.: *Ефимов М. В.* «Mirsky and I»: К вопросу о творческих связях В. В. Набокова и Д. П. Святополк-Мирского // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 241–251.

[378] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. – P. 108.

[379] *Mirsky D. S.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – London – New York, 1926.

[380] *Mirsky D. S., Prince*. Modern Russian Literature. – London, 1925.

[381] *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – London – New York, 1927.

красноречиво свидетельствует об особом месте Пушкина в системе историко-литературных взглядов Святополк-Мирского.

И в эмиграции[382], и после переезда в СССР, все годы своей деятельности в качестве историка литературы и литературного критика (1920–1937) Святополк-Мирский регулярно писал о Пушкине – в разных жанрах[383], по разным поводам[384] и на разных языках[385]. В 1934 г. статья Святополк-Мирского о Пушкине[386] стала поводом для первого серьезного столкновения критика с советским литературно-идеологическим истеблишментом[387].

Святополк-Мирский был современником выдающихся российских пушкинистов и свидетелем небывалого расцвета пушкинистики нач. XX в., посещал Пушкинский семинарий С.А. Венгерова. Святополк-Мирский был хорошо осведомлен о теории и практике пушкинистики и, как показывают его рецензии и книга 1926 г., пристально следил за новейшими изданиями Пушкина и о Пушкине – как дореволюционными, так и пореволюционными.

В книге о Пушкине Святополк-Мирский сделал исключительно важное признание: «Изучение Пушкина стало отдельной отраслью знания, которой занимаются высокоспециализированные профессионалы – пушкинисты (к которым я не принадлежу)» (234). В письме к А.В. Тырковой (от 23 января 1926 г.) Святополк-Мирский, в свою очередь, писал: «Очень благодарен буду за критику моей книги, которая (критика), боюсь, будет очень (и по справедливости) строга. Единственное оправдание моей весьма легкомысленной книги, что она

---

[382] О рецепции творчества Пушкина в русской эмиграции см. сборник статей: Пушкин и культура русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения / Сост. М. А. Васильева. – М.: Русский путь, 2000. – (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования. Вып. 2).

[383] От рецензии (см.: *D.S.M.* [Rev.] Valery Bryusov i nasledie Pushkina. (Bryusov and the Legacy of Pushkin). V. Zhirmunsky. Petrograd («Elzevir»). 1922 // Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 266) до биографии (см.: *Мирский Д.* А. С. Пушкин (из биографии) // Звезда. 1937. – № 1. – С. 102–146; № 2. – С. 205–251).

[384] См., напр.: *Святополк-Мирский Д.* Две смерти: 1837–1930 // Смерть Владимира Маяковского. – Берлин, 1931. – С. 47–66.

[385] Помимо русского и английского – также по-французски, см.: *Mirsky D. S.* Pouchkine // Commerce. – 1928. – № 16. – P. 83–97.

[386] *Мирский Д.* Проблема Пушкина // Литературное наследство [А. С. Пушкин] / План тома, орг. материалов, лит. ред., подбор ил. и оформл. И. С. Зильберштейна и И.В. Сергиевского. – М., 1934. – (Лит. наследство / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский; Зам. ред. М. Б. Храпченко; Зав. ред. И. С. Зильберштейн; Т. 16/18). – С. 91–111.

[387] См.: *Мирский Д.* Моим критикам // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л., 1936. – [Вып.] 1. – С. 262–264.

написана для иностранцев. Критики истинного пушкиниста она ни минуты не выдержит»[388].

Святополк-Мирский, таким образом, определенно проводит границу между собой и профессиональными пушкинистами и подчеркивает назначение своей книги: она – «для иностранцев», а не для русских специалистов-филологов. Важно отметить, что все печатные высказывания Святополк-Мирского о Пушкине в 1920-х гг. сделаны по-английски и по-французски; единственное исключение – русскоязычные комментарии в «Русской лирике» (см. ниже). Это позволяет предположить, что Святополк-Мирский видел себя не как оригинального истолкователя пушкинского наследия, а как популяризатора этого наследия для иноязычной аудитории, причем в максимально широкой историко-культурной перспективе. Именно этим объясняется его высказывание в «Modern Russian Literature» (1925): «Для иностранца и впрямь трудно – а, быть может, и невозможно, если он не знает <русского> языка – поверить в высшее превосходство Пушкина среди русских писателей. Однако <иностранцу> необходимо принять эту веру, даже если он с ней не согласен. В противном случае любое его представление о русской литературе и русской цивилизации будет неадекватным и несоответствующим реальности»[389].

В англоязычном обзоре 1922 г. «Новые книги о Пушкине и его эпохе»[390] Святополк-Мирский постулировал: «Слова Достоевского “Пушкин – наше всё”[391] никогда не были столь истинны в буквальном смысле, как теперь. Потому что и впрямь сегодня Пушкин символизирует русскую цивилизацию, Пушкин отождествляется со всем наследием прошлого, которое быстро исчезает, с потерянным раем духовной культуры»[392]. В статье Святополк-Мирский, среди прочего, сочувственно отзывается о статье Б. Эйхенбаума «Проблемы поэтики

---

[388] D.S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova-Williams, with an Unpublished review by Ariadna Tyrkova-Williams. – P. 484.
[389] *Mirsky D. S., Prince*. Modern Russian Literature. – P. 8.
[390] *Mirsky D. S.* Recent Books on Pushkin and His Times // The Slavonic Review. – 1922. – Vol. 1. – № 2. – P. 475–478.
[391] Ошибка Святополк-Мирского; высказывание принадлежит Ап. Григорьеву (в статье 1859 г. «Взгляд на русскую литературу со смерти Пушкина»). Достоевский развивал эту мысль в своей Пушкинской речи 1880 г. (см.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 377).
[392] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 35.

Пушкина»[393]. Представляется, что позднейшие высказывания Святополк-Мирского релевантно соотнести с тезисами Эйхенбаума: «Пушкин создал высокий, классический в своей уравновешенности и кажущейся легкости канон. У него не было не могло быть последователей, потому что каноном искусство жить не может[394] <…> Пушкин наконец становится нашей настоящей, несомненной, чуть ли не единственной традицией. <…> Отдаленность, которую почувствовали мы от Пушкина, пройдя сквозь символизм и вместе с футуризмом очутившись в хаосе революции, есть отдаленность та самая, которая нужна для нашего восприятия»[395].

Для обзора 1922 г. характерно сочетание двух взаимодополняющих подходов: постулирование первенствующего места Пушкина в истории русской литературы и – шире – культуры и пристальный интерес к специальным пушкиноведческим исследованиям и публикациям. Святополк-Мирский был первым, кто привлек к ним внимание в англоязычной печати.

Исключительно важно и то, что Святополк-Мирский был не только нейтральным посредником в этой трансляции между российской пушкинистикой и западными славистами. На самого Святополк-Мирского коренным образом повлияли и эдиционные принципы современной российской пушкинистики, и новейшие аналитические работы. Так, для Святополк-Мирского основополагающим стал тезис, изложенный В. Жирмунским в 1919 г. в работе «Задачи поэтики» и ставший известным Святополк-Мирскому по публикации 1921 г. в журнале «Начала». В своей англоязычной рецензии 1922 г.[396] Святополк-Мирский суммирует основные тезисы Жирмунского и безоговорочно их поддерживает: «Одним из наиболее убедительно обоснованных результатов изучения Жирмунским Пушкина является вывод, что стиль Пушкина тесно связан с классическим стилем XVIII в. И что, с другой стороны, позднейшие поэты XIX

---

[393] Там же. – С. 36, 37.

[394] Ср. с высказыванием Святополк-Мирского в статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922): «…величайшие поэты всегда бесплодны» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 75).

[395] *Эйхенбаум Б.М.* О поэзии. – С. 24, 34.

[396] *D.S.M.* [Rev.] Valery Bryusov i nasledie Pushkina. (Bryusov and the Legacy of Pushkin). V. Zhirmunsky. Petrograd («Elzevir»). 1922.

в. в своем стиле не были последователями Пушкина, но продолжали романтическую традицию, которую принес Жуковский из Англии и Германии. Главные характеристики стиля Пушкина – это редкие метафоры и весьма традиционное их употребление, его исключительное пристрастие к тропам метонимического типа и его совершенное владение “логикой речи”. Всё это более или менее угадывали все, кто изучал Пушкина, но Жирмунский дает этому убедительность научного факта»[397].

Описание поэтики Пушкина через метонимичность его стиля и укорененность в классицизме XVIII в., заимствованное Святополк-Мирским у Жирмунского, а также тезис об отсутствии пушкинской традиции в русской поэзии XIX в., найдет свое выражение в статье Святополк-Мирского о Пушкине (1922), в книге о Пушкине (1926)[398], в антологии «Русская лирика», в книге «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» (1927).

В июне 1923 г. в том же журнале «The Slavonic Review» Святополк-Мирский опубликовал большую статью[399], которая стала его первым развернутым высказыванием о Пушкине. Святополк-Мирский задается целью: «как объяснить российский культ Пушкина» английскому читателю. Итог, к которому он приходит, таков: «… те, кто хотят знать ответ, должны читать Пушкина по-русски; тогда, быть может, они поймут, почему даже в страшнейшие дни интеллигентской дикости Пушкин инстинктивно воспринимался как наше почти единственное связующее звено с искусством, здравомыслием, Европой и человеческой цивилизацией». Ф.Р. Буллок говорит о восприятии Пушкина Святополк-Мирским в этой статье как «аристократического классициста» («an

---

[397] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 34.

[398] Святополк-Мирский ссылается в книге на «Задачи поэтики» и на монографию Жирмунского «Байрон и Пушкин» (236).

[399] *Mirsky D. S.* Pushkin // The Slavonic Review. – 1923 (June). – Vol. 2. – № 4. – P. 71–84; перепеч.: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 118–131. Русск. пер.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 56–66.

aristocratic classicist»)[400]. Последующие высказывания Святополк-Мирского о Пушкине будут в значительной степени развитием тезисов статьи 1923 г.:

– Место Пушкина в истории русской культуры: «Пушкин – это последний цвет <…> специфической цивилизации, <которая> зачата Петром Великим <…> и начала разлагаться при Николае I. <…> Гений Пушкина был создан высокой и специфической космополитической цивилизацией русского дворянства».

– Связь Пушкина с европейской культурой XVIII в., историко-культурная генеалогия Пушкина: «Поколение Пушкина было воспитано на французской классицистской литературе XVIII в.; на Адаме Смите, Бентаме и Бенжамене Констане; на латинской ясности и здравом смысле, на правилах и хорошем вкусе»; «Пушкин, живший в эпоху романтизма, не был романтиком»;

– Метафизика Пушкина: «Мир Пушкина был миром с обозначенными пределами, миром людей и трансцендентных неизменных законов; природа была для него лишь декорацией; Бог, существующий или нет, был для Пушкина не живой личностью, а лишь непостижимой и иррациональной Первопричиной законов, которые управляют вселенной Человека. В мире Пушкина скорее судьба, а не Бог, является хозяином»;

– Поэтика Пушкина: «Первая поразительная черта пушкинского стиля – это почти полное отсутствие метафоры»; «Нельзя делать вид, что Пушкин достигает в своей прозе того же совершенства, что и в стихах. Шумиха, вызванная ею позже, обязана большей частью преувеличением ее достоинств, ее острым контрастом с современной поэтической прозой, ее острым ароматом необычности»[401];

– Место Пушкина в культурной истории России XIX – нач. XX вв.: «Пушкин полностью лишен всех тех характеристик, которые обычно приписываются русской интеллигенции»; «Пушкиным восхищались и ему

---

[400] *Bullock P.R.* Untranslated and Untranslatable? Pushkin's Poetry in English, 1892–1931 // Translation and Literature. – 2011. – Vol. 20. – № 3: Translating Russia, 1890–1935. – P. 371.

[401] Ср. в той же статье о «Евгении Онегине»: «Ни одно описание или перевод не могут дать сколько-нибудь верного представления об обаянии этого стиля, его простоте и отсутствии напыщенности, и в то же время – о его изяществе, его ласкающей прозрачности, ясности, богатстве выражения и нюансировке» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 63–64).

поклонялись именно за отсутствие в нем всякого сходства с теми, кто восхищался и поклонялся ему»;

– Рецепция Пушкина в русской культуре: «Словарь Пушкина отличается от нашего принципиально; что и в самом деле можно сомневаться, много ли есть у Пушкина слов, которые мы понимаем так же, как он, и – более того – которые мы ассоциируем с теми же эмоциями, что и он»; «Задача современной пушкинистики – высвободить подлинного Пушкина из <…> благочестиво-сотканных сетей <Белинского>»;

– Рецепция Пушкина в западноевропейской культуре: «Такую поэзию может по-настоящему адекватно перевести лишь поэт, равный Пушкину гением и в совершенном согласии с его наиболее сокровенным “я”».

Святополк-Мирский был первым, кто заговорил о Пушкине по-английски подобным образом. Сравнение с современными Святополк-Мирскому англоязычным работами, написанными русским авторами (напр., с общим обзором русской литературы американского слависта А. Кауна (1922)[402] или с главой о Пушкине в англоязычной «Краткой истории русской литературы» И.К. Шахновского (1921)[403]), позволяет увидеть неконвенциональность взглядов Святополк-Мирского.

Дж. Смит отметил, что статья 1923 г. «не содержит каких-либо отсылок к вторичным источникам (secondary sources) и от начала до конца пронизана острой интуицией»[404]. Отличительной чертой статьи является многоплановость рассмотрения: Святополк-Мирский характеризует творчество Пушкина с точки зрения истории стилей и истории идей; показывает фигуру Пушкина на европейском и российском фоне (как общеисторическом, так и историко-культурном); рассматривает вопрос о стиле и мастерстве Пушкина. Из всех

---

[402] *Kaun A.* Russian Literature – General Characteristics // Art and Archaeology. – 1922. – February. – Vol. XIII. – № 2. – P. 83–89 (о Пушкине: 84–85).
Впоследствии Каун рецензировал «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» Святополк-Мирского: *Kaun A.* [Rev.] Mirsky D.S., Prince. Contemporary Russian Literature. New York: Alfred A. Knopf, 1926 // The Saturday Review of Literature. – 1926. – September 4. – Vol. III. – № 6. – P. 86–87.
[403] *Shakhnovski [I. K.]* A Short History of Russian Literature (With a Supplementary Chapter Bringing the Work down to Date (Written Especially for this Book by Serge Tomkeyeff. – London, 1921 (о Пушкине: 86–94).
[404] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. – P. 108.

текстов Пушкина Святополк-Мирский специально останавливается лишь на «Евгении Онегине». Святополк-Мирский, таким образом, создает историко-культурный и историко-литературный *портрет* Пушкина, а не подробную характеристику конкретных литературных произведений. Статья Святополк-Мирского вызвала сочувственный отзыв К. Мочульского, писавшего: «На нескольких страницах в сжатой и популярной форме рассказать английскому читателю о Пушкине, объяснить ему *что такое* Пушкин – задача исключительная по трудности и ответственности. Это “essay” написано блестяще; оно поучительно и для самого искушенного пушкиниста. Характеристика пушкинского творчества связывается автором с пересмотром всего “вопроса”. Лже-Пушкин, сфабрикованный Белинским и приспособленный к идейному обиходу интеллигенции, решительно отстраняется; уничтожается легенда о “великом представителе русского духа”, “выразителе народных дум”, “певце чувств добрых”. Другая установка, иной подход – и перед нами новое – живое лицо поэта»[405].

В 1924 г. вышли в свет две антологии русской поэзии. Одна из них вышла по-английски[406] и была составлена давним знакомым Святополк-Мирского, М. Берингом[407]. По просьбе Беринга его собственные переводы были сопровождены примечаниями, специально написанными для этого случая Святополк-Мирским[408]. Дав короткую сводку биографических сведений о Пушкине, Святополк-Мирский писал: «Слава Пушкина претерпела временное затмение в 1860-х и 1870-х гг., но, начиная с 1880 г. (знаменитой речи Достоевского), неуклонно росла. Для цивилизованного русского Пушкин – то же, что для итальянцев Данте, а для немцев – Гете[409]. Издания Пушкина многочисленны, но ни одно из них не удовлетворительно целиком»[410]. Примечания к отдельным

---

[405] *К. В. [Мочульский К. В.]* Новое о Пушкине // Звено. – 1924. – 28 января. – № 52. – С. 3, курсив Мочульского.
[406] Oxford Book of Russian Verse / Chosen by Hon. Maurice Baring; with notes by Prince D. S. Mirsky. – Oxford, 1924.
[407] О Святополк-Мирском и Беринге см.: *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. – 1984 (January). – Vol. 62. – № 1. – P. 25–35; *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D. S. Mirsky on Maurice Baring // Chesterton Review. – 1988. – Vol. XIX. – № 1. – P. 51–62.
[408] *Mirsky D.S., Prince*. Notes // Oxford Book of Russian Verse. – P. 189–206.
[409] Святополк-Мирский дословно воспроизведет это сравнение в «Modern Russian Literature» (1925) (*Mirsky D.S., Prince*. Modern Russian Literature. – P. 7).
[410] *Mirsky D.S., Prince*. Notes // Oxford Book of Russian Verse. P. 189–190.

пушкинским стихотворениям содержат краткий реальный комментарий и наблюдения в области истории стиха[411], отсылки к современным интерпретациям Пушкина[412] и одну ярко-субъективную реплику в связи с «Памятником»: «Четвертую строфу либеральные и радикальные критики комментировали *ad nauseam*»[413]. Любопытно, что, говоря о «Борисе Годунове», Святополк-Мирский делает «гибридный» комментарий, стиховедческое замечание оказывается оценочным суждением: «Это самая длинная, но, по мнению многих критиков, не самая лучшая из пушкинских пьес. В ней Пушкин использовал странно-монотонную и скованную (fettered) форму белого стиха, с обязательной цезурой после четвертого слога, как во французском décasyllabe»[414]. Отметим, что Святополк-Мирский упоминает, но не называет «многих критиков», на чье мнение ссылается.

В изданной в том же 1924 г. антологии «Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (см. п. 1. гл. 2 наст. диссертации) Святополк-Мирский отобрал пятнадцать стихотворений Пушкина[415], сопроводив их комментарием, значительно разнящимся от того, что он делал для антологии Беринга[416]. В «Русской лирике» из биографических сведений оставлены только даты и места рождения и смерти. Далее следует: «За последнее время производится большая работа по выяснению историко-литературной личности Пушкина. Первое место здесь занимают Б. Томашевский (издание “Гавриилиады”, с историко-литературным комментарием, являющейся лучшей работой подобного рода во всей русской литературе) и М.Л. Гофман (“Пушкин, Первая глава науки о Пушкине”, СПб., 1922), посвятивший себя

---

[411] Напр.: «Дельвиг <…> был первым русским поэтом, писавшим сонеты десятисложным стихом, на манер Гете и Шлегеля. Но традиция писать сонеты александринским стихом была возрождена польским поэтом Мицкевичем» (*Mirsky D.S., Prince*. Ibid. – P. 192).

[412] О четвертой строфе «Памятника»: «М. Гершензон (в “Мудрости Пушкина”, 1918) пытался доказать, что эта и следующая строфа должны восприниматься иронически» (*Mirsky D.S., Prince*. Ibid. – P. 193).

[413] *Mirsky D.S., Prince*. Ibid.

[414] Ibid. P. 193–194.

[415] Для сравнения: в антологии Беринга было представлено 33 текста Пушкина.

[416] О различии комментариев Мирского в двух антологиях см.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. – P. 130–131. Впрочем, некоторые детали совпадают, как, напр., упоминание о том, что «Воспоминание» Пушкина включено Л. Толстым в «Круг чтения», наряду со «Смертью» Баратынского и «Silentium» Тютчева (*Mirsky D. S.* Notes // Oxford Book of Russian Verse. – P. 192; Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 206).

преимущественно вопросам текста и канона, безнадежно запутанным всеми издателями от Анненкова до Венгерова и Брюсова. Пушкинисты прежних поколений занимались главным образом вопросами биографии, которая разработана хорошо, но только монографически. <…> Что же касается “критики”, то она оставалась чисто субъективной. При этом лишь очень немногие критики XIX века имели какие-нибудь личные данные для суждения о Пушкине (прежде всего Анненков). Статьи Ап. Григорьева и Достоевского гениальны, но ничего не говорят о Пушкине. Все остальное, за редкими исключениями – скучнейшее словоблудие»[417].

Уничижительная оценка русской критики поддержана и в комментарии к «Пророку»: «На этом знаменитом стихотворении с особенным усердием упражнялось пустословие комментаторов Пушкина»[418] (172–173).

Характерной чертой комментариев в «Русской лирике» является их отчетливо специально-филологический, стиховедческий характер. Напр., о послании к Кривцову: «Любопытна рифма *светел–пепел*. Стих (астрофический 4-ст<опный> хорей) восходит, конечно, к любимому семисложному стиху Парни; это тот же стих, что Батюшкова в “Вакханке”. Последние четыре стиха неожиданным образом повторены у Блока (“Снежная маска”, конец посл<еднего> стих<отворения>) <цитируется: «Так гори ж, и яр, и светел»>. Классический случай реминисценции, обусловленной исключительно ритмикой. Известно, что около этого времени (1907) Блок работал над лицейскими стихами»[419]. Святополк-Мирский отсылает к стилистическим анализам Андрея Белого («Символизм», 1910, о «Не пой, красавица, при мне»), В.М. Жирмунского («Задачи поэтики»,

---

[417] Там же. – С. 203.
[418] Там же. С. 205–206.
[419] Там же. С. 203–204.
Блок «по предложению С. А. Венгерова комментировал лицейские стихи Пушкина для сочинений Пушкина под редакцией С.А. Венгерова (изд-во Брокгауз–Эфрон). Комментарии Блока – см. “Собр[ание] соч[инений]” [Т. I–XII. Л., 1932–1936]. т. XI» (*Блок А. А.* Собрание сочинений в 8 томах. Том 8: Письма 1898–1921. – М.–Л., 1963. – С. 581). См.: *Дымшиц А. Л.* Александр Блок в работе над Пушкиным // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. М.; Л., 1938. – Вып. 1. – С. 352–358; *Купман К. А.* 1) Блок – участник венгеровского издания Пушкина: Статья первая // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. – Тарту, 1986. – С. 62–75. – (Учен. зап. Тарт. ун-та. – Вып. 735. – Блоковский сб. 7); 2) Блок – участник венгеровского издания Пушкина: Статья 2 // Блоковский сб. / Каф. рус. лит. Тарт. ун-та. – Тарту, 1996. – [Т.] 12: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. – С. 15–38.

1921, о «Для берегов отчизны дальней»). «Русская лирика» в своей «пушкинской» части (тексты стихотворений, а не комментарии) вызвала, сколько известно, лишь одну реплику – слова К. Мочульского о том, что будущий историк культуры «[п]о одному соотношению чисел поймет великую нашу любовь к Пушкину и Тютчеву (15 и 10 страниц)»[420].

И «Русскую лирику», вышедшую в первой половине 1924 г., и – что важнее – последующую книгу Святополк-Мирского о Пушкине – необходимо соотнести с событиями лета 1924 г. Именно в это время (конкретнее: в июне 1924 г.) русская эмиграция отмечала 125-летие со дня рождения Пушкина. К юбилейной дате два ведущих литературных критика русского зарубежья, Г. Адамович и В. Ходасевич, опубликовали статьи, которые для каждого из них носят принципиальный характер и при этом создают референциальный план для книги Святополк-Мирского о Пушкине.

Статья Адамовича в парижском «Звене»[421] состоит из трех главок, первая из которых целиком посвящена вопросу, который рассматривался в статье Святополк-Мирского 1923 г. – о рецепции Пушкина на Западе. Адамович писал: «Пушкин переведен на все европейские языки. Имя его всем известно. Но в европейской литературе он никакой роли не играет и ни на кого в ней не влиял и не влияет. Иностранец узнает с недоумением и недоверием, что Пушкин и Гоголь – величайшие наши писатели. Пушкин для него – все еще один из рядовых романтиков, одна из звезд погасшего байроновского созвездия». И далее Адамович продолжает: для европейца «после Достоевского Пушкин покажется “пресным”»[422].

Как представляется, эти слова Адамовича являются парафразом фрагмента из английской статьи Святополк-Мирского: «… и почему английский читатель должен заказать еще и разбавленного Байрона, напитка, доступного на всех

---

[420] *Мочульский К.* Русская поэзия за границей в 1924 г. // Временник Общества друзей русской книги (Париж). – 1925. – № 1. – С. 66.
[421] *Адамович Г.* Литературные заметки [Пушкин] // Звено. – 1924. – 16 июня. – № 72. – С. 2.
[422] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О. А. Коростелева. – М., 2015. – С. 48.

европейских языках, да еще и от литературы, которая дала Толстого и Достоевского?»[423].

Вывод, к которому приходит Адамович: «… нет никакой надежды сделать Пушкина европейским популярным писателем – широко читаемым и любимым. Это должно стать совершенно ясным тому, кто захочет всмотреться в характер и особенность его славы в России»[424].

Третью, последнюю, главку своей статьи Адамович заканчивает утверждением о том, что творчество Пушкина доступно лишь узкому кругу подлинно-посвященных: «… нет искусства более чистого, чем пушкинское, и поэтому менее доступного для “непосвященного народа”. Что же в нем популяризировать? В этом искусстве все неразложимо, все необъяснимо. Оно не задевает морали, не взывает к состраданию, не возбуждает жалости. Оно обречено казаться холодным людям, ищущим легких волнений, легких слез или смеха. Но те, кто поняли его, знают, что оно “слаще всех жар сердца утолит”»[425]. Это, как представляется, позволяет выразить мысль Адамовича следующим образом: «в Пушкине ничего нельзя *объяснить*, соответственно – нельзя сделать его понятным кому-либо стороннему; Пушкина можно только понимать – и это понимание не передаваемо для непосвященных».

Если, по Адамовичу, в Пушкине «все неразложимо и необъяснимо», то Ходасевич в своей статье «О чтении Пушкина»[426] занимает позицию диаметрально противоположную и манифестирует необходимость объяснения творчества Пушкина при помощи изучения его биографии: «Если принято вообще говорить (и вполне справедливо), что для понимания писателя должно знать его эпоху и жизнь, то в отношении Пушкина это знание должно быть доведено до наибольшей точности. Только в этом случае понимание Пушкина может претендовать на полноту. Только в этом случае Пушкин может быть действительно “прочитан”. Как бы ни были совершенны и значительны творения

---

[423] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 56.
[424] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 49.
[425] Там же. С. 50.
[426] *Ходасевич В. Ф.* О чтении Пушкина // Современные записки. – 1924. – № 20. – С. 227–234.

Пушкина, взятые в отвлечении от биографии, – их глубина и значительность удесятеряются, когда мы знаем те “впечатления”, которые лежали в основе его вдохновений. <…> Потому-то биография Пушкина так всегда и привлекала внимание исследователей, что, порою сознательно, порою по инстинкту, они видели в ней вернейший и единственный ключ к пониманию его творчества, в котором человек и автор слиты с такою же прочностью, как в дневнике. Только в сопоставлении Wahrheit с Dichtung Пушкина мы узнаем, как философствовал он над своей жизнью»[427].

В статье Ходасевича, как представляется, можно различить следы его знакомства с недавно вышедшей «Русской лирикой» Святополк-Мирского[428]. Так, существует определенное синтаксическое и семантическое сходство между фразой Святополк-Мирского («Те, кто когда-нибудь занимались методологией точных наук, знают, как велик и как неизбежен элемент субъективности даже в естественнонаучных обобщениях»[429]) и фразой Ходасевича («Всякий, кто хоть немного работал над Пушкиным, знает, с какой правдивостью, даже точностью пушкинская лирика воспроизводит “впечатления” и переживания автора»[430]).

Святополк-Мирский был хорошо знаком с творчеством Ходасевича, и поэтическим, и литературно-критическим. В англоязычном обзоре «Новые книги о Пушкине и его эпохе» (1922) Святополк-Мирский особо останавливался на «замечательной», по аттестации Святополк-Мирского, статье Ходасевича «Колеблемый треножник», упоминал книгу Ходасевича «Статьи о русской поэзии» (1922), а также охарактеризовал Ходасевича как «наиболее вдохновленного из всех современных поэтов духом Пушкина и его времени»[431]. В

---

[427] *Ходасевич В. Ф.* Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста Перельмутера В. Г.; Коммент. Беня Е. М.; Под общ. ред. Богомолова Н. А. – М., 1991. – С. 190.

[428] Святополк-Мирский не включил в «Русскую лирику» стихотворений Ходасевича, но отозвался о нем в предисловии весьма комплиментарно: «Скорее мо<г> бы присутствовать Вл. Ходасевич, своеобразно возродивший культуру поэтического остроумия и pointe на почве мистического идеализма» (Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 14). В неизвестной современникам – и Ходасевичу, в том числе – статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922) Святополк-Мирский писал о стихах Ходасевича: «Последние его стихи (“Путем зерна” и в “Записках мечтателей”) достигают пределов, за которыми начинается уже не поэзия, а “умное делание”» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 76).

[429] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 7.

[430] *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник: Избранное. – С. 189.

[431] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 36, 37.

книге о Пушкине Святополк-Мирский сошлется на работу Ходасевича «Петербургские повести Пушкина» (135–136) и даже процитирует в собственном переводе фрагмент из «Второго ноября (1918)» Ходасевича (из книги «Путем зерна») (166)[432], но при этом сделает важное примечание: на сей раз Святополк-Мирский назовет Ходасевича «наиболее близким к Пушкину (и наиболее сальерианским) из наших ныне живущих поэтов» (166).

Несмотря на эту ощутимую перемену в оценке Ходасевича-поэта[433], общий план книги Святополк-Мирского о Пушкине уместно соотнести с тем планом рассмотрения, который был принципиален для Ходасевича: изучение биографии и эпохи как необходимых для понимания творчества Пушкина (см. ниже). В этом смысле Святополк-Мирский так же выступает заочным союзником Ходасевичем, как и заочным противником – Адамовича.

Центральным пунктом программы пушкинских торжеств 1924 г. в русской эмиграции должно было стать торжественное собрание в Сорбонне 12 июня 1924 г. Святополк-Мирского в это время в Париже не было. Он прибыл в Париж из Лондона 2 июля и, по крайней мере, планировал провести во Франции три месяца[434]. Однако есть основания предполагать, что Святополк-Мирский был осведомлен о главном инциденте, связанном с сорбоннским чествованием Пушкина. Речь идет о недопущении оргкомитетом к выступлению Ильи Зданевича: «Организаторы торжества, затребовав заранее текст выступления, сочли его хамским и провокационным и вычеркнули И.М. Зданевича из списка ораторов. Тогда сторонники “пострадавшего” начали распространять запрещенный текст в виде гектографической листовки»[435]. Зданевич предложил агрессивно-ревизионистскую трактовку всей науки о Пушкине: «А.С. Пушкин не таков, как о нем говорят, литература о Пушкине за сто лет – клевета, его официальный облик – выдумка критиков. В продолжении века традиция

---

[432] «… Но впервые в жизни, / Ни “Моцарт и Сальери”, ни “Цыганы” / В тот день моей не утолили жажды».

[433] Неизвестно, стал ли Ходасевичу известен отзыв Святополк-Мирского о нем в англоязычном «Пушкине», но последующие русскоязычные отзывы Святополк-Мирского о Ходасевиче привели к взаимной непримиримой вражде. См.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. – P. 153–154.

[434] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 28–29.

[435] Речи о Пушкине, 1880–1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего, М. Д. Филина; Послесл. В. С. Непомнящего. – М., 1999. – С. 338.

возводила вокруг поэта невероятные сооружения, за которыми живого поэта теперь и не видно. А.С. Пушкин в плену у невежд. <…> С этой монополией реакционеров на А.С. Пушкина можно было бы бороться. Но ей на помощь приходит индустрия, вернее спекуляция, пухнущая с каждым днем, так называемый пушкинизм. Этой толпой евнухов, нежнейший, мудрый и легкий, влюбленный Дон-Жуан, поэт разобран, заприходован, сообразно их убожеству, обезличен, обесчещен, точно поэзию можно рассматривать в микроскоп, будто близорукость способна что-либо различить в этом блеске, не видя дальше собственного носа, когда в А.С. Пушкине эти господа ничего не находят, кроме отражения их желтых вкусов и идей»[436].

Мы не располагаем сведениями о личном знакомстве Святополк-Мирского и Зданевича[437], однако вероятность того, что Святополк-Мирскому гектографированный текст выступления Зданевича был известен, весьма велика. Если подобное предположение не беспочвенно, тогда в английской книге о Пушкине 1926 г. Святополк-Мирский, говоря о пушкинистике и литературной критике, посвященной Пушкину (см. ниже), мог косвенно отозваться и на выступление Зданевича[438]. Таким образом, для книги, адресованной *англоязычной* аудитории, оказывается релевантным специально *русский* (русско-эмигрантский) контекст. Однако важно увидеть книгу о Пушкине и в ее первичной (и, как представляется, главной) ориентированности на иноязычного читателя.

Книга состоит из 12 глав: 1. Рождение и детство, 1799–1811; 2. Школа, 1811–1817; 3. Санкт-Петербург, 1817–1820; 4. На Юге, 1820–1824; 5. Михайловское, 1824–1826; 6. Холостяцкая жизнь, 1826–1829; 7. Последние месяцы холостяцкой жизни, 1829–1831; 8. «Евгений Онегин», 1823–1831; 9.

---

[436]*Régis G.* Il'ja Zdanevič sur Puškin // Revue des études slaves. – 1987. – Tome 59. – Fascicule 1–2. Alexandre Puškin, 1799–1837. – P. 402– 403.

[437] Известно лишь, что в 1931 г. Святополк-Мирский по-французски отрецензировал роман Зданевича «Восхищение» ([Rev.] Il'jazd. Vosxiscenie. Paris, 1930 // La Nouvelle Revue Française. – 1931. – № 37. – P. 962–963), что, впрочем, не предполагает личного знакомства.

[438] Не исключено, что Святополк-Мирскому импонировала эксцентричность Зданевича. Менее чем через два года, в апреле 1926 г., Мирский вызвал возмущение у многих русских писателей-эмигрантов прочитанным в Париже докладом «Веяния смерти в дореволюционной русской литературе».

Драматические произведения; 10. Проза; 11. Семейная (Married) жизнь, 1831–1836; 12. Дуэль и смерть.

Святополк-Мирский, таким образом, предлагает *биографию* Пушкина. Из двенадцати глав лишь три (№№ 8, 9, 10) посвящены исключительно литературному творчеству. Остальные главы (за исключением последней, № 12) организованы по одному и тому же принципу: сначала излагаются факты биографии, потом дается характеристика произведений, созданных в данный период. Святополк-Мирский особо останавливается на вопросе о связи фактов биографии Пушкина с его творчеством. Говоря о пушкинской лирике, Святополк-Мирский отмечает: «… не всегда легко обнаружить повод для создания <стихотворения>, и, даже когда он известен, часто невозможно истолковать его в пределах наших сведений о биографии <Пушкина>. <…> “Повод” был только импульсом, *declenchement* <приведение в действие, фр.>. Начавшись, стихотворение растет по своим собственным законам, внутренним законам своего искусства, которое не имеет ничего общего с психологическим фактом» (95). Представляется, что в этом утверждении Святополк-Мирский полемизирует с Ходасевичем, утверждавшим в статье «О чтении Пушкина» (1924) прямо противоположное: «Поэзия есть преображение действительности, самой конкретной. Иными словами – в основе поэтического творчества лежит автобиография поэта»[439].

При этом Святополк-Мирский утверждает, что «многие незаконченные и неопубликованные фрагменты» Пушкина имеют «почти документальную ценность» (119). Как можно понять, Святополк-Мирский считает, что «документальность» присутствует лишь в незаконченных текстах Пушкина. В завершенных лирических высказываниях Пушкина господствует иное: «Как всякая подлинно великая поэзия, они – эмоциональные общие места» (95–96). Аналогичным образом Святополк-Мирский охарактеризует «Воспоминание» (1828): «великое и благородное общее место» (116). Это связывает вопрос о

[439] *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник: Избранное. – С. 189.

биографизме творчества Пушкина с вопросом о стилистических координатах пушкинского творчества (см. ниже).

Вопрос о связи биографии и творчества Пушкина связан для Святополк-Мирского с вопросом о биографической пушкинистике в целом: «Очевидная ситуативность (occasional nature) возникновения пушкинской лирики оказала весьма прискорбное воздействие на биографов <Пушкина>. Они приобрели привычку считать своей обязанностью объяснение каждого <стихотворения> биографически и использование <стихов> как прямого исторического свидетельства. Это глупо, поскольку, каковы бы ни были истоки пушкинской лирики, трактовка всегда сублимированна: она идеалистична и объективна, и невозможно пытаться приспособить то или иное стихотворение к тому или иному биографическому факту, если только у нас нет чего-то большего, чем косвенное доказательство» (77).

Святополк-Мирский в равной мере возражает и против «экстраналистского» толкования поэзии Пушкина (от биографического факта – к факту литературному), и против «интерналистского» подхода (от факта литературного – к реконструкции факта биографического): «Можно было бы порассуждать о выгодах тех критиков, чьей профессией является установление дат написания стихотворений и выведывание авторства на основании “внутреннего свидетельства”. Если бы у нас не было ничего кроме “внутреннего свидетельства”, то ни один критик, вероятно, не смог бы допустить, что седьмая глава “Онегина” написана после “Полтавы”» (138)[440].

Святополк-Мирский был хорошо знаком с биографической пушкинианой. В комментариях к библиографии, приложенной к книге о Пушкине, Святополк-Мирский писал: «Учитывая количество труда, вложенного в изучение Пушкина, довольно странно, что по-русски не существует обширной “Жизни Пушкина”» (234, 235). В биографическом жанре Святополк-Мирский особо выделяет как лучшую «сжатую, без претензий и исключительно надежную» (235) книгу

[440] Ср. высказывание Святополк-Мирского в предисловии к «Русской лирике» об изучении истории русской литературы: «… говорить по крайнему разумению “внутреннего чувства” будет всегда трудно одолимым соблазном» (Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 7).

«Пушкин», написанную группой сотрудников Пушкинского Дома[441]. Святополк-Мирский также отмечает ценные сопроводительные материалы в венгеровском издании (при негативной оценке издания в целом, см. выше), «Дуэль и смерть Пушкина» Щеголева, работы Бартенева и Анненкова и – что может показаться неожиданным – «Донжуанский список Пушкина» П. Губера[442].

При этом Святополк-Мирский выражает свой скептицизм по поводу методов изучения «темных мест» в биографии Пушкин. Так, по поводу «тайной любви» Пушкина, Святополк-Мирский замечает: «Любовные привязанности Пушкина давно стали излюбленным местом состязаний его биографов, и охота за N.N., будучи самой трудной, естественно стала самой популярной игрой. Это и впрямь игра со своими собственными правилами, и те, кто принимают в ней участие, в меньшей степени заинтересованы в установлении реальных фактов, чем в создании более или менее остроумной комбинации из всего богатства косвенных улик, в строгом соответствии с принятыми правилами» (47–48).

Святополк-Мирский констатирует неполноту наличных биографических сведений о Пушкине. Например, Святополк-Мирский следующим образом трактует историю отношений Пушкина с Воронцовой: «История этой любви, как и вся история отношений Пушкина с семьей Воронцовых – отличный сюжет для комедии или для романа со светской интригой; к сожалению, наше знание всех обстоятельств столь неполно, что и впрямь легче написать роман, чем главу биографии» (55). Однако тут же, вопреки заявленному прежде тезису, Святополк-Мирский замечает, что именно Воронцова была «главным “оригиналом” наиболее чарующего создания Пушкина – Татьяны» (55). Этот тезис вызвал возражение у

---

[441] Странным образом, Святополк-Мирский называет ее анонимной и указывает выходные данные: Л.: Academia, 1924. Ни то, ни другое не соответствует действительности. Речь идет о книге: <*Измайлов Н. В., Модзалевский Б. Л.*> Пушкин: Очерк жизни и творчества. – Л.;. М.: Петроград, 1924. Авторы книги указаны в последнем абзаце Предисловия (С. 4).

[442] Включение Святополк-Мирским книги Губера в рекомендательный список вызвало активное неприятие Г. Лозинского (*Г. Л. [Лозинский Г. Л.]* [Рец.:] Pushkin By Prince D. S. Mirsky. – London: George Routledge & Sons, Ltd; New-York: E. P. Dutton & Co. 1926. V+266 стр. in 8o // Звено. – 1926. – 28 февраля. – № 161. – С. 14); он назвал труд Губера «пошлой книгой», но не привел значимой мотивировки Святополк-Мирского: «Предисловие к книге – это замечательное выражение взглядов, очень близких к тому, которых <я> придерживаюсь относительно влияния XVIII в. на творчество Пушкина» (235). Близость Святополк-Мирского к Губеру отметил еще К. Мочульский, говоря о статье Святополк-Мирского о Пушкине (1923): «Любопытно сходство основных положений кн. Святополка-Мирского с тезисами другого пушкиниста, П. Губера <в книге> “Донжуанский список Пушкина”» (*К. В. [Мочульский К. В.]* Новое о Пушкине. – С. 3).

рецензировавшего книгу Святополк-Мирского Г. Лозинского: «Скептицизм отсутствует <у Святополк-Мирского> <…>, когда он говорит о Воронцовой, как о прототипе Татьяны»[443]. Тот же Лозинский упрекал Святополк-Мирского в непоследовательности и натяжках, когда речь идет об адресации стихотворений Ризнич: Святополк-Мирский «отбрасывает свои сомнения, когда речь заходит о Ризнич <…>, впрочем, возвращаясь к той же теме ниже, стр. 131, он уже делает оговорку: “probably” <”возможно”>»[444].

Святополк-Мирский широко использует как документальные (напр., полицейские отчеты) и эпистолярные, так и мемуарные свидетельства – Якушкина, Соллогуба и др. Святополк-Мирский привлекает не только сочувственные Пушкину высказывания мемуаристов, но и резко негативные, в частности – дает обширную цитату из воспоминаний М. Корфа, мотивируя это следующим образом: «У Корфа была особая неприязнь к поэту и его рассказ пристрастен. Но главные факты подтверждаются множеством доказательств» (31).

Субъективные оценки в плане рассмотрения биографии Пушкина Святополк-Мирский позволяет себе, лишь говоря о Н.Н. Гончаровой и ее семье. Святополк-Мирский характеризует Гончарову в подчеркнуто негативном свете: «Ее образование было далеко от удовлетворительного. Она была совершенно лишена культуры и не имела интереса к интеллектуальным материям <…> Ее манеры были не свободны от вульгарности, ее кокетство было не лучшего вкуса <…> Пушкин был готов смириться с тем фактом, что <Гончарова> не была ни умна, ни культурна. Но эта вульгарность и отсутствие изысканности, полную меру которых он, вероятно, не был в состоянии оценить до того, как они поженились, пошла дальше и приводила его в отчаяние в последующие годы» (126–127). При этом Святополк-Мирский не ограничивается безусловно отрицательной оценкой Гончаровой, он предлагает параллель между биографией и творчеством, рассматривая финал «Евгения Онегина»: «… трудно не поверить,

---

[443] *Г. Л. [Лозинский Г.Л.]* [Рец.:] Pushkin By Prince D.S. Mirsky. – С. 14.
[444] Там же.

что <…> верность Татьяны ее нелюбимому мужу не была проповедью Наталье <Гончаровой-Пушкиной> о ее супружеском долге: в ее любви <Пушкин> более чем сомневался, но, даже будучи нелюбим, <Пушкин> надеялся, что она сможет быть верной женой» (147). Эту собственную гипотезу Святополк-Мирский комментирует следующим образом: «Такие параллели могут показаться незаконными, но, зная, как знаем мы, сложные пути, которыми <личный> опыт Пушкина находил поэтическое выражение, и учитывая глубоко персональную [индивидуальную, личностную] природу стиля “Онегина”, <такие параллели> могут быть приняты как – по меньшей мере – наводящие на размышления» (147).

Слова о «природе стиля» помогают понять стратегию Святополк-Мирского в его книге о Пушкине: Святополк-Мирский рассматривает *и* биографию, *и* творчество Пушкина, находя в них точки и зоны схождения и взаимовлияния. Однако Святополк-Мирский создает не только последовательное жизнеописание Пушкина-человека, но и – параллельно ему – описание эволюции Пушкина как писателя. Если биографию Пушкина Святополк-Мирский излагает хронологически последовательно, то картина художественного мира Пушкина по Святополк-Мирскому воссоздается с большей гипотетичностью.

Святополк-Мирский постулирует, что двумя главными элементами любой поэзии являются «богатство [fertility] творческого импульса и уравновешенность [steadiness] критического торможения» (138). В Пушкине эти два начала находились в «совершенной гармонии» (138).

Магистральная линия эволюции пушкинского поэтического стиля по Святополк-Мирскому выглядит так: лицейский имитативный классицизм, далее – движение «от богатого сладкозвучия южных поэм к твердой металлической гармонии “Полтавы” и нервному реализму “Медного всадника”» (58). Здесь, как представляется, Святополк-Мирский делает уступку тому подходу, который сам осудил в «Русской лирике»: «… даже элементарнейшие части суждения не могут

избежать метафоричности и иносказания»[445]. Однако даже при отмеченной метафоричности Святополк-Мирский настаивает на своем тезисе. По Святополк-Мирскому, первый опыт Пушкина в драме («Борис Годунов», 1825) являлся его «первой попыткой имперсонального [внеличного] повествования» (137). С этого момента начинается движение «в сторону большей объективности, большего ограничения» (137). Однако Святополк-Мирский тут же акцентирует «протеизм» (по слову Гнедича) Пушкина, т.е. способность «одновременной работы в двух разных и, при поверхностном взгляде, взаимно исключающих направлениях» (137). Для Святополк-Мирского эта способность «показывает, насколько фундаментальными <для Пушкина> были такие качества, как дисциплина, выбор и ограничение» (138), т.е. – атрибуты художественной идеологии классицизма.

По Святополк-Мирскому, Пушкин – наследник и выразитель французского классического стиля. Этот стиль в полной мере проявлен в лицейских стихах и «остался таковым в дальнейшем» (22). Святополк-Мирский выделяет его наиболее характерные черты: 1) «ровное мастерство по части выразительности, без выступающих углов и пестрых пятен»; 2) отсутствие того, что французы зовут *emphase* (что не совсем то же, что emphasis [акцент, подчеркивание]»; 3) «склонность к парафразу и мифологическим, классическим или литературным аллюзиям»; 4) точное использование прилагательных; 5) частое использование различных видов метонимии и почти полное отсутствие метафор» (22). «Новая чувствительность», повлиявшая на Пушкина, идет не от Руссо, а от Парни: «это страстная любовь <…> Катулла и Проперция, <…> мужественная и неромантическая страсть. Как и у Парни, чувствительность Пушкина – в том, что касается любви – остается в сути своей классической и реалистической» (21).

Принципиально повлиявший на Пушкина «Арзамас» – это, по Святополк-Мирскому, «подлинно классическое движение». Члены «Арзамаса» «не имели представления о лозунгах романтизма – Индивидуальности, Гении и Оригинальности. Они в большей степени делали работу Малерба и Драйдена, чем

[445] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 7. Показательно, что в письме 1922 г. к В. М. Жирмунскому Мирский взял слово «сладкозвучие» в кавычки (Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922). – С. 144).

Колриджа и Вордстворта». Поэтому парадокс в том, что классицистский «Арзамас» «начался в то время, когда во всей остальной Европе классицизм сдал почти все свои позиции романтизму» (20). Подлинный романтизм Пушкину чужд: «… романтическое мироощущение с его верой в трансцендентную реальность, отраженной во множестве явлений, – множество, которое, таким образом, становится символом Единого, – романтический метод ставить количество выше меры, романтическая идея Поэта как провидца трансцендентных сущностей, – всё это совершенно отсутствовало у Пушкина и его современников» (74). Появление подлинного романтизма Святополк-Мирский связывает с поколением Тургенева, Гоголя и Лермонтова (74). Святополк-Мирский готовит допустить, что единственная форма романтизма, сопоставимая с творчеством Пушкина (а также Баратынского и Грибоедова), это та, что проявлена в Стендале и «зрелом» творчестве А. де Виньи (74). Так, Святополк-Мирский назовет «Клеопатру» «хорошим примером “стендалевского” романтизма у Пушкина» (100). При этом Святополк-Мирский крайне низко оценивает соотносимую с романтической эстетикой «Черную шаль» – «одну из грубейших и наименее пушкинских вещей, которые <Пушкин> когда-либо написал» (75).

Высшее, по Святополк-Мирскому, проявление классицизма Пушкина – стихотворение «К вельможе»: оно «наиболее классическое и наиболее римское из всех творений Пушкина» (133). Также Святополк-Мирский использует предлагаемое в «К вельможе» противопоставление XVIII в. как «Века поэзии» XIX-му как «Веку прозы» как основание для вывода: «… это суждение показывает, насколько фундаментально классичен всегда был Пушкин» (134).

Святополк-Мирский отдельно останавливается на лирике[446] Пушкина 1834–1830 гг., исходя из того, что это «лучшая лирика на <русском> языке» (95). Святополк-Мирский выделяет в ней три одновременно сосуществующих стиля («или манеры», 95): 1) идеализирующая элегия / строфическое стихотворение (наиболее значительные образцы: «Под небом голубым страны своей родной»,

[446] Святополк-Мирский особо оговаривает, что «по-русски “лирикой” называются любые стихи, которые не являются повествовательными или драматическими» (78).

«19 октября»). Это обобщенное, генерализующее высказывание, «эмоциональное общее место» (96); 2) стиль «Онегина» и предшествующих дружеских посланий: «это, вероятно, наиболее характерная и личная форма выражения» (97) Пушкина; 3) «возвышенный» (sublime) стиль, наиболее редко у Пушкина встречающийся; наиболее яркий его пример – «Пророк» (98).

Описания пушкинского поэтического стиля Святополк-Мирским можно охарактеризовать как совмещение парафразов специального стиховедческого анализа (см., напр., описание аллитераций у Пушкина: 65–66) с описательным метафорами, пограничными с субъективными оценками (см., напр., характеристику «Онегина» как «фрукта с того же ствола <дерева>, что “Гаврилииада”, с прививкой “Дон Жуана” <Байрона>», 77).

Наиболее ярко субъективизм Святополк-Мирского проявился в его оценке «Бориса Годунова». Святополк-Мирский заявляет: «Хотя Пушкин всегда так или иначе экспериментировал с формой, лишь в немногих его сочинениях интерес к новым формам выражения заслоняет его интерес к теме. Одно из них – “Борис Годунов”» (153)[447]. И далее: в пушкинском «Борисе» идея трагической поэтической справедливости (tragic poetic justice) «не свободнорожденная, а навязанная идеей инородного происхождения (Карамзин), и эта сентиментальная трактовка трагического положения является первородным грехом (the original sin) пьесы. <…> Пьеса проигрывает и в сравнении с Шекспиром, и в сравнении с маленькими трагедиями самого Пушкина (1830). Она, нужно признать, проигрывает и в сравнении с великой музыкальной драмой Мусоргского, созданной с частичной опорой на пьесу. С другой стороны, есть слишком тесная связь с появившимся уже после смерти Пушкина потомством, многочисленными историческими драмами, написанными после 1860 г. Неизменная посредственность этих пьес отбрасывает неприятный отсвет на их общего предка» (158–159). В дальнейшем Святополк-Мирский отмечает разнообразные

[447] Святополк-Мирский сравнивает Пушкина с Петраркой: тот тоже «был склонен считать свою “Африку” более важной, чем сонеты, поскольку она написана более благородным языком» (154).

достоинства пушкинского «Бориса», что, однако, нисколько не отменяет заявленного им вначале тезиса.

Святополк-Мирский критически относится к традиции философской интерпретации Пушкина. Так, упомянув, в частности, работу Вяч. Иванова, он замечает о «Цыганах»: «Сказать по правде, довольно трудно решить, что на самом деле значит философия поэмы», а о «пушкинской» речи Достоевского делает саркастическое замечание: «<Достоевского> не беспокоило, почему русская национальная идея должна быть вложена в уста цыгана» (71). Святополк-Мирский изложил свой взгляд как тезис: «Пушкин не был философом и никогда не думал много о метафизических проблемах» (106).

Характерной чертой книги о Пушкине являются отсылки к европейским и специально-английским реалиям, и литературным, и общеисторическим. Так, сравнивая «Бориса Годунова» с «Маленькими трагедиями», Святополк-Мирский замечает: «Это похоже на переход от “Горбодука” к “Антонию и Клеопатре» (159). Замечание о мягкости дисциплины в Царскосельском лицее сделано в форме сравнения с английскими реалиями: «Телесное наказание было абсолютно запрещено (сравните с тогдашним Итоном под управлением Кита (Keate)[448]!» (13–14). Ода на смерть Наполеона сопоставлена с творчеством А. Мандзони: «… это благороднейшее приношение (the noblest tribute) Поэзии падшему Цезарю, не исключая даже “Cinque Maggio” Мандзони» (59)[449].

При этом Святополк-Мирский создает фон двойной референции, равноправности общеевропейского и специально-русского и контекстов. Он апеллирует как к русской литературной классике (в частности – к «Войне и миру», 26, 29), так и к новейшей русской литературе: напр., упоминает «Неуемный бубен» Ремизова (в английском переводе – “The Chronicled Life of Stratilatov”), называя его при этом «шедевром» (76).

Книгу о Пушкине, как и оба тома своей «Истории русской литературы», Святополк-Мирский снабдил комментированной библиографией. Это дает

[448] Речь идет о Джоне Ките (John Keate, 1773–1852), возглавлявшем Итонский колледж (Eton College) с 1809 по 1834 гг. При Ките в Итоне широко применялось битье розгами.
[449] При этом Святополк-Мирский даже не упоминает тютчевский перевод («Высокого предчувствия…»).

возможность увидеть ту аналитическую перспективу, которая была актуальна для самого Святополк-Мирского, а также понять причины негативного отношения Святополк-Мирского к философской пушкинистской эссеистике.

Говоря об исследовании языка и поэтики Пушкина, Святополк-Мирский особо отмечает как выдающиеся исследования формалистов – анализ «Гавриилиады» Б.В. Томашевским, работы Ю.Н. Тынянова, Б.М. Эйхенбаума[450] и О.М. Брика[451]. Особо подчеркнуто значение работ В.М. Жирмунского, «Задач поэтики» и «Байрона и Пушкина» (также в основном тексте: 64). Из исследований пушкинской просодии Святополк-Мирский отмечает работу Ф.Е. Корша о «Русалке»[452], «Символизм» Андрея Белого (без указания конкретных статей, включенных в книгу), работы Томашевского о четырех- и пятистопных ямбах Пушкина, а также – без уточнения – «некоторые» работы В. Чудовского[453] и С. Боброва[454].

Резкие оценки Святополк-Мирский дает критикам. Исключительно негативно оценена деятельность Белинского: «…нельзя поверить, чтобы человек, который мог писать о Пушкине столь бесцветно, вульгарно и по-журналистски, имел какое-либо подлинное понимание художественной литературы» (237). Двойственно оценивается значение «пушкинской» речи Достоевского: она

---

[450] Святополк-Мирский неверно указывает «работу Б. Эйхенбаума о прозе Пушкина в его книге “Сквозь литературу”, 1924)» (236). Статья «Путь Пушкина к прозе» опубликована в 1923 г. и перепечатана в книге 1926 г.: *Эйхенбаум Б. М.* Путь Пушкина к прозе // Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. (Пушкинист. IV / Под ред. Н. В. Яковлева). – М.–Пг., 1923. – С. 59–74. Перепеч. в кн.: *Эйхенбаум Б. М.* Литература. – Л., 1926.

[451] Библиографию упомянутых Святополк-Мирским в «Пушкине» работ формалистов см. ранее, в п. 1 гл. 1 наст. диссертации.

[452] Святополк-Мирский указывает работу 1898 г.: *Корш Ф. Е.* Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д.П. Зуева // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – 1898. – Т. III. – Кн. 3. – С. 633–785.

[453] Речь идет, вероятно, о работе: *Чудовский В.* Несколько мыслей к возможному учению о стихе (с примерным разбором стихосложения в первой главе «Евгения Онегина») // Аполлон. – 1915. – № 8/9. – С. 55–95.
Важная деталь: статьи Чудовского печатались в дореволюционном «Аполлоне» и с того времени не перепечатывались. В 1924 г., в некрологе гр. В. А. Комаровскому Святополк-Мирский вспоминал прозу Комаровского, опубликованную в «<Литературном> Альманахе Аполлона 1911 г.», и замечал: «У меня нет рассказа под рукой (а дорого дал бы!), и я его давно не перечитывал, но и сейчас он жив в моей памяти, каким я его слышал, тому тринадцать лет, от Комаровского и потом столько раз перечитывал» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 98).
Представляется допустимой экстраполяция: в 1926-ом, как и в 1924-ом, у Святополк-Мирского нет доступа к «Аполлону», но память о прочитанном свыше десяти лет столь сильна, что это позволяет Святополк-Мирскому рекомендовать статью Чудовского англоязычному читателю, которому остается лишь поверить Святополк-Мирскому на слово.

[454] Речь идет, вероятно, о работе: *Бобров С. П.* Новое о стихосложении А. С. Пушкина: Трехдольный паузник у Пушкина; Разбор статьи В. Я. Брюсова о технике Пушкина; Добавления; Объяснительные примечания. – М., 1915.

написана «вдохновенно и с безграничным энтузиазмом, но по духу это было прямой противоположностью Пушкину» (238). Тем не менее, «пушкинскую речь Достоевского нужно прочесть <…> ради ее подлинной художественной мощи и по причине того, что ее воздействие на русские (и немецкие) умы было безмерно велико» (238).

Святополк-Мирский крайне низко оценивает очерк Мережковского о Пушкине (1896) в книге «Вечные спутники» («хотя <очерк> и является наименее сомнительным из сочинений этого сомнительного писателя, едва ли заслуживает внимания», 238) и сочувственно отмечает «в высшей степени изысканную статью Вячеслава Иванова о “Цыганах”» (238). Двойственно оценивается и книга М.О. Гершензона «Мудрость Пушкина» (1918): «… (при том, что давший название книге очерк служит примером мистического истолкования, совершенно чуждого пушкинскому духу), <книга> содержит несколько небольших заметок, обнаруживающих по временам проницательность в ее лучшей форме. Таковы статьи о “Станционном смотрителе” и “Exegi Monumentum”» (238)[455].

Первое издание книги в 1926 г. прошло в русской эмигрантской периодике малозамеченным; до настоящего времени удалось выявить лишь одну рецензию[456]. Она примечательна тем, что была одним из немногих откликов в прессе русского зарубежья на английские публикации Святополк-Мирского; ее автором был Григорий Леонидович Лозинский. Рецензию отличает взвешенный

---

[455] Святополк-Мирский подробно писал о пушкинистике Гершензона в некрологе Гершензону (*Mirsky D. S.* Michael Herschensohn: Obituary // The Slavonic Review. – 1925 (June). – Vol. 4. – № 10. – P. 171–174). Не будучи согласен с метафизической концепцией Гершензона, Мирский, однако, замечает: «Это не критика, а первоклассная литература» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 112). И далее: «Вопреки этому фундаментальному отсутствию родства с Пушкиным, остальные очерки в книге содержат страницы, принадлежащие к тому лучшему, что было когда-либо достигнуто в пушкинистике. Хотя его в*и*дение Пушкина в целом было обусловлено внутренней жизнью самого Гершензона, а не реальностью, его прозрения в отдельных случаях временами поразительны по убедительности. Очерки о “Станционном смотрителе” и “Exegi Monumentum” – великолепные примеры критической интуиции. В обоих случаях интерпретации Гершензоном двух общеизвестных текстов – очевидным образом единственно-возможные, но мы, ослепленные предубеждением и искалеченные ленью, никогда не обнаруживали их сами. Обнаружение в этих двух шедеврах тонкой и заглушенной пушкинской иронии – одна из величайших заслуг Гершензона перед русской литературой» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 112). О полемике Щеголева и Гершензона по поводу «утаенной любви» Пушкина Святополк-Мирский замечает: «Хотя в полемической схватке победителем вышел лучше вооруженный Щеголев, нет сомнения (по крайней мере – для пишущего эти строки), что Гершензон видел истину, и что искусная, но хрупкая система доказательств Щеголева не продержится долго. Внешне незначительный, вопрос этот весьма весом, поскольку включает принцип биографического истолкования стихов и другие важные вопросы критического метода» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 113).

[456] *Г. Л. [Лозинский Г. Л.]* [Рец.:] Pushkin By Prince D.S. Mirsky. – С. 14.

подход. В самом начале Лозинский писал: «Года полтора тому назад кн. Д. Святополк-Мирский поместил в “Slavonic Review” оригинальную и интересную статью о значении Пушкина. Теперь он издал целый том, посвященный поэту. Подход к теме здесь иной, преимущественно биографический[457]. Из 12 глав только три уделены чисто-литературным вопросам. Обычно же разбор творчества Пушкина служит у него добавлением к биографическим фактам. Автор старается дать возможно широкое представление о среде, в которой вращался писатель, о политических и иных условиях, отражавшихся на его жизни и творчестве. Отсюда – множество имен современников Пушкина, сопровождаемых меткими характеристиками, и в этом отношении кн. Святополк-Мирский сделал все, что от него можно было требовать. Но в таком обилии подробностей для иностранного, неискушенного читателя иногда будет тонуть фигура Пушкина. Сама же по себе биография, снабженная указателем имен и названий, пособие очень ценное»[458]. Лозинский точно уловил некоторые наиболее характерные черты книги; важно и то, что он придал книге аналитическую перспективу, сравнив ее с неупомянутой в книге статьей “Pushkin” (1923) (Лозинский, однако, не случайно говорит о статье как о посвященной «значению Пушкина», а не творческой личности Пушкина).

В 1926 г. книга Святополк-Мирского о Пушкине была замечена в англоязычной периодической печати[459], в частности – в авторитетном американском журнале «The New Republic»[460]. Имя автора рецензии, известной переводчицы Бабетты Дейч (Babette Deutsch, 1895–1982), имеет принципиальное значение. Незадолго до выхода своей книги о Пушкине, в 1923 г., Святополк-Мирский опубликовал по-английски весьма скептическую рецензию на

---

[457] Ср. у Дж. Смита: «биографически-структурированное введение в <творчество> русского национального поэта» («this biographically structured introduction to the Russian national poet») (*Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. – P. 108).

[458] *Г. Л. [Лозинский Г.Л.]* [Рец.:] Pushkin By Prince D.S. Mirsky. – С. 14.

[459] В качестве примера рецензии, нерелевантной предмету рассмотрения, укажем на рецензию кн. Екатерины Радзивилл: *Radziwill C.* [Rev.] Pushkin, by D. S. Mirsky. New York: E. P. Dutton & Company. $ 2.50 // Commonweal. – 1926. – September 1. – P. 410.

[460] *Deutsch B.* [Rev.] The Twin Pillars. Pushkin, by Prince D. S. Mirsky. New York: E. P. Dutton and Company. 266 pages. $2.50. Gogol, by Janko Lavrin. New York: E. P. Dutton and Company. 263 pages. $2.50 // The New Republic. – 1926. – July 7. – № 47. – P. 206.

Сам Святополк-Мирский в журнале не публиковался, но был с ним наверняка знаком. Так, напр., в «The New Republic» печатались хорошо знакомые Мирскому В. Вулф (см., напр.: *Woolf V.* The Movies and Reality // The New Republic. – 1926. – August 4) и Дж. М. Кейнс (см., напр.: *Keynes J. M.* Soviet Russia – I // The New Republic. – 1925. – October 28).

антологию “Modern Russian Poetry”, подготовленную Б. Дейч и ее супругом, А. Ярмолинским[461]. В книге о Пушкине Святополк-Мирский упомянул антологию Дейч-Ярмолинского в качестве одного из примеров неудовлетворительных переводов Пушкина на английский и добавил: «Главный недостаток всех этих переводов <…> в том, что все они принадлежат людям, не обладающим английской литературной культурой (пусть они даже и поверхностно знакомы с русской культурой» (241–242).

Дейч писала о новой серии издательства “Dutton” “The Republic of Letters”[462], выходящей под редакцией Уильяма Роуза[463], и рассматривала «два новых выпуска серии полу-биографических, полу-критических работ»: о Пушкине – Святополк-Мирского, и о Гоголе – Янко Лаврина[464]. Дейч отмечала: «Книга <Святополк-Мирского>, по-видимому, предназначена тем, кто, не владея русским языком, не может читать Пушкина в оригинале и не знает даже наиболее известных критических работ о поэте, написанных по-русски. По некоторым признакам, князю Святополк-Мирскому эти факты известны. Но при случае он их игнорирует.

В одном месте автор здраво замечает: “Поскольку искусство Пушкина заключается в основном в точном использовании (fitness) слов и в абсолютной согласованности звуков и рифм, даже лучший перевод может дать представление о красоте его стихов не более, чем хорошая карта сообщает о красоте ландшафта”[465]. Это не мешает князю страница за страницей цитировать поэта, в английском переводе, настолько же лишенным красок, соли и ритма, как глухонемой – красноречия. “Сладкозвучие” пушкинского стиха, многократно и

---

[461] *Mirsky D. S.* Modern Russian Poetry. An Anthology. Chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. London (John Lane), 1923. 6s. net. (Printed in the U.S.A., forming part of The European Library, edited by J. E. Spingarn) // The Slavonic Review. – 1923. – Vol. 2. – № 5. – P. 451–452. Русск. пер.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 66–67.

[462] Помимо указанных далее работ в серии вышла книга: *Aldington R.* Voltaire. – London: Routledge & Sons, 1925.

[463] Роуз У. (William Rose; 1894–1961) – английский филолог-германист, переводчик, литературный критик. Преподавал в Королевском колледже (King’s College) и Школе экономики Лондонского университета. После 1933 г. поддерживал немецких писателей-эмигрантов, в частности – Ф. Верфеля и С. Цвейга.

[464] Книгу Я. Лаврина о Гоголе Святополк-Мирский отрецензировал и сам, весьма высоко ее оценив: *Mirsky D. S.* [Rev.] Gogol. By Janko Lavrin (The Republic of Letters). London: Routledge, 1926 // The Slavonic Review. – 1926. – Vol. 5. – № 13. – P. 223. Русск. пер.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 140.

[465] См.: 96.

без устали поминаемое, лишь оскверняется (traduced) невыносимой передачей. Автор счел себя обязанным поместить в приложении несколько примеров того, что он с радостным удивлением описывает как “целую серию хороших метрических переводов” некоего Томаса Баджа Шо (Thomas Budge Shaw)[466]. <…> Книга дает достаточно доказательств того, что князь Святополк-Мирский боготворит Пушкина как поэта, а также (хотя это и менее очевидно) восхищается им как человеком. Однажды было сказано, что каждый на своей манер убивает то, что любит. Князь Святополк-Мирский сделал это “с поцелуем” (“with a kiss”)»[467].

Отклик исключительно негативный. Финальная отсылка к концовке «Баллады Рэдингской тюрьмы», высоко ценимой Святополк-Мирским (что засвидетельствовано им в печати)[468], позволяет предположить, что Дейч была знакома с опубликованными по-русски работами Святополк-Мирского)[469].

Вопрос о переводах текстов Пушкина в книге Святополк-Мирского требует разъяснения. По Дейч, Святополк-Мирский, «боготворя» Пушкина, совершает святотатство, предлагая читателю буквалистские переводы. Дейч, таким образом, возвращает Святополк-Мирскому упрек, сделанный им в рецензии на антологию Дейч и Ярмолинского: «сносные английские стихи, хотя в качестве переводов с

---

[466] О нем см.: *Lee E.* Shaw, Thomas Budge // Dictionary of National Biograph. – Vol. 51: Scoffin – Sheares. – L., 1897. – P. 447–448.

[467] Парафраз О. Уайльда: «Yet each man kills the thing he loves / By each let this be heard / Some do it with a bitter look, / Some with a flattering word, / The coward does it with a kiss, / The brave man with a sword!» («The Ballad of Reading Gaol», 1897).
В переводе К. Бальмонта: «Но убивают все любимых, – / Пусть слышат все о том. / Один убьет жестоким взглядом, / Другой – обманным сном, / Трусливый – лживым поцелуем, / И тот, кто смел, – мечом!». В переводе В. Брюсова: «Возлюбленных все убивают, – / Так повелось в веках, – / Тот – с дикой злобою во взоре, / Тот – с лестью на устах, / Кто трус – с коварным поцелуем, / Кто смел – с клинком в руках!»
У Уайльда – отсылка к Шекспиру, словам Бассанио в «Венецианском купце»: «Do all men kill the things they do not love?» («The Merchant of Venice», IV, 1).

[468] «<Из поэзии Уайльда> <о>стается одна вещь – “Баллада Рэдингского острога”, и она, конечно, сохранит его имя от забвения. Но она стоит одиноко в его творчестве и во всей английской литературе, вне ее традиции и без потомства. По духу и по судьбе баллада принадлежит гораздо больше к русской литературе, которой она и усвоена переводами Брюсова и Бальмонта» (*Мирский Д. С.* О современной английской литературе (Письмо из Лондона) // Современный Запад. – 1923. – № 2. – С. 142; цит. по: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 41).

[469] Быть может, дополнительным подтверждением этому является и внутренний контраст отклика: резко-отрицательный – на книгу Святополк-Мирского, комплиментарный – на книгу Лаврина. Лаврин был коллегой и одним из немногих лондонских друзей Святополк-Мирского. См.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life. 1890–1939. – P. 90. О Лаврине см. также: Янко Лаврин и Россия / Отв. ред. Ю. А. Созина. – М., 2011. – (Серия “Slavica et Rossica”).

русского угнетающе-монотонны по своему ритму. Однако прикосновение гения на них не слишком заметно (если вообще заметно)»[470].

Мотив непереводимости, невозможности адекватной передачи на английском языке стихов Пушкина – один из самых устойчивых в книге Святополк-Мирского. Помимо приведенной Дейч цитаты см., напр.: о послании Юрьеву – «это одно из первых стихотворений, в котором мы отчетливо слышим пушкинскую интонацию (an accent) – интонацию, которая, увы, не может быть передана по-английски» (36); о «Для берегов отчизны дальной…» – «стихотворение столь абсолютного словесного совершенства, что приближаться к нему с моей английской прозой было бы святотатством (sacrilege)» (54); о «Наполеоне» – «Абсурдна (preposterous) задача пытаться перевести условной прозой удивительные строфы оригинала, но, быть может, читатель извинит меня за то, что не удержусь процитировать три последние строфы» (59); о «Винограде» – «осмелюсь процитировать короткое стихотворение» (60); о «Бахчисарайском фонтане» – «Красота лучших фрагментов столь абсолютно сконцентрирована в чувственном восприятии слов (the sensual aspect of the words), что нельзя даже осмелиться переводить это» (69).

Говоря о письме Татьяны Онегину и цитируя Пушкина («Неполный, слабый перевод, / С живой картины список бледный»), Святополк-Мирский замечает: «Забавно (amusing) сделать обратный перевод: это легко осуществимо слово в слово» (147). При этом Святополк-Мирский приводит фрагмент письма Пушкина к Н.Н. Гончаровой (последние числа августа 1830 г.) в своем английском переводе, делая примечание: «Оригинал – по-французски, но до настоящего момента опубликован лишь русский перевод» (129). Святополк-Мирский, таким образом, переводит на английский русский перевод французского текста[471].

---

[470] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 41

[471] См.: *Пушкин А. С.* Письма к жене / Изд. подгот. Я. Л. Левкович; Отв. ред. А. Л. Гришунин; АН СССР. – Л., 1986. – С. 10, 113). В русском переводе письмо впервые опубликовано: Вестник Европы. – 1878. – Январь. – С. 13–14. Отметим, что письмо Пушкина к Н. Н. Гончаровой от 5 апреля 1830 г. Святополк-Мирский приводит целиком во французском оригинале (123–125), с объяснением: «Цитирую <письмо> целиком, поскольку – помимо того, что это пример французского эпистолярного стиля Пушкина – оно является одним из немногих писем, дающим представление о его более серьезных чувствах; как правило, письма Пушкина совершенно лишены любого эмоционального психологизма» (123).

Б. Дейч – вероятно, вполне осознанно – не привела комментария Святополк-Мирского к переводам Шо. Вместе с тем, он многое объясняет. Шо (1811–1863) «одно время был профессором английской литературы в том самом Лицее, где учился Пушкин. <…> <Переводы Шо обнаружились> в “Blackwood Magazine” за 1845 г. <…> между выпусками “Suspiria de Profundis” Де Куинси и “Examples of English Critics” Норта. В качестве метрических переводов, мне думается, некоторые из них хороши так, как только могут быть хороши переводы, очевидным образом не являющиеся созданием сочувственного художника в духе “Омара Хайяма” Фицджеральда. <…> Сравнения перевода Шо финальных строф “Наполеона” и “Стансов к Керн” с моим буквальным переводом будет достаточно, чтобы показать большую точность Шо. Что же касается достоинств английских стихов Шо, то в этом английский читатель – более компетентный судья, нежели я, но определенно Шо удалось временами замечательным образом уловить ритм и модуляции пушкинских ямбов.

В своих переводах Шо бережно воспроизводит метрическую схему оригинала, включая чередование двойных *(парных)* рифм. Конечно, использование одних и тех же метрических моделей на разных языках производит различный эффект. И как раз это-то и делает переводы даже такого типа безнадежно несовершенными. И это – помимо невозможности воспроизвести фонетическую структуру оригинала (в случае Пушкина – по-настоящему самое важное) и *тон (colour)* поэтического словаря. Главная трудность для любого английского переводчика, который хочет воспроизвести по-английски русские стихи одинаковым количеством слогов, заключается в том, что обычно русские слова значительно длиннее их английских эквивалентов. Хотя до известной степени это нейтрализуется *(counteracted, компенсируется)* необходимостью использовать большее количество (добавочных) слов и возможностью латинизировать словарь (что имеет свои недостатки), переводчик всегда будет к своей досаде нуждаться в большем количестве слов, чем требует оригинал. В особенности это касается эпитетов» (243–244).

Как видим, Святополк-Мирский, приводя как собственные подстрочники, так и переводы Шо, вполне осознанно идет на рискованный шаг – и открыто предупреждает об этом читателя. В том, что Святополк-Мирский помещает рядом со своими прозаическими переводами поэтические переложения Шо, современный исследователь П.Р. Буллок видит «наиболее поразительный пример открытого диалога между переводчиками»: «Приводя два перевода одного и того же стихотворения, Святополк-Мирский предложил своего рода составное чтение, которое отдает должное конкурирующим требованиям – буквальной точности и передачи поэтического стиля. Ни один вариант не представлен как единственно правильный: каждый содержит лишь индивидуальный отклик переводчика на те элементы оригинального поэтического текста, по его мнению, наиболее важны при воспроизведении. Взятые вместе, они дают более полное представление об оригинале, причем предполагается, что ни один перевод не может претендовать на то, чтобы быть единственным. Конкурирующие или дополняющие друг друга переводы одного и того же текста приглашают читателя включиться в процесс критики, сравнения, интерпретации и оценки, которые и выдвигают проблемы перевода на первый план»[472].

Святополк-Мирский писал книгу о Пушкине для англоязычной аудитории. В книге неоднократно подчеркивается дистанция между российским культом Пушкина и отсутствием фигуры Пушкина в европейской истории культуры как значимого факта. Так, напр., говоря о проблеме «утаенной любви» Пушкина, Святополк-Мирский замечает: «Однако, предмет этот слишком сложен, чтобы обсуждать его перед иностранной аудиторией» (47). Излагая эдиционные проблемы современной пушкинистики касательно текста «Онегина», Святополк-Мирский отмечает: «Английского читателя не слишком заинтересуют все эти формальные детали, касающиеся великого романа. Я, однако, сознательно

[472] *Bullock P. R.* Untranslated and Untranslatable? Pushkin's Poetry in English, 1892–1931. – P. 364, 365. В работе Буллока также подробно рассмотрен вопрос о переводах М. Беринга из Пушкина и их использовании в книге Святополк-Мирского (P. 360–362). Буллок, в частности, предполагает, что Святополк-Мирский, цитируя переводы Беринга, вносил в них свои редакторские поправки: «Быть может, Мирский не находил прозаические переводы Беринга столь "восхитительными", как это можно заключить из его комментариев» (P. 362). См. цитируемый Святополк-Мирским перевод Беринга: 98.

останавливаюсь на них, не только из-за присущего им интереса, исторического и практического <…>, но чтобы дать понять английскому читателю, сколь большое значение мы придаем таким деталям в наших пушкинских штудиях» (140). Слова «мы» и «наши» вполне ясно сигнализируют о том, что Святополк-Мирский воспринимал себя как проводника знания о Пушкине для западных читателей.

Как отметил И. Берлин, «как и у всех русских, величайшие достижения <Святополк-Мирского> связаны с Пушкиным, о котором <он> написал книгу – и его английский язык в такие моменты наполнен такой жизнью и своеобразием, а также столь удивительным мастерством, что сравнить его можно лишь с Владимиром Набоковым»[473].

На основании вышеприведенного анализа можно выделить несколько характерных черт книги Святополк-Мирского «Пушкин»:

– Святополк-Мирский создает нарратив о Пушкине, который включает в себя как биографию Пушкина на широком историко-культурном фоне, так и описание художественного мира Пушкина;

– Святополк-Мирский изучает Пушкина как целостный феномен, избегая при этом прямых параллелей между биографией и творчеством;

– В описании художественного мира Пушкина Святополк-Мирский активно использует новейшие исследования русских филологов;

– Книга о Пушкине ориентирована на англоязычного читателя, однако она имеет и специальный русскоязычный референциальный план;

– Книга о Пушкине представляет собой весомый вклад в процессе ознакомления западной аудитории с жизнью и творчеством Пушкина.

---

[473] *Berlin I.* Russian Literature: The Great Century // Nation. – 1950. – № 170. – P. 180–183, 207–208. [Электронный ресурс]: URL: http://berlin.wolf.ox.ac.uk/published_works/singles/greatcentury.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

2.3. «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) и «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927)

Две книги Святополк-Мирского, посвященные истории русской литературы, «Современная русская литература: 1881–1925» («Contemporary Russian Literature: 1881–1925», 1926; далее: СРЛ)[474] и «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» («A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)», 1927; далее: ИРЛ)[475], заслужили высокую оценку среди славистов всего мира, переведены на несколько языков[476]. Они определили репутацию Святополк-Мирского как историка литературы; в них Святополк-Мирский сформировал своеобразный канон русской литературы для западного мира, включающий в себя корпус текстов русской литературы с древнейших времен до современности – середины 1920-х гг.[477]

Святополк-Мирский разрабатывал жанр *авторской истории литературы*. В библиографическом обзоре русскоязычных работ в ИРЛ Святополк-Мирский указывает: «Общеупотребимой истории русской литературы на русском языке не существует» и тут же характеризует все обобщающие существующие работы на

---

[474] *Mirsky D.S., Prince*. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. London – New York, 1926.

[475] *Mirsky D.S., Prince*. A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – London – New York, 1927.

[476] Перев. на нем.: Geschichte der Russischen Literatur / Tr. Georg Mayer. – München: Piper, 1964; перев. на итал.: Storia della letteratura russa / Trad. Silvio Bernardini. – Milano: Bernardini, Garzanti, 1965, 1977; перев. на франц.: Histoire de la littérature russe / Trad. Véronique Lossky. – P.: Fayard, 1969; перев. на кит.: Er Guo Wen Xue Shi / Transl. by Liu Wenfei. – Beijing: Ren Min Chu Ban She (People's Press), 2013.

[477] О русском литературном каноне см.: *Сухих И. Н.* Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Том 17. – Выпуск 3. – С. 329–336; Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Редакторы тома А. Вдовин, Р. Лейбов. – Тарту, 2013. – (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX); *Beržaitė D.* A Foreign Canon for the Russian Classical Literature // Russian Classical Literature Today / The Challenges / Trials of Messianism and Mass Culture. – Cambridge, 2014. – P. 48–58; *Megrelishvili T.* Русский литературный канон в зеркале современности // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – 2013. – № 44. – P. 35–48. [Электронный ресурс]: URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_megrelishvili.pdf (дата обращения: 01.11.2017); *Brooks J*. Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology: essays in honor of Wayne S. Vucinich / Ed. I. Banac, J. G. Ackerman & R. Szporluk. – Boulder, 1985. – P. 315–334; *Hodgson K., Smith A.* Introduction: Twentieth-Century Russian Poetry and the Post-Soviet Reader: Reinventing the Canon // Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Ed. Katharine Hodgson, and Joanne Shelton, and Alexandra Smith. – Cambridge, 2017. – P. 1–42. См. также: *Дубин Б.* Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. Сб. статей. – М., 2010. – С. 66–75, 84–107.

русском языке: они «или безнадежно устарели, или являются очевидными компиляциями из вторых рук»[478]. При этом «История новейшей русской литературы 1848–1903» А.М. Скабичевского охарактеризована как «почти комически пристрастная», а работы Е.А. Соловьева (Андреевича) и Р.В. Иванова-Разумника как «определенно опасные, кроме как для совершенного новичка»[479]. Таким образом, Святополк-Мирский признает существование авторских систематических изложений истории русской литературы, но считает их неудовлетворительными и не возводит к ним свой собственный труд.

Известны ретроспективные оценки труда Святополк-Мирского. В. Набоков в конце 1940-х годов писал американскому редактору: «… я большой поклонник работы Мирского. Я считаю ее лучшей историей русской литературы на любом языке, включая русский»[480]. Г.П. Струве в книге «Русская литература в изгнании» (1956) дал следующую оценку: «лучший сжатый и обобщающий очерк русской литературы с ее зарождения по 1925 год на каком-либо языке»[481].

И. Берлин в 1950 г. следующим образом описал созданную Святополк-Мирским двухтомную историю русской литературы: «Мирский писал с той уверенностью, непосредственностью и сочетанием утонченного вкуса с интеллектуальным задором, которые сообщают его книгам блеск и свободу лучших и наиболее плодотворных высказываний о литературе. Его суждения отважно-субъективны, его факты и даты временами неточны. <…> его суждения – результат знакомства с предметом из первых рук. Во всем, что писал Мирский, была игра идей, идущая от широкого (хотя и бессистемного) знания всех великих европейских цивилизаций. Это знание без остатка вошло в неплотную, но богатую ткань интеллектуальной жизни Мирского и нашло свое выражение в том поразительном сочетании элегантности, высокого строя ума и ясности видения, которые отличают лучшую часть русской либеральной интеллигенции. Среди эмигрантов XX в. Мирский был, вероятно, высшим воплощением этой

---

[478] *Mirsky D. S., Prince.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – P. 376.
[479] Ibid.
[480] *Nabokov V.* Selected Letters 1940–1977. Ed. Dimitri Nabokov and Mathew J. Bruccoli. – San Diego, 1990. – P. 90.
[481] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – С. 62.

уникальной общности. Он не был критиком-систематиком, в его работах присутствуют обширные капризные пробелы. Но его уверенность в собственной литературной интуиции была безгранична»[482].

В другом месте Берлин заметил, что «книгу Мирского еще долго будут читать после того, как превосходные работы <по истории русской литературы> будут благополучно стоять на полках библиотек, потому что – в отличие от них – она близка к тому, чтобы быть литературным шедевром»[483].

Необходимо отметить, что два тома «Истории» Святополк-Мирского претерпели сокращение при подготовке последующего однотомного издания (уже после отъезда Святополк-Мирского в СССР и его смерти). В 1949 г. вышла однотомная «История русской литературы» под ред. Ф.Дж. Уитфилда[484]. По словам Г.П. Струве, «книга, таким образом, заканчивалась, в сущности, на шестой главе <СРЛ> – о поэзии после 1910 г., на Маяковском и Пастернаке»[485]. После издания 1949 г. Ф.Дж. Уитфилд осуществил в 1958 г. еще одно переиздание[486] (с последующими переизданиями), в котором были произведены дополнительные сокращения по сравнению с изданием 1949 г.: оно получило название «История русской литературы от возникновения до 1900 г.». Из него был исключен текст глав 3–7 СРЛ; издание 1958 г. заканчивалась Чеховым. Предпринятые сокращения, по сути, нарушили замысел Святополк-Мирского – и именно в этом искаженном виде «История русской литературы» Святополк-Мирского и получила наибольшее распространение в англоязычном мире[487].

Принципиальна последовательность выхода в свет обеих книг «Истории». Сначала, в 1926 г., появилась «Современная русская литература, 1881–1925»

---

[482] *Berlin I.* A View of Russian Literature // Partisan Review. – 1950 (July–August). – № 17. – P. 617–623. [Электронный ресурс]: URL: http://berlin.wolf.ox.ac.uk/published_works/singles/bib42.pdf (дата обращения: 12.08.2017).
[483] *Berlin I.* Russian Literature: The Great Century.
[484] *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. Comprising A History of Russian Literature & Contemporary Russian Literature / Ed. by F. J. Whitfield. – London – New York, 1949.
[485] *Струве Г. П.* Предисловие // Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. кн. Д. Святополк-Мирский; вступ. ст. проф. Г. П. Струве. – N. Y., 1979. – С. 9.
[486] *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. From Its beginnings to 1900 / Ed. and abridged by Francis J. Whitfield. – N. Y., 1958.
[487] Русский перевод обоих томов появился только в 1992 г.: *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Руфь Зернова. – London, 1992; 2-е изд.: Новосибирск, 2005, 2006, 2007, 2009.

(СРЛ). В следующем, 1927-м, году появилась «История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» (ИРЛ), т.е. порядок появления книг Святополк-Мирского был обратным хронологической историко-литературной последовательности. При этом у обоих томов «Истории» был предшественник – вышедшая в 1925 г. книга Святополк-Мирского «Modern Russian Literature» («Русская литература нового времени» или «Новая русская литература»)[488] – краткий однотомный обзор истории русской литературы, от «Слова о полку Игореве» до М. Пришвина. Книга была тогда же замечена. Так, например, обозреватель журнала «The New Statesman» отмечал, что Святополк-Мирский «обладает искусством – не только редким, но и очень ценным в случае литературы, с которой лишь немногие иностранцы могут надеяться на нечто большее, чем шапочное знакомство из первых рук – выразить качество писателя для тех, кто не читал из него ни строчки»[489]. Отметив ценность книги как написанной русским автором, осведомленным при этом во многих национальных литературах, рецензент заключал: «Конечно, возможно, не согласиться с некоторыми вердиктами, как, напр., с тем, что “Униженные и оскорбленные” “вероятно, наименее удачная” из книг Достоевского или что “Иванов” Чехова является неудачей. Но не соглашаешься с неуверенностью в себе, поскольку почти всегда князь Мирский явным образом прав»[490].

Книги 1926 г. и 1927 г. уместно воспринимать как попытку создания широкомасштабной панорамы русской литературы[491] с учетом опыта книги 1925 г. При этом важно отметить, что, хотя Святополк-Мирский работал над обоими томами без перерыва[492] и они образуют осознанное автором единство[493],

---

[488] *Mirsky D. S., Prince*. Modern Russian Literature. – London, 1925.

[489] <*Anon.*> [Rev.] Modern Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. Oxford University Press. 2 s. 6 d. // The New Statesman. – 1926. – March 27. – P. 754.

[490] Ibid.

[491] В начале февраля 1925 г. А. М. Ремизов опубликовал в газете «Дни» заметку «Гнездо», где, в рамках ремизовской мистификации, Мирскому приписывалась книга «История русской литературы от “Жития Аввакума” до “Соли” Бабеля». Мирский писал в письме к Ремизову от 21 февраля 1925 г.: «А мне Вы совсем хорошую книгу приписали: я был бы очень счастлив ее написать» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 365, 366).

[492] О чем писал в предисловии к СРЛ: *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 453, 454. Здесь и далее цитируется по изданию: *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. 3-е изд. – Новосибирск, 2007, с указанием номера страницы в тексте.

представляется корректным рассматривать как их общие черты и присущие обоим томам авторские стратегии и установки, так и каждый том по отдельности, в силу специфики рассматриваемого в них материала.

Хронология и объем материала

Показательно, что Святополк-Мирский как автор *истории* русской литературы исходил из условности хронологии. В начале ИРЛ он отмечал: «В сложной ткани истории невозможно проводить резкие и твердые линии раздела, и линия раздела между двумя томами не является строго хронологической» (25).

В предисловии к СРЛ Святополк-Мирский определил хронологические рамки рассмотрения историко-литературного материала: «Я выбрал 1881 г. в качестве удобного рубежа – но он ни в коей мере не является поворотным пунктом для самой русской литературы. Эта дата отмечает скорее не начало, а конец: конец классического периода русского реализма» (453). Святополк-Мирский утверждает, что «для проведения более точной границы надо или вернуться к 1845 г., или пройти вперед к 1895 г.» (453), что «первые пятнадцать лет из периода, представленного в этой книге, являются временем старения, то есть осенью великой эпохи реализма» (453) и что «настоящий новый период, а не отблески старого, начинается только с развитием революционного реализма Горького, а еще отчетливее – с антиреалистическим движением символистов» (453).

Таким образом, Святополк-Мирский с самого начала задает некоторую произвольность в определении и мотивировке хронологических рамок, дезавуируя, тем самым, «удобность» выбранного им самим рубежа (1881 г.). Святополк-Мирский осознавал дискуссионность подобного подхода и сразу же объяснял вызываемые им сложности: «Поэтому трудно решить, каких писателей нужно внести в этот том, а каких отнести к более раннему периоду» (453). Святополк-Мирский предлагает мотивировку: «мне не хотелось делить

---

[493] В предисловии к ИРЛ Мирский писал: «Эта книга рассчитана на то, чтобы стать первой частью и образовать единое целое с книгой “Современная русская литература” (1881–1925)» (25).

творчество отдельных писателей на два тома» (453). Исключение он делает только для Толстого, «фигуры достаточно крупной, чтобы выдержать такую операцию» (453–454). Последние слова обнаруживают осознанный Святополк-Мирским субъективизм его подхода, который усугубляется предлагаемой им процедурой: напр., хотя «многие из их лучших произведений» Салтыкова-Щедрина и Г. Успенского «появились после 1881 г.», они будут рассматриваться в рамках истории литературы 1860–1870-х гг., поскольку «представляют жизненно важную часть движения» 1860–1870-х гг., тогда как «другие писатели того же поколения, вроде Лескова и Леонтьева, которые противоречили общему настрою времен своей молодости и только в восьмидесятых годах приобрели славу, продолжавшую расти после их смерти» (454), включены в СРЛ.

Святополк-Мирский, таким образом, задает оппозицию: «настрой времени» и «слава» (рецепция) vs. дата публикации литературного произведения. В предлагаемом им членении, как можно понять, решающую роль играет как раз рецептивный фактор, т.е. подчеркивается социологическое измерение истории литературы. Данный подход уместно сопоставить с тезисом Святополк-Мирского в предисловии к антологии «Русская лирика» (1924): «… есть две истории литературы: творческая и воспринимательская. Иные поэты, имевшие в свое время огромный успех, почти исчезли из нашего поля восприятия: историк не может их обойти, критик не имеет для них доброго слова»[494]. Однако, как тут же отмечает Святополк-Мирский, «описывая <…> явления *исторически*, не трудно было бы указать, что именно привлекало в них современников»[495].

«Современная русская литература» состоит из предисловия, 7 глав (каждая из которых членится на нумерованные главки), двух промежуточных глав, двух дополнений («Paralipomena») и аннотированной библиографии:

Гл. 1: 1. Конец великой эпохи; 2. Толстой после 1880 г.; 3. Лесков; 4. Поэзия: Случевский; 5. Лидеры интеллигенции: Михайловский; 6. Консерваторы

[494] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 9.
[495] Там же. – С. 10, курсив Святополк-Мирского.

(Ив. Аксаков, Катков, Победоносцев, Страхов, Данилевский); 7. Константин Леонтьев.

Гл. 2: 1. Восьмидесятые годы и начало девяностых; 2. Гаршин; 3. Второстепенные прозаики (Боборыкин, Вас. Немирович-Данченко, Вс. Соловьев, М. Альбов, К. Баранцевич, Мамин-Сибиряк, И. Ясинский, И. Потапенко, Щеглов, Микулич, Эртель, Гарин-Михайловский, П. Якубович-Мельшин); 4. Эмигранты (Степняк-Кравчинский, П. Кропоткин, М. Башкирцева); 5. Короленко; 6. Адвокаты-литераторы (А.И. Урусов, С.А. Андреевский); 7. Поэты (Надсон, Минский, Апухтин, Голенищев-Кутузов, П.Д. Бутурлин, Фофанов); 8. Владимир Соловьев; 9. Чехов.

Промежуточная глава 1: Первая революция (1905).

Гл. 3: 1. Художественная проза после Чехова; 2. Максим Горький; 3. Художественная школа «Знания» (Е.Н. Чириков, С.И. Гусев-Ольденбургский, Скиталец, С.С. Юшкевич, В.В. Муйжель); 4. Куприн; 5. Бунин; 6. Леонид Андреев; 7. Арцыбашев; 8. Сергеев-Ценский; 9. Второстепенные прозаики (А. Каменский, Осип Дымов, К. Тренев, И.С. Шмелев, Б. Савинков, Б.К. Зайцев); 10. Вне литературных группировок (Вербицкая, Нагродская, А. Грин); 11. Фельетонисты и юмористы (В. Дорошевич, Тэффи, Аверченко, Саша Черный, Ю. Беляев).

Гл. 4: 1. Новые движения девяностых годов; 2. Эстетическое возрождение: Бенуа; 3. Мережковский; 4. Розанов; 5. Шестов; 6. Другие религиозные философы (С. и Е. Трубецкие, Булгаков, Бердяев, Флоренский, Гершензон; 7. «Вехи» и после «Вех» (П.Б. Струве).

Гл. 5: 1. Символисты; 2. Бальмонт; 3. Брюсов; 4. Поэты-метафизики: Зинаида Гиппиус (Коневской, А. Добролюбов); 5. Сологуб; 6. Анненский; 7. Вячеслав Иванов; 8. Волошин; 9. Блок; 10. Андрей Белый; 11. Малые символисты (Балтрушайтис, С. Соловьев, В. Гофман, Городецкий, В.А. Комаровский); 12. «Стилизаторы»: Кузмин; 13. Ходасевич.

Промежуточная глава 2: Вторая революция (1917 г.).

Гл. 6: 1. Гумилев и Цех поэтов; 2. Анна Ахматова; 3. Мандельштам; 4. Вульгаризаторы: Северянин; 5. Марина Цветаева; 6. «Крестьянские поэты» и имажинисты: С. Есенин (Н. Клюев, Р. Ивнев); 7. Начало футуризма (Е. Гуро, В. Хлебников, И. Зданевич); 8. Маяковский; 9. Другие поэты ЛЕФа (В. Каменский, Н. Асеев, С, Третьяков); 10. Пастернак; 11. Пролетарские поэты (А. Гастев, В. Казин); 12. Младшие поэты Петербурга и Москвы (А. Радлова, Е. Полонская, Н. Тихонов, И. Сельвинский);

Гл. 7: 1. А. Ремизов; 2. А.Н. Толстой; 3. М. Пришвин; 4. Е. Замятин; 5. Мемуары и исторические романы (С. Федорченко, В. Шульгин, П.Н. Краснов, С. Волконский, П.П. Муратов, М.А. Алданов, Г. Блок); 6. В. Шкловский и И. Эренбург; 7. Возрождение художественной прозы после 1921 г. (Б. Пильняк, Н. Огнев, В. Лидин, Л. Леонов, Н. Никитин, М. Зощенко, Вс. Иванов, Вяч. Шишков, Артем Веселый, И. Бабель

Paralipomena (Дополнения): 1. Драма (К. Станиславский, Н. Евреинов, Вс. Мейерхольд, театр символистов, театр периода революции, пьесы А. Луначарского); 2. Литературная критика.

Библиография включает в себя аннотированный список обзорных работ по истории русской литературы второй половины XIX – нач. XX вв., а также обзор изданий отдельных авторов (в последовательности глав). Каждая из секций библиографии разделена на три части: 1) русскоязычные публикации, 2) англоязычные, 3) публикации на иных языках (в основном – на французском и немецком).

«История русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)» состоит из предисловия, 8 глав (каждая из которых членится на нумерованные главки) и аннотированной библиографии.

В отличие от СРЛ, главы в ИРЛ имеют заглавия.

Гл. 1: Древнерусская литература (XI–XVII вв.): 1. Литературный язык; 2. Литературная ситуация; 3. Обзор переводных произведений; 4. Киевский период; 5. Летописи; 6. Поход Игоря и его братьев; 7. Между Киевом и Москвой; 8.

Московский период; 9. Московские повести; 10. Начало художественной литературы; 11. Конец старой Московии: Аввакум.

Гл. 2: Конец Древней Руси: 1. Возрождение Юго-запада; 2. Переходное время в Москве и Петербурге; 3. Первые литературные стихи; 4. Драма; 5. Художественная литература и книжки для народа.

Гл. 3: Эпоха классицизма: 1. Кантемир и Тредиаковский; 2. Ломоносов; 3. Повествовательная и лирическая поэзия после Ломоносова; 4. Державин; 5. Драма; 6. Проза XVIII века; 7. Карамзин; 8. Современники Карамзина; 9. Крылов; 10. Роман.

Гл. 4: Золотой век поэзии: 1. Общая характеристика; 2. Жуковский; 3. Другие поэты старшего поколения; 4. Пушкин; 5. Малые поэты; 6. Баратынский; 7. Языков; 8. Поэты-метафизики; 9. Театр; 10. Грибоедов; 11. Проза поэтов; 12. Развитие романа; 13. Проза Пушкина; 14. Развитие журналистики.

Гл. 5: Эпоха Гоголя: 1. Упадок поэзии; 2. Кольцов; 3. Тютчев; 4. Лермонтов; 5. Поэзия рефлексии; 6. Драма; 7. Романисты тридцатых годов XIX в.; 8. Гоголь; 9. Проза Лермонтова; 10. Первые натуралисты; 11. Петербургские журналисты; 12. Московские кружки; 13. Славянофилы; 14. Белинский.

Гл. 6: Эпоха реализма: романисты (I): 1. Происхождение и особенности русского реалистического романа; 2. Ранние произведения Достоевского; 3. Аксаков; 4. Гончаров; 5. Тургенев; 6. Сентиментальные гуманисты; 7. Писемский; 8. Провинциальный роман.

Гл. 7: Эпоха реализма: журналисты, поэты, драматурги: 1. Критика после Белинского; 2. Аполлон Григорьев; 3. Герцен; 4. Вожди радикалов; 5. Славянофилы и националисты; 6. Поэты-эклектики; 7. Алексей Толстой; 8. Фет; 9. Поэты-реалисты; 10. Некрасов; 11. Полный упадок поэзии; 12. Драматургия, общий обзор; Тургенев; 13. Островский; 14. Сухово-Кобылин, Писемский и малые драматурги; 15. Костюмная драма

Гл. 8: Эпоха реализма: романисты (II): 1. Толстой (до 1880 г.); 2. Достоевский (после 1849 г.); 3. Салтыков-Щедрин; 4. Упадок романа в 60-е и 70-е гг. XIX в.; 5. Беллетристы-разночинцы.

Библиография включает в себя список англоязычных обзорных работ по истории русской литературы, а также список англоязычных изданий отдельных авторов и англоязычных работ о них (в последовательности глав). Далее дана краткая справка о состоянии французских и немецких переводов, а также справка об изучении русской литературы в России.

В предисловии к ИРЛ Святополк-Мирский объясняет и принципиальный дисбаланс в степени подробности рассмотрения материала: «… поскольку <ИРЛ> охватывает значительно больший отрезок времени, на который отведено ненамного больше страниц, то этот том будет менее подробным, чем предыдущий» (25). Святополк-Мирский сам указывает наиболее значительные пробелы в ИРЛ: нет «глав о русском фольклоре: на эту тему можно написать особую книгу, любого объема. Нет тут и украинской литературы, которая хотя во многом и разительно отличается, но тесно связана с литературой Великороссии» (26)[496]. Показательна двойная авторская мотивировка: «нехватка места <…> и нехватка у меня достаточных знаний» (26).

<u>«История русской литературы» в иноязычной среде</u>

Как отмечается в предисловии к ИРЛ, история России «за границей очень мало известна» (25), потому, как сообщает Святополк-Мирский, он, «*конечно*, испытывал большой соблазн расширить историческую и общекультурную часть» (25, курсив внесен). Святополк-Мирский отсылает своих читателей к «Истории России» Б. Пэрса, которая, как считает Святополк-Мирский, позволяет ему «предполагать наличие хотя бы у части моих читателей самых общих сведений по истории русской цивилизации» (25). Здесь есть очевидная двусмысленность, поскольку в другом месте той же ИРЛ Святополк-Мирский отмечает: «Я не могу себе представить человека, открывающего вот эту книгу, который бы не прочел “Войну и мир” от корки до корки» (410).

[496] При этом Святополк-Мирский в ИРЛ особо отметил такие фигуры, как И. Котляревский и его «Энеида» («имеет особый интерес и историческую важность», «начало новой украинской литературы», 98), Г. Квитка (Основьяненко) («Пан Халявский» – «заметная веха в движении к чисто физиологическому натурализму», 233), Марко Вовчок (М.А. Маркович) («стала признанным украинским классиком, и ее проза считается лучшей на украинском языке», 315).

Принципиальное положение Святополк-Мирского: «История русской литературы» написана для иностранцев[497]. Хотя один из немногих русскоязычных рецензентов, Вл. Диксон, обозревая СРЛ, и выразил сожаление по этому поводу: «… английская книга кн. Святополк-Мирского гораздо интереснее для русского, чем для иностранного читателя, ибо без довольно обширных знаний русской литературы невозможно уловить всю сущность, иногда – насмешки, часто – горечи, всегда – понимания, суждений автора <…> Радостно, что кн. Святополк-Мирский написал свою книгу, но очень прискорбно, что книга издана по-английски, а не по-русски, и что придется в будущем делать перевод этой прекрасной работы»[498].

СРЛ стала первой книгой на английском языке, посвященной новейшей русской литературе. В предисловии к СРЛ Святополк-Мирский пишет о своем движущем мотиве: «Я буду счастлив, если некоторые новые факты или мнения, изложенные на этих страницах, изменят упрощенные и поспешные выводы, сделанные англосаксами (и не только ими) о моей стране. Но я не тешу себя иллюзиями. У всеведущих гениев Запада вошло в привычку упражнять свою интуицию на русской теме – здесь они могут двигаться свободно, не стесненные избыточной, несущественной и ненужной информацией» (454). Характерно, что под «упрощенными выводами» Святополк-Мирский понимает и антирусскую направленность. Так, в ИРЛ Святополк-Мирский называет «Литературную историю России» А. Брюкнера «сильно антирусской», а «Историю русской

---

[497] См.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 83.

[498] *Диксон В.* [Рец.:] Contemporary Russian Literature by Prince D. S. Mirsky. Alfred A. Knopf. New York 1926. Современная Русская Литература, Кн. Д. Святополк-Мирский. Изд. Альфред Кнопф. Нью-Йорк, 1926 // Благонамеренный. – 1926. – № 2. – С. 169.

По неизвестным причинам Святополк-Мирский в письме к П. П. Сувчинскому крайне резко отозвался о рецензии Диксона: «… услужливый дурак опаснее врага (в частности, Диксон – совершеннейший дурак, и я ему не прощу его рецензию на мою английскую книгу в “Благонамеренном”)» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 75).

Отметим, что в русской эмиграции в 1920–1930-е гг. предпринимались попытки систематизации и ревизии русского литературного канона, в частности – в работах П. М. Бицилли. См.: *Петкова Г.* «Школьный канон» П. М. Бицилли: взгляд рецензентов // Детские чтения. – 2014. – № 1. – С. 72 –94. См. также отклик Святополк-Мирского на «Этюды о русской поэзии» (1926) П. М. Бицилли: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 172–173.

литературы» К. Валишевского – «еще более антирусской», и отмечает при этом, что оба автора – поляки[499].

«Историю» обоснованно можно рассматривать как масштабную реализацию тезиса, заявленного Святополк-Мирским в его первой англоязычной статье, вводном «Русском письме» (1920: русская литература «отвергает сомнительную привилегию быть оцениваемой по особым критериям и желает выдержать экзамен на сравнение, чисто эстетическое сравнение, с наиболее известными литературами Запада»[500].

Именно это убеждение позволяет Святополк-Мирскому утверждать, что у Гоголя, «наделенн<ого> сверхчеловеческой силой творческого воображения» «в мировой литературе <…> в этом есть равные, но нет высших)» (237), у «Войны и мира» «в европейской литературе девятнадцатого века <если и> есть равные <романы>, то превосходящих нет» (409–410), и что Достоевский «обладает творческим могуществом, которому среди людей нет соперников» (435). В «Истории» есть и ряд обобщений, касающихся места русской литературы и русской культуры в общеевропейском контексте: проза – русский реалистический роман – это «основной русский вклад в европейскую литературу, если считать таковой не сумму национальных литератур Европы, а литературу интернациональную» (271); театр – «именно Островскому суждено было создать русскую драматическую школу, русский театр, достойный стать рядом с национальными театрами Запада, если не как равный, то как сравнимый с ними» (376).

В «Истории» содержится ряд окказиональных замечаний, касающихся, в частности, уникальности русского языка: «… нет языка более богатого прекрасными пословицами, чем русский» ((128); «Только русскому языку дано счастье, пользуясь обыденной речью, создавать впечатление библейской величественности» (471).

---

[499] *Mirsky D. S., Prince.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – New York, 1927. – P. 371.
[500] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 24.

Святополк-Мирский возражает против «этнографического» подхода к русской литературе. Противоположность «этнографизму» – «всечеловечность»; именно это является причиной заслуженной всемирной славы Толстого: «Сюжеты Толстого и его трактовка их тоже усиливают всечеловеческую и уменьшают этнографическую притягательность его произведений <…> иностранный читатель понимает их без предварительной подготовки. В поздних произведениях Толстого это свойство проявилось еще сильнее. Такая всечеловечность ставит Толстого как бы в стороне от русских романистов его времени» (401). Этот же «антиэтнографический» вектор вызывает комментарий по поводу «Грозы» Островского, «трудно понимаемой для иностранца»: это – «редкий пример высочайшего шедевра, построенного исключительно на национальном материале» (382).

Святополк-Мирский видит в свою задачу в развенчании западных стереотипов о России: «Западные историки русской литературы обычно с самого начала оповещают своих читателей о том, что русская литература отличается от всех других литератур мира своей тесной связью с политикой и историей общества. Это просто неверно» (455). Именно поэтому Святополк-Мирский «включил в книгу две промежуточные главки о политике и о взаимодействии политики и литературы». Причина этого в том, «что (хотя русская революция у всех на устах) очень мало кто из родившихся к западу от Риги знает хоть какие-нибудь факты, нужные для понимания вопроса» (455).

Святополк-Мирский, таким образом, в СРЛ считает необходимым дать минимальные сведения в сфере политической истории России (нач. XX в.) и воздерживается от практики подобных «interchapters» («промежуточных главок») в ИРЛ.

Историко-литературная стратегия Святополк-Мирского в «Истории русской литературы»

В библиографическом обзоре, приложенном к СРЛ, Святополк-Мирский отметил: «Удовлетворительной истории современной русской литературы не

существует». Имеющиеся работы «написаны с определенной политико-партийной точки зрения и имеют очень мало общего с литературными фактами»[501]. «История новой русской литературы 1848–1893» А. Скабичевского аттестована как «народническая», «История русской литературы XIX века. 1800–1900» Н. Энгельгардта – как «консервативная». «История русской литературы» К. Валишевского определяется Святополк-Мирским как «поверхностная и журналистская», а «Литературная история России» А. Брюкнера – хоть и «научная», но «рассматривающая литературу исключительно с политической точки зрения»[502].

Хотя Святополк-Мирский и исходил из того, что его «История русской литературы» «изменит упрощенные и поспешные выводы» иностранцев о России, он, в то же время, настаивает, что СРЛ «не претендует на большее, чем служить “Бедекером” или “Марриевским путеводителем” по современной русской литературе» (454)[503]. Отметим в этой связи позднейшее свидетельство У.П. Эджертона: «История русской литературы» Святополк-Мирского «десятилетиями служила любимым путеводителем для английских и американских аспирантов-славистов»[504]. В свою очередь, И. Берлин подчеркивал: «книги Святополк-Мирского – это литературная критика, приносящая радость, а не учебники»[505].

Заявленная Святополк-Мирским в СРЛ позиция: он «стремился максимально придерживаться фактов, намеренно избегая обобщений» (454).

В ИРЛ Святополк-Мирский делает заявление первостепенной важности, касающееся природы фактов, рассматриваемых им в своей «Истории»: «…

---

[501] *Mirsky D. S., Prince*. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – New York, 1926. – P. 332.
[502] Ibid. – P. 332–333.
[503] Весьма вероятно, что здесь Святополк-Мирский – в имплицитной форме – отсылает к известным словам Блока в статье «О современном состоянии русского символизма» (1910): «… к моим же словам прошу отнестись как к словам, играющим служебную роль, как к Бедекеру, которым по необходимости пользуется путешественник. Определеннее, чем буду говорить, сказать не сумею; но не будет в моих словах никакой самоуверенности, если скажу, что для тех, для кого туманен мой путеводитель, – и наши страны останутся в тумане. Кто захочет понять, – поймет; я же, раз констатировав пройденное и установив внутреннюю связь событий, сочту своим долгом замолчать» (*Блок А. А.* Собрание сочинений в восьми томах / Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М.–Л., 1960–1963. – Т. 5. – С. 426). Отсылка, таким образом, сделана для русскоязычного читателя, а не для иностранцев.
[504] *Эджертон В. П.* Приключения американского слависта в Советской России (О Лескове, Эйхенбауме, Громыко и о полезности «Правды») // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига – М., 1994. – С. 336.
[505] *Berlin I.* Russian Literature: The Great Century.

история литературы занимается литературой, которая есть сверхличностное растение и для которой биография и психология – вещи второстепенные по сравнению с внеличностной эволюцией национальной литературы в целом и составляющих ее частей, т. е. отдельных жанров» (392).

Это, по сути, точное воспроизведение программы русских формалистов. Святополк-Мирский вполне осознанно в 1925 г. выделял тезис Эйхенбаума: «литературные формы – это единственная конкретная и непосредственная реальность в литературе»[506].

Святополк-Мирский декларирует: история литературы – внеличностна. Это история жанров и текстов, а не писателей. Биография писателя второстепенна. История литературы изучает литературную эволюцию, а не жизнь писателей. Как отметил Дж. Смит, «внутри автономного литературного процесса Святополк-Мирский видит литературные жанры как подчиняющиеся внутренним и внешним силам: периоды преобладания прозы сменяются периодами господства поэзии, проза, ориентированная на повествование, сменяется орнаментальной или авторефлексивной и т.д.»[507].

В СРЛ, рассматривая позднее творчество Л. Толстого, Святополк-Мирский сделал не менее значимое заявление: «Само произведение для нас важнее, чем факты, которые легли в его основу. Факты имели место в свое время и не существуют более» (470). Это важнейшее усиление тезиса о текстоцентричности истории литературы. Святополк-Мирский противопоставляет текст писателя не только писательской биографии, но и породившим его обстоятельствам и фактам.

Святополк-Мирский потому и отвергает предшествующую ему российскую критическую традицию, что она пользовалась литературными текстами лишь как «картами или фотографиями современной русской жизни, как предлогом для социальной проповеди» (344), как он выразился, говоря о Добролюбове.

Святополк-Мирский настаивает на изучении литературного текста как самодостаточной, автономной реальности. В этом он как историк литературы

---

[506] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 106.
[507] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 111.

смыкается с собой как литературным критиком, провозгласившим в статье 1926 г. «О нынешнем состоянии русской литературы» «право литературной критики, судить по литературным признакам»[508]. В предисловии к СРЛ Святополк-Мирский писал: «… берусь утверждать, что моя совесть литератора свободна от политических пристрастий, что как литературный критик я одинаково честно отношусь ко всем: к реакционеру Леонтьеву, к либералу Соловьеву, к большевику Горькому, к “белогвардейцу” Бунину и коммунисту Бабелю. Мои суждения могут быть личными и субъективными, но эта субъективность вызвана не партийно-политическими, а литературными и ”эстетическими” пристрастиями» (455–456).

Представляется уместным соотнести подход Святополк-Мирского с позицией Ю.И. Айхенвальда, выраженной еще в 1906 г. в его книге «Силуэты русских писателей». Святополк-Мирский упомянет Айхенвальда в англоязычной статье 1920 г., объединяя его с К. Чуковским и аттестуя его как «иногда приятного для чтения, но редко надежного проводника», для которого характерны «отсутствие идей» и «субъективность»[509], а в СРЛ выскажется остро-критически: «Айхенвальд беспредельно эклектичен и тошнотворно сладок. О его стиле говорили, что это толстый слой патоки, под которым невозможно отличить Тургенева от пошлейшего лирического журналиста» (817).

Между тем, во вступлении («Теоретические предпосылки») к первому выпуску «Силуэтов русских писателей» Айхенвальд рассматривает те самые вопросы, которые являются ключевыми и для «Истории» Святополк-Мирского. Один из ключевых – вопрос об оценке литературного произведения в историко-литературном дискурсе. По Айхенвальду, «привнесение момента ценности само по себе уже строгую наукообразность разрушает»[510]. «В литературе <…> обойтись без оценки, без эстетики, невозможно: художественную критику вольно или невольно, сознательно или бессознательно привлекают в свою дисциплину все историки литературы, за пределами качественности они не держатся»[511].

---

[508] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 222.
[509] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 26.
[510] *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей / Предисл. В. Крейда. – М., 1994. – (Прошлое и настоящее). – С. 17.
[511] Там же. – С. 18.

Айхенвальд настаивает на том, что «факты словесности – слова»[512], а не идеи и не биография писателя, и что «биография приемлема только там, где она с творчеством сливается, и что если между ними – разлад, то критик должен считаться не с биографией, а с творчеством»[513]. Нарушение этого важнейшего для Айхенвальда принципа привело к тому, что «не только наша критика, но, что гораздо хуже, и наша наука стала публицистикой. Попранная методология за себя отомстила, и в результате, в печальном результате, у наших исследователей не получилось ни истории литературы, ни истории общественности»[514]. Критическая, негативная часть «теоретических предпосылок» Айхенвальда почти целиком может быть отнесена и к историко-критической позиции Святополк-Мирского. В положительной части, однако, Айхенвальд предлагает «метод имманентный, т.е. когда исследователь художественному творению органически сопричащается и всегда держится внутри, а не вне его»[515]. В виде афоризма это звучит так: «От психологии должна ожидать себе откровений история литературы»[516]. Представляется, что именно имманентно-психологический метод Айхенвальда Святополк-Мирский и определял как «субъективизм», «в редких случаях надежный» в качестве проводника. Т.е., во многом совпадая с Айхенвальдом в негативной части[517], Святополк-Мирский не находит в Айхенвальде союзника в части конструктивно-созидательной и затушевывает точки схождения[518].

При этом тот историко-литературный нарратив, который создает в «Истории» Святополк-Мирский, в известной степени противоречит его собственной теоретической установке. С одной стороны, Святополк-Мирский, как

---

[512] Там же. – С. 24.
[513] Там же.
[514] Там же. – С. 23.
[515] Там же. – С. 24.
[516] Там же. – С. 19.
[517] В 3-ем выпуске «Силуэтов русских писателей» Айхенвальд исключительно резко отозвался о предпринятой Брюсовым попытке завершить «Египетские ночи» Пушкина (Там же. – С. 397–398). Святополк-Мирский также придерживался негативного мнения об этом предприятии Брюсова, высоко ценя проделанную В. М. Жирмунским работу в книге «Валерий Брюсов и наследие Пушкина» (*Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 34), однако не ссылаясь на Айхенвальда как на возможного союзника.
[518] Представляется возможным, что негативная оценка Айхенвальда в СРЛ (1926) связана и с критическим отзывом Айхенвальда (Руль. 1925. 10 июня. № 1372) о высоко ценимом Мирским «Молодце» Цветаевой. См. об отзыве Айхенвальда: *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи / Изд. 2-е, испр. и доп. – М., 2015. – С. 300–301.

и заявлено им самим, описывает историю различных родов и жанров литературы и их эволюцию. С другой же, он создает исключительную по многообразию портретную галерею действующих лиц русской литературы. Именно этот портретно-биографический ракурс позволил Святополк-Мирскому, по словам И. Берлина, «преуспеть в спасении различных авторов от незаслуженного забвения и в знакомстве с именами, до того малознакомыми вне России – причем таким образом, который привлекал западных читателей к их же большой и постоянной выгоде»[519]. Причем Святополк-Мирский создает не только лаконичные и конденсированные биографические очерки о писателях, но и находит в своей «Истории» место для переводчиков, критиков, редакторов, издателей, журналистов, режиссеров, актеров. Особо нужно отметить рассмотрение Святополк-Мирским деятельности русских мыслителей конца XIX – нач. XX в., этому посвящена целая глава (четвертая) в СРЛ.

При этом Святополк-Мирский не только рассматривает и включает в свой авторский пантеон фигуры и явления, традиционно не включаемые в систематические обзоры изящной словесности, но и аттестует их в превосходных степенях. Так, Иван Аксаков охарактеризован как «величайший из русских политических журналистов после Герцена» (348), а «Былое и думы» Герцена оценены не только как произведение художественной литературы, но и как труд историка: «Это великая историческая классика» (342).

Особое внимание Святополк-Мирский уделяет эпистолярному наследию и создает при этом своеобразную иерархию: «После Пушкина (у которого нет соперников) Соловьев без сомнения лучший русский мастер эпистолярного жанра и далеко позади третий – Чехов» (546); «Если пушкинские письма не имеют себе равных по гибкости и свежести, то Грибоедов – первый из русских писателей по остроте и силе фразы» (191); письма А. Григорьева – «… пожалуй, интереснейшие на русском языке. По искренности, страстности и разнообразию эмоциональной окраски им почти нет равных» (330).

---

[519] *Berlin I.* A View of Russian Literature.

При этом Святополк-Мирский готов буквально опровергнуть свой собственный тезис о «второстепенности биографии». Так, говоря о М.П. Погодине, он замечает: «Как личность Погодин гораздо интереснее, чем как писатель. «В сущности, он один из самых любопытных и сложных характеров современной русской истории, соединяющий в себе самые противоречивые черты <…> Всем знавшим его он внушал более или менее сильное отвращение; и все-таки была в нем такая значительность и внутренняя сила, что гениальный и сумасбродный Аполлон Григорьев взирал на него снизу вверх и считал его своим единственным учителем и руководителем» (259).

Святополк-Мирский, таким образом, создает нарратив, в котором одновременно сосуществуют два параллельных ряда: историко-эволюционный и, вопреки заявленному тезису, личностный, биографический. Именно наличие второго ряда позволяет Святополк-Мирскому давать свои оценки той или иной творческой индивидуальности (об оценках Святополк-Мирского см. ниже).

В рассмотрении эволюции форм и жанров Святополк-Мирский принципиально и последовательно историчен. Причем речь тут идет не только о формальной верности фактам, но и о важнейшей для Святополк-Мирского категории в историко-культурном письме – «исторической интуиции». Именно ее Святополк-Мирский выделял как важнейшее достоинство у Герцена (338) и А. Григорьева (331).

Святополк-Мирский совмещает внеличный историко-жанровый и личностный биографическо-портретный подход. Одним из важнейших инструментов для Святополк-Мирского является понятие о «нормальном развитии литературы» (459) (“the normal development of literary art”, 4). Оно заключается в «передаче традиций мастерства» (459). Индивидуальное мастерство плодотворно именно в этой перспективе. Потому Святополк-Мирский, исключительно высоко оценивая поэзию Державина, замечает: «единственный ее недостаток в том, что великий поэт не был ни примером, ни учителем мастерства» (103). Святополк-Мирский распространяет этот принцип и на нелитературные

виды деятельности. Так, он определил театр Станиславского как «бесплодное совершенство», поскольку «у него не было завтрашнего дня» (806).

Мастерство – это владение формальным ремеслом. Кризис 1870–1880-х гг. Святополк-Мирский объясняет тем, что «великие русские романисты были величайшими мастерами своего дела, даже те из них, кто, как Толстой, всячески скрывал это и делал вид, что презирает “форму”. Но они действительно скрывали и делали вид, что презирают “форму”» (459). Под влиянием критиков-утилитаристов «вступавшие на литературное поприще без труда прониклись новым учением, гласившим, что форма – ничто, а содержание – все. Это сделало невозможной передачу традиций мастерства <…> Молодые не могли воспользоваться примером старших из-за табу, наложенного на все проблемы формы. Они могли только бессознательно и бессмысленно копировать их, но никак не творчески их осваивать» (459). Перерыв в традиции литературного мастерства Святополк-Мирский напрямую связывает с более широким общественно-культурным процессом – возникновением интеллигенции. В числе ее определяющих идей Святополк-Мирский называет «неуважение к традициям» (268).

Если прекращение «передачи традиций мастерства» 1870–1880-х гг. имеет, по Святополк-Мирскому, причины в пропаганде критиков, то, например, говоря об упадке поэзии с 1830-х гг., Святополк-Мирский дает лишь его метафорическое описание, никак не объясняя причин: «Высочайший уровень, установленный Золотым веком для поэзии, рано начал снижаться. Гармония, благородство, сдержанность, непогрешимое мастерство великих поэтов – от Жуковского до Веневитинова – вскоре были утрачены. Поэтическое искусство выродилось либо в ничем не выдающуюся пустую аккуратность, либо в столь же пустое остроумие, не подкрепленное вдохновением, либо в бесформенный шум неочищенных эмоций» (203).

<u>Литературные поколения</u>

Уместно соотнести высказывания Святополк-Мирского о трансляции навыков мастерства с одной из ключевых идей Святополк-Мирского – о поколениях в русской литературе (и, шире, культуры)[520].

Можно суммировать высказывания Святополк-Мирского в СРЛ и ИРЛ следующим образом, с учетом того, что Святополк-Мирский определяет поколение в диапазоне от 15 до 25–30 лет:

Поколение родившихся между 1830 и 1850 гг.: «нисколько не беднее талантами <предшествующего поколения>, но эти таланты не уходили в литературу. То было поколение великих композиторов (Мусоргский, Чайковский, Римский-Корсаков), великих ученых (как, например, Менделеев), замечательных художников, журналистов, адвокатов и историков. Но его поэты и романисты вербовались среди второстепенных талантов. Словно бы нация растратила на литературу слишком много сил и теперь стремилась возместить это, отдавая своих гениев другим искусствам и наукам» (458–459). Святополк-Мирский описывает результат этого: «Шестидесятые-семидесятые годы <XIX в.> в истории русской литературы – время, когда великие произведения создавали люди предшествующих поколений; молодое поколение, поглощенное иными видами деятельности, могло отдать литературе только своих “запасных”. И когда с приближением восьмидесятых годов атмосфера стала меняться, молодое поколение все еще не могло предъявить ничего, сравнимого с творениями их отцов» (462).

Святополк-Мирский также говорит о «поколении 1860 года», оно представлено, в первую очередь, Н. Помяловским и пыталось «порвать с установившейся формой романа». Попытка оказалась неудачной, поскольку

---

[520] О понятии «поколение» в социокультурном измерении см.: *Зенкин С. Н.* «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социо-культурном контексте XX века. – М., 2005. – С. 130–136; *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. – М., 2005. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LII). – С. 13–21. См. также: *Лавров А. В.* «Рожденные в года глухие»: Александр Блок и З.Н. Гиппиус // *Лавров А. В.* Этюды о Блоке. – СПб., 2000. – С. 261–265; *Обатнин Г.* «Восьмидесятники» и «потерянное поколение 1914 года» // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. – М., 2009. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LXXV). – С. 450–483.

«атмосфера была неподходящей для такого развития, и дело кончилось ничем» (459).

Поколение родившихся между 1825 и 1850 гг.: «оказалось поэтически самым бесплодным из всех в истории России. С 1860 г. и до конца семидесятых не появилось ни одного хотя бы средне одаренного поэта» (372)[521]. Единственная оговорка, которую делает Святополк-Мирский, касается Случевского. В другом месте СРЛ Святополк-Мирский уточняет свой вердикт: «Даже по сравнению с тогдашними романистами поэты, родившиеся между 1830 и 1850 гг., вызывают только презрение» (501).

Поколение родившихся между 1865 г. и 1880 г.: «(это значит – странное совпадение! – между датами появления первого и последнего великих романов <Достоевского>), были буквально пропитаны идеями <Достоевского> и его мышлением» (436). Это печатное высказывание 1927 г. важно соотнести с эпистолярным, относящимся к 1926 г.: «… поколение, рожденное в годы злотворчества Достоевского (“Записки из подполья”, 1864–1881!) не принесет чистого плода»[522].

Исключительно важно высказывание Святополк-Мирского в статье «О нынешнем состоянии русской литературы», опубликованной в 1926 г. по-русски в журнале «Благонамеренный»: «Литературное поколение, рожденное после 1881 <года>, творчески слабее всех поколений 19-го века, кроме того, беднейшее изо всех, которое родилось после Лескова <1831 г. – М.Е.> и раньше <Владимира> Соловьева <1853 г. – М.Е.>. Особенно заметно его сравнительная бедность после предыдущей четверти века – от Соловьева, Розанова, Анненского и Чехова до Ремизова, Блока и Белого. В “глухие годы” между 1-м марта <1881 г.> и убийством Плеве <1904 г.> <…> русская почва родила плохо»[523] (223).

---

[521] Ср.: «После смерти Лермонтова возникло всеобщее убеждение, что эпоха поэзии миновала. В пятидесятые годы началось некоторое оживление интереса к поэтам и к поэзии. Но в шестидесятые годы школа Писарева начала систематическую борьбу против стихов вообще, и улюлюканьем некоторых самых выдающихся поэтов заставили замолчать. Поэзия современников великих романистов была менее значительной – и чем поэзия предшествовавшего им Золотого века, и чем художественная проза, создававшаяся в их время». (350)

[522] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 57.

[523] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 223.

Можно, таким образом, реконструировать схему литературных поколений XIX в. по Святополк-Мирскому: «отцы» и подлинные творцы – деятели Золотого века[524], в поэзии – Пушкин и его современники, в прозе – великие романисты (Толстой, Тургенев, Достоевский). «Когда, один за другим, стали исчезать старики, места их оставались пустыми. Перелом произошел вскоре после 1880 г.» (458). На протяжении XIX в. происходит постепенное оскудение. «Поколение 1860 г.» (здесь: время активности, а не год рождения) не смогло изменить этого направления. Творческий потенциал был у поколения родившихся между 1853 г. и 1881 г., но оно «не принесет чистого плода». В период 1881–1904 гг. русский творческий потенциал ослаблен.

При этом Святополк-Мирский исходит из того, что понятие «поколение» предполагает не только существование некоего совокупного творческого потенциала, но и общность в оценках. Так, в предисловии к СРЛ он замечает: «… я полагаю, что мой вкус до некоторой степени отражает вкусы моего литературного поколения и что компетентному русскому читателю мои оценки не покажутся парадоксальными» (456)[525]. Весьма показательно, что из текста СРЛ невозможно понять, какого возраста сам Святополк-Мирский и, соответственно, к какому поколению он принадлежит. Важно и то, что Святополк-Мирский говорит о *литературном* поколении, а не просто о некой группе сверстников.

В цитированной статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926) Святополк-Мирский призывал критиков «по мере сил отрешиться от своих личных вкусов и традиционных предрассуждений» и иллюстрировал это следующим образом: «Вкус дело изменчивое и сегодняшние литературные консерваторы были тридцать лет тому назад скучными пакостниками или забавными кривляками в оценке консерваторов тогдашних»[526].

---

[524] Отметим, что Серебряным веком Мирский называет период 1840–1860 гг. (350).

[525] Ср. приватную запись Л. Гинзбург 1920-х гг.: «Нашу науку создали не символисты, а люди символистически-футуристической эпохи, авторы плохих стихов; дилетанты, совместившие начатки поэтического опыта, без которого невозможно приобщение к условной магии ремесла, с психологической возможностью подавлять этот опыт, подчинять его интересам чистого исследования и обобщения» (*Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб., 2002. – С. 35.)

[526] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 222.

В предисловии к СРЛ Святополк-Мирский заметил, что «конечно, нет непогрешимых литературных вкусов, но не надо думать, что чем они новее, тем точнее. Однако все-таки издалека виднее» (456). При этом Святополк-Мирский снова апеллирует к поколенческо-групповым ценностям: «В России большое значение, которое я придаю Лескову, Леонтьеву, Розанову, символистам (главным образом Белому, а не Бальмонту) и Ремизову, стало общим местом, тут я не оригинален» (456). Святополк-Мирский тут же усиливает этот тезис: «Точно так же мое прохладное отношение к Мережковскому, к Арцыбашеву, к символизму Андреева, к Горькому (среднего периода), к большей части поэзии Бальмонта – свидетельство моего стадного чувства» (456)[527].

Оценки и характеристики в «Истории русской литературы»

Заявленные Святополк-Мирским «неоригинальность» и «стадное чувство» в литературных оценках не уменьшили индивидуальный оценочный характер многих суждений Святополк-Мирского в СРЛ и ИРЛ. Отметим, что в этом различимо одно из важнейших расхождений Святополк-Мирского с русскими формалистами, которые, как отмечал сам Святополк-Мирский, «старательно избега<ют> выражать свои предпочтения и антипатии»[528]; или, как Святополк-Мирский определил это в СРЛ, формалисты «анализируют и описывают – но не судят» (818).

И. Берлин отмечал, что в «Истории» «Святополк-Мирский расточал великолепные панегирики тем писателям, которые, по не всегда ясным причинам, восхищали или волновали его, и яростно атаковал писателей – больших и малых, гениев и забытых поденщиков – кому привелось раздражать или утомлять его»[529]. При этом Берлин отмечает, что даже «самые горячие поклонники Святополк-

---

[527] Мирский говорит о *своем* стадном чувстве: «… rather a proof of *my* gregariousness then otherwise» (*Mirsky D. S., Prince*. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – New York, 1926. – P. X, курсив внесен). В опубликованном русском переводе – искажение смысла: «свидетельство *их* стадного чувства» (456). Здесь – перевод исправлен.
[528] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 107.
[529] *Berlin I.* A View of Russian Literature.

Мирского не пожелают утверждать, что Святополк-Мирский заботился о том, чтобы его яркая личность не заслоняла предмет исследования»[530].

Современные Святополк-Мирскому англоязычные рецензенты отмечали как характерную особенность субъективизм оценок Святополк-Мирского в «Истории». Напр.: «Он явным образом пристрастен в своих мнениях и он нигде не объясняет свои принципы оценки (standards)»[531]. Александр Каун отмечал сочетание «социально-политической объективности» Святополк-Мирского и «субъективных литературных оценок»: «Книга <СРЛ> изобилует поразительными суждениями и произвольными вердиктами, провозглашенными в лаконической форме и часто без поддержки доказательством или примером». При этом А. Каун констатирует: «Нас может раздражать аксиоматический тон, с каким Мирский делает свои спорные утверждения, нас может возмущать его равнодушное отношение к большинству рассматриваемых им писателей, и нас могут задевать его оскорбительно-невнимательные (slighting) замечания о Чехове и Андрееве. Но мы вынуждены снять наши шляпы в уважении перед независимой и блестящей индивидуальностью молодого критика. Главы о Толстом после 1880 г., о Сологубе и Блоке – жемчужины литературной критики»[532].

Важно отметить, что сам Святополк-Мирский разграничивал в историко-литературном дискурсе истолкование и оценку; так, в СРЛ он отметил, говоря о литературной критике русских символистов: «Гиппиус <…> и Брюсов выносили критические приговоры: они были судьями, а не истолкователями» (816).

Исключительно важно то, что Святополк-Мирский последовательно избегает каких-либо парафразов или пересказов содержания рассматриваемых произведений за редчайшими исключениями (напр., Чехов). Как отметил Дж. Смит, причиной этого могла быть доступность текстов в английских переводах, по крайней мере, когда дело касалось прозы до 1910-х гг.[533] Когда речь идет об

---

[530] Ibid. .

[531] <Anon.> [Rev.] Contemporary Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. (Routledge.) (Book Review) // The Spectator. – 1926. – July 17. – P. 105.

[532] *Kaun A.* [Rev.] Contemporary Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. New York: Alfred Knopf, 1926. (Book Review) // The Saturday Review of Literature. – 1926. – September 4 . – Vol. III. – № 6. – P. 86, 87.

[533] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 109.

известных произведениях, Святополк-Мирский позволяет себе заметить, напр., об «Исповеди» Толстого: «Нет смысла давать здесь подробный анализ этой вещи, поскольку все цивилизованные люди, надо думать, ее читали. Пересказывать ее своими словами было бы самонадеянно, вырывать цитаты из целого – разрушительно» (470). Или – о «Войне и мире»: «Останавливаться на отдельных характерах нет необходимости» (412). Святополк-Мирский предпочитает метод «описательной критики» (см. п. 2 гл. 1 наст. диссертации). Поэтому никакой эксплицированной системы оценок в обоих томах «Истории» не содержится. Только в отдельных случаях в тексте «Истории» удается найти мотивировку того или иного авторского утверждения. Так, напр., утверждения Святополк-Мирского, что А.К. Толстой является «без сомнения, величайшим из русских юмористических поэтов-абсурдистов» (355), что «Сон Попова» – «чистое наслаждение веселой нелепицей» (356), а прутковская комедия «Фантазия» («жемчужина прутковской коллекции») – «самая абсурдная пьеса на русском языке» (356), находит себе обоснование в афористичном высказывании, содержащемся в *другом* томе «Истории», СРЛ, о «благородном даре абсурдности, который приравнивает человека к богам» (551). Однако такие параллели принадлежат к числу единичных.

Количество однозначно-негативных оценок Святополк-Мирского в общем объеме «Истории» невелико. К их числу относятся:

– оценка «Путешествия из Петербурга в Москву» Радищева: «Стиль этой книги – настойчивая и однообразная риторика; ее русский язык необыкновенно неуклюж и тяжел. <…> Судя по всему, он написал ее просто из литературного тщеславия и она не более чем риторическое упражнение на тему, подсказанную и разработанную Рейналем. Как бы то ни было, книга лишена литературных достоинств» (111–112).

Однако Святополк-Мирский тут же отмечает, что «Радищев был и поэтом – и немалого таланта» и относит «Сафические строфы» к числу «прелестнейших лирических стихов столетия» (112).

– оценка «Маскарада» Лермонтова: «Хотя яркий риторический стих, которым написана пьеса, много лучше прозы его ранних драм, других достоинств пьеса не имеет, являясь, как и они, напыщенной мелодрамой с нереальными персонажами» (251).

– оценка «Обрыва» Гончарова: «В нем ясно видны все недостатки писателя <…> и – непреодолимая душевная *мелкость*» (291, курсив Святополк-Мирского).

– оценка трех романов Тургенева: ««Накануне» – «бесспорно самый плохой из всех романов Тургенева зрелой поры» (309); «Дым» – «самый плохо построенный из его романов» (310); «Новь» – полная неудача, незамедлительно признанная таковой» (310).

– оценка «Русских женщин» Некрасова: «написанное без вдохновения механическое переложение воспоминаний княгини Волконской, жены декабриста» (370).

– оценка Леонида Андреева: «За исключением нескольких <…> рассказов, Андреев как писатель практически мертв <…> Андреев был дилетантом формы, с большими претензиями и без такта» (609–610)[534].

Однако наиболее радикальной – с определенно негативными коннотациями – оценки удостоились «Борис Годунов» Пушкина и проза Чехова.

Святополк-Мирский уже критически высказывался о «Борисе Годунова» в своей книге о Пушкине (см. п. 2. гл. 2 наст. диссертации), однако в ИРЛ, сохраняя общий контур аргументации, он не повторяет свой предшествующий текст. Давая в ИРЛ характеристику пушкинскому «Борису», Святополк-Мирский исходит из того, что это – «скорее, одна из незрелых, подготовительных работ Пушкина». По Святополк-Мирскому, она менее зрела и менее совершенна, чем ее предшественники; Святополк-Мирский приводит в качестве примера «Цыган» и первую главу «Онегина». Святополк-Мирский критикует Пушкина и за следование Карамзину, и за «сентиментальную трактовку», и за «особенно

[534] К субъективным внелитературным оценкам Святополк-Мирского относится, напр., определение Огарева как «в значительной степени злого гения» Герцена (228), с мотивировкой: «не потому, что у него были какие-нибудь дурные намерения, но потому, что у него совершенно отсутствовал политический такт, отличавший его великого сотрудника» (228).

монотонную форму белого стиха», и за конструкцию, которая «скорее повествовательна, чем драматична» (164–165).

Святополк-Мирский объясняет, что эти недостатки – недостатки пьесы, которая предназначена для театральной постановки. Если же воспринимать «Бориса» как пьесу для чтения, то меняется и оценка: в таком случае пьеса «мастерски написана». Далее Святополк-Мирский перечисляет достоинства «Бориса» уже в этом ключе: прозаические сцены («в предшествующей русской литературе их просто не с чем сравнить», 165), сцену убийства Бориса и финальную сцену. Итог, к которому приходит Святополк-Мирский: влияние пушкинского «Бориса Годунова» «было широким, но не было значимым внутренне – России так и не удалось создать оригинальную “шекспировскую” трагедию» (165). Соответственно, «мечта Пушкина увидеть, как <”Борис Годунов”> произведет революцию на русской сцене, так никогда и не осуществилась» (165).

Святополк-Мирский также делал серьезные оговорки, рассматривая прозу Пушкина. По Святополк-Мирскому, она была для Пушкина «языком иностранным, которым он овладел путем более или менее старательного изучения», потому в ней «всегда есть ощущение некоей скованности, недостаточной свободы, подчинения своду каких-то правил, чего никогда не бывает в его поэзии» (195–196).

Если оценки Святополк-Мирского Пушкина принадлежали исключительно к русско-литературному дискурсу и могли быть оценены лишь гипотетическими русскими читателями, то оценка Чехова была явно ориентирована на англоязычную аудиторию. Святополк-Мирский считал западный (в первую очередь – английский) культ Чехова «непостижимым капризом», символизирующим «умственное одряхление передовой элиты западного мира» (391)[535]. В СРЛ Святополк-Мирский отметил: «Английские поклонники Чехова

[535] Подобное отношение вызывало непонимание у близких Святополк-Мирскому англичан. Дж. Э. Харрисон писала Мирскому в 1924 г.: «Если, напр., “Студент” – плохая литература, то тогда я никогда не узнаю, чем хорошая отличается от плохой, и какой смысл имело учить русский язык» (Jane Ellen Harrison: Forty seven letters to D. S. Mirsky, 1924–1926 / Ed. by G. S. Smith // Oxford Slavonic Papers. New series. – 1995. – Vol. XXVIII. – P. 73).

считают, что все, что он сделал, прекрасно. Находить в Чехове недостатки – кощунство. И все-таки их надо указать» (562). К числу недостатков Чехова Святополк-Мирский отнес «полное отсутствие индивидуальности в чеховских персонажах и в их манере говорить», язык персонажей, которые «говорят бесцветным и скучным газетным языком» (562) и собственно русский язык самого Чехова. Он, по Святополк-Мирскому, «бесцветный и лишенный индивидуальности»: у Чехова «не было чувства слова. Ни один русский писатель такого масштаба не писал таким безжизненным и безличным языком» (562). Именно поэтому, «Чехова так легко переводить» (562–563), что, как можно понять, и способствовало, по Святополк-Мирскому, росту популярности Чехова на Западе.

Однако было бы неверным видеть данную Святополк-Мирским характеристику Чехова как негативную и поверхностную. В посвященной Чехову главе Святополк-Мирский подробно разбирает раннюю и зрелую прозу, драматургию, характеризует поэтику Чехова. «Каштанка» охарактеризована как «шедевр», «Спать хочется» – как «жемчужина» (553). Проза 1890-х гг. аттестована следующим образом: «почти все без исключения – совершенные произведения искусства» (555). «В архитектурном единстве Чехов превосходит всех русских писателей реалистической эпохи» (558).

Святополк-Мирский вводит исключительно значимое противопоставление: искусства Чехова и мировоззрения Чехова. «Как искусство чеховский метод активен <…> <он >основан на <…> четком и сознательном *отборе* материала и на <…> сложном и тщательном его расположении» (556, курсив Святополк-Мирского). Как мировоззрение (слово, которое Святополк-Мирский заключает в кавычки) – «метод глубоко пассивен <…>, поскольку представляет собой полную сдачу на милость “микроорганизмов” души, ее разрушительных микробов» (556). Святополк-Мирский возражает против представления, что у Чехова был «культ слабости и бездействия»: «На самом деле у Чехова не было другого способа проявить сочувствие своим персонажам, кроме как показать подробно процесс их подчинения своим микробам» (556). Данная Чехову в СРЛ характеристика может

служить примером корректности оценок Святополк-Мирского, который стремится к объективному и многостороннему рассмотрению литературного материала. Историко-литературная дистанция, проявленная в СРЛ, может быть увидена в сравнении с эпистолярным высказыванием Святополк-Мирского 1924 г.: «… не люблю я Чехова. <…> Чехов ниже и Тургенева, и Лескова, и Писемского, и даже Кущевского. <…> Письма его тоже противные. Гадкая презрительная гуманность, жалость, презрение и брезгливость к человечеству, ни одной умной мысли. Нет – берите Чехова и уберите его куда-нибудь подальше»[536]. Напомним, что в СРЛ Святополк-Мирский назвал Чехова третьим после Пушкина и В. Соловьева мастером эпистолярного жанра (546).

В СРЛ Святополк-Мирский описывает конец XIX в. через фигуры Толстого и Достоевского: Толстой – «одинокий гигант, несоразмеримый с пигмеями, толпившимися у его ног» (462), Достоевский – «величайший симптом духовного разложения русской души на высочайших ее уровнях, которое предшествовало окончательному распаду царской России» (436). Эта по видимости нигилистическая картина неуклонного упадка мастерства и духовного разложения находится, однако, в очевидном контрасте с той панорамой русской литературы, которую дает сам Святополк-Мирский в обоих томах «Истории».

Говоря о Достоевском-публицисте, Святополк-Мирский особо выделил как «одну из самых привлекательных» его черт «способность к безграничному восторгу и восхищению», добавляя, что «большая часть этих чувств пошла на Пушкина. Но с таким же энтузиазмом он говорит о Расине, и мало есть на свете примеров более благородно возданной дани ушедшему литературному и политическому противнику, чем некролог Достоевского Некрасову» (426).

В СРЛ и, в большей степени, в ИРЛ Святополк-Мирский демонстрирует свою собственную «способность к восхищению», создавая своеобразный пантеон русской литературы и аттестуя в превосходных степенях произведения различных авторов и жанров.

Дадим несколько наиболее показательных примеров.

---

[536] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 30–31.

– Дельвиг, «Купальницы»: «без сомнения, высочайшее достижение русской поэзии в чисто чувственном восприятии классической древности» (143).

– Гоголь: «Это один из самых изумительных, неожиданных, в точнейшем смысле оригинальных миров, когда-либо созданных художником слова. Если считать мерой оценки писателей их чистую творческую мощь, то Гоголь величайший русский писатель» (241).

– Языков, «К Рейну»: «один из величайших триумфов русского словесного искусства» (180).

– Тютчев, «Сон на море»: «по дикой красоте ни с чем на русском языке не сравнимое <стихотворение>» (214).

– Лермонтов, «Ангел»: «может быть, самое изумительное *романтическое* стихотворение на русском языке. Оно совершенно» (221, курсив Святополк-Мирского).

– Тургенев, «Затишье»: «Это выходит за рамки литературы, поднимается до поэзии – не по красоте отдельных слов и частей, но по чистой силе внушения и насыщенной значимости» (307).

– Толстой, «История вчерашнего дня»: «Абсолютная оригинальность “Истории вчерашнего дня” осталась непревзойденной» (404).

– Достоевский, «Записки из подполья»: «<Произведение> выходит за пределы искусства и литературы, и место его среди великих мистических откровений человечества» (429).

Последняя характеристика принадлежит к числу редчайших у Святополк-Мирского; в «Истории» ее – по внелитературной мотивировке – можно сравнить (хотя и в совершенно ином жанре) с аттестацией «Еду ли ночью по улице темной» Некрасова: «… поистине бессмертное стихотворение, которое столь многие (среди них Григорьев и Розанов) прочувствовали и осознали как нечто большее, чем стихи» (370).

В «Истории», в особенности в ИЛР, Святополк-Мирский вводит в «большую историю» литературы – и часто с исключительно высокими оценками – писателей, традиционно относящихся ко второму ряду.

Самый показательный пример этого – творчество И.А. Кущевского, которого Святополк-Мирский определяет как «одного из самых восхитительных и наименее признанных русских писателей» (449). Святополк-Мирский аттестует роман Кущевского «Николай Негорев» в превосходных степенях: персонажи «могут выдержать сравнение с героями “Войны и мира” и «принадлежат к высочайшим достижениям русской литературы», а роман в целом «с исторической точки зрения <…> дает непревзойденную картину» России сер. XIX в.; «у Кущевского – единственная в русской литературе тонкость штриха. По живости и легкости юмора эта книга не имеет себе равных» (449).

К числу значимых позитивных переоценок или оценок в превосходных степенях относятся:

– оценка прозы А.П. Бенитцкого: «По изяществу и ясности его стиль превосходит все, написанное в России в прозе до Пушкина» (130–131).

– характеристика песен Н.Г. Цыганова (206).

– характеристика творчества Я.П. Буткова: «Его “Петербургские вершины” <…> – важнейшая веха человеколюбивой литературы, между гоголевской “Шинелью” и “Бедными людьми” Достоевского» (254, 255).

– оценка исторических драм А.Ф. Писемского (386–387).

– характеристика творчества Н.С. Соханской-Кохановской (325).

– оценка поэзии Н.Ф. Щербины (352).

– характеристика творчества Н.Г. Помяловского (445).

В «Истории» Святополк-Мирский часто и широко использует понятие «шедевр» (давая его в оригинальном французском написании: «chef-d’œuvre»), под которым понимает не просто выдающееся, а лучшее произведение искусства – как в пределах творчества конкретного автора («единственный и незабываемый шедевр, в котором <автор> бы выразился весь», 592), так и – в отдельных случаях – в контексте русской литературы в целом.

Напр., «Исповедь» Толстого – «шедевр литературного языка» (469), «Хаджи-Мурат» – «шедевр высшего порядка» (481), «Три разговора» Вл. Соловьева – «настоящий шедевр» (543), «”Моя жизнь” может считаться шедевром

Чехова – пожалуй, превосходит ее только “В овраге”» (558); «Двадцать шесть и одна» Горького – «сомнений не остается: это шедевр» (583). «С того берега» Герцена аттестована как «шедевр <Герцена> и <его> главная заявка на бессмертие» (335).

Святополк-Мирский исходит из представления, что существует некий «шедевр русской прозы» и «шедевр русской поэзии», т.е. два главных и лучших произведения из всех существующих. На роль первого Святополк-Мирский предлагает «Тамань» Лермонтова, с мотивировкой (требующей учета отношения Святополк-Мирского к Чехову): «пожалуй, <….> шедевр русской художественной прозы. Так, во всяком случае, считал Чехов» (252).

Шедевром русской поэзии Святополк-Мирский предлагает считать «Сказку о царе Салтане» Пушкина и дает этому следующее объяснение: «Чем дольше живешь на свете, тем больше склоняешься к тому, чтобы считать “Царя Салтана” шедевром русской поэзии. Это чистейшее искусство, свободное от не относящихся к делу эмоций и символов – “чистая красота”, “вечная радость”. Это и самое универсальное искусство, потому что одинаково нравится шестилетнему ребенку и культурнейшему читателю стихов шестидесяти лет. Понимания не требуется, воспринимается оно прямо, бесспорно, непосредственно. Сказка не фривольна, не остроумна, не юмористична; она легка, она веселит, она подбодряет. И есть в ней высокая серьезность, ибо что может быть серьезнее, чем создание мира совершенной красоты и свободы, открытого для всех?» (162–163).

Святополк-Мирский осознает высокую степень дискуссионности своего тезиса о «Сказке о царе Салтане» и вводит при этом – в имплицированном виде – представление о некоем социологическом, статистическом консенсусе: «Я прекрасно понимаю, что вряд ли большинство проголосует за то, чтобы считать “Царя Салтана” пушкинским шедевром. Большинство сойдется на последней поэме Пушкина – “Медный всадник”» (163). Тут же Святополк-Мирский по видимости опровергает сам себя, настаивая на правоте этого гипотетического «большинства»: «Конечно, эта поэма может по праву претендовать на превосходство». Важно, что Святополк-Мирский противопоставляет здесь некую

«концепцию поэтического величия, с точки зрения которой это превосходство могло бы быть оспорено» и свою индивидуальную точку зрения, которую сам он называет «гипотетической», которая требует «от поэзии, чтобы она была так же свободна от “человеческого”, как “Царь Салтан”» (163).

Здесь, как представляется, Святополк-Мирский демонстрирует некую амбивалентность. С одной стороны, слова об «универсальном искусстве» поддержаны и другим тезисом: общечеловеческое значение «в конце концов только одно и делает поэзию великой» (143). Это позволяет Святополк-Мирскому, в частности, сравнивать поэзию Пушкина с поэзией Сапфо, поскольку обе «обращаются к общечеловеческому» (160). С другой стороны, эталоном объявляется «чистейшее искусство, свободное от не относящихся к делу эмоций и символов», «“чистая красота”». Святополк-Мирский называет это искусство «универсальным» с исключительно важным объяснением: «Понимания не требуется, воспринимается оно прямо, бесспорно, непосредственно» (162–163). Таким образом, по Святополк-Мирскому, «чистая красота» не требует «понимания», тем самым она создает «мир свободы, открытый для всех».

Все же Святополк-Мирский констатирует, что «классицисты, романтики, реалисты, символисты и экспрессионисты – все должны согласиться в оценке “Медного всадника”» (163), и далее подтверждает, что «Медный всадник» «полностью оправдыва<ет> признание <себя> величайшим образцом величайшей поэзии на русском языке» (164).

Однако Святополк-Мирский в своей субъективно-иерархизирующей стратегии не дает никаких критериев и влекущих за ними однозначных оценок. Так, оппозиция «субъективная оценка Святополк-Мирского vs. мнение большинства» применительно к Пушкину осложнена самим же Святополк-Мирским, поскольку Святополк-Мирский вводит еще одного «кандидата» на звание «шедевра»: «с “Медным всадником” право называться пушкинским шедевром <…> делит <…> “Каменный гость”» (166–167). Но и эта конструкция тут же подвергается самим Святополк-Мирским ревизии, поскольку Святополк-Мирский вводит и третьего «кандидата», «Русалку», которая в свою очередь,

вызывает оговорку: «. Если бы <она не осталась незаконченной>, она была бы третьим произведением (вместе с “Медным всадником” и “Каменным гостем”), которое могло бы претендовать на первое место в русской поэзии» (167).

Несмотря на предельную размытость дефиниции «шедевр», обращает на себя внимание, что Святополк-Мирский, попеременно говоря то о «шедевре Пушкина», то о «шедевре русской поэзии», негласно предполагает, тем самым, что главное произведение русской поэзии должно принадлежать Пушкину.

Историко-литературные аналогии в «Истории русской литературы»

Одной из наиболее характерных черт обоих томов «Истории» является активное использование Святополк-Мирским историко-литературных аналогий. Еще рецензент «Modern Russian Literature» (1925) отметил у Святополк-Мирского «дар удачных сравнений» («the gift of happy comparison»), заметив, что «этот критический инструмент может быть использован чрезмерно», но в книге Святополк-Мирского «он уместен и полезен»[537].

В свою очередь рецензент СРЛ утверждал, что, например, сравнение Святополк-Мирским «Двенадцати» Блока с «Кубла Хан» С. Кольриджа и первой частью «Фауста» находится «за гранью возможного» («beyond belief»)[538].

Святополк-Мирский использует сравнения исключительно широко, задействуя материал из самых разных литератур. «Тарас Бульба» сравнивается с «Илиадой» (244), Кольцов «напоминает Гомера» (209), Левитов – Гейне (447), Писемский – Расина (386), Аксаков – Пруста (285–286), Гоголь – По (247), Фет – Верлена (360), Веневитинов – Пико делла Мирандола (183), Островский – Сервантеса (383) и т.д.

Особое место занимают сравнения с английской литературой, в первую очередь – с Шекспиром. Стиль поздней поэзии Жуковского «в белых стихах

---

[537] <Anon.> [Rev.] Modern Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. Oxford University Press. 2 s. 6 d. // The New Statesman. – 1926. – March 27. – P. 754.

[538] <Anon.> Contemporary Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. (Routledge.) (Book Review) // The Spectator. – 1926. – July 17. – P. 105. Речь идет о следующем фрагменте в СРР: «Несмотря на грубый реализм и язык, находящийся на грани жаргона, хочется сравнить поэму с такими шедеврами лирического построения, как “Кубла Хан” или первая часть “Фауста”» (703).

напоминает позднего Шекспира» (138), а синтаксис поздней лирики Фета уподоблен синтаксису сонетов Шекспира (361). «Тарас Бульба» охарактеризовано как «возможно, <…> единственное русское художественное произведение, которое по своей многосторонности заслуживает названия шекспировского» (244).

Метод Гоголя создания комических персонажей в «Ревизоре» «очень напоминает Бен Джонсона» (248). «Смерть Тарелкина» Сухово-Кобылина также сопоставляется с Беном Джонсоном – и со Свифтом (385). Поэзию Тютчева Святополк-Мирский соотносит с английскими поэтами-метафизиками XVII в. (212) и Кольриджем (214), Ф. Глинку – с Гербертом и Воганом (181), Баратынского – с А. Поупом и Дж. Донном (174–175) и Греем (174), Кольцова – с Бернсом и Хоггом (208–209), Кюхельбекера – с Вордсвортом (183), прозу Новодоворского-Осиповича – со Стерном (449), а Писемского с Теккереем (322), Погорельского – с Филдингом (194), «Двойника» Достоевского – с «Улиссом» Джойса (280).

Переводы и проблема переводимости художественных текстов в «Истории русской литературы»

Параллели между русским и английским материалом мотивированы, конечно, тем, что оба тома «Истории» адресованы англоязычному читателю. Потому Святополк-Мирский уделяет особое место вопросам рецепции русской литературы и на Западе вообще, и в Великобритании в частности. Здесь можно выделить два вектора: подчеркивание уникальности русского литературного материала и комментарии по поводу специфики рецепции русской литературы на Западе.

Святополк-Мирский указывает на непереводимость как отдельных русских слов и понятий («простор» и «приволье», 209; «пошлость», 245), так и целых авторских корпусов текстов. Так, напр., Святополк-Мирский постулирует принципиальную непереводимость Гоголя: «переводить <прозу Гоголя>

совершенно безнадежно – она непереводимее всякой другой русской прозы» (241).

В противовес этому утверждению Святополк-Мирский указывает на русских поэтов, поддающихся адекватному переводу: это, в частности, Баратынский («будучи мыслителем, он не так безнадежно не поддается переводу», 177), Полонский («из всех русских поэтов Полонский в лучших своих лирических стихах всего скорее очарует английского читателя русской поэзии, ибо он владеет <…> теми качествами, которые английский романтик считает синонимами поэзии вообще», 353); ранняя поэзия Фета («эти стихи легче поддаются переводу, чем большинство произведений русской поэзии, ибо эффект тут создается не столько ускользающими обертонами русских слов, сколько ритмом и музыкой образов», 361). Но уже о поздней любовной лирике Фета Святополк-Мирский замечает: «Их гораздо труднее перевести, чем его ранние мелодии, и я не решаюсь цитировать тут примеры, которые приводит профессор Элтон в своем докладе о Фете. Но эти стихи принадлежат к самым драгоценным бриллиантам нашей поэзии» (361–362). Святополк-Мирский, таким образом, не признает существующих переводов приемлемыми.

Между тем, Святополк-Мирский исходит из того, что уникальные качества русской литературы могут быть поняты – и понимаемы – на Западе. Он сочувственно цитирует Дж.Э. Харрисон (293, 294) и М. Беринга (353, 355), высоко ценит работу М. де Вогюэ «Русский роман» и считает ее, как и работы М. Беринга, классической[539]. При этом Святополк-Мирский допускает, что переводы – при всех своих издержках – играют благотворную роль в знакомстве Запада с русской литературой. Так, о «Певцах» Тургенева он замечает: «Красота этой вещи на русском языке не поддается описанию; но то, что она *может* дойти в переводе, доказывается оценкой, какую ей дал Генри Джеймс» (303, курсив Святополк-Мирского).

---

[539] *Mirsky D. S., Prince.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – P. 371.

Сам Святополк-Мирский поместил в СРЛ и ИРЛ некоторое количество своих собственных переводов. В. Диксон в рецензии на СРЛ особо выделил несколько из них: «Очень хороши в книге несколько переводов (по образцу пушкинских переводов Панина) стихотворений Ахматовой, Анненского и Блока»[540].

В СРЛ Святополк-Мирский поместил свои собственные переводы:

– фрагменты двух стихотворений К. Случевского («Воскрес» («День наступил, зажглась денница»), «Кругом стремились мириады мертвых») (502, 503).

– фрагмент «Трех свиданий» В. Соловьева (544–545).

– фрагменты из «Литературных изгнанников», «Уединенного» и «Опавших листьев» В. Розанова (644–645).

– стихотворение К. Бальмонта «Камыши» (661–662).

– фрагмент стихотворения В. Брюсова «Прекрасен в мощи грозной власти» (664).

– стихотворения З. Гиппиус «А потом?..» (671–672).

– стихотворений И. Анненского «Маки» и «Октябрьский миф» (682).

– фрагменты стихотворений Блока «Незнакомка» (693–694), «Болотный попик» (694), «Грешить бесстыдно, беспробудно» (700).

– стихотворения Блока «Пляски смерти» (698–699).

– фрагменты стихотворения Андрея Белого «Россия» (711).

– фрагмент стихотворения С. Городецкого «Мы поднимем древний Хаос» (718).

– фрагмент стихотворения Гумилева «Но я за все, что взял и что хочу» (739).

– три стихотворения Ахматовой («Настоящую нежность не спутаешь», «Со дня Купальницы-Аграфены», «Чем хуже этот век предшествующих? Разве») (741–742).

– фрагмент пролога к «Мистерии-Буфф» Маяковского (757).

---

[540] *Диксон В.* [Рец.:] Contemporary Russian Literature by Prince D. S. Mirsky. – С. 169.

В ИРЛ Святополк-Мирский поместил свои собственные переводы[541]:

– фрагмент Начальной летописи о смерти князя Олега (40).

– четыре фрагмента из «Слова о полку Игореве» (««Не буря соколы занесе чрез поля широкая», «Тогда по Русской земле ретко ратаеве кикахуть», «На Дунаи Ярославнын глас ся слышит», «Прысну море полунощи») (47–50).

– фрагмент из «Слово Адама к Лазарю» (51).

– три фрагмента из посланий протопопа Аввакума (70–72).

– фрагмент из «Ябеды» Капниста («Бери, большой тут нет науки») (107)

– три стихотворения Баратынского («На что вы, дни! Юдольный мир явленья», «Все мысль да мысль! Художник бедный слова!», «Благословен святое возвестивший!») (177–178).

– три стихотворения Тютчева («День и ночь», «Итальянская villa», «Я лютеран люблю богослуженье»), а также фрагмент из «Silentium!» (213–215).

– «Буря» Фета (360).

Выбор Святополк-Мирским текстов, которые он счел необходимым поместить в СРЛ и ИРЛ, мотивируется, сколько можно предположить, как отсутствием их адекватных (по мнению Святополк-Мирского) переводов на английский, так и личными предпочтениями Святополк-Мирского.

<u>История русского языка в «Истории русской литературы»</u>

Одним из важнейших ракурсов, в котором Святополк-Мирский рассматривает историю русской литературы, является история русского литературного языка.

Ключевой тезис Святополк-Мирского: «… уважение автора к отдельному слову – <…> это, в конце концов, и есть альфа и омега литературного мастерства» (320). Святополк-Мирский исходит из убеждения, что писатель должен пользоваться языком творчески, а не репрезентативно (376–377). Это

[541] Единственный заимствованный перевод в ИРЛ – перевод «Квартета» Крылова, выполненный Б. Пэрсом (128–129).

представление, в свою очередь, основано на тезисе о творчестве как «преображении сырого опыта», а не его воспроизведении (226–227), «умении превращать в искусство сырой жизненный опыт» (407). Потому к числу редких у Святополк-Мирского относится характеристика произведений В.А. Слепцова, в которых «все диалектальные особенности <крестьянской речи> имеют все преимущества фонографической записи» (446).

При том, что в «Истории» содержатся многочисленные характеристики идеолектов отдельных писателей, для Святополк-Мирского характерен интерес к общим тенденциям развития литературного языка.

Святополк-Мирский высоко ценил «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля, видя в нем «основу наших знаний о русском языке, на котором говорил народ до того, как распространилось стандартное школьное обучение» (254–255)[542].

В первой главе ИРЛ Святополк-Мирский дает краткий обзор развития церковнославянского языка (27–29), подчеркивая, что «для литературных целей русский язык (в противовес славянскому) был применен впервые в третьей четверти XVII века самобытным русским гением – протопопом Аввакумом» (29). Святополк-Мирский подчеркивает роль Аввакума как «великого художника слова», у которого «каждому русскому писателю есть чему <…> поучиться» (69): «… то, что он сделал с русским языком, ставит его в первый ряд русских писателей; ни один еще не превзошел его <…> в искусстве призвать все выразительные средства каждодневного разговорного языка для создания максимального литературного эффекта» (68–69). Акцент на выразительных средствах разговорного языка в литературе является для Святополк-Мирского принципиальным. При этом Святополк-Мирский склонен подчеркивать сословный, а именно дворянский, характер этого литературно-разговорного языка. Так, «Храм моего сердца» кн. И.М. Долгорукого охарактеризован как «образец чистого разговорного русского языка, не зараженного иностранным

[542] При этом Святополк-Мирский отказывал Далю как писателю в «подлинном чувстве стиля», а потому «стремление высвободить Россию из греко-латино-германо-французских оков» и «попытки русифицировать русский литературный язык», предпринятые Далем, остались, по Святополк-Мирскому, «бесплодными» (255).

влиянием и литературной модой» (123). В свою очередь, записки кн. Н. Долгорукой (бабушки И.М. Долгорукого) выделены Святополк-Мирским за «великолепный чистейший русский язык, каким могла писать только дворянка, жившая до эпохи школьных учителей» (112).

Комедия «Горе от ума» Грибоедова охарактеризована как «настоящая сокровищница лучшего русского разговорного языка той эпохи, когда речь высших классов еще не была испорчена и выхолощена школьным обучением и грамматикой» (188). Язык писем Пушкина, по Святополк-Мирскому, это – «естественный, каждодневный разговорный <русский язык>, только отточенный в лаборатории великого художественного мышления» (191). Язык Толстого охарактеризован как «лучший пример разговорного языка русского дворянства; у него немало серьезных отличий от языка обычных литераторов» (402). При этом Святополк-Мирский обращает внимание на толстовский синтаксис, который построен «по образцу синтаксиса французских аналитиков и использует все доступные средства сложного логического подчинения» (402). Русский язык Толстого, таким образом, это «комбинация чистейшего разговорного словаря с очень сложным и логическим синтаксисом» (402). Прямое влияние французского языка Святополк-Мирский отмечает у Герцена: русский язык Герцена «откровенно неправильный – Герцен один из последних великих русских писателей, выросших на французском языке, и ничуть не боится честного и неприкрытого галлицизма. Это язык человека, который одинаково свободно говорит на многих языках» (340).

Особый интерес представляет характеристика Святополк-Мирским языковой реформы Карамзина. Примечательно, что и здесь Святополк-Мирский обращается к вопросу об использовании разговорного языка в литературе: «… ни в коем случае не следует думать, что она принесла языку одну только пользу. Она не приблизила литературный русский к разговорному, она просто один иностранный образец заменила другим. Она даже увеличила разрыв между письменным и разговорным языком, ибо фактически покончила с ломоносовским

разделением на три стиля, слив их в один средний и на практике отбросив низкий» (114).

Разговорность речи подчеркнута и в описании стиля В. Розанова, на сей раз – без каких-либо сословно-дворянских коннотаций: фрагменты, составляющие «Уединенное», «звучат живым голосом, потому что они не выстроены по правилам традиционной грамматики, а построены со свободой и разнообразием интонаций живой речи» (642).

Святополк-Мирский скептично настроен к реформе Карамзина в социокультурной перспективе: «Реформа была антидемократической (и в этом она была истинным порождением XVIII века) и антинациональной (также и в этом, и даже более)» (114). Святополк-Мирский видит в карамзинской реформе последствия общенационального масштаба: «Своей реформой Карамзин способствовал увеличению разрыва между образованными классами и народом, а также между новой и старой Россией» (114). «Высшее оправдание» введенного Карамзиным языка Святополк-Мирский видит в том, что «он стал языком Пушкина» (114).

Святополк-Мирский сочувственно относится к противникам карамзинской реформы, поскольку «славянские синонимы <…> добавляли колорит и разнообразие» (114), потому и в деятельности А.С. Шишкова, признавая его «зачастую дикий дилетантизм», Святополк-Мирский выделяет «проницательность, с которой <Шишков> различает оттенки значений слова, благоговейный, хотя и малообразованный интересом к древней русской литературе и фольклору» и «великолепный русский язык» сочинений Шишкова (120).

Однако магистральное направление Золотого века было задано Карамзиным, который все же «не смог создать универсально приемлемого стиля литературной прозы» (191)[543]. «Канон русской прозы» был создан, по Святополк-Мирскому, не деятелями Золотого века, а «журналистами тридцатых годов,

[543] Показательно, что Святополк-Мирский считал, что «История государства российского» Карамзина «в главном <…> все-таки представляет развитие французского, в духе XVIII века, стиля молодого Карамзина» (120).

которые и есть истинные основатели современной русской прозы» (192). Для Святополк-Мирского их главное воплощение – Сенковский и Белинский: именно они «столь разные по духу, одинаково потрудились, чтобы покончить с изящной и благородной “французской” прозой карамзинско-пушкинской традиции» (256). По Святополк-Мирскому, на Белинском «лежит вина за ужасающее многословие и неряшливость русских журналистов второй половины XIX века», на Сенковском – «вина за их отвратительную вульгарность» (269). Язык Белинского Святополк-Мирский называет «чудовищным» (269), а стиль и язык Салтыкова-Щедрина «неизменно производит на сегодняшнего читателя впечатление тщательно, с муками разработанной вульгарности» (439).

Для общей концепции «Истории» показательно, что, говоря об эстетическом возрождении конца XIX в., Святополк-Мирский выделяет *прозу* А.Н. Бенуа, характеризуя ее как «легкую, разговорную, светскую» и «равно удален<ную> от научного педантизма и от журналистской неряшливости» (628). При этом философские произведения Л. Шестова аттестованы как «самая классическая проза во всей современной русской литературе» (650),

Большие историко-литературные нарративы, созданные Святополк-Мирским в 1924–1926 гг., можно охарактеризовать по нескольким параметрам:

1) По-русски, в «Русской лирике: Маленькой антологии от Ломоносова до Пастернака» Святополк-Мирский руководствуется селективным подходом: материал отбирается в соответствии с заданными самим Святополк-Мирским условиями. Этот отбор предполагает некоторую авторскую концепцию презентации истории русской поэзии.

По-английски, в двух томах «Истории русской литературы» Святополк-Мирский использует инклюзивный подход: автор абсорбирует в историко-литературный нарратив максимальное количество фактического материала, включая в рассмотрение те группы текстов, которые традиционно находятся вне сферы внимания историков литературы.

2) Важнейшие историко-литературные обобщения на материале истории русской литературы сделаны Святополк-Мирским по-английски. В перспективе созданная Святополк-Мирским панорама русской литературы оказалась исключительно влиятельной в мире западных славистов, однако корректно отнести к англоязычным трудам Святополк-Мирского данную Ф.И. Щербатским автохарактеристику написанной им по-английски книги: «Моя книга предназначена, в первую очередь, для русского читателя, но только для такого, который владеет английским языком»[544].

Именно это качество, как представляется, позволило стать «Истории русской литературы» не только фактом рецепции русской литературы на Западе, но и фактом русской культуры как таковой.

3) Единственная монографическая историко-литературная работа Святополк-Мирского посвящена Пушкину, что в полной мере свидетельствует о том центральном значении, которое Святополк-Мирский придавал творчеству Пушкина в истории русской культуры. Факт создания книги о Пушкине по-английски свидетельствует, что для Святополк-Мирского вопрос понимания и адекватной оценки Пушкина на Западе был центральным в контексте рецепции русской культуры в иноязычной среде.

4) Субъективизм конкретных историко-литературных суждений и оценок Святополк-Мирского необходимо рассматривать в контексте тщательного знакомства Святополк-Мирского с новейшими достижениями русской историко-литературной науки. Святополк-Мирский являлся транслятором и интерпретатором этих достижений как для русской эмигрантской, так и для западной англоязычной аудитории.

5) Историко-литературные нарративы Святополк-Мирского 1924–1926 гг. имеют серьезную научную базу в работах предшественников и современников; вместе с тем Святополк-Мирский создал, по сути, новый в русском историко-литературном дискурсе жанр *авторской истории литературы*.

---

[544] Цит. по: *Ронен О.* Заглавия. Четвертая книга из города Энн. Сборник эссе. – СПб., 2013. – С. 83.

Глава 3. Литературно-критическая деятельность Д.П. Святополк-Мирского в 1920–1928 гг.

3.1. Выбор жанра и стилистическая эволюция

Литературная критика: проблема дефиниции и демаркации

История изучения литературной критики имеет давнюю традицию в российском литературоведении[545]. При этом даже новейшие исследователи констатируют: «Русская критика XX в. изучена крайне неравномерно. Отечественных монографий на эту тему пока появилось мало <…> сейчас мы можем рассчитывать лишь на *систематизацию материала*, объемная же картина еще долго будет вызывать споры»[546].

Понятие «литературная критика», при всей своей широкой распространенности и длительной истории изучения самого явления, имеет множество – и не всегда взаимно согласующихся – толкований. В нижеследующем изложении мы будем исходить из определения, данного В.Я. Лакшиным: литературная критика – это «вид литературного творчества, оценка и истолкование художественного произведения, а также явлений жизни, в нем отраженных. Нередко рассматривается как одна из областей литературоведения. В отличие от истории литературы, <литературная критика> освещает по преимуществу процессы, происходящие в современном литературном движении, рассматривает текущую журнальную и книжную продукцию. Однако не столько материал, сколько сам подход, продиктованный современными общественными задачами и живым восприятием читателя, отличает <литературную критику> даже в тех случаях, когда речь идет о классическом наследии, входящем в культурный обиход современности. <…> В современной <литературной критике> культивируются такие жанры, как статья, рецензия, обзор, эссе, литературный

---

[545] В значительно меньшей степени она изучена в зарубежной славистике. К числу немногих обобщающих работ относится: *Stacy R. H.* Russian Literary Criticism: A Short History. – Syracuse, 1974.

[546] *Казаркин А. П.* Русская литературная критика XX века. – Томск, 2004. – С. 3, курсив автора.

портрет, литературно-критический диалог, полемическая реплика, библиографическая заметка»[547].

Весьма показательно, что уже Г.П. Струве в своем классическом труде «Русская литература в изгнании» (1956), в разделе, посвященном периоду 1920–1924 гг., посвятил литературной критике главу под названием «Литературная критика, литературоведение, философская проза и публицистика»[548], включая, таким образом, литературную критику в круг смежных, но не тождественных явлений. Струве, исключительно осведомленный современник и исследователь, не считал нужным давать какие-либо жанровые определения литературной критики, а потому говорил о «мемуарно-критическом характере» очерков Ходасевича, «чисто критических статьях» того же Ходасевича, «своем понимании литературы» Ю. Айхенвальда[549] и т.д. Современный специалист в области изучения литературной критики русского зарубежья, О.А. Коростелев, также избегает каких-либо определений и систематики, ограничиваясь замечанием о том, что «в эмиграции – <…> за известными исключениями – <преобладал> тип критики эссеистической, философской, импрессионистической»[550].

Г.П. Струве отмечал: «Россия в предреволюционный период небогата была критическими талантами. Лучшими критиками были в большинстве случаев сами же писатели и поэты – Брюсов, Вячеслав Иванов, Зинаида Гиппиус, Иннокентий Анненский, Андрей Белый, Гумилев, Мандельштам. Критики-профессионалы принадлежали по большей части к породе крайних импрессионистов (впрочем, это верно и относительно некоторых из поэтов). Только перед самой революцией появились и уже в советское время процвели (ненадолго!) критики из школы формалистов. Из них за рубежом очутился только Р.О.Якобсон»[551]. К «критикам-профессионалам» Струве относил Ю. Айхенвальда и П. Пильского. Струве также

---

[547] Литературный энциклопедический словарь. Под редакцией В.М. Кожевникова, П.А. Николаева. – М., 1987. – С. 169, 170.
[548] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж; М., 1996. – С. 128.
[549] Там же. – С. 129–131.
[550] *Коростелев О. А.* От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. – СПб., 2013. – С. 284.
[551] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – С. 128.

указывает на А.Л. Бема, который, по его словам, «был больше теоретиком и историком литературы, чем критиком, но которому его багаж теоретических и исторических знаний, в сочетании с литературным вкусом, сослужил большую службу»[552].

Свидетельства двух крупных авторитетов содержат указания на «импрессионистскую» манеру литературной критики, но, как представляется, сами дают тому пример в части определения границ объекта изучения. При этом внутри русской литературы за рубежом рефлексия о литературной критике признавалась не только желательной, но и необходимой. Достаточно напомнить слова А.Л. Бема, сказанные им в 1931 г.: «И если эмигрантская литература уже доказала свою зрелость, доказала, что она располагает данными, чтобы утвердить себя в литературе русской, то доказала ли это русская эмигрантская критика? Вопрос о русской критике за пределами России, где независимой критики сейчас совсем нет, является самым острым и больным вопросом нашей литературной современности»[553].

Существующие на сегодняшний момент справочные издания[554], обзоры отдельных периодических изданий[555] и антологии[556] не предлагают, по сути, никакой терминологически-определенной систематики и классификации литературной критики русского зарубежья 1920–1940-х гг.[557] Стадия первичной аккумуляции фактического материала, по сути, не закончена по сей день. Важным обстоятельством является и невольное (и вполне объяснимое) «укрупнение» масштаба рассматриваемого материала. История литературной критики русского зарубежья невольно замещается историей литературы русского зарубежья,

---

[552] Там же. – С. 130.

[553] *Бем А. Л.* О критике и критиках (Статья первая) // *Бем А. Л.* Письма о литературе / Alfred Ljudvigovic Bern. Dopisy o literature. Сост. и предисл. Милуша Бубеникова и Ленка Вахаловска, подгот. текста Любови Белошевекой, Милуши Бубениковой, Милуши Задражиловой, прим. Любови Белошевской и Милуши Бубениковой. – Praha, 1996. – С. 34. Впервые: Руль. – 1931. – 29 апреля. – № 3168.

[554] Литературная энциклопедия Русского Зарубежья: 1918–1940. Т. 2. Периодика и литературные центры / Под ред. А. Н. Николюкина. – М., 2000.

[555] Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. Ю. А. Азаров. Вып. 3. – М., 2004; Литература русского зарубежья, 1920–1940. Выпуск 5. – М., 2013.

[556] Критика русского зарубежья. В 2-х тт. Сост., прим., преамбулы О. Коростелева, Н. Мельникова. – М., 2002.

[557] См. также: *Петрова Т. Г.* Обсуждение природы литературной критики в эмигрантской прессе // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред. кол.: Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др. – М., 2014. – Вып. 3 / Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. – С. 128–133.

историко-культурной и политической мысли русского зарубежья, персональной историей крупных деятелей литературного процесса в русской эмиграции. Это явление вполне объяснимо: литературная критика в истории русской литературы всегда была выразителем мнений по широкому кругу вопросов, далеко отстоящих от собственно-литературных. Литературная критика русского зарубежья в высокой степени осталась верна этой традиции, идущей от первой половины XIX в.

Г. Тиханов выделил четыре группы «сложностей», областей с малым количеством доступного фактического материала в изучении эмигрантской литературной критики и теории литературы:

1) «каким образом эмигрантские авторы взаимодействовали с теми культурами, в которых им довелось работать на протяжении длительного времени, и какое влияние имело это взаимодействие на отношение эмигрантской литературы и критики к культурным и политическим процессам в Советской России»[558].

2) «какое влияние имели эмигрантская литература и критика на советскую культуру»[559].

3) «отсутстви<е> четкой картины того, как именно литературная критика функционировала в эмигрантской среде: кто ею занимался, каковы были ее институции, механизмы и статус»[560].

4) «литературная критика и литературная теория, хотя они и связаны между собой, имели различную динамику и в своем развитии следовали по различным траекториям»[561].

Таким образом, апробированной и устоявшейся методики изучения литературной критики русского зарубежья на сегодняшний момент не существует. Анализ идейных установок критиков (индивидуальных и групповых), при всей своей важности, не может заменить анализа собственно литературно-

---

[558] История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. – М., 2011. – С. 335.
[559] Там же. – С. 336.
[560] Там же. – С. 338.
[561] Там же. – С. 340.

критических текстов. Литературно-критическая деятельность Д.П. Святополк-Мирского в 1920-х гг. представляет сложность в силу ряда обстоятельств:

– литература и идеология были в центре интересов Святополк-Мирского,

– поскольку Святополк-Мирский писал о русской литературе и как историк литературы, и как литературный критик,

– основной корпус работ Святополк-Мирского двуязычен.

Литературная критика Д.П. Святополк-Мирского: проблема жанра и стилистической эволюции

Важно определить те жанры, которым Святополк-Мирский отдавал преимущество[562].

В англоязычных публикациях это:

а) книжный обзор (как правило, композитная рецензия; наиболее часто в этом жанре Святополк-Мирский выступал в рубриках «Literary History and Criticism» и «Recent Foreign Books» в «The London Mercury»);

б) историко-литературное эссе, посвященное отдельному писателю или историко-литературному явлению в широкой историко-культурной перспективе (напр., статьи о Литтоне Стрэчи, Э. Бронте, Байроне, Чехове и др.);

в) рецензия на актуальное русскоязычное издание современных русских писателей, недоступное для англоязычных читателей (напр., статьи о Бабеле, Цветаевой, русской прозе 1920-х гг.);

г) рецензия на актуальный английский перевод произведения классической русской литературы;

д) предисловия к новым английским переводам произведений классической и современной русской литературы;

---

[562] Вопрос о жанрах литературно-критического письма рассматривается в следующих работах: *Гроссман Л.* Жанры литературной критики // Искусство. – 1925. – Т. 2. – С. 61–81 (перепечатано в: *Гроссман Л.* Цех пера. Статьи о литературе. – М., 1930; *Гроссман Л. П.* Цех пера. Эссеистика. – М., 2000); *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. – Л., 1980; *Михайлова М. В.* Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза / [Научные ред. В. А. Келдыш, В. В. Полонский]. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 620–704.

е) только в специализированном славистическом издании «The Slavonic Review» – обзоры (тематические) и рецензии (имманентные или композитные) на актуальные публикации в российской филологии;

ж) обзорные статьи по истории русской литературы (в т.ч. – для энциклопедии «Британника»).

Отметим, что на протяжении 1920-х гг. Святополк-Мирский работал в одних и те же жанрах англо- и иноязычной периодики, без каких-либо жанровых новаций. Характерно, что, когда в конце 1920-х Святополк-Мирский начал сотрудничать с выходящим по-немецки в Праге журналом «Slavische Rundschau», он публиковал там рецензии, по жанру и характеру весьма близкие к тем, что он печатал в «The Slavonic Review»[563].

В русскоязычных публикациях Святополк-Мирского можно выделить следующие основные жанры:

1) историко-литературное эссе, посвященное отдельному писателю, часто в форме некролога (напр., статьи о Брюсове, Комаровском, Есенине);

2) рецензия на актуальное русскоязычное издание современных русских писателей;

3) имманентная рецензия на произведения английской литературы (Джойс, Элиот), статья об отдельных английских писателях (М. Беринг, Литтон Стрэчи, Буллок) и общих тенденциях современной английской литературы (английская поэзия);

4) декларации, совмещающие суммарную оценку конкретных литературных явлений с широкими историко-культурными оценками («О консерватизме», «Веяние смерти в предреволюционной литературе»).

Дж. Смит отмечал «временами неистовый импрессионизм» статей Святополк-Мирского начала 1920-х годов[564], подход, который Святополк-

---

[563] См.: *Ефимов М. В.* Статьи и рецензии Д.П. Святополк-Мирского в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932) // Литературный факт. – 2016. – № 1–2. – С. 83–94.

[564] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 122: «the sometimes outrageous impressionism of the articles he wrote in the early 1920s». Смит иллюстрирует это утверждение, в частности, цитатой из первого «Русского письма» (1920) Мирского, высказыванием о Фете: «удивительный алхимик “Вечерних огней”, каждый из которых – капелька розовой эссенции, выжатая из фунта роз» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 24).

Мирский «считал не только совершенно законным, но и исключительно ценным»[565]. При этом необходимо учесть свидетельство 1924 г. самого Святополк-Мирского: «Надо всемерно стремиться к освобождению от жаргона 1900–1915 год<ов>. Я знаю, что сам этим грешен»[566].

В апреле 1927 г., когда литературно-критическая репутация Святополк-Мирского уже была вполне установившейся, Ф.А. Степун писал В.И. Иванову, 13 апреля 1927: «…острый, невнятный, привередливый критик, князь Д.П. Святополк-Мирский»[567]. Эпитет «невнятный» отсылает здесь не только к системе литературно-критических оценок Святополк-Мирского, но и, в первую очередь, к манере их изложения. И это не только стороннее наблюдение. Сам Святополк-Мирский знал это свое качество и именно о нем писал в письме 1923 г.: «Если бы мои мысли были менее разбросаны, слишком бы стала ясна их несвязанность и недодуманность!»[568] Представляется важным учесть и свидетельство Святополк-Мирского в письме к А.В. Тырковой-Вильямс (февраль 1926 г.): «… я совершенно лишен “дипломатического” такта – не знаю совершенно, что при ком можно и чего нельзя говорить. Говорю это не с вызовом, а с самым искренним сожалением, – поверьте, что от своей бестактности больше всего страдаю я сам (практически)»[569].

Есть и еще одна автохарактеристика Святополк-Мирского, датируемая тем же 1923 г. и содержащаяся в письме к его постоянному корреспонденту, П.П. Сувчинскому: «… я вообще человек без убеждений, и прирожденный, хотя и не всегда открытый, враг идей вообще»[570]. Эта по видимости ироническая аттестация имеет, однако, принципиальный характер. Святополк-Мирский впервые обнародовал свои убеждения лишь в 1931 г., когда объявил себя марксистом[571].

---

[565] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 122.
[566] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 25.
[567] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – Т. 3. – С. 958.
[568] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 23.
[569] D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova-Williams, with an Unpublished review by Ariadna Tyrkova-Williams. – P. 486.
[570] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 23.
[571] *Mirsky D. S.* Why I Became a Marxist // Daily Worker. – 1931. – 30 June. – P. 2; *Mirsky D. S.* L’histoire d’une emancipation // La Nouvelle Revue Française. – 1931. – 1 septembre. – Vol. XXXVII. – № 216. – P. 384–397. См. пер. на англ.: The Story of a Liberation // *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 358–367. Сокращенный

До этого времени он последовательно избегал каких-либо определенных публичных высказываний о своем мировоззрении и своих идейных установках. Эти последние могут лишь – с известной долей условности и правдоподобия – дедуцированы из печатных текстов Святополк-Мирского. Это значительно усложняет аналитическую процедуру. Сам Святополк-Мирский в цитированном письме 1923 г. охарактеризовал себя как «человека настолько несерьезного, что бывает евразийцем в четные, и европейцем в нечетные годы»[572]. Сколько можно понять, Святополк-Мирский не считал единство и последовательность в мировоззрении необходимым, по крайней мере – для себя.

Все же он заметил в 1924 г. (опять же – в письме, а не публично), что «кроме шуток, космический пессимизм мне очень близок, почему я так и презираю Гете, и так люблю Пушкина и К. Леонтьева»[573].

Конкретные литературно-критические оценки Святополк-Мирского менялись – и временами радикально. Самый известный (но не единственный) случай – переоценка творчества Цветаевой, от полупренебрежительного отношения до восторженного[574]. Именно подобные переоценки дали основание В. Ходасевичу написать о Святополк-Мирском в статье «О “Верстах”» (1926): «Его оценкам я не могу придавать значения, прежде всего потому, что они часто и по весьма очевидным поводам меняются»[575]. Под «очевидными поводами» Ходасевич имел в виду «просоветскую» ориентацию Святополк-Мирского, хотя природа переоценок Святополк-Мирским литературных явлений представляется более сложной.

Святополк-Мирский был хорошо знаком с советскими литературными периодическими изданиями. В библиографии к книге «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926) в числе «лучших периодических изданий» он

русский вариант статьи: *Мирский Д.* История одного освобождения // Литературная газета. – 1932. – 29 февраля. – № 10 (179). – С. 2.

[572] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 23.

[573] Ibid. – P. 26–27.

[574] См. подробный анализ: *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский // *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. с англ. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. – М., 2002. – (Studia poetica). – С. 265–281.

[575] *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; Вступ. статья Р. Хьюза. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927). – М., 2010. – С. 366.

отметил «Красную новь» («критический отдел строго марксистский, “либерального” крыла»), «Печать и революцию», «Русский современник» и «ЛЕФ»[576].

Святополк-Мирский был знаком с футуристско-формалистской литературной критикой в журнале «ЛЕФ» и, сколько можно понять, не без сочувствия относился к лефовским полемическим манерам, признавая их «довольно характерн<ую> наглост<ь>»[577]. Аттестуя в 1926 г. Шкловского как «совершенно распущен<ого> журналист<а>, культивирующ<его> свою распущенность», Святополк-Мирский, однако, признает его «почти “гениальны<м>”» и «от<цом> почти всех идей, которыми живет современная ему эстетика»[578].

В своей статье о редактировавшемся Святополк-Мирским журнале «Версты»[579] В. Ходасевич прямо связывал заимствование Святополк-Мирским «самых дурных литературных приемов <…> из большевистской и большевизанской печати» – непосредственно с Шкловским: Святополк-Мирский «позволил себе в своей статье назвать З.Н. Гиппиус попросту “Зинаида”[580], без упоминания отчества и фамилии. Развязность, достойная деревенского комсомольца, но зато перенятая из советского источника. <…> именно у <Шкловского> и заимствована в полной точности его непристойная выходка: на 233-й стр. IV книги “Ленинградского” журнала “Русский Современник” В. Шкловский именно так назвал З.Н. Гиппиус»[581].

Святополк-Мирский как литературный критик определенно был склонен к эпатажу. В 1927 г. Святополк-Мирский писал Сувчинскому: «… страх люблю заниматься провокацией. И, как видите, занимаюсь с успехом»[582]. В 1930 г. в

---

[576] *Mirsky D. S., Prince*. Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – New York, 1926. – P. 356.
[577] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 85. См. в статье о Брюсове (1924): «В первом же номере “Лефа” была напечатана статья Арватова “Контрреволюция формы”, где путем анализа брюсовского словаря остроумно доказывалось, что он устарелое и в корне реакционное явление» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 85).
[578] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 226.
[579] *Ходасевич В.* О «Верстах» // Современные записки. – 1926. – № 29. – С. 433–441.
[580] *Святополк-Мирский Д., кн.* Годовщины: 1. Некрасов. 2. Зинаида Гиппиус. 3. Хлебников. 4. Джойс // Версты. 1928. – № 3. – С. 140–149.
[581] *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927). – С. 369.
[582] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 69.

письме к М. Флоринскому Святополк-Мирский заметит: «Смерть люблю низкие каламбуры»[583].

Наиболее ярким примером эксцентричности Святополк-Мирского-критика стал доклад «Веяние смерти в предреволюционной русской литературе», прочитанный Святополк-Мирским 5 апреля 1926 г. в Париже. На докладе присутствовали крупекйшие представители русской литературной эмиграции. Скандальность содержания доклада усиливалась, в частности, мистификацией Святополк-Мирского. По свидетельству З. Шаховской, «<г>оворил <Святополк-Мирский> отменно умно, в одном месте подчеркнув, “как сказал выдающийся русский писатель Кундышин”. <…> <После доклада> кто-то в замешательстве спросил, с редким для него смущением: “Прости, Дима, я что-то не могу вспомнить, кто был Кундышин”. Святополк-Мирский важно: “Совсем не был, я его выдумал”»[584]. При этом Святополк-Мирский трезво оценивал стиль парадоксальной эксцентрики. Так, характеризуя высоко им ценимого В. Розанова, Святополк-Мирский отметил в «Современной русской литературе»: «В творчестве Розанова всегда был один странный дефект, особенно когда он писал на темы, его глубоко не затрагивавшие, – ему не хватало сдержанности, он слишком подробно развивал парадоксы, которым сам не придавал серьезного значения, но которые возмущали среднего читателя»[585].

Не менее важной представляется другая характерная черта Святополк-Мирского, отмеченная Дж. Смитом: «Мирский никогда не повторялся, даже когда много раз писал об одних и тех же авторах и темах <…> всякий раз <высказывания Святополк-Мирского> соотнесены с конкретным форматом и конкретной аудиторией. И точка зрения, с которой Мирский рассматривал предмет, эволюционировала с течением времени. Почти каждый, кто писал о литературной критике Мирского, обрушивался на его непостоянство (противоречивость); это по-прежнему является своеобразным ритуальном жестом,

---

583 *Smith G. S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // Slavonic and East European Review. – 1994. – Vol. 72. – № 1. – P. 135.
584 *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. М. Алешковский. – М., 1991. – С. 131.
585 *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 639.

особенно среди русских, большинство из которых либо не читало вовсе, либо читало совсем немногие англоязычные работы Святополк-Мирского. Более взвешенной представляется точка зрения, согласно которой – в отличие от большинства своих критиков – Мирский никогда не прекращал усваивать новый материал, и его точка зрения менялась в последовательности мотивированных откликов на то, что он читал, и на ход событий»[586].

[586] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 81.

3.2. Феномен билингвизма: материалы к сравнительному анализу

Билингвизм Д.П. Святополк-Мирского: проблема описания

В письме от 5 сентября 1920 г. своему английскому другу Морису Берингу Святополк-Мирский писал: «Возможно, ты знаешь, что все мои мысли всегда были связаны с литературной деятельностью, но литературная деятельность в России сейчас абсолютно невозможна, и Бог знает, когда нынешнее положение вещей может измениться. Поэтому я начал задумываться, смогу ли я заняться литературным творчеством за границей, в Англии или во Франции. <…> Я начал писать книгу на французском о французской поэзии, поскольку она удивляет un barbare (как ты знаешь, мы варвары). Но чертовски трудно писать без определенной цели и вдохновения. Я готовлю также серию эссе о современных русских писателях, не очень известных, и их можно было бы написать на английском»[587].

Обращение к Берингу возымело действие и уже в декабре 1920 г. лондонский журнал «The London Mercury» опубликовал первый литературно-критический текст Святополк-Мирского на английском языке – «Русское письмо: Вступление»[588].

Святополк-Мирский, судя по письму Берингу, рассматривал как равные возможности вести литературно-критическую деятельность на двух, как минимум, языках – английском и французском. Показательно, что в письме русский язык не рассматривается как возможный: в русской эмигрантской периодической печати первая статья Святополк-Мирского появится только в 1923

---

[587] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 241; *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship // The Slavonic and East European Review. – 1984. – Vol. 62. – № 1. – P. 27–28.
В опубликованном русском переводе «literary work» переведено как «литературное творчество», хотя корректнее предположить, что Святополк-Мирский имеет в виду буквально «литературную работу», т.е. некую литературно-критическую, издательскую и редакторскую деятельность, а не оригинальное художественное творчество. В том же переводе «encouragement» дано как «вдохновение», хотя, скорее всего, Святополк-Мирский имеет в виду ободрение, побуждение, стимул. Также корректнее переводить обращение Святополк-Мирского к Берингу как «Вы», а не «ты», с учетом разницы в возрасте и обстоятельств их знакомства и предшествующего письму общения.
[588] *Mirski D.S.* A Russian Letter: Introductory // The London Mercury. – 1920 (December). – Vol. III. – № 14. – P. 207–209; перев. на русск. Н. К. Шуликина: *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 23–27.

г. – и, что характерно, она будет посвящена не русской словесности, а современным английским писателям[589].

В 1925 г. в одной из своих русскоязычных рецензий Святополк-Мирский заметит об И. Бабеле, что тот «вдруг явился во всеоружии своего мастерства, как Минерва из головы Юпитера», и назовет одну из причин этого: «он долго работал в тени и в тишине»[590]. В известной степени эти слова можно применить и к Святополк-Мирскому как литературному критику, с поправкой на «тишину», которой в биографии Святополк-Мирского, прошедшего мировую и гражданскую войны в 1914–1920 гг., не было[591].

Святополк-Мирский явным образом был хорошо знаком – как заинтересованный читатель – с русской дореволюционной интеллектуальной периодикой. Так, в том же 1925 г., говоря о прозе Мандельштама, Святополк-Мирский писал: «Статьи его <Мандельштама> разбросаны по журналам, преимущественно эстетским, – читатели которых весьма мало интересовались и интересуются умом и историей. Читатели “Аполлона” не могли оценить, даже если и прочли статью Мандельштама о Чаадаеве, напечатанную еще в 1915 <году> и уже дающую почти полную меру его культурно-исторической зоркости»[592]. Негативно-критическая оценка Святополк-Мирским русских «эстетских» журналов имеет мотивировку: они ограничены в своем историко-культурном кругозоре.

Оказавшись в изгнании, в 1920 г., в Афинах Святополк-Мирский читает европейскую литературную периодику: «… читаю в свое удовольствие “Лондонский Меркурий” и “Новое французское обозрение” <…> Если бы не те

---

[589] *Святополк-Мирский Д., кн.* Современные английские романисты // Звено. – 1923. – 14 мая. – № 15. – С. 3.

[590] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] И.Э. Бабель. Рассказы // Современные записки. – 1925. – № 26. – С. 485–488. Цит. по: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 203.

[591] В уже цитированном письме 1920 г. к М. Берингу Святополк-Мирский писал о периоде 1914–1920 гг.: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли *все* мои друзья, за исключением двоих) и разочарований. Сначала в России, с ее Распутиным, Керенским, большевиками и всеми остальными, а затем и в Европе с ее бесславным Версальским договором, проклятым надувателем Вильсоном, ничтожным трусом Ллойдом Джорджем и предателями-французами» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 240–241, курсив Святополк-Мирского) (публикация в оригинале: *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship. – P. 27, курсив Святополк-Мирского).

[592] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] О. Э. Мандельштам. Шум времени // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 541–543. Цит. по: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 208.

два журнала, о которых я сказал выше, и все то, что они отстаивают, у меня не было бы и тени сомнения, что в Англии и Франции дела обстоят хуже, чем в России. Но если у вас есть такие люди, как Клодель и Честертон, остается надежда на возрождение»[593]. Отсюда видно, что Святополк-Мирский рассматривал британский журнал «The London Mercury» (выходил с 1919 г.) и французский «Nouvelle Revue Française» (выходил с 1909 г.) как некие форпосты возможного культурного возрождения после катастрофы мировой войны. При этом Святополк-Мирский весьма скоро – по крайней мере, в 1922 г., в письме к К.И. Чуковскому – констатировал, что британская интеллектуальная периодика не является оптимальной площадкой для рассмотрения русских сюжетов: «… англичане совсем не так уж интересуются русской культурой, как могло бы казаться. Кроме того, сюда впутаны разные политические issues и поэтому сделать что-нибудь трудно и сложно. Сделано, однако, что-нибудь будет <…> Мы отыщем возможности, чтобы подвигнуть литературно англичан»[594].

В 1920 г. Святополк-Мирский заявил о себе в печати как пишущий по-английски литературный критик. Это принципиальное положение. Ни у одного крупного русского критика и историка литературы не было подобной профессиональной инициации – и в иноязычной среде. Хорошо знакомый с редакционными стандартами русской дореволюционной и европейской послевоенной периодики, Святополк-Мирский силой обстоятельств встраивает свою литературно-критическую работу в британский стандарт высокой журналистики.

Святополк-Мирский как литературный критик и обозреватель был исключительно плодовит. Высокая продуктивность имела, среди прочего, и материальные причины. В 1922 г. Святополк-Мирский признавался Чуковскому: «Здесь жизнь не очень легка, русской литературой интересуются мало и не так, как надо. Хотя я пишу по-английски не плохо, я совершенно не могу

---

[593] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 241. Публикация в оригинале: *Lavroukine N.* Maurice Baring and D. S. Mirsky: A Literary Relationship. – P. 27–28.
[594] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 245.

существовать литературными заработками. Теперь <…> я получил литер<ату>ру в здешнем Университете и более или менее на рельсах»[595].

Цитированные слова объясняют и необходимость для Святополк-Мирского «литературных заработков»[596], и исключительную тематическую разносторонность в его англоязычных публикациях: Святополк-Мирский много писал в английской периодике о русской литературе, однако это никоим образом не было его единственной темой. Более того, можно не без оснований предполагать, что, напр., для «The London Mercury», который, по словам Дж. Смита, «должен был стать для Мирского как литературного журналиста оплотом на все его лондонские годы»[597], Святополк-Мирский представлял ценность не как русский по происхождению славист-англофон, а как полиглот, свободно ориентирующийся в национальных литературах на множестве языков[598]. Помимо русского, английского и французского языков, которыми Святополк-Мирский владел с детства, он читал по-древнегречески, на латыни, итальянском, немецком, польском, испанском (и, быть может, даже на голландском[599]).

Сохранилось свидетельство Святополк-Мирского 1924 г., которое в значительной степени объясняет мотивировку появления, по крайней мере, некоторых англоязычных статей Святополк-Мирского о современной русской литературе: «… начав перечитывать Ремизова – я решил о нем написать для англичан, авось это ему поможет. Мою статью, еще ненаписанную, обещали напечатать в Литературном приложении Times'a»[600]. Эта же мотивировка («помочь») очевидна в англоязычных статьях Святополк-Мирского, посвященных, напр., М. Цветаевой. Святополк-Мирский, таким образом, выступает в качестве одновременно и критика-эрудита-полиглота,

---

[595] Там же.
[596] В письме 1926 г. к П.П. Сувчинскому Святополк-Мирский замечал: «… ставки французских журналов <…> для нас, англичан, чудовищно низки. 12 fr. за страницу в 250 слов <–> норма "Nouvelle Revue Française"» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 46).
[597] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 91.
[598] См.: Ibid. – P. 92.
[599] См.: Ibid.
[600] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 27. Речь идет о неподписанной статье «Aleksei Remizov» (The Times Literary Supplement. – 1924. – February 21) (см.: *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 171).

востребованного британской прессой, и русиста-англофона, содействующего знакомству британской публики с новейшей русской литературой.

Нижеследующие данные[601] показывают динамику публикаций Святополк-Мирского по годам за весь эмигрантский период его деятельности:

1920 г.: всего 1, в т.ч. по-русски: 0, по-английски: 1

1921 г.: всего 5, в т.ч. по-русски: 0, по-английски: 5

1922 г.: всего 17, в т.ч. по-русски: 0, по-английски: 17

1923 г.: всего 15, в т.ч. по-русски: 2, по-английски: 13

1924 г.: всего 23, в т.ч. по-русски: 6 (в т.ч. 1 книга), по-английски: 17

1925 г.: всего 32, в т.ч. по-русски: 16, по-английски: 16 (в т.ч. 1 книга)

1926 г.: всего 39, в т.ч. по-русски: 15, по-английски: 24 (в т.ч. 2 книги)

1927 г.: всего 24, в т.ч. по-русски: 7, по-английски: 17 (в т.ч. 2 книги)

1928 г.: всего 21, в т.ч. по-русски: 10, по-английски: 10, по-французски 1

1929 г.: всего 50, в т.ч. по-русски: 21 (включая цикл «Национальности СССР» как одну публикацию), по-английски: 24, по-немецки 5

1930 г.: всего 13, в т.ч. по-русски: 0 , по-английски: 9, по-немецки 3, по-французски 1

1931 г.: всего 23, в т.ч. по-русски: 1 , по-английски: 17 (в т.ч. 2 книги), по-немецки 1, по-французски 3, по-итальянски 1

1932 г.: всего 10, в т.ч. по-русски: 3 (В СССР, 2 – после приезда в СССР), по-английски: 5, по-немецки 2

Как можно видеть, англоязычные публикации устойчиво преобладают (за исключением 1929 г.) над русскоязычными. Лишь дважды, в 1925 г. и 1928 г. количество публикаций по-русски и по-английски уравнивается. Было бы, однако, в равной мере опрометчиво судить о литературно-критической деятельности Святополк-Мирского, преувеличивая значение количественных показателей, и

[601] Подсчеты основаны на новейшей библиографии работ Святополк-Мирского: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 528–549.

делать вывод о большей значимости для Святополк-Мирского англоязычных публикаций, чем русскоязычных.

Англоязычная публикационная активность Святополк-Мирского в 1920-е гг. не имеет точных аналогов среди русских эмигрантов-интеллектуалов, в числе которых известны случаи исключительно успешной абсорбции в иноязычную среду (французскую[602] – Б.Ф. Шлецер, В.В. Вейдле, немецкую и чешскую – Н.С. Трубецкой и Р.О. Якобсон). Случай Святополк-Мирского, однако, вполне подтверждает тезис Г. Тиханова: «Изгнание и эмиграция были крайним выражением гетеротопии, вызванной грандиозными историческими изменениями и принесшей не только травму перемещения, но и творчески продуктивную необходимость функционировать в нескольких языках и культурах одновременно»[603].

При этом, по словам Дж. Смита, «письменный английский Мирского был очевидным образом ниже уровнем его русского языка»[604]. Причина этого, по Смиту, в том, что первичное знание английского языка Святополк-Мирский получил в раннем детстве от своей няни-англичанки, начав использовать английский как рабочий язык лишь свыше тридцати лет спустя[605]. Англоязычные тексты Святополк-Мирского проходили сквозь тщательную профессиональную редактуру и корректуру натуральных англофонов. Дж. Э. Харрисон, которой Святополк-Мирский посвятил свою книгу «Contemporary Russian Literature: 1881–1925» (1926), писала Святополк-Мирскому в частном письме (1925), что он «до гробовой доски будет неправильно использовать наши [английские] предлоги»[606]. Сам Святополк-Мирский время от времени высказывался в печати об издержках переводов с русского на английский. Напр., в рецензии на английское издание писем и воспоминаний А.Г. Достоевской в переводе С. Котелянского Святополк-Мирский заметил: «… перевод очень добросовестный и достоверный, хотя иногда

---

[602] См. подробный обзор в.: *Livak L.* Russian Emigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France. A Bibliographical Essay. – Montreal–Kingston–London–Ithaca, 2010.
[603] История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. – С. 341.
[604] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 34.
[605] Ibid. – P. 35.
[606] *Smith G.S.* Jane Ellen Harrison: Forty-Seven Letters to D. S. Mirsky, 1924–1926. – P. 90.

[г-н Котелянский] держится неоправданно близко к русским выражениям (the Russian idiom)»[607].

Тематический диапазон Святополк-Мирского в его публикациях в периодической печати исключительно обширен. Это было связано как с редакционными условиями (обзоры новейшей литературы по самым разным предметам – от арабской литературы до нового английского перевода Монтеня), так и с исключительно широкими интересами самого Святополк-Мирского. Потому едва ли возможно тематически систематизировать высказывания Святополк-Мирского по всем затронутым им историко-литературным и историко-культурным вопросам.

Редакционные заказы, выполняемые Святополк-Мирским, имеют отношение и к словам в письме к М. Берингу 1920 г. о трудности «писать без определенной цели и <ободрения>». Чуть позже, в письме к П.П. Сувчинскому (декабрь 1922 г.) Святополк-Мирский заметит: «Я не могу вообще работать без внешнего принуждения»[608].

Двуязычие Д.П. Святополк-Мирского: материалы к сравнительному анализу

Дж. Смит справедливо отметил, что «значительная доля публикаций [Святополк-Мирского] включает в себе своеобразную двуязычную операцию»[609]. Однако эта «операция» в трактовке Святополк-Мирским одной и той же темы до сих пор находилась на периферии исследовательского внимания. Святополк-Мирскому принадлежит довольно много параллельных (и одновременных или близких по времени написания) высказываний о тех или иных историко-литературных сюжетах (как из русской, так и из английской литератур)[610]. Мы

---

[607] *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism // The London Mercury. – 1926. – № 14. – P. 542.
[608] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 19.
[609] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 81.
[610] См., напр.: о Брюсове: *Mirsky D. S.* Valery Bryusov // The Slavonic Review. – 1924 (December). – Vol. 3. – № 8. – P. 441–443; *Святополк-Мирский Д., кн.* Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924) // Современные записки. – 1924. – № 22. – С. 414–426;
о Байроне: *Mirsky D. S.* Byron // The London Mercury. – 1924. – № 9. – P. 603–616; *Святополк-Мирский Д., кн.* Байрон (К столетию со дня смерти, 1824 – 18 апреля – 1924) // Звено. – 1924. – 21 апреля. – № 64. – С. 2–3;

остановимся на нескольких из них, чтобы продемонстрировать двуязычную методику Святополк-Мирского.

а) Характерным примером таковой можно считать статьи, посвященные современной русской литературе. Остановимся на текстах, посвященных И. Бабелю. Они выбраны нами по той причине, что творчество Бабеля в нач. 1920-х гг. представляет собой пример литературных произведений, не имеющих за собой традиции интерпретации[611]. Критическое суждение Святополк-Мирского, таким образом, имеет все признаки оригинального высказывания.

Англоязычная статья была опубликована в январе 1926 г. в журнале «The Nation and the Athenaeum»[612] и явилась одним из первых представлений Бабеля английской аудитории. Неслучайно Святополк-Мирский в самом начале объясняет: «На этот раз “Babel” – это не великий и порочный город из Библии, а просто молодой русский писатель еврейского происхождения, написавший несколько рассказов значительного достоинства».

Еврейское происхождение Святополк-Мирский подчеркнет еще раз, говоря о наиболее крупных достижениях современной русской прозы: «В 1925 г. появились четыре книги, являющиеся наиболее значительными примерами прозы,

---

о русской прозе 1920-х гг.: *Mirsky D. S.* The Revival of Russian Fiction // The Nation and the Athenaeum. – 1925. – 14 March. – P. 811–812; *Святополк-Мирский Д., кн.* Молодые русские прозаики // Звено. – 1925. – 2 марта. – № 109. – С. 2–3;

о Цветаевой: *Mirsky D. S.* Marina Tsvetaeva // The New Statesman. – 1926. – 27 February. – Vol. 26. – № 670. – P. 611–613; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] М. И. Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924 // Современные записки. – 1926. – № 27. – С. 569–572; *Mirsky D. S.* Mólodets. A Fairy Tale. By Marina Tsvetayeva. Prague: Plamya, 1924 // The Slavonic Review. – 1926 (March). – Vol. 4. – № 12. – P. 775–776; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Цветаева М. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924]. «Крысолов» М. Цветаевой // Воля России. – 1926. – № 6/7. – С. 99–102;

о Есенине: *Mirsky D. S.* S. A. Esenin: Obituary // The Slavonic Review. – 1926 (March). – Vol. 4. – № 12. – P. 706–707; *Святополк-Мирский Д., кн.* Есенин // Воля России. – 1926. – № 5. – С. 75–80;

о Л. Толстом: *Mirsky D. S.* Tolstoy (1828 – 28 August / 9 September – 1928) // The Slavonic and East European Review. – 1928 (June). – Vol. 7. – № 19. – P. 77–80; *Святополк-Мирский Д.* О Толстом: 1828–1928 // Евразия. – 1928. – 24 ноября. – № 1. – С. 6–7;

о Маяковском: *Mirsky D. S.* Vladimir Mayakovsky (1893 – 14 April, 1930) // The Slavonic and East European Review. – 1930 (June). – Vol. 9. – № 25. – P. 220–222; *Святополк-Мирский Д.* Две смерти: 1837–1930 // Смерть Владимира Маяковского. – Берлин, 1931. – С. 47–66.

[611] О рецепции раннего творчества Бабеля см.: *Freidin G.* Justifying the Revolution As an Aesthetic Phenomenon: Nietzschean Motifs in the Reception of Isaac Babel (1923–1932) // Nietzsche In Soviet Culture. – Oxford: Oxford University Press, 1994. [Электронный ресурс]: URL: https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/babel_nietzsche.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

См. также библиографию публикаций Бабеля и исследовательской и критической литературы о нем: Checklist of the works of Isaak Babel’ (1894–1940) and translations. Compiled by Efraim Sicher. [Электронный ресурс]: URL: https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/BABEL2.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

[612] *Mirsky D. S., Prince*. Babel // The Nation and the Athenaeum. – 1926. – 23 January. – P. 581–582. Далее цитируется по этой публикации.

данной поколением писателей, родившихся после 1890 г. Это “Города и годы” К. Федина, “Рассказы” Б. Пастернака, “Шум времени” О. Мандельштама, “Рассказы” И. Бабеля (сюда же примыкает опубликованное три года назад “Сентиментальное путешествие” В. Шкловского). <…> Для стопроцентных русских националистов должно быть поводом для уныния, что, за исключением Федина, все эти писатели – евреи».

Сначала Святополк-Мирский рассматривает Бабеля на фоне его сверстников: «У Шкловского, Федина, Пастернака, Мандельштама и Бабеля есть мозги, достижение в молодой русской литературе не столь распространенное, чтобы им можно было пренебречь <…> Эти писатели (за исключением Шкловского) дали примеры художественной дисциплины много выше среднего. Бабель в этом отношении стоит на первом месте, хотя у него нет ни дара Федина описывать персонажей, ни подобной Прусту силы Пастернака “видеть мир заново”, ни гения Мандельштама минимальным количеством слов передавать глубочайшее богатство смысла».

Эти оговорки являются, однако, лишь подготовкой к тому, чтобы определить творчество Бабеля как явление исключительной ценности: «Проза Бабеля есть ближайшее приближение к совершенству формы и “чистому искусству”»[613]. Тут же Святополк-Мирский дает свое определение «чистого искусства»: «это такое <искусство>, в котором процесс “превращения” “первоначального опыта” в художественную ценность завершен, в котором не остается непереваренного остатка “человеческой значимости”, “рваных краев” непреображенной «эмоции». Святополк-Мирский предлагает оппозицию «чистое искусство / искусство “с примесями”» и настаивает, что она «не имеет ничего общего с различием между классицизмом и романтизмом, о котором столь много говорят ныне», отсылая, таким образом, к актуальным англоязычным

[613] В позднейшей, 1927 г., статье «The Present State of Russian Letters» (The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 275–286) Святополк-Мирский писал: «Из всех современных русских <Бабель> наиболее часто достигал той опасной, редкой и неуловимой вещи – совершенства» (*Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 254).

дискуссиям[614], но, быть может, также и к русскоязычной статье К. Мочульского «Классицизм в современной русской поэзии» (1922)[615]. «Чистое искусство», по Святополк-Мирскому, создает «произведение, в котором любые психологические и эмоциональные элементы не имеют значения вне контекста данного произведения». Святополк-Мирский предлагает «ближайшие примеры этого»; это «Пиковая дама» Пушкина и «Удалой молодец – гордость Запада» Дж. М. Синга. Параллель с Сингом продолжается и далее: «Другая общая с Сингом черта Бабеля – это его язык. Все лучшие произведения Бабеля написаны на диалекте; это русско-еврейский одесский жаргон и русский язык кубанских казаков (изначально украиноязычных)». Стиль и Бабеля, и Синга «обладает той сжатостью, той неизбежной полнотой и насыщенностью, который приближает его к поэтическому языку». Столь высокая оценка не препятствует, однако, в определении недостатков Бабеля: «Для писателя с таким чувством экономии и концентрированности художественных средств, что он почти приблизился к абсолютному совершенству, Бабель на удивление неровен. У Бабеля есть странное ограничение, делающее его неспособным изобретать сюжеты. Это объясняет, почему одни его рассказы столь хороши, а другие – посредственны или даже откровенно плохи».

Авторская речь, которую Святополк-Мирский предпочитает называть «речью “повествователя”» (в противопоставление «диалекту персонажей»), охарактеризована как «полуимпрессионистский журнализм, “выношенный до дыр” за последние двадцать пять лет». Примером этой «умной, но довольно безвкусной журналистики» является «проницательный, но дешевый скетч о Керенском», «Линия и цвет».

Из десяти рассказов, включенных в рецензируемую книгу, для Святополк-Мирского по-настоящему хороши только три («Король», «Письмо» и «Соль»). Остальные – «либо очень плохие рассказы, либо не рассказы вовсе. В этом

---

[614] См., напр.: *Mirski D. S.* Literary History and Criticism (C. H. C. Wright. French Classicism. Cambridge, Mass., 1920; J. D. M. Ford. Main Currents of Spanish Literature. London; J. Fitzmaurice-Kelly, ed. Cambridge Readings in Spanish Literature. Cambridge, 1920; R. A. Nicholson. Studies in Islamic Poetry. Cambridge) // The London Mercury. – 1921 (December). – Vol V. – № 26. – P. 210.

[615] *Мочульский К.В.* Классицизм в современной русской поэзии. – С. 368–379.

последнем случае они могут быть исключительно хорошей журналистикой или первоклассным повествовательным *материалом*, лишенным повествовательного скелета». Однако «Соль» вызывает у Святополк-Мирского безоговорочное восхищение: «Это вечная радость, подлинная драгоценность, вопреки полнейшему повседневному (casual) ужасу деталей, потому что ужас и грязь без остатка дистиллированы в то, что я не могу назвать иначе как поэзией».

Святополк-Мирский исходит из того, что «адекватно перевести <Бабеля>, конечно, невозможно», подчеркивая, что «для русского читателя <«Письмо» и «Соль»> являются наиболее утонченными наслаждениями во всей современной литературе». Однако «поскольку лучшие рассказы Бабеля имеют крепкий повествовательный позвоночник, то содержащееся в них искусство делает переводы (по необходимости неполноценные) имеющими смысл»[616].

В тексте Святополк-Мирский несколько раз апеллируют к личному опыту и личным знакомствам: «Я сам имею определенное знакомство с [речью кубанских казаков] и могу засвидетельствовать исключительную точность ее воспроизведения Бабелем»; о Бене Крике: «одесситы говорили мне, что это существующий в действительности человек, его настоящее имя – Миша Япончик»; «Несколько моих знакомых выучили “Соль” почти наизусть»[617].

Развернутое русскоязычное высказывание Святополк-Мирского о той же книге рассказов Бабеля опубликовано в декабре 1926 г., в парижском журнале «Современные записки»[618]. В русской статье Святополк-Мирский сразу предлагает фокус рассмотрения, отличный от англоязычного: Бабель – «едва ли не единственный <писатель>, которого вне России читают “для удовольствия”» и «единственный сложившийся мастер среди “попутчиков”, единственный, который пишет одновременно и для читателя, и “для себя”».

---

[616] В 1931 г. Святополк-Мирский опубликовал английский перевод «Истории моей голубятни» Бабеля: *Babel I. E.* The Story of My Dovecote / Translated by Prince D. Mirsky // The Slavonic and East European Review. – 1931 (June). – Vol. 10. – № 28. – P. 1–11.

[617] Быть может, Святополк-Мирский отсылает здесь в имплицитной форме к чтению Ремизовым вслух «Соли» в 1924 г. в своей парижской квартире, о чем он мог знать и от самого Ремизова, и от общих с ним знакомых. См.: *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. – Berkeley, 1980. (Modern Russian literature and culture. Studies and texts. Volume 4). – С. 83–84.

[618] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] И. Э. Бабель. Рассказы // Современные записки. – 1925. – № 26. – С. 485–488.

Присутствует и сравнение с современниками: Пастернак «менее всего дума<ет> о читателе, а только об очередных творческих задачах», Сейфуллина думает о том, «как потрафить компублике».

Слова о «компублике» вызывают развернутое высказывание об идеологии Бабеля: «”Идеология” Бабеля, конечно, подозрительна для советских правителей. Это идеология скорее “махновская”, или в лучшем случае “буденовская”, и, конечно, она ”не соответствует видам высшего правительства”». При этом Святополк-Мирский подчеркивает, что речь идет о художественной идеологии, т.е. «результате воздействия его рассказов на читательскую психику». Впечатление же от рассказов Бабеля «исключительно литературное, эстетическое». Святополк-Мирский постулирует: «Идеология для <Бабеля> конструктивный прием»: «Только очень мало начитанные люди могут принимать всерьез бабелевскую идеологию или видеть в ней политически важное явление. Его искусство совершенно “бескорыстно”. Достоинство это или недостаток? Ни то, ни другое, просто “свойство”». Этим же свойством обладают «многие величайшие создания литературы <…> напр., повести Пушкина. Но, скорее, это свойство редкое, и, может быть, опасное. Самый процесс творчества должен быть очень интенсивным, чтобы такого рода литературе не выродиться в “изящные безделушки”, подобные повестям Мериме или стихам Готье».

Бабель-прозаик – «законнейший наследник молодого Горького, и его красные бойцы и одесские налетчики – прямые потомки Челкаша, Шакро и Мальвы, – только в новой обстановке, и бытовой, и литературной». «Главная литературная особенность Бабеля» – «зависимость от молодого Горького»[619]; «все другие современные прозаики так или иначе прошли через символистские или после-символистские влияния, один Бабель прямо продолжает до-символистскую традицию»[620]. Однако Святополк-Мирский предлагает увидеть не только сходство

---

[619] Ср. с негативным высказыванием В. Ходасевича в статье «Там или здесь?» (1925): «… знаменитый Бабель – это третий сорт Горького, приправленный, смотря по сюжету, то Горбуновым, то Юшкевичем» (*Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927). – С. 324). Впервые: Дни. – 1925. – 18 сентября. – № 804.

[620] В статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926) Святополк-Мирский замечает: Бабель «подбирает традицию молодого Горького, где тот ее бросил» (*Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 228).

Бабеля с Горьким, но и отличие. Это «большая сжатость», «каждая фраза, каждое слово играет роль в общем художественном воздействии. Этого Горький никогда не достигал, да и не добивался». Еще одно важное отличие Бабеля от Горького «характерно для всего нашего времени: он гораздо “формальнее” и гораздо менее психологичен».

Важнейшее достоинство Бабеля – «искусство заостренного, обыкновенно трагического анекдота. Тут он оригинальней всего». Примеры этого: «Король», «Письмо» и – «особенно» – «Соль».

Отсутствие «заостренности» приводит к творческой неудаче (пример: «Исусов грех»), вызывая «простое недоумение немотивированным нагромождением пакостей». В Бабеле сочетаются «некоторое очарование “героями”», «презрение к “себе “, очкастому интеллигенту, неспособному по слабости нервов пристрелить мучающегося товарища», «общая тонкая ирония», «курьезные “поэтичности”, едва ли не взятые у Вербицкой или у модернистов 1900 года». «Самое неожиданное и, может быть, самое ценное в Бабеле» – «какая-то подлинная эпичность». Помимо эпичности Святополк-Мирский выделяет еще одно достоинство Бабеля, «разнообразие <…> гармонии»: «В нее входит так много оттенков, и каждый оттенок так важен в общем аккорде, что пересказать рассказ Бабеля невозможно: все важно в нем». Святополк-Мирский еще раз настаивает на первостепенном значении «Соли», ибо только в ней, «может быть», Бабель достигает «высшей напряженности», и подводит итог: Бабель «уже дал вещи такого калибра, что мы его должны зачислить в разряд подлинных мастеров».

Отсылка (и в имплицитной форме) к личному опыту Святополк-Мирского в тексте единична. Говоря о языке «распропагандированного кубанского казака», Святополк-Мирский замечает: «Самое удивительное (особенно для тех, кто знает этот язык), как Бабель умеет достигнуть максимального эффекта, ни на минуту не забывая чувства меры, никогда не преувеличивая».

Любопытным коррелятом и своеобразным концентратом русскоязычной рецензии в «Современных записках» является краткая русскоязычная рецензия в

журнале «Благонамеренный»[621], написанная тогда же, когда и развернутые статьи о Бабеле. Ее можно изложить тезисно:

«Рассказы очень неравного достоинства. Очень заметна зависимость Бабеля от сюжета». Рассказы удачны, когда «сюжет, “очевидно данный жизнью”, дает хороший костяк»; примеры: «Король», «Письмо», «Соль». Эти три рассказа – «совершенство, и по силе мастерства, и по великолепию сказа, в котором Бабель не имеет соперников, и по *сложности* конечного результата, в котором изумительным образом сведены в какое-то новое единство героический пафос, грубый реализм и высокая ирония». «Густота и художественная содержательность этих рассказов приближает их к поэзии». Те же черты, «но без завершающего единства действия», представлены в рассказах «Отец», «Как это делалось в Одессе», «Смерть Долгушова», «Замостье». Остальные рассказы «значительно ниже». «Линия и цвет» – «остроумный, но безвкусно написанный фельетон». «Исусов грех» – «хуже всех и положительно уродует книгу, не по кощунственности только, а по совершенной бессмысленности».

Сравним английский и два русских текста. Общие черты: и по-английски, и по-русски Святополк-Мирский формулирует принципиальные для себя тезисы:

а) проза Бабеля в лучших своих образцах приближается к поэзии по своей тотальной дистилляции «впечатлений» в художественную реальность;

б) лучшие образцы прозы Бабеля это – «Соль», «Письмо» и «Король»;

в) Бабель виртуозно владеет «чужим словом»;

г) Бабель неровен; его высшие достижения – единичны (и незаменимы), но наряду с ними Бабель пишет «умную журналистику», к искусству изящной словесности отношения не имеющую.

При этом все три текста (один англоязычный и два русскоязычных) написаны в разной стилистике. Англоязычный: объективирующая литературная критика с историко-литературной перспективой. Русскоязычные: «Современные записки»: субъективная литературная критика, с ситуативным и кратким

---

[621] *Д.С.М.* [Рец.] И. Бабель. Рассказы. Государственное издательство. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168. Курсив в цитатах – Святополк-Мирского.

историко-литературным экскурсом; «Благонамеренный»: экстракт без мотивировок и без какой-либо иллюстративности и доказательств.

В англоязычном тексте Святополк-Мирский помещает Бабеля в контекст современной русской прозы, отмечая как его (Бабеля) сильные, так и слабые стороны. Святополк-Мирский пишет об «ограничениях» бабелевского творчества, но именно оно есть «ближайшее приближение к совершенству формы и “чистому искусству”». Тезис о «чистом искусстве» содержится только в англоязычной статье. Ведущие историко-литературные параллели: Бабель – Синг, Бабель - Пушкин.

В русскоязычном тексте в «Современных записках» Святополк-Мирский опирается на совершенно иную параллель: Бабель – ранний Горький. Важнейший тезис: Бабель наследует досимволистскую традицию. Это, быть может, должно объяснять присутствие «курьезных “поэтичностей”, едва ли не взятых у Вербицкой или у модернистов 1900 года». Святополк-Мирский предлагает своеобразную классификацию достоинств Бабеля: «самое явное» – «изумительное мастерство словесной имитации», «самое оригинальное» – «искусство заостренного, обыкновенно трагического анекдота, «самое неожиданное и, может быть, самое ценное» – «какая-то подлинная эпичность». «Подлинная эпичность» как «самая ценная» черта творчества Бабеля есть только в тексте «Современных записок».

Во втором русскоязычном тексте, в «Благонамеренном», Святополк-Мирский как главную черту Бабеля выделяет «*сложность* конечного результата» и называет его составные части: «героический пафос, грубый реализм и высокая ирония». Слова о «героическом пафосе» представляется возможным соотнести с тезисом о «подлинной эпичности».

Как видим, Святополк-Мирский, излагая несколько ключевых для себя тезисов, ни в одном случае не занимается буквальным самоповтором, предлагает различные историко-литературные мотивировки и акценты, решает три текста в трех различных стилистических ключах.

б) Следующим примером трактовки одного материала на разных языках являются два текста, посвященные жизни и творчеству протопопа Аввакума. В 1924 г. Святополк-Мирский инициировал первый английский перевод «Жития» прот. Аввакума, выполненный Дж.Э. Харрисон и Х. Мирлиз[622]. Перевод вышел отдельным изданием в лондонском издательстве «Hogarth Press»[623] и был сопровожден обстоятельной вступительной статьей Святополк-Мирского[624]. Святополк-Мирский был исключительно заинтересован в появлении английского издания «Жития» и даже «собственноручно нарисовал карту скитаний Аввакума по России и предлагал опубликовать ее вместе с текстом “Жития”»[625], чего, однако не произошло.

В своем предисловии Святополк-Мирский вначале дает общую картину состояния средневековой Руси, особо подчеркивая культурную изоляцию Руси: «Греческий язык оставался для древнерусских людей запечатанной книгой» (7); «К 1550 г. Московия окончательно закрылась от всех внешних влияний <…> ее ментальность стала водонепроницаемой для любой нерусской идеи» (8); «С середины XVI-го до середины XVII-го века – несмотря на все политические кризисы и напасти, сквозь которые нация должна была пройти за эту сотню лет – ментальность Московии осталась неизменной, самодовлеющей, замкнутой наподобие Китая» (9); «Ученость в Московии была невеликой, старославянский язык был языком мертвым: многое из него не было непосредственно понятно даже грамотным чиновникам» (9).

Переходя к описанию реформы Никона и ее последствий, Святополк-Мирский специально апеллирует к английской аудитории. Так, о сугубой / трегубой аллилуйе и двоеперстии / троеперстии он замечает: «Современному

---

[622] См.: *Rogachevskaya E.* Британские интеллектуалы и русские медведи («Житие протопопа Аввакума» на английском языке») // Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. – Иерусалим; М., 2004. – С. 49–60. См. также: *Грачева А.М.* Собúнные друзья протопопа Аввакума (А. Ремизов – П. Паскаль — В. Малышев – А. Панченко) // А. М. Панченко и русская культура: Сборник статей / Сост. С. А. Кибальника и А. А. Панченко; Предисловие С. А. Кибальника. – СПб., 2008. – С. 353–362.

[623] The life of the Archpriest Avvakum by himself / Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. – L., 1924.

[624] Далее цитируется по выщеуказанному изданию, с указанием номера страницы в тексте.

[625] Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступ. ст., публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. – СПб., 2001. – Вып. 2. – С. 355–356.

англичанину эти вопросы могут показаться незначительными. Но для древнерусского человека это было не так» (11). Объясняя специфику никоновских нововведений и реакции староверов, Святополк-Мирский использует аналогию с английской историей: «Чувство красоты было оскорблено новшествами, и это нарушение древне-установленной гармонии играло важную роль, побуждая Аввакума и его друзей идти в непримиримую оппозицию. Это как если бы священник Церкви Англии пошел на костер за Authorized Version (“Авторизованную Версию”), вздумай какой-нибудь британский премьер-министр внедрять Revised Version огнем и мечом» (11–12). Святополк-Мирский подчеркивает историко-культурное значение общин староверов в XVIII – нач. XX в.: «… общины староверов были вернейшими – и во многих случаях единственными – сохранителями допетровской русской цивилизации. Не будь их, наши современники едва ли бы открыли церковную музыку Древней Руси или же безграничное богатство ее религиозной живописи, которая есть чистейший, наиболее сильный и оригинальный цвет древнерусской цивилизации, с тоски зрения культуры – ее оправдание и *titre de noblesse*» (16–17).

«Чувство красоты», эстетический критерий подчеркивается Святополк-Мирским, хотя и с оговорками, и применительно к прот. Аввакуму: «… еще один пункт, к которому можно привлечь внимание, хотя он и не полностью уместен в связи с “Житием”, это – эстетика Аввакума. В схизме староверов эстетический мотив был очень силен и возрастал с годами, особенно после прекращения преследований. Он, можно сказать, был решающей силой в менее радикальных общинах современного старообрядчества. Но в Аввакуме этот мотив строго подчинен религиозному. Новый реалистический стиль живописи (завезенный из Польши и Голландии) ненавистен – не потому, что он менее прекрасен, чем старая живопись (которая, должно помнить, в России была менее реалистичной и более символичной, декоративной и одухотворенной, чем в Византии), а потому, что она искажает идею Бога и несовместима с Его волей» (22–23).

Святополк-Мирский характеризует стиль Аввакума посредством литературной аналогии. Так, послание Аввакума своим детям он предлагает

сравнить с фрагментом «Исповеди» Толстого (20). В другом месте он использует сравнение с фактами из истории английского языка: производимый языком Аввакума «эффект нельзя воспроизвести по-английски, поскольку внутри английского языка нет двух элементов, столь далеких друг другу, как церковнославянский и просторечный московский. Просторечный английский времен Биньяна не будет напоминать просторечный язык сегодняшнего кокни. Русский язык Аввакума, архаичный в деталях, в сути своей – тот же самый разговорный русский язык сегодняшнего дня, которому неведом (по крайней мере – был неведом десять лет назад) жаргон. Грубые слова, которые Аввакум использует в своем “Житии” столь часто и со столь восхитительным эффектом, не могут быть напечатаны ни в одном русском издании, поскольку те же самые слова всё еще на устах любого сегодняшнего землекопа» (27).

В конце предисловия Святополк-Мирский определяет своего читателя как «благородного (gentle) и культурного английского читателя» (29) и в заключение дает ему совет: «У Аввакума есть черта, общая с Марселем Прустом: самое для него сложное – преодолеть первые несколько страниц. На этих страницах он изъясняет свои доводы (почему трегубая аллилуйя отвратительна), основываясь на цитатах из Дионисия Ареопагита (Аввакум не знал, что он было Псевдо-Дионисием) и св. Афанасия Александрийского. Те, кто не интересуется этими доводами, могут пролистать первые десять страниц и начать прямо со слов “Я родился” и так далее» (29–30).

Сравнение Аввакума с М. Прустом сигнализирует не столько об эксцентричности Святополк-Мирского, сколько о его четкой ориентированности на конкретную аудиторию: руководимое Л. и В. Вулфами издательство «Hogarth Press» ориентировалось на узкий круг интеллектуалов, в котором царил культ Пруста. В целом, представление прот. Аввакума и его «Жития» англоязычной аудитории содержит корректно-изложенные исторические и историко-литературные факты (хотя и с известной долей редукции по части конкретных подробностей). Святополк-Мирский, среди прочего, мотивирует это так: «Рядом с собственным “Житием” Аввакума было бы излишним умножать слова, говоря о

личности Аввакума. Он дал ей выражение с неистовостью и искренностью, которые убедят даже поверхностного читателя, если он не сумеет найти в книге что-либо еще» (17).

Публикация английского перевода «Жития» с предисловием Святополк-Мирского вызвала печатный отклик К. Мочульского, писавшего: «Восторженная оценка кн. Святополк-Мирского характерна для намечающейся реакции против художественного канона XIX века. В настоящую минуту Аввакум нам, пожалуй, нужнее Толстого – но будет ли он нам нужен завтра – это покажет будущее. Перевод сделан с возможной точностью; и все же, несмотря на все искусство переводчицы, английский “archpriest” так же похож на русского протопопа, как раскольник на квакера. Автор предисловия спрашивает себя, какое впечатление произведет “Житие” на английского читателя. Мы задаем себе этот же вопрос. И нам произведение Аввакума представляется совершенно непереводимым»[626].

Совсем в ином ключе решен русскоязычный текст Святополк-Мирского, озаглавленный «О московской литературе и протопопе Аввакуме»[627]. Авторский подзаголовок «Два отрывка» вызвал неудовлетворенность у самого Святополк-Мирского: «”два отрывка” <–> манеризм <sic>, их следовало бы совсем вон, но надо как-нибудь извинить крайнюю бессвязность изложения»[628]. «Два отрывка» действительно посвящены разным предметам. Первый – истории допетровской русской литературы и ее рецепции, второй – протопопу Аввакуму.

Первый отрывок начинается с тезиса: «Старая, допетровская русская литература еще не вошла в наш обиход, и понятие о ней у среднего образованного человека самое неопределенное и фантастическое» (145).

Святополк-Мирский атакует славянофилов, которые «ничего не могли сделать или сделали очень мало» «[д]ля восстановления культурной традиции <…> благодаря своему первородному греху – романтическому и

---

[626] *К. В. [Мочульский К. В.]* [Рец.:] The life of the Archpriest Avvakum by himself. Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. London 1924 // Звено. – 1925. – 27 апреля. – № 117. – С. 4.

[627] *Святополк-Мирский Д., кн.* О московской литературе и протопопе Аввакуме (Два отрывка) // Евразийский временник. – 1925. – № 4. – С. 338–350. Далее цитируется по изданию: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 145–155, с указанием номера страницы в тексте.

[628] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. P. 32.

сентиментальному народничеству» (145–146). Далее Святополк-Мирский опровергает утверждение, что «Русь была мужицким царством». Святополк-Мирский возражает: «Московское государство было государством городским и аристократическим» (146). Аристократичен также до XVI в. русский Север. Крестьянин-землепашец подлинной культуры не создал: «Там <…>, где крестьянин есть и был на самом деле то, чем его представляли себе все наши нивеляторы и нигилисты от екатерининских администраторов до нынешних эсеров и большевиков, там он своими силами только и произвел, что толстовского Акима из “Власти тьмы”. Культура невеликая» (146–147).

Русские земледельцы не создают культуры, а славянофилы не сохраняют культуры древнерусской. В результате этого «древнерусское искусство “открыли” не славянофилы, а декаденты. И “открыли” потому, что не задавались историческими и патриотическими задачами, а имели “многогранный” и восприимчивый вкус <…>. Грабарь, совершенно беспринципный эстет, и Муратов, идолопоклонник Рима, сделали для восстановления нашей связи с древнерусским искусством больше, чем все славянофилы взятые вместе, просто потому, что у них не было предвзятого представления о “русской идее”» (147).

Святополк-Мирский коротко останавливается на специфике изучения древнерусской литературы в современной русской филологии и переходит к краткой характеристике допетровской литературы. Характеристика эта краткая и эмоционально-окрашенная (негативно). Сочувственные слова Святополк-Мирский находит лишь для полемической литературы XVI–XVII в.: «Тут <…> и сильная, хотя и несколько лубочная риторика Палицына, и удивительная замысловатость Ивана Тимофеева, и непечатная брань Иосифа Волоцкого, и литовское модничанье Курбского, и великолепная ирония царя Ивана Васильевича. Здесь все центробежно и хаотично. <…> Тут есть возможность явиться и Аввакуму» (149).

Святополк-Мирский подчеркивает уникальность Аввакума как писателя: «Аввакум как расколоучитель окружен многими достойными сподвижниками. Как писатель он одинок; ни диакон Федор, ни старец Епифаний не приближаются

к нему» (150). Главный вклад Аввакума – «неожиданная в обстановке XVII в. и гениальная мысль» «перенести приемы устной проповеди в письменность» (150). Святополк-Мирский отсылает к статье В. Виноградова (1922), но отмечает, что «Аввакум, конечно, не только стилист, – сильнейшие места “Жития” действуют не одним стилем, а глубокой внутренней правдой и заразительным чувством» (152). Эти две последние характеристики, «внутренняя правда» и «заразительное чувство», могут показаться неожиданными для Святополк-Мирского, который совсем вскоре, в 1926 г., предложит использовать «силомеры» для измерения «объективной силы» того или иного писателя. Однако не менее важно то, чем эти «внутренняя правда» и «заразительное чувство» иллюстрируются: «Многим памятно окончание длинного, целиком составленного из цитат введения к Житию, знаменитого словами: “Аще аз протопоп Аввакум, верую, еще исповедую, с сим живу и умираю!” Слова эти неожиданно дают такую сильную концовку всему длинному рассужденью, что оно уже задним числом смыкается в один сильный, медленно восходящий период, и таким и остается в сознании. А после этих слов – пауза и эпическое, житийное начало самого рассказа: “Рождение же мое в Нижегородских пределах…”» (152).

Иллюстрация почти парадоксальная. Хотя «многим памятно» окончание введения, в самом конце текста Святополк-Мирский декларирует: «Нужно открыть дорогу Аввакуму, заставить всех видеть в нем классика» (155). Святополк-Мирский настаивает на необходимости «переиздать <«Житие» Аввакума> <…> привлекательно и с шумом» (155), но обращает на себя внимание постулируемая Святополк-Мирским принудительность: «заставить всех», «хорошо взять себе за образец» (155).

При этом фрагмент текста, который вызывает особое восхищение Святополк-Мирского и который «памятен многим», это именно тот фрагмент, который Святополк-Мирский рекомендует пропустить английскому читателю, не интересующемуся догматикой.

Разница между английским и русским текстами, однако, не только в этом. О русском тексте об Аввакуме Святополк-Мирский в письме к Сувчинскому

отозвался так: «Я два раза принимался за него и ничего не выходило. Это третий опыт – кажется, тоже очень плохо, авось не напечатаете <…> мой лепет <…> Мне было гораздо легче писать о нем <Аввакуме> по-английски (печатается Житие!), чем по-русски. Для англичан я знаю достаточно, для русских ничего не знаю, особенно для евразийцев»[629]. Русскую аудиторию Святополк-Мирский воспринимает не как некое единство (напр., «читающая публика в русской эмиграции»), а сквозь идейно-политический фильтр: статья, по месту публикации в периодическом издании евразийцев, – «для евразийцев».

Святополк-Мирский полностью осознавал разницу в подходах к разноязычной аудитории. По-русски Святополк-Мирский пишет не экскурс и не «введение к Аввакуму», а памфлет, который направлен и против «историков – экономистов и юристов» с Ключевским во главе, против пседоисториков русской литературы (Иванова-Разумника, Пыпина и Венгерова), против славянофилов, эсеров, большевиков и даже «екатерининских администраторов»[630]. Для «культурного английского читателя» (по определению самого Святополк-Мирского) Святополк-Мирский делает исторический и историко-литературный экскурс, хронологически-последовательный, с релевантными аналогиями из английского историко-культурного материала. «Для англичан» Святополк-Мирский выступает в роли осведомленного и доброжелательного проводника в новой для английской публики территории.

---

[629] Idem. — P. 30. Святополк-Мирский, однако, отправил английское издание «Жития» прот. Аввакума в Ленинград, В.М. Жирмунскому «для рецензии» (Idem. – P. 37). Книга, впрочем, не была пропущена советской почтой.

[630] Статья содержит и позитивную часть: «Аввакум остался жив для нашего <языка>, – и от нас зависит ухватиться за протянутый им к нам канат» (155). Но и этот призыв, как представляется, имеет двусмысленные для декларации обертоны, поскольку содержит сочувственные отзывы о Розанове (в паре с Д. В. Болдыревым, совершенно неизвестном широкой публике).

3.3. Д.П. Святополк-Мирский как англоязычный литературный критик (1923–1926)

Д.П. Святополк-Мирский как англоязычный литературный критик

Сам Святополк-Мирский отчетливо воспринимал себя в английской интеллектуальной и издательской среде как иностранца и регулярно подчеркивал это. Так, свое выступление на ежегодном собрании Общества Бронте в Лидсе в 1923 г. Святополк-Мирский начал следующим образом: «Я чувствую себя неловко перед этой аудиторией. <…> Что могу я, иностранец не только в Йоркшире, но и в Англии, сказать нового для вас? Единственное, что извиняет мое выступление перед вами, это, однако, и есть тот факт, что я иностранец и в этом качестве пытаюсь показать, что поразило иностранца в Бронте»[631].

В этом утверждении есть известная доля самоумаления: Святополк-Мирский исключительно хорошо знал английскую литературу и публиковал не только рецензии на книги по истории английской литературы, но и отдельные статьи, посвященные крупнейшим фигурам британской литературной истории[632]. Так в 1924 г. Святополк-Мирский опубликовал в «The London Mercury» обширную статью о Байроне[633], которая вызвала, напр., сочувственный отклик у обозревателя авторитетного издания «The Spectator»: «Статья князя Д.С. Мирского о Байроне делает <…> номер “The London Mercury” примечательным. Она решительна и бесспорна; <…> ее главный интерес – контраст между Байроном – европейским поэтом и Байроном – поэтом английским. Для большинства долгое время было загадкой, почему единственные английские писатели, единодушно признанные великими на континенте, это Шекспир, Байрон и Оскар Уайльд, и статья князя Мирского должна помочь в уяснении этого»[634].

---

[631] *Mirsky D. S., Prince.* Through Foreign Eyes (An address delivered at the annual meeting of the Bronte’ Society, Leeds, 3 March) // Bronte’ Society Publications. – 1923. – Vol. 6. – № 33. – P. 147.
[632] В их числе: *Mirsky D. S., Prince.* Emily Brontë // The London Mercury. – 1923. – № 7. – P. 266–272; *Mirsky D. S., Prince.* Mr Lytton Strachey // The London Mercury. – 1923. – № 8. – P. 175–184.
[633] *Mirsky D.S., Prince*. Byron // The London Mercury. – 1924. – № 9. – P. 603–616.
[634] *[Anon.]* [Review] // The Spectator. – 1924. – April 12. – P. 606.

Обращаясь к русскому материалу, Святополк-Мирский подчеркивает свое положение иностранца в Великобритании, хотя мотивировка меняется. Так, напр., в предисловии к первому английскому переводу (1924) «Жития» протопопа Аввакума Святополк-Мирский отмечал: «Я оставляю читателю – и обозревателю – открыть для себя те литературные качества Аввакума, которые не столь тесно связаны с его непереводимым русским языком. Ожидаю, что эти обозреватели смогут сказать по этому поводу. То, что они скажут, будет мне интересно не только как имеющее отношение к Аввакуму, но и как дальнейшее откровение – для меня – английской ментальности, которая (хотя и в меньшей степени, чем это могло бы быть для Аввакума) по-прежнему остается для меня загадкой»[635]. «Загадка английской ментальности» стала одним из ключевых тезисов Святополк-Мирского в его рассмотрении отношения англичан к Чехову (см. п. 3 гл. 2 наст. диссертации).

Как критик и обозреватель Святополк-Мирский работал для британской «quality press», т.е. для интеллектуальной, но при этом коммерческой периодики, с четкими редакционными условиями, в т.ч. – по ориентированию на конкретную читательскую аудиторию и по размеру публикаций[636].

Британская редакторская дисциплина явным образом определила не только индивидуальный критический стиль Святополк-Мирского, но и, впоследствии, его работу в качестве редактора русского периодического издания («Версты»). Так, в 1927 г. Святополк-Мирский писал П. Сувчинскому, в тот момент – соредактору «Верст»: «Длинные статьи <…> – просто дурная техника. Нет

Отметим, что в 1925 г. в «The London Mercury» Святополк-Мирский рецензировал книгу высоко ценимого им итальянского историка литературы Марио Праца, посвященную той же проблеме рецепции творчества Байрона (*Praz M.* La Fortuna di Byron in Inghilterra. – Firenze, 1925): «Книга призвана объяснить итальянскому читателю, что такое английское отношение к Байрону как поэту, и почему его английская репутация это не то же самое, что на континенте. Синьор Прац не испытывает к Байрону добрых чувств. Он не делает исключений в своем осуждении всех значительных сочинений Байрона. Хотя он хвалит сатирические поэмы, эти похвалы никоим образом не безоговорочны, и Прац, кажется, считает, что Байрон никогда не достигал уровня своих итальянских образцов – Пульчи, Берни и Касти. Он с большим смаком цитирует инвективы Суинберна и всецело с ними солидарен. Книга написана энергично и живо, синьор Прац с сердцем подошел к своей задаче – разрушить европейскую славу Байрона. Насколько я знаю, это первая книга на любом из европейских языков, выражающая крайний английский анти-байронизм» (*Mirsky D. S.* Recent Foreign Books // The London Mercury. – 1925. – № 13. – P. 443).

[635] *Mirsky D. S.* Preface // The life of the Archpriest Avvakum by himself. – P. 29.

[636] См.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 122.

ничего, чего нельзя было бы уместить в 8 страниц нашего формата[637]. <…> … длинные статьи – пережиток эпохи, когда бумага и производство были дешевы»[638]. Ранее, в 1923 г., Святополк-Мирский писал тому же Сувчинскому: «Какой длины написать Вам статью? У нас в Англии это назначается точно: 3500 слов или 800, или as the case may be»[639].

Святополк-Мирский стал единственным русским эмигрантом, активно и регулярно печатавшимся в 1920-х гг. в крупнейших британских интеллектуальных изданиях. Сам Святополк-Мирский осознавал уникальность этого положения и в 1925 г. в парижской эмигрантской газете «Звено»[640] дал яркие характеристики этих изданий.

Святополк-Мирский как англоязычный критик исходил из уже существующий в англоязычной периодике конвенций для литературно-критических статей. Важнее, однако, изначальное несовпадение в объемах понятий, существовавших в английской и русской традициях. Как отмечает Е. Добренко, «понятие literary criticism в англо-американской традиции включает в себя академические работы, посвященные анализу произведений, теории и методов критики; журналистика же сюда не входит <…> … в русской традиции <литературная критика> ассоциируется главным образом с журналистикой (публицистикой), тогда как литературоведение (история и теория литературы) относится к совсем иному роду деятельности – академической науке»[641].

Таким образом, Святополк-Мирский представляет собой пример частичного синтеза двух традиций. С английский точки зрения, он – академический работник, работающий в журналистике. С русской – публицист, осваивающий пространство академической науки.

---

[637] Имеется в виду печатная страница журнала «Версты». По размеру она примерно соответствует печатной странице в «The London Mercury». Это около 300 слов или около 2000 знаков.

[638] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 77.

Чуть позже Святополк-Мирский предложит другой лимит: «Нет ничего, чего нельзя было бы сказать на 4-х страницах» (Idem. – P. 81).

[639] Idem. – P. 24.

[640] *Святополк-Мирский Д., кн.* Литературная пресса в Англии. Классики и романтики // Звено. – 1925. – 27 апреля. – № 117. – С. 2.

[641] История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. – С. 5, 6.

Литературно-критические высказывания Д.П. Святополк-Мирского о русской литературе в британской периодической печати (1920–1927)

В своей первой англоязычной статье, вводном «Русском письме» (1920), Святополк-Мирский утверждал: русская литература «отвергает сомнительную привилегию быть оцениваемой по особым критериям и желает выдержать экзамен на сравнение, чисто эстетическое сравнение, с наиболее известными литературами Запада»[642]. Именно этот тезис[643], как представляется, является основополагающим для всех высказываний Святополк-Мирского о русской литературе – в частности, в британской периодической печати.

Публикации Святополк-Мирского в британской периодической печати посвящены, как правило, *современной* русской литературе: количественно они превосходят журнальные высказывания Святополк-Мирского об *истории* русской литературы.

Наиболее репрезентативными для характеристики позиции Святополк-Мирского представляются обзорные статьи, посвященные новейшей русской литературе. Собственно, с такого многочастного обзора, пяти «Русских писем» (1920–1921), Святополк-Мирский и начал свою деятельность как англоязычный критик.

В первом, «Вводном», письме Святополк-Мирский, признавая, что для русской литературы XIX в. в значительной степени характерно «чтение проповедей» посредством «написания рассказов и романов с определенной целью»[644], современную русскую литературу он видит как «в основном метафизическую и эстетическую»[645]. Именно эта новая тенденция, по Святополк-Мирскому, вызвала переоценку самими русскими писателями и критиками прошлого русской литературы. На первый план выходят фигуры, «которые

---

[642] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 24. Впервые: *Mirski D. S.* A Russian Letter: Introductory // The London Mercury. – 1920 (December). – Vol. III. – № 14. – P. 207–209.

[643] В статье «Русские поэтессы» (1922) Мирский замечал, что в исторической перспективе память о России 1920-х гг. если и сохранится, то это будет память «не о времени Ленина и Дзержинского, а память о времени Блока и Ахматовой» (*Mirski D. S., Prince.* A Russian Poetess // The Outlook. – 1922. – 18 March. – P. 217).

[644] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 23.

[645] Там же. – С. 24.

наименее ценились в годы ортодоксальной интеллигенции»[646]: Пушкин, Баратынский, Гоголь, Фет, Лесков, Случевский. При этом «дух Достоевского и Тютчева главным образом реет над новой русской литературой»[647]. По Святополк-Мирскому, «пальма первенства перешла к поэтам <…>, а также к эссеистам и философам, таким как Розанов, Шестов и Бердяев»[648]. В четвертом письме Святополк-Мирский сделает автокомментарий к своему тезису о господстве поэзии над прозой: «Бедность художественной прозы по сравнению с поэзией естественна в такое время, когда легенды ткет жизнь, а историю творят, не изучая. Отношение поэта может быть только лирическим, а прозаику надо либо подняться над злом, либо быть захваченным вихрем событий. По-видимому, время повествований придет позже»[649].

В последующих «Русских письмах» Святополк-Мирский характеризует крупнейшие школы и направления современной русской литературы, начиная с символистов – Бальмонта, Брюсова, Гиппиус, Сологуба, Вяч. Иванова, Анненского, Блока, Андрея Белого. Святополк-Мирский безоговорочно выделяет Блока: «По мнению большинства людей, которые вообще могут иметь суждение в этой области, Александр Блок является первым из всех живущих русских поэтов»[650]. Анна Ахматова, в свою очередь, «значительно превосходит всех поэтов моложе Блока»[651].

«Русские письма» призваны изменить западное (конкретно – британское) восприятие России как «синтеза большевизма и русского балета»[652]. В «Русских письмах» Святополк-Мирский создает многоплановую картину новейшей русской литературы, учитывая и эстетические, и идеологические установки писателей. Показательно, что Святополк-Мирский, создавая своеобразный пантеон современных классиков, обращает внимание и на фигуры второго и третьего ряда.

---

[646] Там же.
[647] Там же.
[648] Там же. – С. 25.
[649] Там же. – С. 52.
[650] Там же. – С. 33.
[651] Там же. – С. 36.
[652] Там же. – С. 48.

Так, напр., особо упомянуты С. Соловьев, В. Гофман, Ю. Сидоров[653]. Для оценок Святополк-Мирского начала 1920-х гг. показательна и характеристика творчества Цветаевой: «нарочито банальна»[654]. В целом, несмотря на ряд экспрессивных субъективных оценок («сатанист Сологуб, ренегат Городецкий, вундеркинд Георгий Иванов»[655]), «Русские письма» представляют собой исключительно широкий по диапазону обзор новейшей русской литературы. В англоязычный прессе подобный обзор стал первым, и впервые же представил британской читающей публике всё многообразие современной русской литературы.

Обращает на себя внимание, что в «Русских письмах» Святополк-Мирский, с одной стороны, признает невозможность точного прогноза развития русской литературы («Каким будет русский роман завтра, мы можем только догадываться»[656]), с другой – безапелляционно декларирует: «Если и придет от русских новое слово, на которое вы можете положиться, – оно будет исходит не от патриархов<-эмигрантов> Парижа и Берлина, а от новых поколений, сейчас подрастающих, очищенных в огне многочисленных чистилищ России и смывших с себя всю накипь девятнадцатого века. Но пока они не сумели заявить о себе так, чтобы их услышали»[657]. Этот прогноз из третьего письма находится, однако, в очевидном противоречии с финалом вводного письма: «Нынешнее поколение потеряет свою энергию к той поре, когда обстоятельства, может быть, изменятся. А следующее поколение, возможно, будет вовсе неграмотным, обученным лишь борьбе и мародерству вместо чтения и письма»[658].

Значимым коррелятом к «Русским письмам» 1920–1921 гг. является обзорная статья «Русская литература с 1917 г.» («Russian Literature since 1917»), опубликованная в 1922 г.[659] В ней Святополк-Мирский, с одной стороны, развивает тезисы, заявленные в «Русских письмах», напр., тезис о

---

[653] Там же. – С. 34.
[654] Там же. – С. 36.
[655] Там же. – С. 37.
[656] Там же. – С. 52.
[657] Там же. – С. 41.
[658] Там же. – С. 27.
[659] *Mirsky D. S.* Russian Literature since 1917 // The Contemporary Review. – 1922. – № 122. – P. 205–211.

преобладающем влиянии Достоевского на новейшую русскую литературу[660]. Тезис «Русских писем» об актуализации наследия русской литературы получает в «Русской литературе с 1917 г.» дополнительную мотивировку – современные русские писатели являются наследниками русской классической литературы: «Метафизический стиль поэтов может быть прослежен до Баратынского, Тютчева и Фета <…> Постоянные (и часто удачные) попытки Розанова и Белого выразить невыразимые движения подсознательного прямо наследуют психологические тонкости Наташи Толстого. Лирическая риторика Ремизова и Белого восходит непосредственно к Гоголю, а их отчаянная любовь к причудливым, фантастическим и гротескным аспектам русской жизни определенно предначертана Лесковым и снова Гоголем»[661].

Святополк-Мирский повторяет свою оценку творчества Блока («величайшим именем среди наших поэтов XX века является имя Александра Блока»[662]), а «крупнейшими среди поэтов старшего поколения» провозглашает Андрея Белого и М. Волошина[663], тогда как в «Русских письмах» «величайшим поэтом» из старших символистов Святополк-Мирский называл Вяч. Иванова[664]. Наиболее значительным новшеством в «Русской литературе с 1917 г.» стала развернутая характеристика творчества А.М. Ремизова – первая подобная характеристика, данная когда-либо на английском языке. Если в «Русских письмах» Святополк-Мирский упомянет Ремизова лишь единожды – в качестве «романтического большевика», хоть и с аттестацией «утонченного романиста»[665] – то в статье 1922 г. Святополк-Мирский не скрывает своего энтузиазма[666]: «Подлинный царствующий принц русского художественного слова – Алексей

---

[660] «…если определять отца нынешней литературы в целом, это определенно Достоевский – почти все современные мыслители и критики жизни были впервые вскормлены Достоевским» (*Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи / Вступ. ст. и примеч. В. В. Перхина // Русская литература. – 1990. – № 4. – С. 128).

[661] Там же.

[662] Там же. – С. 129.

[663] Там же. – С. 130.

[664] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 30. В «Русской литературе с 1917 г.», однако, содержится исключительно высокая оценка творчества Вяч. Иванова (*Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи. – С. 131).

[665] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 38.

[666] Возможно, что на Мирского оказал влияние факт личного знакомства с Ремизовым в 1922 г. См.: «...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 335–336.

Ремизов»[667]. Святополк-Мирский подчеркивает как генетическую связь Ремизова с литературной традицией («Он последователь Гоголя, Лескова и Достоевского», «подлинный ученик Достоевского»), так и его связь с модернистской поэтикой («… в значительной степени испытал влияние современного стиля и способа выражения»)[668]. Показательно для последующих оценок Святополк-Мирского, что Ремизов привлекает Святополк-Мирского не столько как «творец слов и рассказов» («его вокабулярий, я думаю, самый богатый в русской литературе»), сколько как носитель «всесторонней и сильной человечности»[669].

Этот утверждение 1922 г. находится в видимом противоречии с тезисом Святополк-Мирского 1920 г. в «Русских письмах» об «экзамене» на «чисто эстетическое сравнение» русской литературы «с наиболее известными литературами Запада»[670]. Однако Святополк-Мирский настаивает в 1922 г. на том, что русская литература есть не только ценность художественного, эстетического порядка, но и обладает качествами и достоинствами экстралитературными: «Русская литература после 1917 года дала урок благородной, терпеливой и мужественной отваги. Он говорит, что человеческий дух величественнее и сильнее, чем все силы грубой материи вместе взятые»[671]. Исключительно важно, что Святополк-Мирский одновременно с этим провозглашает в 1922 г. автономию художественного творчества: «… человеческий дух не так уж и определяется материальными условиями, как об этом говорит официальная марксистская доктрина современных правителей России и что божественное пламя Прометея не покинуло его даже в цепях и под пятой орла»[672]. Это, в свою очередь, приводит Святополк-Мирского к уравниванию русской литературы с, по его словам, «душой русской нации»: «… мы можем утверждать, что русская литература – а вместе с ней и душа русской нации – выдержала испытания, пройдя через все

---

[667] *Святополк-Мирский Д.П.* Литературно-критические статьи. – С. 129.
[668] Там же.
[669] Там же.
[670] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 24. Впервые: *Mirski D. S.* A Russian Letter: Introductory.
[671] *Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи. – С. 131.
[672] Там же. – С. 127.

муки. Неукротимая свобода и мужество человеческой души победно вышли из чистилища очищенными его огнем»[673].

Эволюцию взглядов Святополк-Мирского на современную русскую литературу и способа их представления британской аудитории уместно проследить, сопоставив англоязычные обзоры 1920–1921 гг. и 1922 г. с обзором «Современное состояние русской словесности» («The Present State of Russian Letters»), опубликованным в журнале «The London Mercury» в 1927 г.[674], т.е. уже в то время, когда были опубликованы оба тома «Истории русской литературы» Святополк-Мирского.

В «Современном состоянии русской словесности» Святополк-Мирский рассматривает русскую литературу как разделенную на две части, по политически-государственному признаку. Литература метрополии, СССР, характеризуется наличием «суровой предварительной цензуры», но в области художественной литературы положение вещей, по Святополк-Мирскому, «свободней, чем в любой другой сфере литературы»: она «почти так же свободна, как и при старом <т.е. царистском> режиме в его наиболее деспотические периоды»[675]. Святополк-Мирский тут же отмечает, что, в свою очередь, редакторы эмигрантских периодических изданий пытаются вводить свою собственную цензуру для русских писателей, живущих на Западе[676]. Святополк-Мирский предлагает противопоставление: в сфере художественной литературы бесспорное первенство принадлежит писателям, живущим в СССР. Литература эмиграции не смогла породить оригинальных писателей: «… никто из поэтов или прозаиков, представленных нам эмигрантской прессой, не поднимается выше посредственности»[677]. Однако эмиграция имеет «абсолютную монополию» в сфере политической, философской и религиозной мысли. Вместе с тем в сфере

---

[673] Там же.
[674] *Mirsky D. S.* The Present State of Russian Letters // The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 275–286.
[675] *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 246.
[676] Ibid. – P. 247.
[677] Ibid.

литературной критики и литературоведения первенство принадлежит «советской стороне», это – заслуга «петербургских формалистов»[678].

Святополк-Мирский предлагает рассматривать русскую литературу не только по «паспортному» признаку (граждане СССР / эмигранты), но и с точки зрения литературных поколений, «отцов» и «детей» («сыновей»). «Отцы» – «правдоискатели», пессимисты, «полные презрения или отвращения к жизни вокруг них», «суровые индивидуалисты», «часто агрессивно интроспективные и всегда эгоистичные в своем мировоззрении». «Сыновья» – «удовлетворенные скептики <…> или бодрые догматики», оптимисты, «без интереса к психологии», с острым чувством группового единства[679]. Показательно, что Святополк-Мирский не дает точного и однозначного определения и списочного состава наиболее значительных представителей этих двух поколений.

Важна тут же следующая оговорка: «… но, как и всегда, гений – не репрезентативен»[680] для характеристики той или иной группы. Это позволяет Святополк-Мирскому оценивать русскую литературу по двум осям координат: 1) коллективная (групповая) психология и групповая художественная идеология; 2) индивидуальные творческие достижения. Тезис о «нерепрезантивности гения» Святополк-Мирский иллюстрирует примером творчества Б. Пастернака и, говоря о творческом бесплодии эмиграции, М. Цветаевой. Именно в «Современном состоянии русской словесности» (1927) Святополк-Мирский провозглашает Пастернака и Цветаеву как «наиболее значительных из ныне живущих поэтов»; именно они «позволяют нам считать современность великой эпохой русской поэзии»[681]. Хотя Святополк-Мирский исключительно высоко оценивает творчество Ахматовой, Мандельштама, Маяковского и Хлебникова, именно Пастернак и Цветаева, по Святополк-Мирскому, определяют *современную* русскую поэзию. Святополк-Мирский делает важную оговорку: «русский критик, который пишет о них на иностранном языке, должен чувствовать себя особенно

---

[678] Ibid.
[679] Ibid. – P. 247–248.
[680] Ibid. – P. 248.
[681] Ibid. – P. 249.

беспомощным», поскольку «наш критический язык еще не нашел терминов, чтобы описывать» *новый опыт* Пастернака и Цветаевой[682].

Говоря о новой русской прозе, Святополк-Мирский продолжает развивать оппозицию «репрезентативность vs. индивидуальный талант». Так, рекомендуя английскому читателю как «наиболее показательный <пример> молодой русской литературы» «Сентиментальное путешествие» Шкловского, Святополк-Мирский тут же замечает, что «Шум времени» Мандельштама «менее репрезентативен», но зато «в художественном смысле является более значительной книгой»[683].

Святополк-Мирский делает обзор широкого спектра литературных явлений, не скрывая смены своих предпочтений. Так, напр., он признает, что Вас. Казин, «вызвавший такие надежды пять лет назад, оказался разочарованием и дал много меньше, чем обещал»[684]. Святополк-Мирский в 1927 г. ощутимо меняет свою персональную иерархию современной русской поэзии: первые места безоговорочно заняты Пастернаком и Цветаевой. При этом Святополк-Мирский продолжает настаивать на бесплодии художественного творчества в эмигрантской литературе, как делал и в самом начале 1920-х гг., когда русская литературная эмиграция только формировалась.

Важно, что – как и в «Истории русской литературы» – Святополк-Мирский включает в обзор 1927 г. и не-художественную литературу. В обзоре 1927 г. он, признавая некоторое хронологическое несоответствие, особо выделяет как сохраняющую свое значение «Переписку из двух углов» Вяч. Иванова и М. Гершезона. По Святополк-Мирскому, это «квинтэссенция высшего достижения дореволюционной русской культуры, столкнувшейся с революцией»[685]. Святополк-Мирский подчеркивает, что «Переписка» является «свидетельством духовного опыта, обладающего значением большим, чем национальное <русское>»[686]. Святополк-Мирский, таким образом, и в обзоре 1927 г. настаивает

---

[682] Ibid. – P. 249, 250.
[683] Ibid. – P. 256.
[684] Ibid. – P. 249.
[685] Ibid. – P. 256.
[686] Ibid. – P. 257.

на онтологической и вненациональной, а не эстетической только и «этнографической» ценности русской культуры и русской литературы.

Необходимо отметить, что во всех трех обзорах (1920–1921 гг., 1922 г., 1927 г.) Святополк-Мирский избегает политически-окрашенных суждений с идеологической мотивировкой, хотя и характеризует в «Русских письмах» гражданскую войну как «кромешный ад, которым когда-то была Россия»[687], а, говоря о футуристах, замечает: «В разрушительных теориях мы часто оказываемся впереди Запада»[688]. Политические коннотации здесь явно ощутимы. В обзоре 1922 г., говоря об Андрее Белом, Святополк-Мирский замечает: «Но он никогда не отождествлял себя с эмиграцией. Это, конечно, ни в коем случае не означает, что вся русская поэзия пробольшевистская. Ни в коем случае!»[689] В обзоре 1927 г., исключительно высоко оценивая творчество Ахматовой нач. 1920-х, книгу стихов «Anno Domini», Святополк-Мирский указывает: «… из всех писателей, живущих в России, она более всего неприемлема для правящей партии»[690]. Но в этом же обзоре 1927 г., Святополк-Мирский замечает, что, «говоря в экономических терминах, советские писатели в целом находятся в более благоприятном положении, чем эмигранты»[691].

Многообразные высказывания Святополк-Мирского о русской литературе в британской периодической печати и его книги, посвященные истории русской литературы[692], создали Святополк-Мирскому репутацию ведущего англоязычного эксперта в этой сфере. Одним из результатов этого стало, в частности, приглашение Святополк-Мирского в качестве автора статей о русской литературе в наиболее авторитетной британской энциклопедии «Британника»[693].

---

[687] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 37.
[688] Там же.
[689] *Святополк-Мирский Д.П.* Литературно-критические статьи. – С. 130.
[690] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 249.
[691] Ibid. – P. 247.
[692] Святополк-Мирский также опубликовал значительное количество предисловий к переводам на английский язык произведений русской литературы. Г. Лозинский заметил о предисловии Мирского к английскому переводу «Горя от ума» (*Griboyedov A.* The Mischief of Being Clever / Translated by Sir Bernard Pares, with an introduction by Prince D. S. Mirsky. London, 1925): «Предисловие содержит общеизвестные, но новые для англичан сведения о жизни Грибоедова» (*Г. Л. [Лозинский Г.Л.]* «Горе от ума» в Англии // Звено. – 1926. – 31 января. – № 157. – С. 8).
[693] Святополк-Мирский опубликовал две обзорные статьи о русской литературе в энциклопедии «Британника»: 1) *D.S.Mi.* Russian Literature // Encyclopædia Britannica: The Three New Supplementary Volumes constituting with the Volumes of the Latest standard Edition the Thirteenth Edition. – L.; N. Y., 1926. – Vol. III. – P. 435–439; 2) *D.S.M.*

Важно указать на русскую, эмигрантскую рецепцию англоязычной деятельности Святополк-Мирского. В 1926 г. в парижских «Последних новостях» известный русский журналист И.В. Шкловский, живший в Великобритании и писавший под псевдонимом «Дионео», опубликовал статью «”Он изрядно подшутил”», посвященную англоязычным работам Святополк-Мирского о русской литературе[694]. Статья демонстрирует, сколь негативно воспринималась деятельность Святополк-Мирского-англофона крупными фигурами русской литературной эмиграции. По мнению Дионео-Шкловского, Святополк-Мирский безосновательно представляет английской публике как великих писателей Маяковского, Пастернака и Артема Веселого. Однако, по Дионео-Шкловскому, для этого нет никаких оснований; эти писатели уродуют русский язык: «Великие большевистские поэты, имена которых кн. С.-Мирский называет англичанам, выражаются не то, что вычурно и туманно, а чрезвычайно бестолково и безграмотно. Мало того, они убеждены, что бестолковость и нарушение всех правил языка и здравого смысла составляют отличительную черту поэзии»[695]. Дионео-Шкловский закончил свою статью на саркастической ноте: «…В лице князя С.-Мирского мы имеем не историка литературы, а скрытого юмориста, систематически мистифицирующего англичан»[696].

Сохранился отзыв М.А. Алданова в письме В.Н. Буниной (от 17 января 1930 г.): «Теперь в смысле англ<ийских> и америк<анских> переводов будет, верно, еще труднее из-за той сводки, которую поместил Святополк-Мирский в “Брит<анской> Энциклопедии”… …Этот господин всем нам сделал много зла: в Англии он считается первым авторитетом по русской литературе!!»[697]

Russian Literature. // Encyclopædia Britannica. 14th edn. – L.; N. Y., 1929. – Vol. XIX. – P. 751–758. В издании 1926 г. была опубликована и отдельная статья Святополк-Мирского о Чехове (*D.S.M.* Chekhov // Encyclopædia Britannica. – Vol. I. – P. 572–573). В издании 1929 г. были также опубликованы статьи Святополк-Мирского о Достоевском (*D.S.M.* Dostoevski // Encyclopædia Britannica. 14e ed. – 1929. – Vol. VII. – P. 546–547), Горьком (*D.S.M.* Gorki //Ibid. – Vol. X. – P. 532), Толстом (*D.S.M.* Tolstoy // Ibid. – Vol. XXII. – P. 273–275) и Тургеневе (*D.S.M.* Turgenev // Ibid. – Vol. XXII. – P. 586).

[694] См.: *Клятис-Сергеева А. Ю.* Сумерки свободы: Борис Пастернак в критике 1920-х годов. – [М.], 2016. – С. 142–153.

[695] *Dionео [Шкловский И.В.].* «Он изрядно подшутил». – С. 2.

[696] Там же. – С. 3.

[697] См.: *Рогачевский А.* И. А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. – М, 2004. – С. 344. Алданов явным образом отсылает к статье Святополк-Мирского в издании 1929 г., в которой Мирский писал о русской литературе после 1917 г.: «Старшее поколение писателей

Летом 1932 г. В. Набоков писал Г.П. Струве, занявшему преподавательское место Святополк-Мирского в Лондонском университете после отъезда Святополк-Мирского в СССР: «Это великолепная, отрадная новость. Не сомневаюсь в ваших успехах в Англии. Это прекрасно. <…>

Из Глеба выйдет больше толка,

чем из дурного Святополка!»[698]

Не менее показательно и свидетельство В. Ходасевича (1933 г.), в письме к Г.П. Струве писавшего по тому же поводу, что и Набоков: «Я был искренно рад не только за Вас, но за все русское дело, когда узнал, что Святополк-Мирский заменен Вами. Если Вы принесете в Лондоне столько пользы, сколько он принес вреда, это будет очень много»[699]. Отвечая в том же письме на предложение Струве написать статью о Пушкине для журнала «The Slavonic and East European Review», Ходасевич писал: «Статью для Slavonic Review <…> пришлю охотно, но и на сей счет мне необходимы кое-какие указания. Я не очень представляю себе, что именно интересно английскому читателю, в частности – читателю Slavonic Review. Самая степень его осведомленности о Пушкине мне неизвестна, а с этой осведомленностью нужно считаться в первую очередь»[700]; и далее: «Я по-английски даже читать не умею»[701]. Это высказывание свидетельствует о том, что Ходасевич не знал ни статьи Святополк-Мирского о Пушкине, опубликованной в «The Slavonic Review» в 1923 г., ни английской книги Святополк-Мирского о Пушкине (1926) (о них – п. 2 гл. 2 наст. диссертации). Слова Ходасевича вызвали комментарий Г. Струве при публикации письма в 1970 г.: «… огульное суждение В.Ф. <Ходасевича> о деятельности Святополка-Мирского в бытность его лектором русской литературы в Лондонском университете несправедливо и пристрастно. О преподавательской деятельности Святополка-Мирского

почти поровну разделено на две части. Но молодое поколение эмиграции не создало ценных произведений, за исключением, быть может, исторического романиста Марка Алданова» (*D.S.M.* Russian Literature. // Encyclopædia Britannica. – 14th edn. – L.; N. Y., 1929. – Vol. XIX. – P. 756).

[698] Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. 1925–1931. Часть первая. Публикация Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина. Вступительная заметка и комментарии А. А. Долинина // Звезда. – 2003. – № 11. – С. 147, 148.

[699] *Струве Г.* Из моего архива // Мосты. – 1970. – № 15. – С. 398.

[700] Там же. – С. 397.

[701] Там же. – С. 398.

Ходасевич едва ли что-нибудь конкретное знал. Он судил о нем по его писаниям в евразийских сборниках[702] и по журналу “Версты”. Не думаю, чтобы Ходасевичу было известно, что именно в годы своего преподавания в Лондоне <…> Святополк-Мирский выпустил двухтомный труд о русской литературе, остающийся до сего дня лучшим иностранным обзором русской литературы от древнейших времен до начала XX века, а также напечатал ряд ценных статей в английских и французских журналах»[703].

Несмотря на остро-критическую оценки Дионео-Шкловского, Алданова, Набокова[704] и Ходасевича, корректно, однако, признать, что некоторые эмигрантские критики и историки литературы, как, напр., Г. Лозинский и К. Мочульский, сочувственно отзывались об англоязычных работах Святополк-Мирского (см. п. 1 и п. 2 гл. 2 наст. диссертации), а посвященные современной русской литературе высказывания Святополк-Мирского в британской периодической печати способствовали знакомству англоязычной аудитории с крупнейшими достижениями русской литературы нач. XX в., в первую очередь – с творчеством крупнейших русских поэтов рубежа XIX–XX вв., а также Б. Пастернака, М. Цветаевой и А. Ремизова. Индивидуальные пристрастия Святополк-Мирского-критика в значительной степени подтвердили его историко-литературную интуицию.

---

[702] Г. П. Струве ошибается. Как отметил Р. Хьюз, «любопытно, что единственная публикация Мирского в евразийской периодике до серии статей в газете “Евразия” (1929) не касалась идеологии, а была литературным исследованием» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 336–337).

[703] *Струве Г.* Из моего архива. – С. 399.

[704] Впоследствии Набоков решительно переоценил в положительную сторону работы Святополк-Мирского. См.: *Ефимов М. В.* «Mirsky and I»: К вопросу о творческих связях В. В. Набокова и Д. П. Святополк-Мирского.

3.4. Выступления в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)

Д.П. Святополк-Мирский и русская литературная критика

То, что для Святополк-Мирского положение современной ему русской литературной критики имело первостепенную важность, засвидетельствовано в его первой публикации на английском языке – вводном «Русском письме» (1920)[705]. Святополк-Мирский посвящает заключительный раздел «Письма» положению «литературы о литературе» в России[706] и задает исключительно критический, скептический тон: «Литературные мнения огромного большинства русских читателей на протяжении периода более шестидесяти лет направлялись людьми, которых обычно изображали законодателями мнения» (25).

Первым из них Святополк-Мирский называет Белинского, последним – Михайловского. При этом «[н]и один из этого ряда не может быть назван критиком в собственном смысле этого слова», за исключением самого Белинского, но только «в период его деятельности до 1839 г.» (25). Ни один из этих «законодателей мнений» «никогда не подходи[л] к литературе с иных позиций, кроме социологических и моральных» (25). Святополк-Мирский называет «эпигонов» этого направления – С.А. Венгерова, П.Ф. Якубовича, «некоторых официальных большевистских критиков» и – довольно неожиданно – М. Горького. Далее Святополк-Мирский делает важное утверждение: «На протяжении двадцати лет мнения о литературе находились в состоянии полной анархии и никто из критиков не пользовался большим влиянием» (26). Из последующего текста можно сделать вывод, что «двадцать лет» относятся к периоду 1900–1920 гг. Современное положение русской литературной критики Святополк-Мирский характеризует следующим образом: «Сами критики

---

[705] *Mirski D.S.* A Russian Letter: Introductory // The London Mercury. – 1920 (December). – Vol. III. – № 14. – P. 207–209.

[706] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 25–27.

достаточно анархичны. Отсутствие идей, субъективность, неестественный и вычурный стиль делают таких критиков, как, например, Чуковский и Айхенвальд, иногда приятными для чтения, но редко надежными проводниками. Другие критики, главным образом поэты, имеют множество идей, но они очень личные, далекие от массового читателя, чтобы оказывать какое-то настоящее влияние» (26).

Отметим, что в характеристике Чуковского и Айхенвальда Святополк-Мирский не дает каких-либо объяснений, ограничиваясь негативными характеристиками. Из описания невозможно понять, что Святополк-Мирский понимает под наличием или отсутствием идей у критика, под объективностью / субъективностью критика, под естественным / неестественным стилем критического письма. Святополк-Мирский, таким образом, в известном смысле, реализует подход, который в 1923 г. сам назвал «простейшим видом определения – негативным»[707]. При этом, в видимом противоречии с утверждением 1920 г., в статье «Russian Literature since 1917» (1922) Святополк-Мирский, говоря о «Книге об Александре Блоке» К. Чуковского (Берлин: Эпоха, 1922), назовет Чуковского «нашим лучшим из ныне живущих критиков»[708].

В 1925 г., говоря о прозе Мандельштама (и конкретно о статье о Чаадаеве), Святополк-Мирский подчеркивал «культурно-историческую зоркость» Мандельштама[709]. Последнюю характеристику можно экстраполировать и охарактеризовать как один из важнейших для Святополк-Мирского критериев литературно-критического и историко-культурного письма.

В 1926 г. Святополк-Мирский опубликовал статью «О нынешнем состоянии русской литературы»[710], которая является его наиболее развернутым высказыванием о задачах и принципах литературной критики на русском языке[711].

---

[707] *Mirsky D. S.* Mr Lytton Strachey. – P. 175.

[708] *Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи. – С. 129. Впервые: *Mirsky D. S.* Russian Literature since 1917 // The Contemporary Review. – 1922. – № 122. – P. 205–211.

[709] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] О.Э. Мандельштам. Шум времени. Цит. по: *Mirsky D.S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 208.

[710] *Святополк-Мирский Д., кн.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 90–97.

[711] Далее статья цитируется по: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 222–229, курсив Святополк-Мирского.

Задача Святополк-Мирского – «отстоять право литературной критики судить по литературным признакам» (222). Святополк-Мирский говорит об «оценке явлений новых» и постулирует «перв[ую] обязанность критика (если он именно *критик,* а не *chef d'école*)» – «по мере сил отрешиться от своих личных вкусов и традиционных предрассуждений, – и постараться *изнутри* понять и оценить эти явления» (222). Исходя из того, что «вкус дело изменчивое» (222), Святополк-Мирский определяет задачу литературной критики: «Критик должен не заботиться о вкусах, а пытаться выяснить объективную *(объективную*) ценность того, что кругом него производится» (222, курсив Святополк-Мирского). Святополк-Мирский признает, что «задача эта, конечно, безнадежная» и что она может быть выполнена «только с самой грубой приблизительностью» (222).

Далее Святополк-Мирский выдвигает принципиальный тезис: «У каждого писателя есть своя объективная величина, определенное количество силы» (222). Обязанность критика – «смерить эту силу». При этом Святополк-Мирский тут же оговаривается, что «силомеров таких еще не выдумали» и – парадоксальным образом – апеллирует к некоему «общему consensus doctorum», т.е., сколько можно понять, мнению, в котором солидарны наиболее авторитетные историки литературы. По Святополк-Мирскому, этот консенсус со временем «получает большую, может быть, окончательную убедительность» (223). Святополк-Мирский иллюстрирует это примером: «Всякий имеет право (и я этим правом всемерно пользуюсь) не любить Достоевского и Чехова, и предпочитать им, скажем (как я предпочитаю), Писемского и Кущевского. Но утверждать, что Писемский *больше* Достоевского, а Кущевский *больше* Чехова так же явно неверно, как было бы утверждать, что в Брюсселе больше жителей, чем в Лондоне» (223)[712]. Святополк-Мирский подводит итог: «Вот с точки зрения такой объективной "силомерной" оценки я и хочу подойти к современной русской словесности» (223).

---

[712] Ср. в «A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881)» (1927): «Сравнить <Толстого> с Чеховым для нормального русского человека так же невозможно, как сказать, что Брюссель больше Лондона» (*Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 392).

Афористичная форма высказывания не способствует, однако, однозначности его толкования. Святополк-Мирский настаивает на «объективной величине» каждого писателя, но выясняется, что эта объективность выражена не суммой конкретно измеряемых параметров, а консенсусом авторитетов, освященным временем. «Силомер», которого «еще не выдумали», но результат действия которого и есть достигнутый компромисс в измерении «объективной силы» писателей, Святополк-Мирский предполагает применить к литературной современности. Между тем, по его же собственным словам, результат измерения «силомером» получает убедительность лишь «со временем». Святополк-Мирский замечает, «что окончательный коэффициент зависит, конечно, не от одной природной силы, но и от того как она применена – это элементарно» (222–223). Однако Святополк-Мирский не предлагает никакой формулы, которая могла бы рассчитать и применить этот «коэффициент». «Смерить силу» – это метафора. Никаких конкретных механизмов «измерения», которые позволяют «судить по литературным признакам» о литературе, Святополк-Мирский не упоминает. Поэтому и «демографическое» сравнение – при всей своей яркости – не имеет смысла: численность населения измеряется общепризнанными способами и в общепризнанных единицах измерения, для «измерения» писателей таковых не существует. Показательно, что Святополк-Мирский, говоря о «силомерах», «измерении» и «коэффициенте», употребляет едва ли не просторечный оборот – «…утверждать, что Писемский *больше* Достоевского, а Кущевский *больше* Чехова…» «Больше» (или «меньше») в данном случае не получает никакой «единицы измерения», даже метафорической.

Пафос Святополк-Мирского понятен: у литературной критики должен быть какой-то критерий описания и оценки современной литературы помимо субъективных симпатий и антипатий. Святополк-Мирский демонстрирует это на собственном примере: «Сила эта [объективная величина] может быть направлена и против “моей” шерсти» (222). Показательно, что в этой русскоязычной декларации задач литературной критики Святополк-Мирский никак не

апеллирует к историко-литературным сведениям, т.е. к тому, что в своих англоязычных работах он считает для литературной критики обязательным.

По сути, Святополк-Мирский, ратуя за «точные методы измерения» «объективной силы», предлагает не метод, а субъективную метафору.

На основании вышеизложенного можно прийти к нескольким заключениям:

1. Святополк-Мирский в значительной степени ориентировался на английскую традицию «literary criticism», понимая под ней *синтез* истории литературы и литературной критики.

2. Жанровая природа и историко-литературных, и литературно-критических текстов понималась Святополк-Мирским широко.

3. Одним из принципиальных свойств подлинной литературной критики Святополк-Мирский считает «чувство истории», «культурно-историческая зоркость». Святополк-Мирский имлицитно, но последовательно осуществляет на практике тезис Т.С. Элиота: «… появление всякого нового произведения искусства влияет на предшествующие <…> прошлое должно изменяться под воздействием настоящего в той же степени, в какой настоящее определяется прошлым».

4. По Святополк-Мирскому, историк литературы занимается историей литературных форм. Литературный критик, в свою очередь, должен обладать свойствами и знаниями историка литературы. История литературы как дисциплина возможна без литературной критики, но литературная критика невозможна без историко-литературного фундамента. Таким образом, идеальный литературный критик – это историк предшествующей литературы, занимающийся актуальной критикой. По сути, это – тот, кем Святополк-Мирский видел себя самого.

При этом Святополк-Мирский не ограничивал себя лишь историко-рациональным способом познания и оценки[713]. Так, в статье 1925 г. о протопопе Аввакуме Святополк-Мирский писал, что тот «действуют не одним стилем, а

[713] В 1925 г. Мирский писал Сувчинскому, что с ним (Сувчинским) евразийство – «самое главное в нынешней русской мысли и чувстве» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 48, подчеркнуто Святополк-Мирским).

глубокой внутренней правдой и заразительным чувством»[714], а также о необходимости «энтузиазм<а>, желании<и> заразить читателя своим восхищением»[715].

Однако Святополк-Мирский не был критиком-интуитивистом, не озабоченным проблемой литературно-критического *метода*. Как раз метод и был предметом пристального интереса Святополк-Мирского. Неслучайно, обдумывая в 1926 г. свою программную статью для первого номера журнала «Версты», Святополк-Мирский собирался писать статью о критиках поэзии, озаглавленную строчкой из Державина: «Между Лентяем и Брюзгой»[716]. Чуть позже Святополк-Мирский уточнил замысел: статья должна была быть «об обязанностях критика»[717]. Однако, по неизвестным причинам, Святополк-Мирский такой статьи так и не написал. Быть может, статья должна была развить положения, высказанные чуть ранее в статье «О нынешнем состоянии русской литературы».

Литературно-критические высказывания Д.П. Святополк-Мирского в периодической печати русского зарубежья (1923–1926)

Святополк-Мирский начал публиковаться в русской эмигрантской периодике лишь в 1923 г., а после 1926 г. он печатался по-русски только в изданиях, к редактированию которых имел непосредственное отношение[718]. В этих последних (в первую очередь – в «Верстах») Святополк-Мирский мог позволить себе большую свободу и в смысле конкретных литературно-критических оценок, и в смысле жанровых конвенций.

---

[714] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 152.
[715] Ibid. – P. 148.
[716] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 47. Слова из оды Г. Р. Державина «Фелица» (1782): «Между лентяем и брюзгой, / Между тщеславья и пороком / Нашел кто разве ненароком / Путь добродетели прямой».
[717] Ibid. – P. 48.
[718] *Казнина О.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М., 1997. – С. 132.

Изучение публикационной активности Святополк-Мирского в периодической печати русского зарубежья (1923–1926) дает следующие результаты[719]:

1923 г.: всего 1 публикация, посвященная английской литературе[720].

1924 г.: всего 6 публикаций, в т.ч.: 3 – об английской литературе[721], 3 – о русской литературе (2 некролога[722], 1 книга[723]).

1925 г.: всего 16 публикаций, в т.ч.: 6 – об английской литературе[724], 10 – о русской литературе (из них: 7 – о современной русской литературе[725], 2 – о современной русской филологии[726], 1 – об истории русской литературы[727]).

1926 г. (до начала публикации журнала «Версты»[728]): всего 12 публикаций, в т.ч.: 1 – об английской литературе[729] , 12 – о русской литературе и культуре (из

---

[719] Из подсчетов исключена статья «О современной английской литературе. Письмо из Лондона» (Современный Запад. – 1923. – № 2. – С. 139–150), поскольку была опубликована в СССР.

[720] *Святополк-Мирский Д., кн.* Современные английские романисты // Звено. – 1923. – 14 мая. – № 15. – С. 3.

[721] *Святополк-Мирский Д., кн.* Искусство биографии (Литтон Стрэчи) // Звено. – 1924. – 28 января. – № 52. – С. 2; *Святополк-Мирский Д., кн.* Байрон (К столетию со дня смерти, 1824 – 18 апреля – 1924) // Звено. – 1924. – 21 апреля. – № 64. – С. 2–3; *Святополк-Мирский Д., кн.* Новое в английской литературе. Морис Беринг // Звено. – 1924. – 11 августа. – № 80. – С. 3.

[722] *Святополк-Мирский Д., кн.* Памяти гр. В. А. Комаровского // Звено. – 1924. – 22 сентября. – № 86. – С. 2; *Святополк-Мирский Д., кн.* Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924) // Современные записки. – 1924. – № 22. – С. 414–426.

[723] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. – Paris: La Presse franco-russe, 1924; 2-е изд.: Paris: La Presse française et étrangère, 1925.

[724] *Святополк-Мирский Д., кн.* Литературная пресса в Англии. Классики и романтики // Звено. – 1925. – 27 апреля. – № 117. – С. 2; *Святополк-Мирский Д., кн.* Английские пуристы // Звено. – 1925. – 13 июля. – № 128. – С. 2–3; *Святополк-Мирский Д., кн.* Беллок // Дни. – 1925. – 8 ноября. – С. 3; *Святополк-Мирский Д.* Современная английская литература. Поэты // Дни. – 1925. – 6 декабря. – № 872. – С. 3; *Д.С.М.* Литературный феномен // Звено. – 1925. – 21 декабря. – № 151. – С. 2 (о книге: MacAlister D. Echoes. Third edition. Glasgow, 1923); *Святополк-Мирский Д., кн.* Джордж Сейнтсбери // Дни. – 1925. – 25 декабря. – № 888. – С. 3.

[725] *Святополк-Мирский Д., кн.* Молодые русские прозаики // Звено. – 1925. – 2 марта. – № 109. – С. 2–3; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Литературная Россия. Сборник современной русской прозы. Под редакцией Вл. Лидина. I. «Новые Вехи» // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 473–475; *Святополк-Мирский Д., кн.* Константин Федин // Звено. – 1925. – 6 апреля. – № 114. – С. 2; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] К. Федин. Города и годы // Современные записки. – 1925. – № 24. – С. 432–434; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] О. Э. Мандельштам. Шум времени // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 541–543; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Б. Л. Пастернак. Рассказы // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 544–545; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] И. Э. Бабель. Рассказы // Современные записки. – 1925. – № 26. – С. 485–488.

[726] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 475–476; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. – 1925. – № 24. – С. 434–438.

[727] *Святополк-Мирский Д., кн.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. – 1925. – № 4. – С. 338–350.

[728] № 1 «Верст» вышел и поступил в продажу в начале июля 1926 г.

[729] *Святополк-Мирский Д.* Современная английская поэзия. Младшее поколение // Дни. – 1926. – 31 января. – С. 4.

них: 7 – рецензии о современной русской литературе[730], 1 некролог[731], 2 эссе[732], 1 письмо в редакцию[733]).

Из 35 публикаций 11 посвящены английской литературе, 24 – русской. Из публикаций о русской литературе актуальной литературной критике посвящены 14, некрологов – 3, историко-литературных статей и рецензий – 3. Таким образом, литературной критике как таковой – т.е. откликам на актуальные тексты современных авторов – посвящено всего лишь чуть больше трети всех русскоязычных публикаций Святополк-Мирского 1923–1926 гг. При этом Святополк-Мирский начал свою деятельность литературного обозревателя в русской эмигрантской периодике как обозреватель английской литературной жизни.

Все 35 публикаций в эмигрантской периодики (исключая книгу «Русская лирика») 1923–1926 гг. распределяются по органам периодической печати следующим образом:

«Звено» (Париж): 11 публикаций

«Современные записки» (Париж): 9 публикаций

«Благонамеренный» (Брюссель): 6 публикаций

«Дни» (Берлин, Париж): 4 публикации

«Воля России» (Прага): 2 публикации

«Евразийский временник» (Берлин): 1 публикация.

---

[730] *Д.С.М.* [Рец.] И. Бабель. Рассказы. Государственное издательство. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168; *Д.С.М.* [Рец.] Б. Пастернак. Рассказы. М.: Круг, 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168–169; *Д.С.М.* [Рец.] О. Мандельштам. Шум времени. Изд. Время. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 169; *Д.С.М.* [Рец.] К. Федин. Города и годы. Государственное издательство. 1924 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 169–170; *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] М. И. Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924 // Современные записки. – 1926. – № 27. – С. 569–572; *Святополк-Мирский Д.* Есенин // Воля России. – 1926. – № 5. – С. 75–80; *Святополк-Мирский Д.* «Крысолов» М. Цветаевой // Воля России. – 1926. – № 6/7. – С. 99–102.

[731] *Святополк-Мирский Д.* Есенин // Воля России. – 1926. – № 5. – С. 75–80.

[732] *Святополк-Мирский Д., кн.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 90–97; *Святополк-Мирский Д., кн.* О консерватизме. Диалог // Благонамеренный. – 1926. – Март–апрель. – № 2. – С. 87–93.

[733] *Святополк-Мирский Д., кн.* Письмо в редакцию [«Звена»] // Звено. – 1926. – 16 мая. – № 172. – С. 12–13. Письмо было ответом на отзыв Г. В. Адамовича о лекции Святополк-Мирского: *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. – 1926. – 25 апреля. – № 169. – С. 1–2.

Ниже предпринимается попытка описать и оценить русскоязычную публикационную активность Святополк-Мирского-критика в первой половине 1920-х гг. как в свете эволюции литературно-критических оценок Святополк-Мирского, так и редакционных установок эмигрантских периодических изданий. Сложность описания – как в отсутствии достаточного количества сведений о подобных установках, так и, что представляется более важным обстоятельством, во фрагментарности высказываний Святополк-Мирского по-русски о современной русской литературе, что было обусловлено спецификой литературно-критической работы в периодических изданиях.

Возможно сделать несколько предварительных замечаний. Принципиально важны слова Святополк-Мирского в его письме к К.И. Чуковскому (май 1922): «Вы, остающиеся в России, для нас как святые и подвижники, так как если Русская Культура выживет, она будет обязана вам, вашему героическому усилию. Мы не больше как крысы, спасшиеся с корабля, Вам еще, может быть, суждено спасти корабль <…> книги из России – наш хлеб насущный»[734].

Это утверждение, таким образом, вполне ясно объясняет сосредоточенность Святополк-Мирского на русской литературе, создаваемой в России (пусть и советской). Эмиграция не спасает русскую культуру. Русская культура жива теми, кто находится в России. Этот тезис – ключевой для понимания всей литературно-критической деятельности Святополк-Мирского-эмигранта.

Святополк-Мирский исходит из положения, впервые изложенного им еще в 1921 г. в одной из своих первых англоязычных статей: «… от почтенных ветеранов интеллигенции, которые ничего не усвоили и ничего не помнят[735], от ветеранов, группирующихся вокруг “Современных записок” в Париже, вокруг других зарубежных изданий, вряд ли стоит ожидать какого-либо откровения. Если и придет от русских новое слово, на которое вы можете положиться, – оно будет исходит не от патриархов<-эмигрантов> Парижа и Берлина, а от новых

[734] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 244, 245.
[735] Ср. в «Истории одного освобождения»: «Подобно Бурбонам, русская эмиграция принадлежит к числу тех, кто ничего не забыл и ничему не научился» (*Мирский Д.* История одного освобождения. – С. 2).

поколений, сейчас подрастающих, очищенных в огне многочисленных чистилищ России и смывших с себя всю накипь девятнадцатого века»[736].

В 1921 г. Святополк-Мирский утверждал, что «новые поколения» еще «не сумели заявить о себе так, чтобы их услышали»[737], потому вектор его высказываний в значительной степени направлен против существующих «ветеранов» – в чаянии некоего будущего. При этом характерно, что под «ветеранами интеллигенции» Святополк-Мирский подразумевает одновременно и писателей, и политиков.

В своем выступлении (1926) и последующей статье (1927)[738] «Веяние смерти в предреволюционной литературе» Святополк-Мирский писал о «смерт[и] историческ[ой], смерт[и] культурной формации, культурного тела» в период 1894–1917 гг. Предчувствие смерти, проявленное в русской литературе, «было не причиной, конечно, а симптомом предсмертного разложения петербургской России»[739]. Русская культура заражена гниением, причем гниение не исключает персонального таланта: «Не было ни одного <…> жильца [«верхнего этажа» русской культуры], не зараженного этим гниением»[740].

Как представляется, посвященные современной русской литературе публикации Святополк-Мирского 1923–1926 гг. и были призваны показать, каким образом русская литература после 1917 г. преодолевает «предсмертное разложение петербургской России». То есть в своих печатных выступлениях в русской эмигрантской периодике Святополк-Мирский действует двояко: как комментатор современного ему русского литературного процесса и как своеобразный литературный идеолог.

Периодические издания, которые предоставляли Святополк-Мирскому свои страницы, ориентируясь – при всей узости читательской аудитории – часто на

---

[736] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 41. Впервые: *Mirsky D. S.* A Russian Letter: Recent Developments in Poetry. Poetry and Politics // The London Mercury. – 1921 (August). – Vol. IV. – № 22. – P. 414–418.
[737] *Святополк-Мирский Д.П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 41.
[738] *Святополк-Мирский Д., кн.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. – 1927. – № 2. – С. 247–254.
[739] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 159.
[740] Там же. – С. 162.

одних и тех же читателей, имели, тем не менее, свои характерные черты, которые Святополк-Мирский принимал во внимание при написании текстов. Как представляется, их необходимо учитывать при обзоре русскоязычных выступлений Святополк-Мирского, потому обзор рубрицирован по отдельным изданиям[741].

Д.П. Святополк-Мирский в «Звене» (1923–1925)

Наибольшее количество статей Святополк-Мирский опубликовал в парижском периодическом издании «Звено». В число постоянных авторов газеты (впоследствии – журнала) на начальном этапе входили А. Левинсон, Б. Шлёцер, К. Мочульский, Г. Лозинский, Г. Адамович, Н. Бахтин, при этом, как отмечает исследовавший материалы редакционного архива «Звена» О.А. Коростелев, «жесткой специализации не было. Каждый из сотрудников мог писать на любую тему»[742]. Говоря об участии Святополк-Мирского, тот же исследователь замечает, что главный редактор «М.М. Винавер предоставлял страницы своей газеты этому талантливому, остроумному и парадоксальному критику, несмотря на то, что ни сам, ни большинство сотрудников “Звена” явно не разделяли быстро меняющихся политических воззрений “красного князя”. Лишь когда Святополк-Мирский зашел в своих воззрениях слишком далеко и начал переносить их на литературу, его сотрудничество в “Звене” прекратилось»[743].

Данная оценка, однако, вызывает сомнение, поскольку из 11 публикаций Святополк-Мирского в «Звене» лишь две были посвящены собственно русской литературе (современной русской прозе и «Городам и годам» К. Федина), но и в

---

[741] В обзоре не представлены четыре публикации Святополк-Мирского в газете «Дни» как посвященные исключительно английской литературе. При этом Святополк-Мирский комплиментарно упомянул «Дни» в № 2 «Верст» (1926): «Вообще, среди зарубежной прессы “Дни” приятно выделяются культурностью своего литературного отдела и определенным интересом к *отечественной* литературе» (Там же. С. 169, курсив Святополк-Мирского). Похвала тем более значительная, что «редакторами литературного отдела “Дней” в то время были М. А. Алданов и В. Ф. Ходасевич» (Там же. – С. 459). С Ходасевичем Святополк-Мирский в это время находился в состоянии литераутно-критической и идеологической полемики. В письме к Сувчинскому Святополк-Мирский писал: «Есть маленькие любезности “Дням” и Алданову, м<ожет> б<ыть,> лишние?» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 62).
О статье «О московской литературе и протопопе Аввакуме» (Евразийский временник. 1925. № 4) см п. 2 гл. 3 наст. диссертации, «Феномен билингвизма: материалы к сравнительному анализу».
[742] *Коростелев О. А.* От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. – С. 365–366.
[743] Там же. – С. 366.

них не содержится выражения «политических воззрений». Абсолютное большинство (8) публикаций Святополк-Мирского в «Звене» посвящены английской литературе, и лишь финальная публикация – письмо в редакцию (май 1926) – полемически направлена против Г. Адамовича, но – что характерно – подчеркивает значение поэзии Н. Гумилева как носителя духа русской поэзии[744]. Таким образом, нет веских оснований говорить о том, что сотрудничество Святополк-Мирского со «Звеном» коррелировало с его политическими воззрениями. По крайней мере, никакими текстуальными доказательствами подобной корреляции мы не располагаем.

Первой публикацией Святополк-Мирского в «Звене», посвященной русской литературе, стала статья памяти поэта гр. В.А. Комаровского, приуроченная к десятилетию его кончины[745]. Святополк-Мирский отмечает, что «в культурно-историческом и историко-культурном плане объяснить Комаровского не трудно» (96)[746], «в истории литературы место Комаровского довольно ясное и запоздалое» (97). Однако основной тезис Святополк-Мирского лежит в иной плоскости: творчество Комаровского – это «осуществление “чистого творчества”, “Création Pure”, чистого, потому что свободного и необусловленного» (99). Святополк-Мирский декларирует самоценность «чист[ой] свобод[ы], т.е. творчеств[а] без “Почему?”» (99), «чистой игры» «вне эмоционального плана» (97). Оригинальность Комаровского, по Святополк-Мирскому, самодостаточна: «Она была эксцентрична, необъяснима и для человечества не нужна. В творческом потоке развития он [Комаровский] был странным завитком в сторону, никуда не ведущим. Но именно такая оригинальность, совершенно бескорыстная с эволюционной точки зрения, и есть утверждение абсолютной свободы, проявление какой-то божественной игры, избытка сил “творческой эволюции”» (96).

Статья о Комаровском исключительно важна потому, что после публикации в начале 1924 г. антологии «Русская лирика» она стала первым высказыванием

---

[744] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 154.
[745] *Святополк-Мирский Д., кн.* Памяти гр. В. А. Комаровского // Звено. – 1924. – 22 сентября. – № 86. – С. 2.
[746] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 96.

Святополк-Мирского о русской литературе – по-русски – и в эмигрантской периодике. И это первое высказывание стало апологией чистого творчества, эксцентрического и «для человечества ненужного», но необходимого «как проявление божественной игры». В статье обращает на себя внимание референциальный фон – французская культура: А. де Ренье, Малларме, А. Бергсон (слова о «творческой эволюции»). Святополк-Мирский, утверждая родство поэзии Комаровского с поэзией И. Анненского, сразу же оговаривается: «Но Анненский был плоть от плоти старой русской интеллигенции <…> Этого в Комаровском не было и в помине» (97). Исключительно важны слова о «культурной почве» Комаровского: «Он [Комаровский] вышел не из той среды, из которой выходили все деятели русской литературы и культуры за последние шестьдесят лет. Отпрыск старой, московско-петербургской дворянской фамилии с обширным родством и сильной семейной традицией, он был совершенно не задет интеллигентской культурой. Культурную почву его составляли семейные предания, старое, более французское, чем русское воспитание, старая дедовская библиотека <…>, наконец, и едва ли не больше всего, свод анекдотов, дипломатических, светских, придворных, с прочным генеалогическим основанием, все услышанное с живых слов – непосредственная традиция, доходящая до самого осьмнадцатого века. К этому старому стволу была непосредственно привита новая “декандентская” культура» (96–97).

Это описание «культурной генетики» Комаровского можно не без оснований счесть автоописанием Святополк-Мирского; параллели в семейных историях, домашнем воспитании, «незадетости интеллигентской культурой» и своего рода филогенетической гибридизации стародворянской культуры и декадентства совершенно очевидны. Потому и первое газетное высказывание Святополк-Мирского о деятеле русской литературы оказалось таким же «странным завитком в сторону», столь же эксцентричным, как и оригинальность Комаровского, которому оно было посвящено.

Второй публикацией Святополк-Мирского в «Звене», посвященной русской литературе, стала статья «Молодые русские прозаики»[747]. Текст особо значим, поскольку в нем Святополк-Мирский впервые высказывается по-русски о современной русской литературе. Речь идет о первом *печатном* высказывании о современной русской литературе (а не о пусть недавнем, но прошлом, как в статье памяти Комаровского). В июне 1922 г. Святополк-Мирский написал большую статью «О современном состоянии русской поэзии», которая предполагалась к публикации в издаваемом П.Б. Струве журнале «Русская мысль», но не была опубликована в то время[748]. Таким образом, корректно предположить, что Святополк-Мирский предполагал опубликовать некий литературно-критический диптих: статью о современной поэзии и статью о современной прозе, что, между прочим, находит аналогию в литературно-критической деятельности Ю. Тынянова, только в другой последовательности: сначала Тыняновым была опубликована статья, посвященная прозе («Литературное сегодня»[749]), а вслед за ней – статья о современной поэзии («Промежуток»[750]).

Святополк-Мирский начинает с утверждения: «Самое главное событие в жизни русской литературы за последние три года – закат стихов и восход прозы. Засилье поэзии, достигшее высшей точки в бескнижные годы гражданской войны, кончилось приблизительно между концом 21-го и началом 23-го года»[751]. Этот тезис Святополк-Мирского начала 1925 г. можно соотнести с тезисом Тынянова второй половины 1924 г. в статье «Промежуток»: «Три года назад проза решительно приказала поэзии очистить помещение. <…> поэты необычайно редели, а число прозаиков росло <…> Факт остается фактом: проза победила»[752].

Речь может идти как о случайном совпадении в констатации общепризнанного факта, так, быть может, и о знакомстве Святополк-Мирского с текстом Тынянова и сознательном его парафразировании. Ср.:

---

[747] *Святополк-Мирский Д., кн.* Молодые русские прозаики // Звено. – 1925. – 2 марта. – № 109. – С. 2–3.
[748] Статья была опубликована только в 1978 г. См.: *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 312–313. Об этой статье см. п. 1 гл. 2 наст. диссертации.
[749] *Тынянов Ю.* Литературное сегодня // Русский современник. – 1924. – № 1 [май]. – С. 291–306.
[750] *Тынянов Ю.* Промежуток // Русский современник. – 1924. – № 4 [декабрь]. – С. 209–221.
[751] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 103.
[752] *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино. – С. 168.

Тынянов: «Старый читатель, когда в его руки попадал журнал или альманах, бросался сначала на стихи и, только уж несколько осовев, пробегал прозу. Читатель недавней формации тщательно обходит стихи, как слишком постаревших товарищей, и бросается на прозу»[753].

Святополк-Мирский: «… что люди сегодняшнего дня опять прозаики, ясно чувствуется всеми, кто следит за жизнью нашей словесности. <…> Читатели журналов, минуя стихи, обращаются к прозе»[754].

Святополк-Мирский говорит о чередовании циклов господства стихов над прозой и прозы над стихами в литературно-исторической перспективе: «После долгого господства поэтов, от Ломоносова до Пушкина, в тридцатых годах 19-го века проза стала выдвигаться на первое место, и после смерти Лермонтова и блестящего выступления натуральной школы загнала стихи на задворки, где они и оставались до <1>905 года, по крайней мере. С “рецепции” декадентства критикой и публикой начался новый подъем поэзии, и с 1917 по 1922 год ее господство было столь же безусловным, как за сто лет до того, в эпоху первых поэм Пушкина <…> теперь оно кончилось»[755].

Создание репутаций «молодых беллетристов – Бабеля в несколько месяцев» уподобляется тому, «как восемьдесят и тридцать лет тому назад, когда в 1845–46 гг. впервые появились Достоевский, Тургенев, Гончаров, Григорович, Дружинин; или в 1897–99 <гг.> – Горький, Андреев, Куприн, Вересаев, Скиталец». Однако, «[к]то из наших современников окажется Достоевским и кто Вересаевым, судить еще не время»[756].

Святополк-Мирский четко формулирует разделение современной русской прозы на два лагеря, «но эти лагери неравны по силам и ценности»: «С одной стороны, сюжетники-западники, с другой, орнаменталисты-евразийцы[757].

---

[753] Там же.
[754] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 104.
[755] Там же.
[756] Там же.
[757] Обращает на себя внимание аттестация живущих в Советской России писателей как «евразийцев», которая не употреблялась ни самими писателями, ни советскими критиками.

Совершенно ясно, что только последние – истинные носители живого духа русской словесности».

Ключевой тезис Святополк-Мирского: западники «обречены на бесплодие».

Из «сюжетников-западников» Святополк-Мирский выделяет как самого талантливого Льва Лунца, как самого популярного – Илью Эренбурга, характеризуя его при этом как «новую Вербицкую»[758] или «красного Краснова». К западникам отнесены Сергей Бобров, Вениамин Каверин и – в качестве примера из дореволюционной эпохи – Александр Грин. Главный упрек Святополк-Мирского западникам – язык: «Главная беда западников в том, что в их руках русский язык вырождается во что-то безобразное, неряшливое, тусклое – как будто они стилизуют его под перевод с “иностранного”»[759].

Святополк-Мирский не склонен, однако, и к идеализации орнаменталистов: «Пильняк и Всеволод Иванов народили таких бесформенных литературных слизняков, что по человечеству западники должны быть оправданы, если чураются всякого сказа»[760]. Однако: «… не согрешишь – не покаешься, и орнаменталисты начинают уже каяться».

Святополк-Мирский особо выделяет Артема Веселого как «самого напряженного и густого» из «сказителей» и, признавая недостатки орнаменталистов (главный из которых – «с усилением сюжетности ослабевает словесная выразительность»), настаивает: «Но путь правильный, и вывезет вернее, чем каверинская стилизация под Ната Пинкертона».

Далее Святополк-Мирский декларирует желаемый образец для прозы орнаменталистов: «Образцом пусть будет Лесков, о котором помнят больше как о

---

[758] Ср. с высказыванием О. Мандельштама об Андрее Белом в статье «Кое-что о грузинском искусстве» (1922): «… Андрей Белый, эта мистическая русская Вербицкая для иностранцев» (*Мандельштам О. Э.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М., 1990. – С. 263). Статья Мандельштама была опубликована в газете «Советский юг» (Ростов-н/Д. – 1922. – 19 января) и, скорее всего, не могла быть известна Святополк-Мирскому, т.е. речь идет о совпадении.
Отметим, что в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926) Святополк-Мирский определит как «советскую Вербицкую» уже другого писателя, Л. Сейфуллину, добавив: «пожалуй лучше – “советская Чарская”» (*Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 226).

[759] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 104.

[760] О проблеме сюжетности / бессюжетности в русской прозе 1920-х гг. и, в частности, в творчестве Б. Пильняка см: *Грякалова Н. Ю.* Бессюжетная проза Бориса Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов (генезис и повествовательные особенности) // Русская литература. – 1998. – № 4. – С. 14–38; *Грякалова Н., Симчич О.* Малые жанры в русской прозе XX века: Генезис и типология. – Perugia, 2003.

мастере сказа, забыв немножко об его мастерстве повествовательном. Но сказ сказом, а ведь Лесков все-таки был и первый русский рассказчик, – в этом искусстве ему нечему было учиться ни у Дюма, ни у Стивенсона. Изумительно только, как он умел при этом сохранить неразбавленной “густоту” своего языка.

“Очарованный странник”, “Запечатленный ангел”, “Стальная блоха”[761], “Грабеж”, гениальный (еще мало известный, недавно опубликованный) “Заячий ремиз” – вот должны быть путеводные звезды наших орнаменталистов»[762].

Святополк-Мирский делает значимое признание о своей литературно-критической деятельности: «Бесспорных, очевидных имен среди нынешней молодежи нет; гадать о ней тем интереснее».

Святополк-Мирский отмечает как «выдвинувшимися первыми» Б. Пильняка и Вс. Иванова, но главные надежды выдвигает на А. Веселого и И. Бабеля: «Артем Веселый, во многих отношениях самый сильный и оригинальный писатель из явившихся за эти годы. Я бы поставил именно на него в ординаре, и в двойном на Бабеля».

Показательна мотивировка отрицательной оценки Л. Сейфуллиной: «Сейфуллина не чувствительна к форме, – формальных задач для нее не существуют. Это грозит болотом. <…> Сейфуллина, боюсь, окажется Григоровичем нашего поколения».

Историко-литературные параллели современной русской прозы и вообще являются основным методом, используемым Святополк-Мирским в данной статье. Неслучайно в финале статьи Святополк-Мирский сочувственно цитирует слова Е. Замятина о Л. Леонове («Ремизович чистой крови») и заключает: «Такое происхождение обязывает».

Меньше чем через месяц после обзора современной прозы Святополк-Мирский публикует статью о романе К. Федина «Города и годы»[763], которая стала первой из трех опубликованных Святополк-Мирским рецензий на эту книгу, что

---

[761] Святополк-Мирский использует авторский подзаголовок «Левши»: «Сказ о тульском косом Левше и о стальной блохе».

[762] См.: *Николаев Д. Д.* Н. С. Лесков в восприятии русского зарубежья 1920-х гг // Горький, Шмелев, Тэффи и другие. Юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой. – М., 2015. – С. 205–229.

[763] *Святополк-Мирский Д., кн.* Константин Федин // Звено. – 1925. – 6 апреля. – № 114. – С. 2.

свидетельствует о первостепенном значении, которое Святополк-Мирский придавал книге Федина. В самом конце статьи Святополк-Мирский утверждает: «”Города и годы” стоит прочесть всякому, кто навсегда не отказался от “советской” литературы» (119)[764]. И это единственная отсылка к тому, что книга Федина принадлежит советской, а не русской литературе.

Статья посвящена в значительной степени выяснению литературной генеалогии Федина. Напр.:

«Федин чист от всякого орнаментализма, и роман его написан с ясностью и понятностью доброго старого времени. Консерватизм стиля давно уже отмечается как характерная черта Федина, и если на кого из современников он похож, то только на петербургских западников» (117);

«дан[ь] Стерну и Шкловскому» (117);

«Явно и влияние Лунца и его круга идей» (117);

«Быстрого действия на сцене нет, есть только смена картин <…> система, несколько напоминающая приемы Толстого в “Хаджи Мурате”» (118);

«… часто сказывается школа Замятина» (118).

Святополк-Мирский оперирует понятием «идейное и конструктивное единство романа» (118). Роман Федина «не лишен стержня, но, к сожалению ли, нет ли, этих стержней два», потому «в <…> двойственности замысла, не сведенной к одному, коренной композиционный недостаток романа» (118). Характеризуя главных действующих лиц книг, Святополк-Мирский, однако, избегает пересказа содержания: «Я не стану излагать своими словами сюжета, довольно сложного» (119).

Святополк-Мирский особо останавливается на том, что он квалифицирует как ключевой недостаток Федина: «Главный грех Федина – его язык». И далее следует принципиальное высказывание о словесной культуре: «Я не требую сказа и словечек; наоборот, что может быть лучше толстовской простоты? Но Федин небрежен, “нейтрален”, у него нет словесной культуры; стиль его часто банален самой плохой банальностью – вчерашней. В нем то и дело мелькают затасканные

[764] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 119.

шаблоны андреевские и чеховские, и переводчицкие. Надо работать: уродства Пильняка и Никитина не оправдывают уродств противоположных» (119). Ранее в статье Святополк-Мирский отмечал, что «Федин западничает <…> языком»: не только он тщательно чурается всякого сказа и всяких словечек, но и делает очень определенную установку на “иностранное”» (117).

В статье Святополк-Мирский комбинирует приемы «описательной критики» по типу Литтона Стрэчи с субъективным вердиктом: «Как бы то ни было, “Города и годы” – явление очень крупное. Если *удельный вес* иных вещей Бабеля и Артема Веселого значительно выше, по *абсолютному весу* фединский роман можно признать самым крупным явлением послереволюционной прозаической литературы» (119, курсив Святополк-Мирского).

Статьи о современной русской прозе и Федине в «Звене» могут служить своеобразной моделью для последующих литературно-критических высказываний Святополк-Мирского о современной русской литературе. В ней различимы несколько характерных черт:

1) акцент на историко-литературные параллелях анализируемого текста (как в сфере литературной классики, так и в современной литературе);

2) соотнесение четырех составляющих текста – композиции, характерологии персонажей, языка и идейного содержания;

3) преобладающее внимание к «словесной выразительности» и «словесной культуре»;

3) иерархизующая оценка текста без эксплицитной мотивировки. Место конкретного текста в литературной иерархии подается Святополк-Мирским с помощью метафоры, заимствованной из сферы негуманитарного знания и внелитературной деятельности («абсолютный / удельный вес», «поставить в ординаре»). Критерий иерархизующего принципа Святополк-Мирским не объясняется.

Д.П. Святополк-Мирский в «Современных записках» (1924–1926)

Особый интерес представляет участие Святополк-Мирского в крупнейшем толстом журнале русского зарубежья, «Современных записках». Ныне уже можно констатировать, что в своей литературно-критической части «Современным запискам», по меньшей мере, недоставало единства. Редакционный портфель «Современных записок» применительно к литературной критике собирался во многом непоследовательно, ситуативно и под воздействием многих внелитературных обстоятельств, без обдуманной и планомерно реализуемой концепции. Парадоксальным образом за все годы существования журнала – при многочисленности и многообразии опубликованных в нем текстов – так и не возникло единой редакционной политики относительно литературно-критических статей и рецензий[765].

Святополк-Мирский начал публиковаться в «Современных записках» в декабре 1924 г., через полтора года после начала своего сотрудничества со «Звеном». Неизвестно (как и в случае со «Звеном»), от кого исходила инициатива сотрудничества, от Святополк-Мирского или от редакции, но в октябре 1924 г. один из редакторов «Современных записок», И.И. Фондаминский, сообщал другому редактору, М.В. Вишняку: «Святополк-Мирский мне по “Звену” [н]е нравится, а Бунин говорит: “Круглый дурак”…»[766] При этом в позднейших мемуарах М.В. Вишняк так характеризовал участие Святополк-Мирского в журнале: «Бывая в Париже, он [Святополк-Мирский] заходил иногда ко мне в помещение редакции со статьей или рецензией, посвященными Брюсову, Блоку, Федину, Пастернаку, Мандельштаму, Бабелю, Марине Цветаевой. Все его писания были интересны и печатались из книги в книгу в <номерах >22–27 “Современных Записок”. <…> … скорее интеллигент с бородкой, нежели “белая косточка”, князь был не слишком разговорчив и ни разу не коснулся острых или даже спорных тем»[767]. Слова Вишняка позволяют предположить, что выбор тем и

---

[765] *Ефимов М. В.* Литературная критика в журнале «Современные записки» (по новым материалам) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. – 2014. – № 3 (38). – С. 7–19.

[766] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – М., 2011. – Т. 1. – С. 173.

[767] *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. (Indiana University Publications Graduate School Slavic and East European Series Vol. 7.) – Bloomington, 1957. – P. 140.

книг для статей и рецензий Святополк-Мирского был за самим Святополк-Мирским.

Первая публикация Святополк-Мирского в «Современных записках» на русском материале не была литературной критикой в смысле высказывания об *актуальном* литературном событии: это был развернутый некролог В. Брюсову, на широком культурно-историческом фоне, или, по слову Г. Струве о прозе В. Ходасевича, очерк «мемуарно-критического характера»[768] (с акцентом на «критическом»). Параллель с Ходасевичем уместна и потому, что его очерк о Брюсове был напечатан в «Современных записках» в следующем же номере после публикации статьи Святополк-Мирского[769].

Дадим обзор публикаций Святополк-Мирского в «Современных записках» с некоторыми ключевыми тезисами автора.

1) «Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924)» (1924)[770].

Статья на смерть Брюсова стала первой публикацией Святополк-Мирского в «Современных записках». Тремя месяцами ранее Святополк-Мирский опубликовал в «Звене» статью «Памяти гр. В.А. Комаровского», апологию чистого искусства, при этом полную скрытого (и едва ли не ностальгического) автобиографизма. Ничего подобного в статье о Брюсове не содержится; она решена в принципиально ином ключе. Святополк-Мирский, по сути, через призму личности и творчества Брюсова создает – впервые в своей историко-литературной деятельности – широкую и многоплановую картину истории русского символизма.

Свои утверждения Святополк-Мирский строит как возражения неназванным критикам-ревизионистам: «Мы теперь привыкли к мысли, что символизм поднял уровень русской поэзии, и хотя нас некоторые в этом опять хотят разубедить, вопрос, серьезно говоря, не подлежит пересмотру. Нельзя серьезно

---

[768] *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. – С. 131.
[769] *Ходасевич В.* Брюсов (Отрывки из воспоминаний) // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 212–236.
[770] *Святополк-Мирский Д., кн.* Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924) // Современные записки. – 1924. – № 22. – С. 414–426.

пересматривать сравнительную ценность Надсона и Брюсова, Апухтина и Бальмонта. Можно утверждать, что “Всходит месяц обнаженный / При лазоревой луне” очень плохие стихи и что “Я шел к тебе, на землю упадал / Осенний мрак холодный и дождливый” (Надсон, “Грезы”) гораздо лучше. Но даже если “эстетически” это и так – исторически “лазоревая луна” стократ лучше “осеннего мрака”, – она вытягивала из этого мрака, сдвигала с мертвой точки поэтическую телегу, увязшую в безнадежном болоте эпигонства и формальной пресности»[771] (90).

Здесь исключительно важна предлагаемая Святополк-Мирским оппозиция «историческая оценка vs. эстетическая оценка». И важно, что Святополк-Мирский выступает на стороне исторической. Святополк-Мирский постулирует: «Только те художники двигают искусство вперед, которые умеют хлестко ударить по привычкам читательской косности, ибо только они подлинные освободители вкуса» (90). Именно поэтому, утверждает Святополк-Мирский, «<к>онечно, Сологуб неизмеримо более значительный поэт чем Бальмонт или Брюсов, но его песнь была бы (и была) бесплодна, потому что не ставила вопросов поэтики в острой форме. Он <Сологуб> бы сам занес нам, “чадам праха”, несколько райских звуков, но никто другой не научился бы писать ни на йоту лучше» (90).

Святополк-Мирский особо останавливается на генеалогии и эволюции русского символизма: «Символизм <–> одно из главных проявлений еще более широкого и значительного движения, которое, в его совокупности, к сожалению, можно обозначить только довольно неприятным словом “модернизм”. Модернизм был реакцией против старой интеллигентской ортодоксии, подчинявшей всю культуру этически-окрашенной общественности и устранявшей из интеллигентского обихода все чисто культурные ценности, – и, в частности, искусство. Это движение, начавшееся в девяностых годах, вернуло России искусство, как автономную и самоценную деятельность. Сначала модернизм был сильно окрашен в иностранные цвета, и Брюсов принадлежит как раз к этой первоначальной стадии модернизма, стадии по преимуществу “иностранной”,

[771] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 90.

совершенно западнической и анациональной. Только второе “поколение” модернистов (Блок, Белый, Ремизов) стало национальным и “славянофильским”» (85–86).

«Не-русская “ориентация”» (86) ранних русских символистов отразилась на важнейшем для Святополк-Мирского – на русском языке: Брюсов сделал русский поэтический язык «совсем не русским. Всякому знакомо это впечатление “переводности” от стихов Брюсова. У него нет никакой русской сочности (“почвенности”), никакой curiosa felicitas в обращении с родным языком. Его можно переводить безнаказанно на любой язык. “Духа языка” Брюсов не чувствовал. У него не мало прямых грамматических ошибок, особенно синтаксических. Его стихи пестрят собственными именами, но только иностранными, – русских имен, русских фамилий он тщательно избегал» (86).

Святополк-Мирский, однако, говорит и о «корнях в прошлом русской поэзии»: «у Бальмонта – в Фофанове, Надсоне и Фете; у Брюсова – в Случевском, Тютчеве и Баратынском» (86). Но при этом Святополк-Мирский решительно возражает против тезиса о Брюсове как наследнике пушкинской традиции. Это приводит Святополк-Мирского к яркому сравнению: «У Пушкина объективность зоркого и любопытного наблюдателя, у Брюсова эрудиция, приискивающая трагические маски для своих очень субъективных декламаций. У Брюсова все напряжено, у Пушнина все легко. <…> Пушкин веселый поэт, шутник, пародист, озорник, – Брюсов ни разу перед публикой не улыбнулся. Пушкин и вся его школа пользуется словом как логическим понятием, нагружая его в то же время тончайшими эмоциональными обертонами. <…> Стих его вообще противоположен всей Пушкинской школе, но если в ней искать ему предка, – то это, скорее всего, Баратынский, тоже напряженный и серьезный, улыбавшийся только потому, что улыбаться тогда было принято» (87–88).

Важно отметить, что при внешнем «импрессионизме» сравнения Пушкина и Брюсова, Святополк-Мирский открыто ссылается на работу профессионального филолога – В.М. Жирмунского.

Характерный прием Святополк-Мирского, в полной мере проявленный в статье о Брюсове: историко-литературное сравнение, использующее метафору с эмоционально окрашенной и/или просторечной лексикой, часто – из сферы естественнонаучного или технического знания. Примеры: «… сам Коневской корявей – потому что богаче мыслью, – а Баратынский и круче и туже, потому что мысль его классически отчетлива, и стих как упругая сталь. Стих Брюсова всего только обычный чугун символистов, а мыслителем он никогда не был» (91); «У Брюсова нет ни точности, ни тонкости. Стихи его эмоциональные сплавы, логически неразложимые, – отдельные слова в них не больше имеют самостоятельного бытия, чем олово в составе бронзы» (87).

В статье Святополк-Мирский смело использует аналогии, и не только внутрилитературные. Например: «Прямая параллель ”Миру искусства” в литературе, – Мережковский девяностых годов, Бальмонт, и – Брюсов» (86).

Святополк-Мирский демонстрирует исключительно пристальное знакомство с творческим наследием Брюсова – от его ранних стихотворений до самых поздних произведений, при этом оговариваясь: «В размерах этой статьи я не могу дать достаточно места многообразной деятельности Брюсова, – как переводчика, биографа (Тютчев), издателя, критика, журналиста и романиста» (95).

При этом Святополк-Мирский прибегает к обширному цитированию стихотворных текстов Брюсова. Так, напр., он целиком приводит тексты стихотворений «Тезей Ариадне», «Заключение» («Все напевы»), «Das Weib und der Tod (немецкая гравюра XVI века)» – последнее с мотивировкой: «Не лишнее привести <…> целиком» (94).

Святополк-Мирский обильно цитирует не только Брюсова, но и высказывания о нем; статью А. Луначарского из «Правды» и Н. Асеева из «Известий», высказывание Б. Арватова в «Лефе», С. Соловьева – в «Весах». Этот широкий референциальный фон не мешает Святополк-Мирскому выказывать свои оценки, в том числе – вкусовые. Так, процитировав «Одиночество» (из «Urbi et Orbi»), он заключает: «Прекрасно! Точность выражения редкая у Брюсова…»,

но тут же, в этом же предложении, делает оговорку, которая не только корректирует чувство эстетического удовольствия (Святополк-Мирского), но и почти его аннулирует, причем – с историко-литературной мотивировкой: «… но все же это не более как ряд патетических “констатирований”. Не то у Баратынского, как силлогизм развертывающего свое рассуждение на тему (другого) одиночества – напр<имер>, в “Рифме”» (91).

В статье можно различить интонации, которые непреднамеренно предвещают судьбу самого Святополк-Мирского после приезда в СССР: «горечь одиночества и ненужности. Старые друзья, из “буржуазной интеллигенции” отреклись от него после его присоединения к РКП. Коммунисты приняли его без энтузиазма, скорей всего как полезную рекламу. С ними у него не нашлось общего языка» (85); «главное, что толкало Брюсова к большевикам, было его одиночество, его сознаваемая им отсталость от передних и желание во что бы то ни стало быть снова впереди <…> Ничего из этого не вышло. Большевики отнеслись к нему как к рекламе. <…> Только как спец, как преподаватель он еще мог дать многое. И в кругу своих учеников-пролеткультовцев он был меньше всего ненужен, и провел наименее мучительные часы своих последних лет» (95).

Вывод Святополк-Мирского: «В конце концов, Брюсов останется в истории прежде всего как передовой боец за возрождение в России эстетической культуры и за возвращение поэзии принадлежащего ей по праву места. Великим поэтом он не был, но поэтом был, и лучшее из написанного им навсегда сохранит почетно и неотъемлемое место в сокровищнице русской поэзии» (96).

Статья Святополк-Мирского о Брюсове стала не только его дебютом в «Современных записках», но и – как оказалось в ретроспективе – его наиболее развернутым высказыванием на русском языке о каком-либо из крупных современных русских поэтов.

2) [Рец.] «Литературная Россия. Сборник современной русской прозы. Под редакцией Вл. Лидина. I. “Новые Вехи”» (1925)[772].

Рецензия была опубликована в номере «Современных записок», вышедшем в марте 1925 г. Тогда же, в марте 1925 г., в парижском «Звене» была опубликована статья Святополк-Мирского «Молодые русские прозаики» (см. выше). Есть основания полагать, что оба текста имели своим источником знакомство Святополк-Мирского с тем изданием, которое он отрецензировал в «Современных записках». Но если статья в «Звене» имела характер широкого историко-литературного обобщения (картина современной русской прозы на фоне предшествующей истории русской литературы), то рецензия в «Современных записках» тяготеет к своеобразной краткой инвентаризации текущего положения русской прозы.

При этом Святополк-Мирский указывает на возможность широких литературно-социологических выводов (на основе опубликованных в книге писательских автобиографий), но предпочитает воздержаться от них: «Много можно было бы сказать <…> о демократизации писательского состава и степени этой демократизации; о воспитании писателей в революционных организациях, на фронте, в плену, в Красной Армии. Размер рецензии позволяет мне только намекнуть на эти темы»[773].

Святополк-Мирский делает обзор современной русской прозы (такой, как она представлена в сборнике), основываясь на двух критериях – идеологии и собственно литературных характеристиках.

Констатировав, что «в России беллетристика – <…> единственный относительно свободный способ высказывания» (114), Святополк-Мирский называет «Литературную Россию» «<п>о существу дела, <…> антологи<ей> “попутчиков”» (114). «Идеология» заключается в ее отсутствии: «… замечательней всего <…> – полное отсутствие “идеологии”, той идеологии,

---

[772] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Литературная Россия. Сборник современной русской прозы. Под редакцией Вл. Лидина. I. «Новые Вехи» // Современные записки. 1925. – № 23. – С. 473–475.
[773] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 115.

которой требуют от попутчиков коммунисты. Вл. Лидин сыграл плохую шутку с Воронским – и дал прекрасное новое оружие в руки напостовцам» (114).

Представленное собрание писателей «“идеологически” объединен<о> <…> аполитизмом (скорее “а-коммунизмом”)» (114). В изображении современности у писателей подход «или чисто эстетический, как у Всеволода Иванова, или юмористический (Козырев, Романов), или очень обоюдоострый (“Камни” Никитина), или, это чаще всего, националистический» (114). Далее Святополк-Мирский делает весьма значимое утверждение: «Болезненно развитой патриотизм и “народная гордость великоросса” (выражение Ленина), сейчас, несомненно, – господствующее чувство у интеллигенции СССР» (114–115).

Это «господствующее чувство у интеллигенции СССР», по Святополк-Мирскому, «находит яркое отражение в этой антологии, особенно четкое в хорошем рассказе Ольги Форш “Герой”, где учитель чистописания уездного украинского городка делается интернационалистом из оскорбленного русского чувства» (115).

Святополк-Мирский утверждает, что, с одной стороны, у писателей-попутчиков идеологии как таковой не имеется, с другой – что важнейшим для советской интеллигенции является «болезненно развитой патриотизм» (что, по сути, является одной из форм идеологии). Этого парадокса Святополк-Мирский никак не разрешает. Святополк-Мирский считает возможным и уместным находить подтверждение «господствующим чувствам» конкретной социальной группы в художественной литературе. Это исключительно важное обстоятельство. Впоследствии, в конце 1920-х гг., Святополк-Мирский будет приписывать роману А. Фадеева «Разгром» решающее влияние на свое идеологическое перерождение – именно как подлинному свидетельству происходящих в СССР изменений[774]. В рецензии 1925 г. в «Современных записках» он уже в полной мере демонстрирует этот подход.

Говоря о художественных достоинствах представленной в антологии прозы, Святополк-Мирский утверждает: «<Г>лавная линия идет именно от Белого и

[774] См.: *Мирский Д.* История одного освобождения. – С. 2.

Ремизова, и все лучшие вещи в сборнике, так или иначе, принадлежат к сказу и “орнаментальной” прозе» (115). При этом, однако, «<с> Белым и Ремизовым, открывающими сборник, связано только меньшинство участников» (115). Святополк-Мирский этого противоречия никак не объясняет и не разрешает, что дает основания усомниться в наличии у Святополк-Мирского некоего концептуально-непротиворечивого подхода.

Тем не менее, Святополк-Мирский предлагает своеобразную типологию орнаментальной прозы:

«орнаментальный сказ, без установки на бытовую точность»: Леонов, Никитин;

«чистая игра сказом»: Зощенко и его «бытовое виртуозничанье»;

«бытовой сказ с установкой на сатиру»: Козырев;

«проза с интересными организационными заданиями», хотя и «очень незрелая»: Буданцев;

«густая экспрессивная насыщенность»: Пильняк.

Итоговая оценка, которую дает Святополк-Мирский, однако, далека от сочувственной: «Композиционные задания у всех этих авторов отсутствуют» (115).

Наличие «композиционного задания» устанавливается Святополк-Мирским как один из важнейших критериев в оценке художественного произведения. Поэтому Святополк-Мирский выделяет Замятина, тут же оговариваясь, что рассказ «Пещера», «настоящая “вещь” по композиционному единству», «слишком густо насыще<н> экспрессивностью». Композиционное задание отмечается в отрывке из «Городов и годов» К. Федина: «Замятинская конструктивность без его перегруженности», а как «пожалуй, самая сильная вещь во всей книге» аттестуется рассказ Вс. Иванова «Дите»: в нем Иванов, по Святополк-Мирскому, демонстрирует «способность к настоящему заострению рассказа» – помимо «экзотики и орнаментики». Достоинство Иванова – «высвобожд<ение> из-под исключительного застоя орнамента» (115).

Таким образом, Святополк-Мирский в обзоре антологии формулирует и «главную линию», орнаментальную, в развитии современной русской прозы («от Белого и Ремизова»), и очерчивает ее лимиты («застой орнамента»), и предлагает средство их преодоления («конструктивное задание»).

3) [Рец.] «К. Федин. Города и годы» (1925)[775].

Рецензия Святополк-Мирского на «Города и годы» Федина – уже вторая по счету, после рецензии в «Звене». Святополк-Мирский, таким образом, создает своеобразные «двойчатки»: и в «Звене», и в «Современных записках» Святополк-Мирский пишет сначала о современной русской прозе, а потом – о романе Федина.

Публикации в «Звене» выходят первыми, при том, что Святополк-Мирский пишет для «Звена» и «Современных записок» почти одновременно. Такая хронологическая близость и повторяемость материала, казалось бы, обрекают Святополк-Мирского на самоповтор. Однако этого не происходит.

В рецензии на книгу Федина в «Современных записках» Святополк-Мирский с максимальной определенностью высказывается о попутчиках, противопоставляя их Федину. Святополк-Мирский выделяет две характерные черты попутчиков, формальную (стилистическую) и мировоззренческую. Литература попутчиков – это «стилистически<е> ухищрени<я>, ска<з>, словеч<ки>, рит<м>, – отголоск<и> Белого и Ремизова» (122). Мировоззрение попутчиков (Святополк-Мирский называет это «подходом к современности»), его главная черта – «глубокая пассивность, отдача себя революционной стихии, опьянение ею». И далее следует заряженный иронией комментарий: «Тут сходится все – и восторги Бабеля перед непонятными Колесниковыми и Буденными, и “пропахшая половыми органами” революция Пильняка, и массовый сомнамбулизм Вс. Иванова, и “мелкие люди” Леонова – объединены одной чертой – пассивной жертвенностью или пассивным опьянением» (122). Основной

[775] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] К. Федин. Города и годы // Современные записки. 1925. – № 24. – С. 432–434.

пафос попутчиков – «пассивн<ая> расхлябанност<ь>, стихийн<ая> распущенност<ь> и неопрятност<ь>» (122).

Святополк-Мирский относит к попутчикам и «”мазохическ<ий>” куль<т> уничтожающей стихии» (122), ссылаясь на З. Гиппиус[776]. Однако, любопытно, что Гиппиус писала о «духе героического мазохизма» и «мазохистической святости» применительно к М.А. Волошину, Б.К. Зайцеву и Б.В. Савинкову, а не попутчикам. В той статье, к которой отсылает Святополк-Мирский, о молодых русских прозаиках («Всев. Иванов и Серапионовы братья: Зощенко, Слонимский и т.д.») Гиппиус отзывается резко-негативно[777]. Святополк-Мирский, таким образом, совершает перенос признака «мазохизма» с идейных антибольшевиков на попутчиков.

Для Святополк-Мирского, однако, никакой «святости» в «расхлябанности» попутчиков нет. Потому он определенно сочувственно констатирует: «Федин – активен. Он хочет судить и строить» (122). И далее Святополк-Мирский делает политически-заостренный комментарий: «В этом отношении он гораздо более “коммунист”, чем попутчик. Поэтому – для оценивающих нынешнюю русскую литературу с точек зрения политических – Федин должен быть более неприемлем, чем все Пильняки на свете, и они извергнут его из уст своих с безмерным отвращением. Но мне кажется, что “злая воля” Федина – менее уродливое явление, и что в ней больше пищи для национального оптимизма» (122). До этого момента могло показаться, что Святополк-Мирский говорит о некоей политической идеологии или политических эмоциях. Однако Святополк-Мирский тут же дезавуирует это допущение: «Своей активностью Федин, во многих отношениях очень литературно-старообразный, приближается к таким выросшим из футуризма “конструктивным” писателям, как Пастернак (его замечательная проза еще совсем неизвестна у нас за границей) и Артем Веселый» (122). Если отсылка к Артему Веселому допускает «идеологическое» толкование, то пример

---

[776] Святополк-Мирский имел в виду статью: *Крайний А. [Гиппиус З. Н.]* Литературная запись: О молодых и средних // Современные записки. – 1924. – № 19. – С. 243–248.

[777] *Гиппиус З. Н.* Мечты и кошмар (1920–1925.) / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. – СПб., 2002. – С. 328, 329 и далее.

Пастернака свидетельствует, что Святополк-Мирский говорит не о какой-либо жизнестроительной стратегии, а о стратегии художественной.

Святополк-Мирский не скрывает своей высокой оценки романа Федина: «”Города и годы” – несомненно выдающееся явление послереволюционной литературы» (122). Однако Святополк-Мирский ни в коей мере не склонен, как он выражается, «терять перспективы»: «…все достоинства Федина – достоинства только на фоне современного состояния русского романа. Федин с большим мужеством все усилия приложил к тому, чтобы добиться того как раз, чего у наших современников меньше всего. Сказ и диалог, любимые искусства нашего времени, его не интересуют. Сюжет, характер, конкретное выражение идеи – всего этого просто не существует у наших современников – и во всем этом он сразу достиг немалого. Но было бы очень смело и опасно для него сравнивать его со старыми мастерами этих забытых техник» (124).

«Перспектива», о которой говорит Святополк-Мирский, это, конечно, перспектива историко-литературная. Федин, по Святополк-Мирскому, не выдерживает сравнения «со старыми мастерами забытых техник». Исключительно важно, что, подчеркивая умение Федина строить сюжет (опять же не без оговорки – «сюжет (судя нынешними невысокими критериями) разработан мастерски, и по интересности “Города и годы” превосходят все, что было написано с революции», 123), Святополк-Мирский настойчиво возвращается к коренному, по его мнению, недостатку Федина – его «пренебрежению к слову» (123). Здесь Святополк-Мирский повторяет (но не буквально!) тезис из своей статьи о Федине в «Звене».

И тут, как представляется, есть некоторая двойственность. С одной стороны, проза попутчиков – это проза орнаментальная, «стилистически<е> ухищрени<я>, ска<з>, словеч<ки>, рит<м>, – отголоск<и> Белого и Ремизова» (122). Федин от этого свободен – и Святополк-Мирский видит в этом достоинство. С другой же стороны, «*естественная* реакция против сказа и словечек, такое отношение к слову приводит к уродливой газетности» (123, курсив внесен). И тут Святополк-Мирский делает неожиданное добавление:

«…газетности, от которой, можно было надеяться, нас освободили великие орнаменталисты» (123). То есть орнаментализм порождает естественную реакцию против себя, и эта естественная реакция ведет к «уродливой газетности», от которой орнаментализм прежде и освободил.

Эту логическую неувязку заметил Г. Адамович, хотя и интерпретировал ее по-иному: «По-видимому, он <Святополк-Мирский> полагает, что отказ от наследства “орнаменталистов” ведет к “уродливой газетности”. Газетность, действительно, мало привлекательна. Но ведь она родная сестра “орнаментализма”»[778].

4) [Рец.] «О.Э. Мандельштам. Шум времени» (1925)[779]:

Рецензия на «Шум времени» является первым печатным высказыванием Святополк-Мирского на русском языке о Мандельштаме[780]. Святополк-Мирский постулирует, что «место Мандельштама, как одного из самых выдающихся поэтов нашего времени, прочно и общепризнано»[781]. Именно с этим тезисом, как представляется, полемизировал Г. Адамович, утверждавший в сентябре 1925 г. (тогда же, когда вышла 25-ая книга «Современных записок» с рецензией Святополк-Мирского): «…русские-то критики Мандельштама просто игнорируют»[782].

Святополк-Мирский помещает «Шум времени» в широкую историко-литературную и историко-культурную перспективу, видя в Мандельштаме продолжателя линии «историософской мысли Герцена, Чаадаева, Григорьева»,

---

[778] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 174–175. Впервые: *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. – 1925. – 20 июля. – № 129. – С. 2.

[779] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] О. Э. Мандельштам. Шум времени // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 541–543.

[780] Отметим, что в октябре 1925 г. в русской эмигрантской периодической печати были опубликованы сочувственные отклики на «Шум времени» Мандельштама – К. Мочульского (Звено. – 1925. – 19 октября. – № 142) и В. Вейдле (Дни. – 1925. – 21 октября). См.: Трижды услышанный шум: Рецензии на книгу «Шум времени». Вступит. заметка и публ. К. Поливанова // Литературное обозрение. – 1991. – № 1. – С. 55–58.

[781] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 208.

[782] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 211. Впервые: *Адамович Г.* Литературные беседы // Звено. – 1925. – 28 сентября. – № 139. С. 2.
См.: *Поливанов К.* [Вступит. заметка:] Трижды услышанный шум: Рецензии на кн. «Шум времени» // Литературное обозрение. 1991. – № 1. – С. 55–56; *Мандельштам О.Э.* Сочинения: В 2-х т. Т. 2. Проза. – С. 381–385.

«но с большей какой-то густотой историзма, и с большей “бескорыстностью”»[783]. Святополк-Мирский видит связанность *мысли* Мандельштама с Блоком как автором «Возмездия»: это общее начало – «гениальная конкретность исторического воззрения», однако тут же Святополк-Мирский утверждает «полную свободу» Мандельштама от символизма, что «полагает резкую грань между ним <Мандельштамом> и Блоком»[784].

В рецензии Святополк-Мирский определяет место «Шума времени» в актуальной иерархии русской литературы: «Не будет преувеличением сказать, что “Шум времени” <–> одна из трех-четырех самых значительных книг последнего времени, а по соединению значительности содержания с художественной интенсивностью едва ли ей не принадлежит первенство»[785]. Обращает на себя внимание, что Святополк-Мирский предлагает, по сути, взгляд на художественный текст в рамках традиционной схемы: «форма» / «содержание», у Святополк-Мирского – «художественная интенсивность» («форма») / «значительность содержания», «энергия мысли»[786] («содержание»).

При этом Святополк-Мирский отказывается от какой-либо аналитической процедуры, ограничиваясь эмоционально-экспрессивным высказыванием: «Трудно дать понятие об этих изумительных по насыщенности главах, где на каждом шагу захватывает дыхание от смелости, глубины и *верности* исторической интуиции»[787].

5) [Рец.] «Б.Л. Пастернак. Рассказы» (1925)[788].

Рецензия на книгу прозы Пастернака представляет собой первое развернутое высказывание Святополк-Мирского о Пастернаке после публикации книги «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака». Святополк-Мирский определяет место Пастернака в современной русской

---

[783] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 208.
[784] Ibid.
[785] Ibid.
[786] Ibid. – P. 209.
[787] Ibid. – P. 208–209, курсив Святополк-Мирского.
[788] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Б. Л. Пастернак. Рассказы // Современные записки. 1925. – № 25. – С. 544–545.

литературе: «… как поэт <Пастернак> занимает одно из самых первых мест, по крайней мере в оценке профессиональных поэтических кругов». Главные качества Пастернака-поэта – «высокая лирическая интенсивность» и «упорная и победоносная новизна <…> и в восприятии мира, по новому увиденного, и в освобождения поэтического словаря от привычных ассоциаций»[789]. При этом в прозе Пастернака нет «словесной новизны», а есть «новый способ восприятия». Основные черты прозаического стиля («сухой и интеллектуальной прозы») Пастернака – «четкость, “незаинтересованность”, научная какая-то холодность и спокойная внимательность»[790]. Это утверждение позволяет Святополк-Мирскому постулировать: «Как у Мандельштама, это проза, основанная на *мысли*, а не стилистические упражнения с потугами родить мысль. Если творческое воображение и у Мандельштама, и у Пастернака меньше, чем у лучших бытовых орнаменталистов, школу они дают гораздо менее сомнительную и более целебную»[791].

Святополк-Мирский заканчивает рецензию вопросом: «… не по ложному ли пути шла вся наша проза со времени Андрея Белого, не идет ли новый интеллектуализм на смену формализма, и не следует ли его всемерно приветствовать»[792].

Святополк-Мирский, таким образом, имплицитно предполагает оппозицию: «стилистические упражнения» / «орнаменталисты» / «формалисты» vs. «проза, основанная на мысли» / «интеллектуалисты», недвусмысленно и неожиданно разграничивая «интеллектуалистов» и «формалистов» и предпочитая вторых, под которыми он, как можно понять, имеет в виду лишь писателей-орнаменталистов, а не филологов формальной школы.

6) [Рец.] «И.Э. Бабель. Рассказы» (1925)[793].

---

[789] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 206.
[790] Ibid.
[791] Ibid. – P. 207, курсив Святополк-Мирского.
[792] Ibid.
[793] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] И. Э. Бабель. Рассказы // Современные записки. 1925. – № 26. – С. 485–488. Подробно см. ранее, в п. 2 гл. 3 наст. диссертации, «Феномен билингвизма: материалы к сравнительному анализу».

Насколько можно судить, одним из первых представлений эмигрантскому читателю Бабеля[794] стала публикация в конце 1924 г. в парижском «Звене» рассказов Бабеля «Соль» и «Смерть Долгушова», с предисловием К. Мочульского, которое современный исследователь, О.А. Коростелев, охарактеризовал как «восторженное»[795]. Два текста Бабеля были перепечатаны из журнала «Леф»[796], номер которого мог быть знаком Святополк-Мирскому. В рецензии в «Современных записках» Святополк-Мирский отсылает[797] также к статье Шкловского о Бабеле в «Лефе»[798]. Представляется, что Святополк-Мирскому были хорошо известны публикации Бабеля, предшествующие книжному изданию.

Весьма вероятно, что в своей рецензии Святополк-Мирский учитывает оценку творчества Бабеля, высказанную в июне 1925 г. на страницах «Звена» Г. Адамовичем. Адамович высоко оценил рассказы Бабеля, но сделал при этом ряд оговорок, в частности, касающихся языка Бабеля: «… иногда кажется, что русский язык – не его природный язык. Многие фразы похожи на перевод»[799]. При этом Адамович, отметив «Соль» и «Жизнеописание Павлюченки» как «чрезвычайно удавшиеся» рассказы, называет их «откровенно вычурными повествованиями»[800].

Сам Святополк-Мирский исключительно высоко оценивает творчество Бабеля, хотя и отмечает, что Бабель «очень зависит от удачной темы, и поэтому может легко “исписаться”». Однако здесь же Святополк-Мирский дезавуирует собственные сомнения: «Но Бабель не “многообещающий” новичок: он уже дал вещи такого калибра, что мы его должны зачислить в разряд подлинных

---

[794] См.: *Ли Су Ен.* Спор эстетики и политики (полемика 1920–1930-х годов вокруг «Конармии» и «Одесских рассказов» И. Бабеля) // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 212–219.
[795] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 634.
[796] В № 4 (1924) «ЛЕФа» были опубликованы две подборки рассказов Бабеля: шесть из «Конармии» («Письмо», «Смерть Долгушова», «Дьяков», «Колесников», «Прищепа», «Соль») и два – из «Одесских рассказов» («Король», «Как это делалось в Одессе»).
[797] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 203.
[798] *Шкловский В.* Бабель (Критический романс) // ЛЕФ. – 1924. – № 2 (6). – С. 152–155.
[799] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 157. Впервые: Звено. – 1925. – 8 июня. – № 123. – С. 2.
[800] *Адамович Г.В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 157.

мастеров»[801]. Показательно, что к «вещам такого калибра» Святополк-Мирский относит «Соль», «Письмо» и «Короля», «напечатан<ные> еще в 1923 г.»[802], подтверждая, таким образом, предположение, что Святополк-Мирский познакомился с текстами Бабеля именно по публикации в «Лефе».

Отметим, что несколько позднее, в 1926 г., Святополк-Мирский опубликовал в редактировавшемся им журнале «Версты» статью А. Туринцева «Опыт обзора», в которой Туринцев дал развернутую творчеству Бабеля, с определенными негативными коннотациями: «Бабель не знает ни солнечной вселенной и природы, ни радости бытия, ни радости любви. Все живое, когда на него смотрит Бабель, мертвеет. Тяжесть, сырость, прах, смерть»[803]. Однако финал рассуждения Туринцеве вполне согласуется с взглядами самого Святополк-Мирского: «Убоина, да. Но у этой убоины, столько жизненной энергии, что, понимаешь – направь ее иначе и – сдвинет горы»[804].

7) [Рец.] «Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук» (1925)[805].

Святополк-Мирский предлагает воспринимать книгу Г.П. Блока как и в историко-литературной перспективе, и в литературно-художественной: «Книга Г. Блока замечательна как первый пример биографической работы, не только не боящейся “художественности”, но определенно ее добивающейся»[806]. Святополк-Мирский называет книгу Г.П. Блока «претенциозной книгой», но тут же замечает, что «претензии ее надо приветствовать». Святополк-Мирский отмечает, что «если наша художественная литература, пожалуй, и слишком смела – литературе не

---

[801] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 205.
[802] Idem.
[803] *Туринцев А.* Опыт обзора// Версты. – 1926. – № 1. – С. 219.
[804] *Туринцев А.* Опыт обзора. – С. 220. Ли Су Ен, однако, замечает, что «если в целом эмигрантские критики положительно относились к творчеству Бабеля, то на общем фоне выделяется позиция А. Туринцева, давшего писателю довольно негативную оценку» (*Ли Су Ен.* Спор эстетики и политики (полемика 1920–1930-х годов вокруг «Конармии» и «Одесских рассказов» И. Бабеля). – С. 218).
[805] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук // Современные записки. – 1925. № 23. – С. 475–476.
[806] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 116.

беллетристической смелости очень не достает»[807]. Этот тезис Святополк-Мирского, как представляется, соотносим с высказываниями Святополк-Мирского о мемуарной литературе и исторической романистике в «Современной русской литературе» (1926)[808].

8) [Рец.] «Издания Российского Института Истории Искусств» (1925)[809].

Статью Святополк-Мирского о новейших работах русских формалистов корректно увидеть на фоне предшествующих ей высказываний о деятельности формалистов в «Современных записках».

В кн. 16 (1923) журнала была опубликована рецензия Ф.А. Степуна на «Сентиментальное путешествие» В. Шкловского, в которой Степун писал: «В нем пафос уже не этический, но артистически снобистический. Этическим пафосом у Шкловского исполнена только одна фраза; артистическим снобизмом пропитана вся его талантливая, умная, захватывающая, но отвращающаяся от себя и вызывающая страшный протест книга. Рядом с этим ее большим грехом не хочется говорить о ее маленьких недостатках. Немножко смешное, хотя и трогательное впечатление производит влюбленность автора в себя самого, как в главу формальной школы, носится он со своим формальным методом, как с писаной торбой, не замечая, что формулировки вроде тех, что Блок канонизатор цыганского романса, очень немногим отличаются от правильного утверждения Кони, что Пушкин провозвестник суда присяжных»[810].

В кн. 17 (1923) М.А. Осоргин высказался о книге Шкловского «Zoo, или Письма не о любви»: «Жалко, когда умный человек по мелочам разбалтывается и кажется гораздо меньше ростом, чем он есть на самом деле. Очевидно “содержание искусства” не только «слова, мысли, ирония мыслей» и т. д.; еще что-то нужно, до чего “изобретатель формального метода” не докопался. Быть

---

[807] Там же.
[808] *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 785–788.
[809] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки. – 1925. – № 24. – С. 434–438. Подробно об этой статье см. в п. 1 гл. 1 наст. диссертации.
[810] *Степун Ф. А.* [Рец.] Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие: Восп. 1917–1922. М., Берлин: Геликон, 1923 // Современные записки. – 1923. – № 16. – С. 413.

может, нужно еще *достоинство* мысли? Глубина ее? Значительность? Что-то, выходящее за рамки богемы, Prager Diele, “Дома искусств” и домашней неврастении. Что-то, блеснувшее было в предыдущей книге В. Шкловского (“Сентиментальное путешествие”), но потонувшее в потоке “слов, иронии мысли, их несовпадения” и материалов для характеристики личности собственной и ближайших знакомых <…> Излагать содержание книги В. Шкловского не стоит и нельзя: подлинного содержания в ней и нет. Отозваться о ней менее резко было бы большой несправедливостью: автор ее имеет право на *очень* требовательное и строгое отношение к его работам»[811].

Быть может, именно знакомством Святополк-Мирского со статьями Степуна и Осоргина следует объяснить слова о «громких, подчас слишком громких выступлениях Виктора Шкловского»[812], а также то обстоятельство, что в своей статье в «Современных записках» он фактически игнорирует собственно историко-литературные и теоретические работы Шкловского.

При этом Святополк-Мирский безоговорочно устанавливает место русских формалистов в современной русской филологической науке: «Деятельность “формалистов” <…> уже заняла почетное место в истории изучения русской литературы»[813].

9) «М.И. Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924» (1926)[814].

Статья Святополк-Мирского о «Молодце» Цветаевой является его первым развернутым высказыванием по-русски о творчестве Цветаевой, значимым по нескольким причинам.

В своей книге «Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака» (1924) Святополк-Мирский дал известное определение Цветаевой

---

[811] *Осоргин М. А.* [Рец.:] Шкловский В. Б. Zoo, или Письма не о любви. Берлин: Геликон, 1923 // Современные записки. – 1923. – № 17. – С. 487, 488, курсив Осоргина.
[812] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 124.
[813] Там же.
[814] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] М. И. Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924 // Современные записки. – 1926. – № 27. – С. 569–572.

как «талантливой, но безнадежно распущенной москвички»[815]. Между тем, уже в неопубликованной статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922) Святополк-Мирский отмечал, что, при всех серьезных оговорках («глубокое равнодушие к канону и вкусу», «она умеет писать так плохо, как, кажется, никто не писал»[816]), Цветаева – «одна из самых пленительных и прекрасных личностей в современной нашей поэзии», что она «недостаточно оценена» и что «когда она удачлива, она создает вещи невыразимой прелести»[817].

В феврале 1926 г. Святополк-Мирский опубликовал по-английски статью о творчестве Цветаевой[818], которая стала первой кем-либо и когда-либо написанной статьей о Цветаевой на английском языке[819]. В статье, помимо безоговорочно высокой оценки творчества Цветаевой («поэт новой эры русской поэзии»[820]), Святополк-Мирский остро критикует «консервативных эмигрантских вождей, писателей и журналистов», которые – за исключением «Воли России» – «почти перестали принимать новые произведения <Цветаевой>»[821].

Публикация развернутой рецензии Святополк-Мирского на «Молодца» Цветаевой в «Современных записках» носила, таким образом, программный – и, в определенной степени, провоцирующий – характер. Представляется, что рецензия Святополк-Мирского имела и двух конкретных адресатов, Г. Адамовича и Ю. Айхенвальда, критически – и, более того, уничижительно – отозвавшихся в печати о «Молодце»[822].

---

[815] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. – С. 14. Ср. в статье «О современном состоянии русской поэзии» (1922): «… она одна из самых пленительных и прекрасных личностей в современной нашей поэзии. Москвичка с головы до ног. Московская непосредственность, московская сердечность, московская (сказать ли) распущенность в каждом движении ее стиха» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 72).

[816] Там же.

[817] Там же.

[818] *Mirsky D. S.* Marina Tsvetaeva // The New Statesman. – 1926. – 27 February. – Vol. 26. – № 670. – P. 611–613.

[819] *Смит Дж.* Марина Цветаева и Д. Святополк-Мирский. – С. 272. Чуть позже Святополк-Мирский опубликует краткую англоязычную рецензию на «Молодца»: *Mirsky D. S.* Mólodets. A Fairy Tale. By Marina Tsvetayeva. Prague: Plamya, 1924 // The Slavonic Review. – 1926 (March). – Vol. 4. – № 12. – P. 775–776.

[820] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 219.

[821] Ibid. В письме к А. В. Тырковой-Вильямс (февраль 1926 г.) Святополк-Мирский оговаривался и уточнял: «Вина моя, что я не подчеркнул, что это именно редакторы, а не рядовая эмиграция» (D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova-Williams, with an Unpublished review by Ariadna Tyrkova-Williams. – P. 486).

[822] См.: *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи. – С. 300–301; *Адамович Г.В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 172–174.

Начав с яркой, «пушкинской» метафоры (Цветаева «продолжает расти, неудержимо, как в бочке царь Гвидон»[823]), Святополк-Мирский утверждает первенствующее место Цветаевой в современной поэзии: «Среди поэтов послереволюционных ей принадлежит или первое, или одно из двух первых мест: единственный возможный ее соперник – Борис Пастернак – поэт совершенно иного, чем она склада»[824]. Подчеркивая разность художественных индивидуальностей двух поэтов, Святополк-Мирский видит в них принципиально-общее: «… единственное, что есть и в Цветаевой, и в Пастернаке – это мажорность, бодрая живучесть, “приятие” жизни и мира. Тех, кто болеет патриотической тревогой, должно радовать, что *два первых поэта* нашего поколения, во всем остальном столь несходные, объединены именно *этим* признаком»[825]. При этом Святополк-Мирский дезавуирует свои предшествующие высказывания о Цветаевой, в первую очередь – слова в «Русской лирике» о «московской распущенности» Цветаевой: «В ее стихах, написанных до 1919–1920 года, была чрезмерная легкость, незадержанность, которая давала возможность говорить о “распущенности”. В них не было дисциплины стиля. Начиная, приблизительно, с 1920 года, она неуклонно и победоносно преодолевает свою безграничность»[826]. Результат этого «победоносного преодоления», по Святополк-Мирскому, в том, что «в наше время она <Цветаева> единственный поэт, достигший стиля»[827]. «Лирические поэмы» Цветаевой («Царь-Девица», «Молодец», «Поэма Горы», «Поэма Конца») – это не «лирические *записи* переживаний, а поэтические <…> постройки из *материала* переживаний»[828].

Этот тезис имеет принципиальную важность: Святополк-Мирский, на материале поэзии Цветаевой, утверждает синтез «чуткости к слову» и «дисциплины формы» в качестве формулы художественного произведения как

---

[823] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 110.
[824] Там же.
[825] Там же, курсив Святополк-Мирского.
[826] Там же. – С. 112.
[827] Там же.
[828] Там же, курсив Святополк-Мирского.

такового. Таким образом, Цветаева, по Святополк-Мирскому, воплощает в максимальной степени успешность реализации этой формулы.

Парадоксальным образом, высказывание Святополк-Мирского, нагруженное принципиальными смыслами для понимания художественного творчества в целом и «пророческих явлений» (каковыми, как предполагает Святополк-Мирский, является поэзия Пастернака и Цветаевой)[829], фактически дезавуировано финальной частью статьи, в которой Святополк-Мирский стремится развенчать представление о «непонятности» «Молодца» Цветаевой: «… трудности и непонятности изложение самого поэта не представляет никаких. Нужно только внимание. Но без внимания вообще ничего не следует читать. Новый стиль требует большего внимания, чем старый и давно разжеванный. Но не больше, чем от ребенка (или взрослого), впервые начинающего читать русские стихи и читающего “Полтаву” или “Демона”. Называю именно эти две поэмы, потому что помню, как я читал их десяти лет, удивленно и восхищенно открывая новый мир, сперва непонятный, а потом вдруг понятный. То же, сперва непонятное, а потом вдруг понятное откровение нового мира, новой системы отношений и ценностей, я переживал, читая последние поэмы Марины Цветаевой»[830].

Таким образом, по Святополк-Мирскому, для усвоения и понимания «откровения нового мира, новой системы ценностей» достаточно «только внимания», которое доступно «даже ребенку». Апелляция к собственному детскому опыту чтения «Демона» и «Полтавы» наделяет тезис об «откровении нового мира», явленному в модернистском тексте Цветаевой, обертонами едва ли не пародийными, хотя и непреднамеренными. Статья завершается призывом гордиться тем, что Цветаева – «наша соотечественница» и радоваться тому, что она – «наша современница»[831].

---

[829] Там же. – С. 111.
[830] Там же. – С. 113.
[831] Там же.

При всей внешней ситуативности публикаций Святополк-Мирского в «Современных записках», обращает на себя внимание определенно нормативный характер большинства литературно-критических высказываний Святополк-Мирского. Критик не только обсуждает характерные особенности того или иного литературного произведения, но и встраивает его в некую имплицитную историко-литературную иерархию. При этом Святополк-Мирский, признавая наличие неких идеологических установок у авторов, проводит мысль о том, что для оценки литературных достоинств текста идеология автора не есть необходимое условие.

Рецензия на «Молодца» М. Цветаевой в марте 1926 г. оказалась последней публикацией Святополк-Мирского в «Современных записках». По совпадению, именно в этой оказавшейся последней публикации Святополк-Мирский воздал должное «Современным запискам»: они «первые явили Марину Цветаеву эмигрантской публике»[832].

При этом в апреле 1926 г. Фондаминский писал Вишняку: «Св[ятополк]-Мирский готов написать статью о современной литературе (вообще, а не советской), но не может это сделать сейчас и, помимо этого, предпочитает, чтобы мы раньше ознакомились с его новым журналом, ибо там нам не все может понравиться»[833].

№ 1 «Верст» вышел и поступил в продажу позднее, в начале июля 1926 г., и в апреле 1926 г. Фондаминский продолжал обсуждать с Вишняком планы дальнейшего сотрудничества с Святополк-Мирским: «Я очень приветствую мысль дать статью С[вятополк]-Мирского о Шестове. Это будет и талантливо и интересно. Если на него очень насесть, указать последний срок и ограничить размеры, он согласится. Это мнение и Степуна»[834].

---

[832] Там же. – С. 110.
[833] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. – Т. 1. – С. 298.
[834] Там же. – С. 303.

В вышедшем вскоре первом номере «Верст» была опубликована статья Святополк-Мирского, посвященная «Современным запискам» и «Воле России»[835]. И сам журнал, и непосредственно статья Святополк-Мирского вызвали исключительно активную полемику в русской эмигрантской периодической печати[836].

Дадим сводку основных положений статьи Святополк-Мирского о «Современных записках»:

1) «Современные записки» – «орган русского либерального консерватизма». «В литературе позиция “Современных записок” – чистая, почти беспримесная установка на прошлое <…> Инерция вчерашнего дня всегда велика, и иногда лучший цвет литературного движения расцветает после смерти движения. <…> Литературно “Современные записки” – инерция предреволюционной России».

2) «… надо различать между основным ядром его и периферией. Периферия – случайные, не связанные с существом (“душой”) журнала гости: Андрей Белый, Ремизов, Шестов, Марина Цветаева. Ядро – это собственно “зарубежная” литература: Мережковские, Бунин, Алданов, Ходасевич, Зайцев, – все разные грани либерального консерватизма. Близки к ядру “персонально”, но не по существу, Бальмонт и Степун».

3) «Литературное ядро “Современных записок” разнообразно и объединено признаком скорее отрицательным: ненавистью, более или менее брезгливой, ко всему новому. Различны же они во всем».

4) «В конце концов, ядро “Совр<еменных> зап<писок>” не дало в романе ничего равного напечатанному со стороны “Преступлению Николая Летаева”; в поэзии – вещам Марины Цветаевой, напечатанным не в них; в философии – “Гефсиманской ночи” “гастролера” Шестова.

Несмотря на это, роль <”Современных записок”> почтенна. Задачу свою, как они ее видят, редакторы исполняют честно и удачно, и имена их имеют право

---

[835] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. – 1926. – № 1. – С. 206–210.
[836] См.: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 439–442.

на соседство в русской памяти с именами почтенных либерально-консервативных редакторов прошлого – Плетнева, Стасюлевича и Гольцева»[837].

В своей статье Святополк-Мирский дал характеристики всем крупнейшим писателям русского зарубежья – в форме, которая была воспринята литературной средой как недопустимая и скандальная. Напр.: «истерический хаос Мережковского», «принципиальная (и природная) уездность Бунина», «чрезмерная ссохнутость и морщинистость Ходасевича», «Ходасевич, маленький Баратынский из подполья, любимый поэт всех тех, кто не любит поэзии», «воздушная пухлость <Б.К.> Зайцева», «Мережковский если когда-нибудь и существовал (не как личность, конечно, а как желоб, по которому переливались порой большие культурные ценности), перестал существовать, по крайней мере, двадцать два года тому назад» (142).

Нападение Святополк-Мирского на редколлегию и большинство авторов «Современных записок» вызвало широко известные статьи З. Гиппиус[838] и В. Ходасевича[839], а также отклик М.О. Цетлина, одного из редакторов «Современных записок». Цетлин писал: «О “С<овременных> Записках” пишет Кн. Святополк-Мирский. Воистину, этот журнал, оказывавший Кн. Д.С. Мирскому широкое гостеприимство, не внушает ему ничего, кроме слов осуждения или ядовитой хвалы. <...> Иные характеристики прямо анекдотичны. Слова о том, что Мережковский существовал только как “желоб” и перестал существовать 22 года тому назад, напоминают известный анекдотический диалог: “Считайте, что вы получили пощечину”. – “А вы считайте, что вызваны мной на дуэль и убиты”. – Что ж, пусть критик считает Мережковского убитым им и не существующим, это

---

[837] См.: Там же. – С. 141–143.

[838] *Крайний А. <Гиппиус З. Н.>* О «Верстах» и прочем // Последние новости. – 1926. – 14 августа. – № 197. – С. 2–3.

[839] *Ходасевич В.Ф.* О «Верстах» // Современные записки. – 1926. – № 29. – С. 433–441. В письме к А. М. Ремизову от 23 октября 1926 г. Святополк-Мирский так отозвался о статьях Гиппиус и Ходасевича: «Читал Зинаиду и Ходасевича и, хотя ожидал много, – удивился, особенно удивился совершенной беззубости Зинаиды. Но очевидно, я больно кусаюсь, т.к. все это лично задетые люди. А мне как с гуся вода. Очевидно, Зинаида права, что мне не хватает человечности» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 387).

не помешает Мережковскому считаться на Западе, и не только в широкой публике, полномочным представителем русской культуры»[840].

После этих двух публикаций Мережковский писал Ходасевичу (29 августа 1926 г.): «… очень благодарю Вас и “Дни” за прекрасную статью М.О. Цетлина о “Верстах”, где они меня защитили от Святополка Окаянного»[841].

М.В. Вишняк в своих мемуарах отмечал: «Перечитывая сейчас статью Ходасевича, должен признать, что он оказался неправ в ряде утверждений и истолковании»[842]. Финальный вердикт Вишняка, однако, в пользу Ходасевича: «За всем тем во многом – и в главном – Ходасевич оказался прав. Он правильно уличил Святополк-Мирского, что тот на протяжении сравнительно короткого времени резко расходился сам с собой в оценке некоторых писателей. <…> Художественная интуиция или прозорливость не обманули Ходасевича, когда он подчеркивал тяготение руководителей “Верст” к большевикам – тяготение идейное: “прочь от проклятой Европы, ненавистной России Петра и Пушкина, от ненавистной интеллигенции”, как формулировал Ходасевич поэзию “Верст”, – и тяготение личное»[843].

Важным коррелятом к этой ретроспективной оценке Вишняка служит актуальное событиям свидетельство о внутриредакционной полемике вокруг статьи Ходасевича – письмо Ф.А. Степуна И.И. Фондаминскому (ноябрь 1926 г.). Степун писал: «Ходасевич написал очень мелкотравчато, мелкоскладочно, сморчково. Написал исключительно о Святополке-Мирском, обойдя молчанием и статью Сувчинского, и статью Богданова, которого мы собираемся привлечь в “Совр[еменные] зап[иски]”. Я не знаю, доказал ли он экономическую связь “Верст” с большевиками, но если бы он это и доказал, то ведь вопрос не в том, что евразийцы поступили на содержание к большевикам, а в том, *что значит* с точки зрения философии истории то, что они это сделали. Он очень тщательно

---

[840] *Цетлин Мих.* «Версты» // Дни. – 1926. – 22 августа. – № 1087. Цит. по: Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими // Вступ. ст., публ. и коммент. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 90. – С. 115–119.
[841] Там же.
[842] *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. – Р. 143.
[843] Там же. – Р. 143–144.

доказывает несостоятельность разделения Святополк-Мирским всех сотрудников ”Совр[еменных] зап[исок]” на основных и случайных, а между тем оно неоспоримо правильно <…> То, что Св[ятополк-]Мир[ский] изменил свое мнение о Цветаевой, конечно, верно, но ведь изменилась и Цветаева. Наконец, неприятно в статье Ходасевича то, что она написана им, т.е. человеком, издававшим вместе с Горьким “Беседу” – орган по своему отношению к советской России гораздо более близкий к ”Верстам”, чем к “Совр[еменным] зап[искам]”. Наконец, звучит во всей рецензии и обида за подпольного Баратынского»[844].

Оценка Степуном статьи Ходасевича свидетельствует о том, что внутри редакции «Современных записок» не существовало консенсуса относительно статьи Святополк-Мирского даже с учетом того, что «выпад» Святополк-Мирского был воспринят как акт немотивированной неблагодарности. Важно учесть и печатную оценку Степуном Святополк-Мирского, сделанную им совсем незадолго до инцидента со статьей Ходасевича. Степун был далек от идеализации Святополк-Мирского[845]. Это, однако, не помешало Степуну писать Фондаминскому в декабре 1927 г.: «Если можно, вышлите мне срочно только что вышедшие “Версты”[846]. Я дал слово Святополк-Мирскому, что напишу о них»[847]. Об этом же Степун писал и Вишняку в январе 1928 г.: «Очень прошу выслать мне для рецензии “Версты” № 3. Я обещал Мирскому, что напишу о них»[848]. Степун подчеркнул это и в письме к Вишняку в конце февраля 1928 г.: «В первую очередь напишу о “Верстах”»[849], имея в виду публикацию в «Современных записках». Весьма показательна приписка Вишняка к этим словам Степуна: «менее всего *нам* нужно, нужно Мирскому и Степуну!»[850]. Подчеркнутое «нам», как кажется, намекает на некую консолидированную позицию редакционного ядра «Современных записок» в составе Вишняка, Фондаминского и Руднева.

---

[844] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. – Т. 1. – С. 348–349, курсив Степуна.
[845] См. ниже о его печатном отклике на диалог Святополк-Мирского «О консерватизме».
[846] Имеется в виду № 3 «Верст», который вышел и поступил в продажу в начале января 1928 г.
[847] «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции. – Т. 1. – С. 398.
[848] Там же. – С. 403.
[849] Там же. С. 410.
[850] Там же. – С. 412, курсив Вишняка.

Степун в отношениях редакции «Современных записок» к Святополк-Мирскому продолжал занимать независимую позицию и значительно позднее. Так, в марте 1931 г. В.В. Руднев писал М.В. Вишняку: «Наша беседа со Степ[уном] была прервана... появлением Свят[ополк-]Мирского... Широкий человек Федор Августович!»[851]

Последними печатными высказываниями Святополк-Мирского о «Современных записках» стали две статьи 1929 г. в газете «Евразия»: статья об опубликованных в кн. 38 журнала работах В.А. Маклакова («Из прошлого») и М.В. Вишняка («О русской революции»)[852] и обзор кн. 39 журнала[853]. В этом последнем Святополк-Мирский еще раз повторяет свой тезис 1926 г.: «”Культуру” эмиграции будут впоследствии судить по “Современным запискам”. <…> в почтенной белой обложке “Современных записок” дореволюционная культура чувствует себя как дома и может тешить себя иллюзией, что ничего не произошло и что никакой советской культуры нет»[854]. В литературном отделе Святополк-Мирский – с нескрываемым сарказмом («мотив восхищения всяким “аристократизмом”») – отмечает романы М. Алданова («Ключ») и Г. Иванова («Третий Рим», а также – заинтересованно – «Державина» Ходасевича. Любопытно и весьма показательно для литературно-критических взглядов Святополк-Мирского, что, с одной стороны, он аттестует Ходасевича как «настоящ<его> писател<я>, по уму и литературному умению превосходящ<его> всех представленных в этом номере сотрудников эмигрантского журнала» (215), с другой – немедленно заявляет, «нужна была» «утонченная извращенность, граничащая с садизмом», «чтобы самому мертвому и “трупному” из всех когда-нибудь живших писателей выбрать своей жертвой насквозь живого и здорового Державина» (215). Святополк-Мирский в очередной раз подтвердил принцип, который сформулировал еще в 1925 г. на страницах журнала «Благонамеренный»:

---

[851] Там же. – С. 585.
[852] *Святополк-Мирский Д.* Маклаков и Вишняк // Евразия. – 1929. – 6 апреля. – № 20. – С. 2–3.
[853] *Святополк-Мирский Д.* «Современные записки», книга 39-ая // Евразия. – 1929. – 10 августа. – № 33. – С. 8.
[854] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 214.

«*волевая заразительность* <…> не завис<ит> даже от художественного, а тем более психологического сознания самого писателя»[855].

Стихи Н. Оцупа, А. Несмелова, Б. Поплавского, Е. Кузьминой-Караваевой, прозу Б. Темирязева (Ю. Анненкова), статью И. Матусевича памяти Ю. Айхенвальда, статью В. Вейдле о французской литературе Святополк-Мирский в 1929 г. не удостоил даже упоминания.

Д.П. Святополк-Мирский в «Благонамеренном» (1926)

В 1926 г. Святополк-Мирский принял участие в двух номерах издававшегося кн. Д.А. Шаховским журнала «Благонамеренный». Это кратковременное, но плодотворное сотрудничество документировано не только собственно публикациями Святополк-Мирского, но и опубликованной перепиской Святополк-Мирского и Шаховского.

Любопытно, что Святополк-Мирский возражал против названия журнала: «”Благонамеренного” я не одобряю. Название, говорил Пушкин, должно быть такое, чтобы не к чему было придраться и ничего бы не означало. Лучше избежать манерности. Я предлагаю Вам “Русский Литературный Вестник” – почтенно и бессмысленно»[856].

Ключевой публикацией Святополк-Мирского в № 1 «Благонамеренного» стала статья Святополк-Мирского «О нынешнем состоянии русской литературы»[857]. 19 августа 1925 г. Святополк-Мирский писал Шаховскому: «Статейку я для Вас напишу <…> Статью я напишу об общем состоянии Рус<ской> лит<ературы> – характера культурно-исторического»[858]. Шаховской отозвался в письме от 22 августа 1925 г.: «Не могу не сказать, что ставлю Вашу статью на самый передний план “ударности” четвертого отдела»[859].

---

[855] *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 226. Подробнее см. далее, в разделе «Д. П. Святополк-Мирский в “Благонамеренном” (1926)».
[856] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – Paris, 1977. – P. 201.
[857] *Святополк-Мирский Д., кн.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 90–97.
[858] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – P. 198.
[859] Там же. – P. 199. В № 1 «Благонамеренного» статья Святополк-Мирского была опубликована в разделе «Статьи», третьем по счету.

В октябре 1925 г. Святополк-Мирский отправил Шаховскому текст статьи, сопроводив присылку эпистолярным комментарием: «… я был так завален работой все это время (корректура и пр<очее для> двух книг, начало учебного года и пр.), что не успевал сесть за статью для Вас. Но, получив письмо Ваше, вспомнил, что я офицер Генерального Штаба, и что для нашей корпорации нет отговорок отсутствием времени, незнанием или неумением, сел и написал. Что из этого вышло, предоставляю судить Вам, мне крайне совестно, что ничего не могу представить лучшего. Очень прошу Вас исключить те части статьи, которые Вам покажутся неуместными (в частности, две юдофильские парантезы, упоминание о З.Н. Гиппиус и пр.), но не меняйте отдельных слов и сохраните по возможности мою пунктуацию. Я боюсь, что, в общем, статья вышла слишком политическая и, что хуже, совершенно бессвязная. Malheureusement on n'écrit pas ce qu'on veut mais ce qu'on peut <…> В статье я немножко кривлю душой насчет Алданова, – но что же делать: нельзя же со всеми ссориться <…> Если статья совсем неуместна и плоха, не печатайте ее вовсе»[860].

Шаховской, однако, счел статью подходящей для публикации, и текст Святополк-Мирского появился в первом номере «Благонамеренного» с сохранением тех частей, которые, по предположению Святополк-Мирского, могли показаться Шаховскому неуместными[861].

Святополк-Мирский начинает статью с указания на то, что в своих высказываниях о советской литературе ему «неоднократно приходилось <…> находить в <ней> черты ценные и достойные внимания» (222)[862]. Святополк-Мирский сразу формулирует разницу между собой и эмигрантским литературным истеблишментом: «Не все, конечно, из эмигрантских авторитетов допускают самую возможность литературного подхода к тому, что печатается в пределах

---

[860] Там же. – P. 202, пунктуация исправлена. Фраза по-французски: «К сожалению, мы пишем не то, что хотим, а то, что можем».

[861] См. также цитированный в п. 1 гл. 1 фрагмент письма Святополк-Мирского Шаховскому о желательности купюры в тексте Святополк-Мирского, с чем Шаховской согласился.
См. ранее (раздел «Д.П. Святополк-Мирский и русская литературная критика») обсуждение вопроса о принципах литературной критики, выраженных Святополк-Мирским в данной статье.

[862] Здесь и далее цитируется по изд.: *Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 222–229., с указанием номера страницы в тексте.

Советской Федерации, и многие из тех, кто такую возможность допускают, не находят ничего кроме скучных мерзостей в произведениях писателей, живущих в России» (222).

Святополк-Мирский настаивает на «прав<е> литературной критики, судить по литературным признакам» (222). Любые иные признаки для суждений о ценности литературного произведения не релевантны. Святополк-Мирский подробно говорит о возможном идеологическом критерии оценки: «Подходить к литературе с политическими марками, как подходят к ней “Русское время”, “Возрождение”, “Красная новь”, “Звезда” и Зинаида Николаевна Гиппиус, конечно просто бессмысленно и даже вовсе не литературно бессмысленно, а прежде всего политически бессмысленно. Политические (и религиозное) идеи и симпатии писателя не имеют никакого политического (или религиозного) значения» (226). Здесь обращает на себя внимание, что Святополк-Мирский принципиально не делает никакой разницы между эмигрантскими и советскими литераторами-идеологами: для него московская «Красная новь» и парижское «Возрождение» в равной мере занимаются «бессмысленным» делом. Они судят литературу по внеположному ей – политическому – критерию.

Важнейший акцент Святополк-Мирского: «Политические (и религиозное) идеи и симпатии писателя не имеют никакого политического (или религиозного) значения» (226). Означает ли это, по Святополк-Мирскому, что таковое значение имеют «идеи и симпатии» литературного свойства? Ответ Святополк-Мирского: нет. По Святополк-Мирскому, «политическое и религиозное значение» имеет «только его <писателя> *волевая заразительность,* часто не зависящая даже от художественного, а тем более психологического сознания самого писателя» (226, курсив Святополк-Мирского). Святополк-Мирский настаивает: никакой прямой корреляции между индивидуальным сознанием писателя и «волевой заразительностью» его произведений не существует. Примеры: «Гоголь, вопреки своей воле, стал знаменем радикализма. Толстовца Лескова мы справедливо считаем азбукой православной этики. На Аввакуме воспитывали свой революционный героизм русские эсеры» (226). Святополк-Мирский называет это

«воспитательной, “гигиенической” ролью литературы» и отмечает, она «не может не быть предметом самого серьезного внимания как политиков, так и словесников (и особенно историков)» (226). Но в этой «воспитательной» роли» литературы «главное <…> *волевая форма,* а не интеллектуальное содержание» (226–227, курсив Святополк-Мирского).

Святополк-Мирский ни здесь, ни позже не расшифровывает смысла понятия «волевая форма»[863] и «волевая заразительность», но, как можно понять, само это понятие было для него одним из ключевых.

Из текста статьи в «Благонамеренном» можно, однако, вывести, что Святополк-Мирский подразумевает под «волевой заразительностью» и «волевой формой», которые важны «в деле воспитания нации» (227). Это – «оседла<ние> стихи<и>» и «настоящее<е> активно<е> прияти<е> жизни, настояще<е> господско<е> к ней отношени<е>» (229). Святополк-Мирский, таким образом, противопоставляет индивидуальные политические симпатии писателя и эффект, производимый произведениями писателя. Это второе, эффект, и есть главное в смысле «воспитательной роли литературы».

При этом Святополк-Мирский исходит из того, что не важны не только индивидуальные политические предпочтения писателя, но и личные вкусы критика и «традиционные предрассуждения» (222). Тезис Святополк-Мирского: «первая обязанность критика (если он именно *критик,* а не chef d’école) <…> – постараться *изнутри* понять и оценить эти явления» (222, курсив Святополк-Мирского). Святополк-Мирский исключительно ясно разводит литературно-критическую деятельность и вкусовую оценку: «Вкус дело изменчивое и сегодняшние литературные консерваторы были тридцать лет тому назад скучными пакостниками или забавными кривляками в оценке консерваторов тогдашних. Критик должен не заботиться о вкусах, а пытаться выяснить объективную *(объективную*) ценность того, что кругом него производится. Задача

---

[863] См. также о «волевой форме» в более поздней статье Святополк-Мирского: *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // – Версты. – 1926. – № 1. – С. 206–210.

эта, конечно, безнадежная, и осуществимая только с самой грубой приблизительностью» (222, курсив Святополк-Мирского).

Святополк-Мирский декларирует объективизм литературной критики как ее важнейшую характерную черту. Дальнейшее изложение и призвано продемонстрировать это, с использованием предлагаемой Святополк-Мирским «объективной “силомерной” оценки» (см. выше).

Святополк-Мирский предлагает обширный экскурс, призванный описать и оценить такое явление, как «бедность / богатство творческими силами» в определенный исторический период. Святополк-Мирский постулирует то, что он называет «несомненным фактом»: «… наше время сравнительно бедно творческими силами, и очень бедно умением их “прилагать”. Литературное поколение, рожденное после 1881 <года>, творчески слабее всех поколений 19-го века, кроме того, беднейшее изо всех, которое родилось после Лескова <1831 г. – М.Е.> и раньше <Владимира> Соловьева <1853 г. – М.Е.>. Особенно заметно его сравнительная бедность после предыдущей четверти века – от Соловьева, Розанова, Анненского и Чехова до Ремизова, Блока и Белого. В “глухие годы” между 1-м марта <1881 г.> и убийством Плеве <1904 г.> <…> русская почва родила плохо» (223).

Сколько можно понять, именно слова о плохо родящей *русской* почве объясняют подчеркивание Святополк-Мирским еврейского элемента: «… заметьте, сколько “инородцев” в числе самых лучших – Мандельштам, Пастернак, Бабель» (223). И далее вновь вернется к этому: «И опять (я считаю *необходимым* указать на это) имена “умных” все (без исключения) “инородческие”: Мандельштам, Пастернак, Эренбург (конечно), Шкловский (все-таки), Бабель, Лунц» (225, курсив Святополк-Мирского). «Необходимость подчеркивания» писателей-евреев «в числе лучших», быть может, объясняется желанием Святополк-Мирского отмежеваться и от аристократического сословного антисемитизма, и от антисемитизма евразийцев, с которыми Святополк-Мирский был близок в то время.

Святополк-Мирский говорит о «сравнительной бедности» русской почвы и добавляет: «все-таки не такая уж полная» (223), но это не отменяет исключительной провокационности самого тезиса. Всех деятелей русского культурного ренессанса рубежа XIX–XX вв., родившихся между 1881 г. и 1904 г., Святополк-Мирский считает «сравнительно бедными творческими силами». Что характерно, Святополк-Мирский аргументирует это арифметическими выкладками: Ремизов родился в 1877 г., Блок и Андрей Белый в 1880 г. Речь, таким образом, идет о поколении старших символистов. Родившиеся после 1881 г. принадлежат уже «плохо родящей почве».

При этом Святополк-Мирский делает уточнение: «… хуже чем эта сравнительная бедность <…> – полная непрактичность всей этой “бедноты”. За очень немногими исключениями (главные: Гумилев, Ахматова, Ходасевич, Бабель) силы наших литературных современников приложены к работе с огромной потерей полезной энергии» (223). Святополк-Мирский допускает, что «временная потеря *может* перейти в удвоенную экономию, – так у Пастернака» (223), но обычнее иное: «… простое неумение, незнание что из чего можно сделать, – синичьи попытки поджечь море, горбуновские мосты через атлантический океан, и пошехонские блуждания в трех соснах» (223). Наиболее показательный пример этого, по Святополк-Мирскому, – это Борис Пильняк.

Святополк-Мирский переходит к характеристике современного ему литературного поколения. Критик начинает свой перечень с поколения, которое он называет «молодым» (именно так, в авторских кавычках), «послесимволистским» и – без какого-либо объяснения, а потому вполне неожиданно – «послеарцыбашевским». Святополк-Мирский предлагает «различать два “призыва”: старший – люди, родившиеся в <18>80-х годах и начавшие писать до войны – уже отчасти вошел в неизменимые списки истории» (224).

Далее в тексте Святополк-Мирский больше не отсылает к «двум призывам», а к первому относит Гумилева, Хлебникова, Городецкого, Северянина, Ахматову, Клюева, Алексея Толстого, Замятина, Ходасевича и Алданова. Городецкий и

Северянин удостаиваются уничижительного отклика («давно перестали “считаться”», 224), Алексей Толстой – двусмысленного («… как всегда, продолжает давать чудесные вещи, как только перестает стараться думать», 224), остальные – сочувственного. Никакого объединяющего начала Святополк-Мирский в упомянутых писателях не видит, за исключением времени рождения и начала литературной деятельности. Однако сразу же после этого перечисления Святополк-Мирский заявляет: «Все эти писатели, поскольку они вообще живы, уже “бессмертные” и если бы у нас была Академия, никто не был бы более достоин войти в нее, чем Анна Ахматова, Евгений Замятин, и Владислав Ходасевич, – и если в Академию можно избирать за одно голое дарование, Алексей Толстой» (224).

Далее Святополк-Мирский, словно забыв о предложенной им классификации послесимволистского поколения по двум «призывам», предлагает «классификацию молодых», на основании «дарования» (225):

– «… подлинные, сложившиеся мастера, не застывшие в подражании себе, но продолжающие работать и развиваться: Мандельштам, Цветаева, Пастернак; из младших (по работе), вероятно – Бабель»;

– «Подлинные мастера, но застывшие в подражании себе, и к тому же “перед властию покорные рабы”, и спецы поэзии: Маяковский, Асеев, может быть <–> Тихонов».

– «Начинающие мастера, еще мало давшие, а будущее которых зависит не столько от несомненно крупного дарования, сколько от характера и воли: Артем Веселый, Сельвинский».

– «Мастер с большими данными, но не нашедший “содержания”: Леонов».

– «Сложившийся, но по существу малый виртуоз: Зощенко. “Поэт божьей милостью”: Есенин».

– «Талантливые бытописатели, более или менее погубленные успехом, некультурностью и пр.: Всеволод Иванов (самый талантливый и самый способный к тому чтобы выбраться), Пильняк, и (гораздо ниже) Никитин, и еще другие вроде Лидина».

– «Подлинно талантливый и умный, но лишенный всякого «внутреннего содержания», журналист, к тому же “раб перед властию”, и, что хуже, перед потребителем: Эренбург».

– «Почти “гениальный”, но совершенно распущенный журналист, культивирующий свою распущенность, но отец почти всех идей, которыми живет современная ему эстетика: Шкловский».

– «Хорошие работники с малым зерном гения, но тщательно (и как будто успешно) развивающие его: Федин, и покойный Лунц».

– «”советская Вербицкая” (или пожалуй лучше – “советская Чарская”): Сейфуллина.

– «… еще Казин, о котором как о Левоне и Бореньке, не знаешь, что сказать: он написал несколько совсем превосходных стихотворений, и что с ним потом сталось я не знаю» (225–226).

Как можно видеть, никакой обещанной классификации Святополк-Мирский не дает, подменяя ее рядом индивидуальных характеристик в афористичной форме. Святополк-Мирский даже не разделяет художественную литературу по родам, объединяя, например, прозаика Артема Веселого и поэта И. Сельвинского

Предлагаемую Святополк-Мирским «классификацию» писателей «по дарованию» усугубляет – или дезавуирует – неожиданная отсылка к «сфере политической мысли»: здесь, по Святополк-Мирскому, «подлинное творчество проявили, со времени революции, одни <…> евразийц<ы>» (226).

Евразийцы появляются в тексте в контексте ритуального извинения Святополк-Мирского: «Я чувствую свою виновность перед блюстителями эмигрантской неприкосновенности: из стольких имен только одно совсем белое. Чтобы загладить такое неприятное впечатление прибавлю…» (226) – и далее следует пассаж о евразийцах. Святополк-Мирский, таким образом, предлагает не классификацию современной литературы, а некий обзор литературной (и шире – культурной) среды с критерием «подлинного творчества», предполагающего весьма широкий круг явлений.

И далее Святополк-Мирский переходит к ряду обобщений, которые можно определить как литературно-социологические. Святополк-Мирский говорит об иссякании в начале XX в. традиционного для русской литературы реформаторского пафоса, «вер<ы> в возможность усовершенствования человеческой жизни путем политических и социальных реформ». Используя слова Вяч. Иванова о «двух этажах русской культуры», Святополк-Мирский констатирует: пафос сохранился лишь в «нижнем этаже» – «в политических партах, преимущественно социалистических». «Верхний этаж» был пронизан чувством «глубокого отвращения от всякой *данной,* эмпирической жизни, или полного равнодушия ко всем “акциденциям” жизни» (227–228, курсив Святополк-Мирского). Святополк-Мирский делает сильный риторический ход: «Вся русская литература от Чехова и Анненского до Блока и Белого и дальше до Ходасевича и <…> Эренбурга, “Моя жизнь”, “Кипарисовый ларец”, “Мелкий бес”, “Детство”, “Суходол”, “В тумане”, “Движение”, “Пруд”, “Балаганчик”, “Петербург” – все объединены ненавистью к жизни, или страхом перед ее бессмысленностью» (228). Исключения «относятся к самому началу и самому концу этого времени: ранние рассказы Горького, и поэзия Гумилева» (228).

Вывод, который из этого делает Святополк-Мирский, может показаться парадоксальным: «Все-таки остается факт, что русская литература находит больше радости жизни после революции, нежели находила до революции. Четверть века наша литература (одна ли литература?) готовила нас к смерти. После летаргии военных лет и бреда семнадцатого года мы вкусили смерти, – но не умерли. Что же, значит живая собака лучше мертвого льва? И такие ли уж мы были львы? Или раз, ударившись обо дно, всякий берег уже прекрасен?» (229).

«Нахождение литературой радости в жизни», конечно, никакими «силомерами», обещанными Святополк-Мирским в начале статьи, измерено быть не может. И, собственно говоря, подобное измерение едва ли имеет отношение к суждению о литературе по литературным признакам, как то декларировал сам же Святополк-Мирский.

Финал статьи объясняет, что ключевым признаком для рассуждения Святополк-Мирского является «настоящее активное приятие жизни» (229). Сам Святополк-Мирский указывает, что «к огорчению моему должен признаться, что пока я больше всего нашел его у наиболее коммунистических писателей, у Федина и у Артема Веселого» (229), и подводит итог: «Это грустно конечно, нам антикоммунистам, но ведь общеизвестно что так, и в гораздо большей степени, обстоит дело и вне области литературы. Надо учиться у своих врагов» (229).

Святополк-Мирский заканчивает статью цитатой из «Кавказского пленника» Пушкина («И путник, брошенный ко дну…» и далее), оставляя читателю гадать, кого сам Святополк-Мирский считает «мощным конем».

Статья «О нынешнем состоянии русской литературы» содержит несколько ключевых для Святополк-Мирского положений. Часть из них получит вскоре развитие в печатных выступлениях Святополк-Мирского в журнале «Версты», а часть будет уточнена во второй статье Святополк-Мирского в журнале «Благонамеренный».

Замысел второй статьи Святополк-Мирского, опубликованной во втором (и оказавшемся последним) номере «Благонамеренного», появился еще во время работы Святополк-Мирского над статьей для первого номера. В сентябре 1925 г. Святополк-Мирский писал Шаховскому: «Если, дай Бог, Ваш журнал процветет, очень хотел бы написать для него еще более “серьезную” статью – “Литературные итоги петербургского периода”»[864].

В ноябре 1925 г. Святополк-Мирский интересовался у Шаховского: «Настаиваете ли Вы на “Итогах С<анкт->П<етер>б<ургского> периода”? Ведь я по службе не кавалерист[865] – смотрите, не вышло бы хуже первой статьи»[866].

В январе 1926 г. Святополк-Мирский писал Шаховскому: «Если Вы меня не убьете за это, я для Вас статьи о Петерб<ургском> периоде не напишу, а напишу другую – “Об обязанностях критика” (и гражданина, и человека и т.д.)»[867].

---

[864] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – Р. 201, пунктуация исправлена.
[865] В 1911–1913 гг. Святополк-Мирский служил подпоручиком Лейб-гвардии 4-го Стрелкового Императорской фамилии полка.
[866] Там же. – Р. 203, пунктуация исправлена.

В самом начале февраля 1926 г. Святополк-Мирский отправляет Шаховскому текст, который, однако, оказался и не о петербургском периоде истории русской литературы, и не об обязанностях критика. Сам Святополк-Мирский аттестовал свой текст как «статейку в форме диалога ”О консерватизме”. Надеюсь, она для Вас не слишком не-благонамеренная»[868]. Шаховской в ответном письме охарактеризовал присланный Святополк-Мирским текст как «прекрасный диалог»: «Он удивительно сжат и – как бы сказать – упорист»[869]. «Диалог» был опубликован во втором номере журнала[870].

Для формулирования своих воззрений Святополк-Мирский выбирает диалогическую, а не монологически-декларативную форму. Вопрос, из которого и проистекает все последующее изложение, следующий: «следует ли русскому человеку, любящему отечественную культуру, быть в наши дни литературным и культурным консерватором»[871]. Основной тезис Святополк-Мирского в диалоге: «В дореволюционной культуре нечего сохранять, или, точнее, в предреволюционной. Это не значит, что мы должны отречься от “интеллигентского” периода нашей истории или забыть о нем. Наоборот, сильные его примером, положительным и отрицательным, мы должны уходить от него, не забывая о нем»[872].

И далее:

«Реставрации не бывает ни в политике, ни в культуре. Новое должно быть новое, а не подогретое вчерашнее. Оно должно быть революционным, должно смотреть вперед, а не назад. Правда, оно иногда надевает маску, стилизованную под старое. Но это только маска. <…> Мы должны делать революцию.

– “Углублять?”

---

[867] Там же. – P. 207, пунктуация исправлена. Статью «об обязанностях критика» для «Благонамеренного» Святополк-Мирский так и не написал, но в феврале 1926 г. обсуждал ее как программную для первого номера журнала «Версты» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 48), однако и в «Верстах» такой статьи не появилось.

[868] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – P. 208, пунктуация исправлена.

[869] Там же. – P. 208, пунктуация исправлена.

[870] *Святополк-Мирский Д., кн.* О консерватизме. Диалог // Благонамеренный. – 1926. – Март–апрель. – № 2. – С. 87–93.

[871] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 146.

[872] Там же.

– Не углублять, а возвышать. Строить на революции. Содержание революции – если у нас есть свое содержание – мы не должны принимать, обязаны отвергнуть. Но ее динамическую форму мы должны наполнить своим содержанием. “Мы”, конечно, это не непременно мы с Вами, а все те русские люди, которые не отравлены трупным ядом и любят будущее.

– Это звучит очень хорошо. Но в нашей революции так много гнилого, так много... уж сказал бы слово, да не напечатают!

– Неужели Вы никогда не слыхали о применении навоза в сельском хозяйстве?»[873]

Слова о гниющей материи, становящейся удобрением для будущих поколений, могли показаться шуткой сомнительного вкуса[874], но в них был заключен один из важнейших тезисов Святополк-Мирского, точнее – одна из наиболее значимых для Святополк-Мирского метафор. Основной пафос диалога Святополк-Мирского связан с некой жизнестроительной стратегией, а не с литературой как таковой: «Мы должны делать революцию» и «любить будущее».

Важным коррелятом к диалогу Святополк-Мирскому являются слова из его письма к редактору «Благонамеренного», кн. Д.А. Шаховскому, написанного до начала работы над диалогом «О консерватизме». Святополк-Мирский, комментируя рецензию Шаховского на книгу Бунина, писал (январь 1926 г.) о «некотором духе просвещенного консерватизма», явленном в творчестве Бунина, Ходасевича и Алданова. Они – «писатели почтенные, но *импотентные*. Ориентируйтесь более определенно на творческую левую часть “зарубежной литературы” – Цветаева, Ремизов, положим, вот и обчелся»[875].

---

[873] Там же. – С. 147.

[874] Напр., М. А. Арцыбашев был крайне резок в своей оценке остр*о*ты Святополк-Мирского: «Разложение не может быть ничем иным как разложением. <…> Великолепно! Но, вероятно, благодаря своей громкой фамилии Святополк-Мирский имеет слабое представление о сельском хозяйстве. Иначе бы он знал, что навоз есть продукт распада и роль его заключается в том, чтобы, сгнив до конца, удобрить почву.
И только.
Но из самого навоза, как такового, никакой новой культуры построить нельзя.
[…] Ошибка всех “приемлющих революцию” заключается именно в том, что в навозе они уже ищут хлеба.
Хлеба, конечно, не находят, а вымазываются в навозной жиже по уши» (Там же. – С. 446). Впервые: *Арцыбашев М.* Литературные заметки: Большевицкий «ренессанс» // За свободу! – 1926. – 15–16 мая. – № 110 (1841). – С. 5).

[875] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – Р. 207, пунктуация исправлена, курсив Святополк-Мирского.

Таким образом, две статьи Святополк-Мирского в «Благонамеренном» образуют некое единство, являясь своеобразным диптихом. Статья «О нынешнем состоянии русской литературы» предлагала своего рода инвентаризацию текущей русской литературы и определяла – пусть и весьма неконвенциональным способом – критерии ее оценки. Диалог «О консерватизме», в свою очередь, формулировал те принципы, которые позволяют, по Святополк-Мирскому, адекватно оценивать современную русскую литературу.

Тезисно их можно изложить так:

«Новое тем и отличается от старого, что оно неизвестно и неожиданно. Когда оно придет, мы его, вероятно, сразу не узнаем» (147).

«Повторять новизну – нет более бессмысленного занятия» (148).

«Искусство – создание новых ценностей. Поэты потому и почитаются высшей породой людей, что они создают *новое,* т.е. такое, о чем раньше не знали и не догадывались» (149, курсив Святополк-Мирского).

Директивная интонация Святополк-Мирского, однако, уравновешена утверждением: «Не мы нужны поэтам, а они – нам» (149). Даже в программной статье, в которой не без основания можно видеть литературно-идеологический манифест, Святополк-Мирский исходит из первичности собственно изящной словесности.

Статья Святополк-Мирского была замечена в русской эмигрантской периодике – и вызвала критический отклик. Так, в № 28 «Современных записок» (вышел в июле 1926 г.) Ф.А. Степун писал: «Диалог Святополк-Мирского “О консерватизме” написан, как все, что выходит из-под пера этого талантливого, но своенравного и подчас привередливого критика, занимательно и живо; но проблемы культурного консерватизма он, к сожалению, не только не разрешает, но даже и не ставит: уж очень нерасторопен на голову консервативный оппонент автора диалога»[876].

---

[876] *Степун Ф. А.* [Рец.] «Благонамеренный». Журнал русской литературной культуры. Книга II // Современные записки. – 1926. – № 28. – С. 485.

В первом номере «Благонамеренного» Святополк-Мирский также опубликовал несколько рецензий. В новейшей опубликованной библиографии работ Святополк-Мирского ему атрибутирована[877] рецензия на книгу Е.В. Аничкова «Западные литературы и славянство. Очерк первый. Перепутье и разрыв XI–XV вв.»[878]. Однако, рецензия на книгу Аничкова не упоминается в переписке Святополк-Мирского и Шаховского, в которой вопрос о рецензиях Святополк-Мирского для «Благонамеренного» обсуждался. Также необходимо учитывать свидетельство Святополк-Мирского, писавшего Шаховскому в письме, в котором обсуждался вопрос о рецензиях: «Сколько успею. Я очень занят»[879]. Поэтому на сегодняшний день представляется корректным снять атрибуцию рецензии на Аничкова.

Святополк-Мирский предполагал отрецензировать для «Благонамеренного» «Города и годы» Федина, «Шум времени» Мандельштама, «Рассказы» Пастернака, «Рассказы» Бабеля и «Молодца» Цветаевой, но сразу же оговаривался, что рецензии «вряд ли академические»[880]. Из запланированных пяти рецензий Святополк-Мирский опубликовал в «Благонамеренном» четыре.

Незадолго до этого Святополк-Мирский уже подробно рецензировал книги Бабеля, Пастернака, Мандельштама и Федина. Причина этого дублирования материала вполне ясна из переписки Святополк-Мирского и Шаховского: Святополк-Мирский в это время не имел свободного времени для написания оригинальных критических статей. Однако и в рецензиях в «Благонамеренном» содержатся характерные детали и уточняющие акценты.

---

[877] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 536. В более ранней библиографии (D. S. Mirsky: Profile critique et bibliographique / Établie par Nina Lavroukine et Leonid Tchertkov; Avec la collab. de C. Robert. Paris, 1980) эта статья не учитывалась.

[878] *М.* [Рец.] Е. В. Аничков. Западные литературы и славянство. Очерк первый. Перепутье и разрыв XI–XV вв. Прага: Пламя, 1926 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 167–168.

[879] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – P. 206. См. также: «Я страшно занят» (Там же. – P. 208).

[880] Там же. – P. 206.

О рассказах Бабеля: «Король», «Письмо», «Соль» – «совершенство, и по силе мастерства, и по великолепию сказа, в котором Бабель не имеет соперников, и по *сложности* конечного результата»[881].

О «Детстве Люверс» и «Воздушных путях» Пастернака: они «принадлежат к числу самых выдающихся явлений послереволюционной литературы <…> В Пастернаке надо приветствовать крупного прозаика, которому, вероятно, принадлежит большое будущее»[882].

О «Шуме времени» Мандельштама: «Первые две трети его книги, посвященные воспоминаниям о довоенной эпохе, с конца <18>90-х годов, несомненно гениальное произведение, с точки зрения литературной и по силе исторической интуиции <…> Эти главы должны стать, и несомненно станут, классическим образцом культурно-исторической прозы»[883].

О «Городах и годах» Федина: «Несомненно, лучший *роман* изо всех, до сих пор написанных младшими (моложе Белого) писателями. Федин приятно выделяется умом и *идейностью*»[884].

Д.П. Святополк-Мирский в «Воле России» (1926)

В апреле 1926 г. Святополк-Мирский писал кн. Д.А. Шаховскому: «Я, кажется, разошелся с “Современными записками”, зато буду писать для “Воли России”»[885]. Ранее, в январе 1926 г., Святополк-Мирский писал тому же Шаховскому: «А что очень хорошо <–> это что Вы хвалите “Волю России” и сами там печатаете<сь>»[886].

Святополк-Мирский был хорошо осведомлен о деятельности журнала «Воля России». В июне 1925 г. он опубликовал по-английски обзор журнала за

---

[881] *Д.С.М.* [Рец.] И. Бабель. Рассказы. Государственное издательство. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168, курсив Святополк-Мирского.
[882] *Д.С.М.* [Рец.] Б. Пастернак. Рассказы. М.: Круг, 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168, 169.
[883] *Д.С.М.* [Рец.] О. Мандельштам. Шум времени. Изд. Время. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 169, пунктуация исправлена.
[884] *Д.С.М.* [Рец.] К. Федин. Города и годы. Государственное издательство. 1924 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 169, курсив Святополк-Мирского.
[885] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – Р. 212.
[886] Там же. – Р. 207, пунктуация исправлена.

первые три года его деятельности[887]. Общая характеристика журнала – весьма сочувственная: «наиболее живой из всех русских заграничных журналов»[888]. Святополк-Мирский особо останавливается на литературном отделе издания: «Литература играет в журнале второстепенную роль, но несколько опубликованных в нем художественных произведений имеют высокую ценность. Сюда относятся роман Ремизова и стихотворения Марины Цветаевой, бесспорно наиболее талантливого русского поэта из всех живущих за пределами России. В апрельском номере помещена ее вдохновенная поэма, написанная от лица Гаммельнского крысолова. Критика в журнале, быть может, не столь высокого уровня, как в парижских “Современных записках”, но статьи об эмигрантской литературе одного из редакторов, М. Слонима, очень интересны и здравомыслящи»[889].

Общая характеристика «Воли России» – уже для русского читателя – содержится в статье Святополк-Мирского, опубликованной в № 1 журнала «Версты» в 1926 г.[890] и является характерным коррелятом к англоязычной характеристике: «”Воля России”, конечно, самый живой из эмигрантских журналов (и газет, и, так как в СССР со смерти “Лефа” живых журналов нет, вообще на русском языке). <…> По замыслу “Воля России” менее литературна, чем “Современные записки” <…> … она открытее и шире своих соседей справа. Так, “Воле России” принадлежит честь первого перевода на русский язык величайшего романиста новой Европы – Марселя Пруста <…> В критическом (довольно скудном по пространству) отделе – большое и не предубежденное внимание к “советской литературе”. Внимание, не всегда умеющее разобраться (общий уровень критического умения, таланта и культуры в “Воле России”, конечно, гораздо ниже “Совр<еменных> записок”), но добрая воля к пониманию настоящего и будущего есть, и это главное. <…> Ремизов и Марина Цветаева тут

---

[887] *Mirsky D. S.* [Rev.] Volya Rossii, a Journal of Politics and Culture. Edited by V. I. Lebedev, M. L. Slonim, E. A. Stalinsky, and V. V. Sukhomlin. Fourth Year. Prague. 1925 // The Slavonic Review. – 1925. [June.] – Vol. 4. – № 10. – P. 254–255.

[888] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 128.

[889] Там же.

[890] *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага).

не кажутся такими случайными, как там. 1925 год особенно прошел под знаком Марины Цветаевой. “Крысолов”, занявший шесть номеров, – “патент на благородство” напечатавшего его журнала перед судом истории литературы. Больше, чем все двадцать шесть книг “Современных записок”, он доказывает, что “отыскался след Тарасов”, и что Россия жива не только в границах русского мира, но и в царстве Духа, превыше всех границ»[891].

Столь высокая оценка «Воли России» объясняется, сколько можно понять, не только и не столько политической левизной журнала, сколько значительным совпадением Святополк-Мирского в литературных вкусах и оценках с редактором «Воли России», М.Л. Слонимом. «Воля России» «перевешивает» в глазах Святополк-Мирского «Современные записки» фактом публикации «Крысолова» Цветаевой. Возможно, именно этой – едва ли не гиперболической – оценкой Святополк-Мирского объясняется тот факт, что «Воля России» предоставила Святополк-Мирскому свои страницы для статьи о «Крысолове», которого она же и опубликовала. Эта статья стала второй публикацией Святополк-Мирского в журнале. Первой же стал некролог Сергею Есенину[892].

Текст о Есенине необычен по жанру. Это и высказывание на историко-литературную тему, с характерным для Святополк-Мирского широким референциальным планом, и – в то же время – высказывание лирическое, с подчеркнутым субъективизмом оценки. Святополк-Мирский начинает с утверждения: «Есенин сейчас самый любимый из новых русских поэтов» (117)[893]. При этом Есенина «любят нежней и ласковей, более по-человечески, чем обыкновенно любят поэтов, – слишком божественных для человеческого к ним отношения. Чувство это разделяется всеми, кроме очень немногих озлобленных, не умеющих в “большевике” расслышать человека. Не любить Есенина для русского читателя теперь – признак или слепоты, или, если он зряч, – какой-то несомненной моральной дефективности» (117).

---

[891] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 143–144.
[892] *Святополк-Мирский Д., кн.* Есенин // Воля России. – 1926. – № 5. – С. 75–80.
[893] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 117.

Сам Святополк-Мирский не всегда, однако, был любителем Есенина. Так, в декабре 1924 г., т.е. всего за полтора года до статьи в «Воле России», Святополк-Мирский писал Сувчинскому о Есенине: «… это смесь подлинной сентиментальной частушки с модерном очень дурного вкуса и со столь же сомнительной матерщиной»[894].

Слова о «несомненной моральной дефективности» в тексте 1926 г. обнаруживают еще одно ключевое измерение текста Святополк-Мирского о Есенине. Это – текст полемический. Святополк-Мирский возражает литературному критику Г.В. Адамовичу[895], с которым в 1923–1926 гг. печатался в парижском «Звене». В августе 1925 г. Адамович опубликовал статью о «Пугачеве» Есенина[896], в ноябре 1925 г. – обзорную статью о Есенине[897].

Святополк-Мирскому эту статьи были хорошо знакомы. В тексте в «Воле России» он прямо отсылает к статье Адамовича ноября 1925 г.: «”Пугачев”, конечно, слабая вещь. Формально трудно что-нибудь возразить тому критику, который назвал ее “жалкой и смехотворной”. Но надо все-таки быть человечески глухим, чтобы не расслышать за этими слабыми стихами и нелепыми образами самой страшно подлинной, пожирающей и безысходной тоски писавшего ее человека»[898]. В своей статье (ноябрь 1925 г.) Адамович называл поэзию Есенина «жалкой и беспомощной», а «Пугачева» – «смехотворным»[899]. Эти же высказывания Адамовича цитировала М. Цветаева в хорошо знакомом Святополк-Мирскому «Цветнике»[900], опубликованном в № 2

---

[894] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 36.

[895] Адресованные Адамовичу слова Святополк-Мирского о «какой-то несомненной моральной дефективности» вскоре нашли отклик в статье литературного союзника Адамовича, З. Н. Гиппиус. Статья была направлена против журнала «Версты» и лично Святополк-Мирского (*Антон Крайний. <Гиппиус З. Н.>* О «Верстах» и о прочем <№ 1> // Последние новости. – 1926. – 14 августа. – № 1970. – С. 2–3). Гиппиус писала: «… существуют индивидуальности с некоторым органическим дефектом, – в смысле отсутствия известного внутреннего критерия. Есть признаки, что г. Святополк принадлежит к их числу» (*Гиппиус З.Н.* Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) / Сост., вступ. статья, комментарии А. Н. Николюкина. – СПб., 2002. – С. 171).

[896] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 53–57. Впервые: Звено. – 1924. – 11 августа. – № 80. – С. 2.

[897] *Адамович Г.В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 236–237. Впервые: Звено. – 1924. – 16 ноября. – № 146. – С. 2.

[898] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 120.

[899] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 237.

[900] *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. – С. 304.

«Благонамеренного»[901], где Святополк-Мирский опубликовал диалог «О консерватизме».

Текст Святополк-Мирского можно рассматривать как своего рода антитезис к высказываниям Адамовича.

Адамович: «Его <Есенина> теперешняя простота – кислая, плаксивая, вялая. <…> Это похоже на очень дурного, юношеского Блока, на самые серые стихи из какого-нибудь восьмидесятнического журнала <…> В русской поэзии был недавно героический период: Брюсов, Анненский, Гиппиус, Сологуб и еще несколько поэтов <…> Нельзя безнаказанно забыть все это, ликвидировать и опять шамкать: <“>Словно жаль кому-то и кого<“>»[902].

Святополк-Мирский: «Чувство, вызванное его смертью, не похоже на чувство, вызванное смертью Блока, как любовь к Есенину не похожа на любовь к Блоку <…> Есенин не великий поэт, не Блок, не Анненский, не Пастернак. В любви к нему есть всегда сознание равенства, соизмеримости с ним, полной допонятости. Он “один из нас”» (117).

Адамович (в статье о Есенине): «… поэзия Надсона невыносима не по тону своему и не по однообразию тем, а только потому, что она вся построена на окончательно стертых метафорах»[903].

Адамович (о «Пугачеве» Есенина): «Это писано для “черни” и для угождения ей»[904].

Святополк-Мирский: «В нашем сердце <Есенин> занимает то место, которое сорок лет назад занимал Надсон. Сравнение это, я знаю, ныне звучит обидою, и я должен сразу же оговориться, что о сравнении дарований Есенина и Надсона не может быть и речи: просто Есенин был, Надсон не был поэтом. Но их функции в общественном организме сходные. И тот и другой сосредоточили в

---

[901] Отмечено В. В. Перхиным: *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 325–326.
[902] *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 237.
[903] Там же. – С. 55.
[904] Там же. – С. 57.

себе, с особо удивительной для среднего современного читателя силой, все слабости и и всю тоску своего поколения» (117–118)[905].

В статье в «Воле России» Святополк-Мирский конструирует образ Есенина в перспективе своего поколения: веревка Есенина «символична» «для пустоты, неприкаянности, ограбленности нашего поколения» (118). И далее Святополк-Мирский формулирует ключевой тезис: «Болезнь Есенина – болезнь веры. <…> Безверие – корень трагедии Есенина» (118).

Именно в этом ключе Святополк-Мирский и видит человеческую и литературную биографию Есенина: «… изверился и в Клюевскую Русь, и в Разумниковскую Инонию <…> оставалось только одно – вера в себя как поэта и любовь к своей славе <…> От другой его веры и любви, романтической любви к некоторой поэтической Руси у него тоже осталась одна тоска, одно разочарование» (119). Святополк-Мирский вполне определенен относительно «большевизма» Есенина: «В подлинной Революции, не утопической революции Скифов, но Революции чеки и комсомола, – романтик Есенин не мог найти ни красоты, ни предмета веры» (119).

Святополк-Мирский трезво оценивает технический уровень поэзии Есенина: «У Есенина много плохих стихов и почти нет совершенных» (119). Но в стихах Есенина, по Святополк-Мирскому, есть одно качество, «за котор<ое> русский человек все прощает» (120). Святополк-Мирский видит Есенина как совершенного выразителя того, что он определяет как «сердечная тоска»: «Тоска, “сердечная тоска”, которую Пушкин слышал в песнях ямщика, которая звучит в старой народной песне и во всей той полосе русской поэзии, которую можно назвать народно-романтической, – у Григорьева, у Некрасова, у Блока, и у безвестных поэтов-народников вроде Сурикова и Садовникова, и в лирической прозе пленительного и забытого Левитова, и в репертуаре Плевицкой. За эту тоску мы и любим Есенина. Все его хулиганство, конечно, не более как одно из проявлений этой тоски: сочетание традиционно русское» (118).

---

[905] Отметим, что слова Святополк-Мирского «должен оговориться», быть может, отсылают и к излюбленному обороту Адамовича: «оговорюсь…»

Святополк-Мирский заканчивает статью подборкой цитат из стихов Есенина, в которых «совершенно излилась» та же «сердечная тоска». По Святополк-Мирскому, «их место рядом с самыми лучшими, самыми чистыми, самыми незабвенными стихами русских поэтов» (121). Последняя цитата и последние слова в статье – три последние строфы (от «И вновь вернуся в отчий дом») из стихотворения Есенина «Устал я жить в родном краю» (1916). Это, быть может, одно из наиболее откровенных высказываний Святополк-Мирского о своем самоощущении – выраженное, что принципиально важно, в прикровенной, цитатной форме.

Г. Адамович, в свою очередь, откликнулся на статью Святополк-Мирского в «Воле России». Он опубликовал в июле 1926 г. в «Звене» статью[906], в которой ожесточенно полемизировал с текстом Святополк-Мирского, при этом ни разу не называя имени Святополк-Мирского[907]. Первый же отклик Адамовича на смерть Есенина появился в печати в январе 1926 г. В нем Адамович полемизирует со статьей М. Осоргина, а не со Святополк-Мирским, но более чем вероятно, что Святополк-Мирский, говоря о «сердечной тоске» Есенина, учитывал такие, напр., высказывания Адамовича: «… поэзия Есенина не волнует меня нисколько и не волновала никогда»; «Ничьей души <Есенин> не “воспитает”, не укрепит, а только смутит душу, разжалобит ее и бросит, ничего ей не дав»[908].

Вторая статья Святополк-Мирского в «Воле России» была посвящена поэме М. Цветаевой «Крысолов»[909]. К моменту публикации этой статьи Святополк-Мирский уже несколько раз высказывался и по-русски, и по-английски о поэзии Цветаевой; совсем незадолго до статьи в «Воле России» он опубликовал концептуально-значимую статью в «Современных записках» (см. выше). Однако статья в «Воле России», формально посвященная «Крысолову», предлагает по сути нечто совершенно иное: анализ художественной идеологии Цветаевой. Святополк-Мирский мотивирует это следующим образом: «… трудно нащупать

---

[906] *Адамович Г.* Литературные беседы [С. Есенин] // Звено. – 1926. – 4 июля. – № 179. – С. 1–2.
[907] См. комментарий О. А. Коростелева: *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928). – С. 680–681.
[908] Там же. – С. 264.
[909] *Святополк-Мирский Д., кн.* «Крысолов» М. Цветаевой // Воля России. – 1926. – № 6/7. – С. 99–102.

то единство, которое связало бы “Фортуну” и “Конец Казановы” с “Поэмой Конца” и “Крысоловом”. Связующее же единство это, несомненно, существует – не столько в стиле и форме, сколько в том, что (если бы мы не боялись так напомнить о Белинском и Н.И. Кареве[910]) мы бы до сих пор называли миросозерцанием»[911]. Святополк-Мирский сразу же вводит ограничение: «Определить это “миросозерцание” своими словами можно только приблизительно» (114)[912]. Однако Святополк-Мирский все же дает свое «приблизительное» определение, которое характерно неожиданно импрессионистской манерой: миросозерцание Цветаевой «романтично и идеалистично, но и то и другое как-то не по-русски. В цветаевском романтизме больше линии, чем цвета[913] (самая ее невнятность происходит не от смазанности и неясности отдельных линий, а от чрезмерного количества мелких, разнообразно-пересекающихся линий)» (114).

Святополк-Мирский подчеркивает и литературные, и социальные экспликации романтизма Цветаевой: «… романтизм Марины Цветаевой принимает определенно бунтарский оттенок, не только в том смысле, что в них ясно звучат определенно социальные, революционные ноты (звучащие и в других вещах, например, в цикле ”Заводских”), но и потому, что в них ярко выступает озорство, можно почти сказать, хулиганство Цветаевой. (Хулиганство, гораздо более задорное и живучее, чем у покойного Есенина.) Озорство ее находится в подлинном родстве с частушкой, родстве не только духовном, но и формальном – и это одно из многочисленных указаний на сближение современной литературной поэзии с современной же поэзией народной» (114–115).

---

[910] Как отметил В. В. Перхин, Святополк-Мирский имеет в виду такие работы Н. И. Кареева, как «Беседы о выработке миросозерцания» (1904, 5-е изд.) и «Введение в изучение социологии» (1913, 3-е изд.) (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 324).

[911] Там же. – С. 114.

[912] Святополк-Мирский уже использовал близкий к этому оборот ранее, в статье «О нынешнем состоянии русской литературы» (1926), когда писал, что «выяснить объективную ценность того, что <…> производится» в современной литературе можно «только с самой грубой приблизительностью» (*Mirsky D. S.* Uncollected writings on Russian Literature. – P. 222).

[913] Здесь Святополк-Мирский явным образом отсылает к образу из хорошо ему знакомого рассказа Бабеля «Линия и цвет».

Святополк-Мирский рассматривает «Крысолова» не только как факт литературы, но и значительно шире – как факт социальный. Финал статьи говорит об этом совершенно однозначно: «Несомненно, что “Крысолов” не только то, чем он кажется на первый взгляд, не только изумительная по богатству и стройности словесная постройка – это серьезная “политическая” (в самом широком смысле) и этическая сатира, которой еще, может быть, суждено сыграть свою роль в росте нашего общего сознания» (115).

Статья Святополк-Мирского о «Крысолове» Цветаевой стала, по сути, последним высказыванием Святополк-Мирского в «чужом» для него (в формально-редакционном смысле) органе периодической печати. После этой статьи Святополк-Мирский начинает издавать журнал «Версты». Тем значительнее фокус и пафос этого высказывания, а также предшествующего ему некролога Есенину.

В статье о Есенине Святополк-Мирский подчеркивает роль Есенина как своеобразного символа «пустоты, неприкаянности, ограбленности нашего поколения» (118). «Сердечная тоска» Есенина значительна не качеством стихов, в которых она выражена, а ее «совершенным излиянием» (121). Святополк-Мирский, таким образом, имплицитно обозначает внелитературную ценность творчества Есенина. И это «излияние» Есениным полностью исчерпано. Святополк-Мирский неслучайно однозначно говорит о конечном творческом упадке Есенина: «… вообще стихи его последних лет <…> свидетельствуют о явном упадке его поэтической силы, и когда последняя его вера – в свои стихи – рушилась, оставался единственно неизбежный конец» (119). Есенин как поэт и как человек – при всех своих достоинствах и объяснимых слабостях – это неизбежный тупик.

Потому в статье о «Крысолове» Святополк-Мирский предлагает пример активной стратегии, жизненной и литературной. Этот пример и есть творчество Цветаевой. Святополк-Мирский явно сочувственно пишет о «подлинном романтизме цветаевской поэзии», о цветаевском «издевательстве над устоями мира вещественного и устойчивого» (115). У Цветаевой есть миросозерцание

(Святополк-Мирский делает оговорку – «если бы мы не боялись так напомнить о Белинском и Кареева», но Святополк-Мирский явно этого не «боится»), активное, романтическое и бунтарское. Святополк-Мирский особо подчеркивает внесенный Цветаевой мотив «обуржуажения разъевшихся “красных” Крыс» (115). По Святополк-Мирскому, подлинная литература больше литературы per se; она может «сыграть свою роль в росте нашего общего сознания». «Общее сознание» – это некая парасоциологическая категория, которую Святополк-Мирский никак не объясняет. Однако налицо радикальное движение Святополк-Мирского от тезиса о «прав<е> литературной критики судить по литературным признакам»[914] в первой статье в «Благонамеренном» (начало 1926 г.) до тезиса о «роли <литературы> в росте нашего общего сознания» в «Воле России» (середина 1926 г.).

Обзор посвященных современной русской литературе публикаций Святополк-Мирского в периодической печати русского зарубежья 1923–1926 гг. позволяет сделать несколько выводов.

1) Отклики Святополк-Мирского на текущую русскую литературу были ситуативными: Святополк-Мирский рецензировал книжные новинки, которые выбирал для рецензирования сам.

2) Святополк-Мирский не имел готового плана описания современной русской литературы по-русски. Ситуативность печатных высказываний повлекла за собой их внешнюю фрагментарность.

3) Святополк-Мирский пытается найти точные критерии для оценки художественных достоинств произведений современной русской литературы, но признает, что это возможно лишь «с самой грубой приблизительностью».

4) Все современные произведения Святополк-Мирский видит в историко-литературной перспективе. Святополк-Мирский исходит из того, что «вкус дело изменчивое» и что «критик не должен не заботиться о вкусах». Историко-литературное измерение является одним из самых надежных мерил.

---

[914] Ibid.

5) В русской литературе Святополк-Мирского интересует новое, молодое поколение писателей. Абсолютное большинство таковых находятся в Советской России, поэтому Святополк-Мирский фокусирует внимание на писателях, живущих в СССР.

Святополк-Мирский не отождествляет этих писателей с нормативными носителями коммунистической идеологии. Идеология – это одна из составных частей в целостном художественном произведении, но она не является ее конструктивным стержнем. Святополк-Мирский настаивает на «праве литературной критики судить по литературным признакам».

4) По Святополк-Мирскому, литература русской эмиграции 1923–1926 гг. в массе своей не создает нового, она обречена на самоэпигонство. Святополк-Мирский считает истеблишмент русской литературной эмиграции консерваторами, которые не в состоянии породить новых ценностей.

5) Одно из ключевых понятий для Святополк-Мирского – «настоящее активное приятие жизни». Святополк-Мирский находит его не в эмиграции, а у писателей в Советской России (за исключением Цветаевой). Вывод Святополк-Мирского: «Надо учиться у своих врагов».

Литературно-критическая деятельность Святополк-Мирского в 1920-х гг. (точнее, 1920–1926 гг.) может рассматриваться двояким способом, в зависимости от языка высказываний, который, в случае Святополк-Мирского, определяет и стратегии репрезентации литературного материала.

По-английски Святополк-Мирский выступает в роли культуртрегера, «русского среди иноязычных»: он является информантом и проводником сведений о современной русской литературе. В качестве англоязычного критика Святополк-Мирский отзывается на все крупные явления русской словесности, предлагает способы их систематизации англоязычным читателем. В своих англоязычных статьях Святополк-Мирский предлагает широкую историко-культурную перспективу для новейших художественных произведений. При этом абсорбция Святополк-Мирским нового фактического материала влечет за собой

пересмотр его собственных предшествующих оценок. В англоязычном мире «высокой журналистики» Святополк-Мирский как литературный критик в полной мере соблюдает конвенции, принятые в британской периодической печати. Информативная функция англоязычных публикаций Святополк-Мирского не исключает, однако, привнесения субъективных оценок самого критика: в отсутствии реальных конкурентов, русских англофонов-критиков, оценки Святополк-Мирского de facto превращались в канонические как для англоязычных славистов, так и – шире – англоязычных интеллектуалов[915].

По-русски Святополк-Мирский избирает иную литературно-критическую стратегию. Если по-английски Святополк-Мирский, в значительной степени, заинтересованный и корректный посредник, то по-русски он выступает в качестве полемиста, декларирующего свои неконвенциональные взгляды. Характерна двойственность позиции Святополк-Мирского-критика, пишущего по-русски. С одной стороны, он принадлежит к литературному поколению, сложившемуся до революции: и биографически, и литературно он связан с дореволюционной петербургской литературной средой (общение с Гумилевым, Ахматовой, Комаровским, Чуковским, Жирмунским). Святополк-Мирский, таким образом, хорошо знаком (и в значительной степени усвоил) литературную (и шире: общехудожественную) идеологию позднего символизма и акмеизма. Однако в эмиграции Святополк-Мирский становится последовательным сторонником и пропагандистом пост-символистской и пост-акмеистической поэтики и эстетики; творчество Пастернака и Цветаевой становится для Святополк-Мирского определяющими вехами в развитии русской литературы. Однако явное сочувствие модернистской поэтике Пастернака и Цветаевой не исключает для Святополк-Мирского актуальности идеи «нового классицизма», что связано с хорошо знакомой Святополк-Мирскому петербургской традицией «преодоления символизма». Святополк-Мирский, таким образом, не предлагая никакого синтетического подхода, является в равной степени сторонником двух

---

[915] См.: *Beasley R.* Reading Russian: Russian Studies and the Literary Canon // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Ed. Rebecca Beasley, Philip Ross Bullock. – Oxford, 2013. – P. 162–187.

взаимоисключающих эстетик – «петербургского неоклассицизма» (Мандельштам, Ахматова) и модернизма Пастернака и Цветаевой, которых он воспринимает вне генетической принадлежности к какому-либо литературному течению. Это «сочетание несочетаемого» фактически лишило Святополк-Мирского-критика союзников и сторонников в среде русской литературной эмиграции. Именно этим, как представляется, объясняется полемика с Святополк-Мирским Г. Адамовича, который, принадлежа к тому же литературному петербургскому кругу, что и Святополк-Мирский, был носителем лишь «петербургской эстетики».

И. Шевеленко предложила следующее объяснение конфликта внутри русской литературной эмиграции: «В том, что экспериментальное направление было интерпретировано старшим поколением литературной эмиграции как “советское”, крылось не только зерно искусственной консервации предреволюционных литературных тенденций в эмигрантской словесности, но и зерно политического “осовечивания” эмигрантской литературной молодежи. Те из молодых авторов, кто не видел себя продолжателями тенденций, представленных “старшими” литераторами, невольно усваивали представление о себе то ли как об “отступниках” от эмиграции, то ли как о “пособниках” большевиков. Политическое отступничество вполне могло начинаться как эстетическое расхождение»[916].

Эта аналитическая перспектива – с необходимой поколенческо-возрастной корректировкой – плодотворна для понимания литературно-критической деятельности Святополк-Мирского в эмиграции. Святополк-Мирский видел в литературе эмиграции искусственное сохранение литературных идеологии и поэтик, которые препятствовали и тормозили *развитие* русской литературы. Эту динамику Святополк-Мирский, в значительной степени по принципу «от противного», видел в литературе, создававшейся в Советской России. Преодоление внутриэмигрантского конфликта литературных поколений и литературных идеологий Святополк-Мирский, таким образом, видел в снятии

---

[916] *Шевеленко И.Д.* Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи. – С. 305–306.

идеологической границы, разделяющей не эмиграцию, а единую русскую литературу, т.е. – в построении трансграничного пространства русской литературы.

3.5. Журнал «Версты» (1926–1928): опыт построения трансграничного пространства русской литературы

Святополк-Мирский-эмигрант исключительно остро ощущал разделение русской культуры после 1917 г. по политическому и географическому признаку, на советскую, подсоветскую и эмигрантскую. В письме к К.И. Чуковскому в 1922 г. он писал: «Вы, остающиеся в России, для нас как святые и подвижники, так если Русская Культура выживет, она будет обязана вам, вашему героическому усилию. Мы не больше как крысы, спасшиеся с корабля, Вам еще, может быть, суждено спасти корабль. Я вполне сознаю наши обязанности по отношению к вам»[917].

В 1926 г. Святополк-Мирский будет утверждать в своем диалоге «О консерватизме»: «мы не щепки в бурю, а клетки одного организма»[918], и в том же 1926-ом году исключительно четко определит свою позицию в предисловии к англоязычной «Современной русской литературе»: «… отношение к русской литературе <…> всегда находилось под большим влиянием политических предрассудков. После 1917 года это влияние, естественно, возросло. Многие просоветски настроенные русские готовы лишить Бунина звания великого

---

[917] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 244.
[918] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 147. Впервые: *Святополк-Мирский Д.* О консерватизме. Диалог // Благонамеренный. – 1926. № 2. – С. 89.

писателя за то, что он был на стороне белых, а многие эмигранты соответственно откажут в этом звании Горькому, потому что он поддерживал Ленина. Но, к счастью для будущего русской цивилизации, по обе стороны советского частокола есть люди, не поддавшиеся “гражданской войне в умах”, и число их постоянно растет»[919].

«Будущее русской цивилизации», по Святополк-Мирскому, лежит в преодолении «гражданской войны в умах» «*по обе стороны советского частокола*». Это принципиальная позиция: Святополк-Мирский чает существование единой русской культуры, не разделенной ни географическими, ни политическими границами, т.е. конструирует трансграничное пространство русской литературы.

Именно в этой перспективе целесообразно увидеть деятельность Святополк-Мирского в 1920-х гг. Эта перспектива естественным образом включает в себя двуязычие Святополк-Мирского: в своих русскоязычных выступлениях Святополк-Мирский *создает* единую картину русской литературы, в англоязычных – стремится *приобщить* англоязычную аудиторию к русской литературе как динамическому и сложному единству. Дж. Смит определил это следующим образом: «Для английского читателя <Святополк-Мирский> пишет вширь, приводя в изобилии сопоставления с западными литературами; для русского читателя он пишет вглубь»[920].

Святополк-Мирский начал свою деятельность в 1920 г. как англоязычный проводник лучших достижений современной русской литературы и русской филологической науки. От ситуативных обзоров он переходит к крупномасштабным высказываниям (три обзорных книги по истории русской литературы, книга о Пушкине). Одновременно с этим Святополк-Мирский активно пропагандирует в русскоязычной эмигрантской периодике новейшие достижения русской словесности. Часто эта увлеченность принимает черты, которые современники-эмигранты воспринимали как гиперболические. Однако

---

[919] *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год. – С. 455.
[920] *Смит Д.* «О современном состоянии русской поэзии» и путь Д. П. Святополка-Мирского // Новый журнал. – 1978. – № 131. – С. 115.

при всей внешней бессистемности и – по временам – непоследовательности в оценках Святополк-Мирский утверждает определенную систему ценностей, которая предполагает обращенность в будущее, «создание новых ценностей» и при этом – органическую историзацию современности.

В 1925 г. Святополк-Мирский напишет в частном письме о тех, кого необходимо «взять с собой в странствие в будущей нашей культуре»[921] – от Ломоносова до Блока. Святополк-Мирский видел будущее культуры как странствие, как поиск и утверждение нового – в неизбежной связи с историей.

Практическим выражением этого устремления стало издание в 1926–1928 гг. журнала «Версты»[922]. Существование издания, на страницах которого были представлены И. Бабель и кн. Н.С. Трубецкой, Артем Веселый и Л. Шестов, М. Цветаева и Ю. Тынянов, в 1920-е гг. было невозможно ни в СССР, ни в русской эмиграции[923]. Уникальность «Верст» и состоит в радикальной попытке преодоления государственных и идеологических границ в рамках *литературного* журнала[924].

Как указывалось на обложке и титульном листе, журнал издавался «под редакцией кн. Д.П. Святополк-Мирского, П.П. Сувчинского, С.Я. Эфрона и при ближайшем участии Алексея Ремизова, Марины Цветаевой и Льва Шестова». Степень участия каждого из редакторов (Святополк-Мирского, Сувчинского, Эфрона) в формулировании и воплощении редакционной программы остается вопросом дискуссионным. Так, С.Я. Эфрон, бывший секретарем редакции, в письме к Е. Недзельскому от 12 июля 1926 г. писал о выходе первого номера «Верст»: «Моя идея, из ничего воплотившаяся»[925]. По словам О.А. Казниной,

---

[921] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 42.

[922] См.: *Weststeijn W. G.* The Russian émigré-journal “Versty” // Reviews, Zeitschriften, Revues. Ed. Sophie Levie. – Amsterdam – Atlanta, 1994. – P. 169–197; *Мартынов Г. Г.* Материалы к росписи содержания сериальных изданий русского зарубежья (после 1917 г.). Версты // Петербургская библиотечная школа: журнал. – СПб., 2003. – Вып. № 3. – С. 34–48.

[923] Ср. реплику И. А. Бунина: «Что за нелепость, за бесшабашность в этой смеси: Цветаева – и Шестов! И какая дикая каша содержание журнала!» (*Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. – М., 2000. – С. 218).

[924] В письме Ремизову (июнь 1926 г.) Святополк-Мирский писал о первом выпуске «Верст», что они «окажутся лучшей русской книгой последнего времени» («...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 381).

[925] Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л. В. Зубовой. Примеч. Е. И. Лубянниковой, Л. В. Зубовой, Е. Б. Коркиной, Г. <Б.> Ванечковой. – Abo/Turku, 1994. – С. 25.

«направление журнала, отбор авторов и произведений в нем полностью определялись Святополк-Мирским, который выступал в роли ведущего идеолога и единственного литературного критика журнала»[926]. В феврале 1927 г., вскоре после выхода второго номера «Верст», Святополк-Мирский писал Сувчинскому, что он (Святополк-Мирский) «не име<ет> права единолично распоряжаться “Верстами”»[927]. Опубликованные письма Святополк-Мирского к Сувчинскому позволяют сделать вывод, что вопросы концептуального характера решались, большей частью, Святополк-Мирским и Сувчинским, при ситуативном участии С. Эфрона, М. Цветаевой[928] и А. Ремизова[929].

Святополк-Мирский выступал не только в качестве редактора, но и человека, занимающегося финансированием журнала. Поиск средств на издание оказался всецело обязанностью Святополк-Мирского, которого это обстоятельство чрезвычайно тяготило. В январе 1927 г. он писал Сувчинскому: «... моя роль добытчика денег мне еще отвратительнее, чем общение с Эфронами. Это совершенно не мое дело, и что бы Вы мне не говорили об обязанностях и прочем, я на это уже становлюсь совершенно импотентен»[930]. Показательно, что основными спонсорами издания (Святополк-Мирский называл их «вкладчиками» и «акционерами»[931]) были не русские эмигранты, а британские коллеги и знакомые Святополк-Мирского[932].

Существующее представление о «Верстах» как издании евразийцев[933] требует, по нашему мнению, корректировки. Второй редактор «Верст», П.П. Сувчинский, был одним из основоположников и руководителей евразийского

---

[926] *Казнина О. А.* «Версты»: литературный журнал левых евразийцев // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Выпуск 5 / Под общей редакцией О. Н. Михайлова; отв. ред. Ю. А. Азаров. – М., 2013. – С. 129.

[927] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 74.

[928] Именно участие Эфрона, Цветаевой и Ремизова в формировании редакционного портфеля вызвало серьезные осложнения в их отношениях со Святополк-Мирским, а в случае с Цветаевой – фактический разрыв отношений.

[929] По поводу первого номера «Верст» Святополк-Мирский писал Ремизову (июнь 1926 г.): «Мы и так благодарны за Сельвинского, которого Вы нам открыли (да и Бабеля в свое время тоже» «...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 378).

[930] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 70.
Вместе с тем, по мнению Р. Хьюза, Сувчинский «частично финансировал» «Версты» (*Хьюз Р.* Из писем П. П. Сувчинского к А. М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. – М., 2009. – С. 761).

[931] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 54, 56.

[932] См. их список: Ibid. P. 55.

[933] См.: *Казнина О. А.* «Версты»: литературный журнал левых евразийцев. См. также: *Weststeijn W. G.* The Russian émigré-journal “Versty”. – P. 172, 173.

движения[934]. Святополк-Мирский на протяжении 1920-х гг. был вовлечен в деятельность евразийцев[935]. Сувчинский ретроспективно, в 1974 г., описал возникновение журнала следующим образом: «”Версты” возникли, параллельно “Евразийским изданиям”, из *общения* Святополк-Мирского со мной, с А.М. Ремизовым, Цветаевой, Шестовым, С.Я. Эфроном и другими»[936]. Показательно, что Сувчинский отмечает *параллелизм* «Верст» изданиям евразийцев, а не идейную тождественность, а также, в первую очередь, указывает на *литературные* знакомства Святополк-Мирского, а не на общение с идеологами-евразийцами. На это указывал и сам Святополк-Мирский в письме к Сувчинскому (май 1927 г.): «”Версты” начались под знаком *литературы*»[937]. В англоязычном анонсе «Верст», который Святополк-Мирский предполагал распространять в США, Святополк-Мирский, даже не упоминая евразийства, аттестовал издание как «журнал *литературы и искусства*» и как издание «*не-политическое*», при том, что его авторы «объединены чувством национального оптимизма и верой в будущее, твердым убеждением в непрерывности русской национальной жизни в новых политических формах»[938].

В «Верстах» публиковались статьи самого Сувчинского и других евразийцев – кн. Н.С. Трубецкого, П.Н. Савицкого, В.П. Никитина. Вместе с тем, Святополк-Мирский в письме к кн. Д.А. Шаховскому (апрель 1926 г.) совершенно определенно формулировал свою позицию: «”Версты” не будут евразийским органом, несмотря на участие нескольких евразийцев (к числу коих я себя не причисляю, хотя отчасти сочувствую)»[939]. Весьма показательно, что Святополк-

---

[934] В начале 1920-х гг. Сувчинский был известен как музыковед, а также как человек, близкий к литературным кругам. Известен факт его знакомства и общения с Блоком; в 1920 г. Сувчинский опубликлвал в основанном им «Российско-болгарском книгоиздательстве» «Двендадцать» Блока. См.: *Иванова Е. В.* «Скифы» А. Блока и идеология евразийства // Записки Русской академической группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in the USA. – 2011–2012. – Vol. XXXVII. – P. 314–315.

[935] См.: *Казнина О. А.* Д. П. Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала. – 1992. – № 4. – С. 49–58; Д. П. Святополк-Мирский: историк и исторический публицист. Публикация М. В. Ефимова и О. А. Коростелева. Перевод с английского и вступительная статья М. В. Ефимова. Примечания О. А. Коростелева // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2014–2015 / Отв. ред. Н. Ф. Гриценко. – М., 2015. – С. 331–381.

[936] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 2, курсив Сувчинского.

[937] Ibid. – P. 84, курсив Святополк-Мирского.

[938] Ibid. – P. 66, курсив внесен.

[939] *Шаховской Иоанн, архиепископ*. Биография юности: Установление единства. – P. 212. В мае 1927 г. Святополк-Мирский определил себя как «сочувствующего евразийству не-евразийца», а Сувчинского – как «не

Мирский возражал против предлагавшегося Ремизовым названия журнала «Орда»: «Я бы не хотел татарского названия»[940], в т.ч. в письме к самому Ремизову: «… я не хочу, чтобы <название было> слишком евразийское»[941].

При этом Святополк-Мирский возражал и против принятого, в итоге, соредакторами названия «Версты» – по названию книги стихов М. Цветаевой : «… ну что ж – один в поле не воин – подчиняюсь “Верстам”»[942]. Сам же Святополк-Мирский настойчиво предлагал другое название – и опять из М. Цветаевой – «Крысолов». Показательна мотивировка Святополк-Мирского: «<название> достаточно бессмысленно (некоторая доля бессмысленности необходима <…> “Крысолов” один может объединить “Экстазы” Плотина с “Вольницей” Артема Веселого и <обсценной лексикой у Ремизова>»[943]. Здесь обращает на себя внимание фокусировка не на идеологическом измерении, а на эстетическом.

Немаловажно и то, что Святополк-Мирский также рассматривал возможность назвать журнал «Русскими сборниками»[944]. Это предложение, как представляется, напрямую связано с редакционным заявлением, открывавшим первый номер «Верст»[945]. В нем говорилось о необходимости «попытки найти естественное сочетание наиболее живых и нужных тяготений русской современности» – для того, чтобы установить «один из возможных обобщающих подходов к нынешней России и к *русскому*»[946]. Именно этот «обобщающий подход» и должен был быть представлен в журнале, соединяющем в себе «русскую поэзию, беллетристику, литературную критику, библиографию и литературные материалы со статьями, посвященными вопросам философии, искусства, языкознания, русского краеведения и востоковедения»[947].

сочувствующего евразийству евразийца» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 84).

[940] Ibid. – P. 45.

[941] «...С вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А. М. Ремизову. 1922–1929. – С. 375.

[942] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 48.

[943] Ibid. – P. 45, 48.

[944] Ibid. – P. 47.

[945] Авторы обращения в журнальной публикации не указаны, но, сколько можно понять по стилистическим особенностям, оно принадлежит в основной своей части П. П. Сувчинскому.

[946] <От редакции> // Версты. – 1926. – № 1. – С. 6, курсив авторов обращения.

[947] Там же.

Редакторы «Верст» видели свою задачу в том, чтобы «указывать на лучшее» и «самое живое в современной русской *литературе*» и «направлять читательское внимание»[948]. Редакторы представляли себя как заинтересованных сторонних наблюдателей и аналитиков: «Здесь <т.е. в эмиграции> мы в условиях более благоприятных и не только потому, что мы *свободней*, но и потому, что издали мы лучше видим целое, и деревья не заслоняют от нас леса». Редакторы подчеркивали, что «понимание целого» не предполагает «практической борьбы», а исходит из «точки зрения национально-исторической предначертанности»[949]. Ключевой тезис авторов редакционного обращения: «В настоящее время – *русское* больше самой России; оно есть особое и наиболее острое выражение *современности*»[950]. Акцент, таким образом, ставится не на специфической инсулярной «русскости» как таковой, а на некоем «русском начале», которое важно для понимания современной культурной ситуации в целом. Именно поэтому «Версты» предполагали «отзываться не только на явления русской культуры, но и на иностранную литературу и жизнь»[951]. Редакционная программа «Верст», таким образом, предполагала обращенность как к России, так и к Западу.

«Русская» часть «Верст» была представлена: в поэзии – Есениным, Сельвинским, Пастернаком, Цветаевой, М. Струве, в прозе – Ремизовым, Андреем Белым, Тыняновым, Артемом Веселым. Как отметил Г. Струве, «первые два номера “Верст” характеризовались перепечатками советских авторов <…> Рука об руку с этим шло пренебрежительное отношение ко многому в зарубежной <русской> литературе, и кроме произведений Ремизова и Цветаевой журнал не дал в своих трех номерах почти никакой художественной зарубежной литературы. Зато и Ремизов и Цветаева были представлены обильно в каждом номере»[952]. Однако, по словам того же Г. Струве, «в самой советской литературе Святополк-

---

[948] Там же, курсив внесен.
[949] Там же, курсив авторов обращения.
[950] Там же, курсив авторов обращения.
[951] Там же.
[952] *Струве Г.П.* Русская литература в изгнании. – С. 63.

Мирского и “Версты” привлекало именно то, что вскоре оказалось несозвучным партийной линии: Пастернак, Бабель, экспериментаторство Сельвинского»[953].

На страницах «Верст» была представлена историко-культурная и культурно-философская эссеистика (статьи Г. Федотова (под псевдонимом «Е. Богданов»), А. Лурье, А. Штейнберга), работы русских философов (Л. Шестова, Н. Бердяева, Л. Карсавина, В. Сеземана), обзоры современных эмигрантских и советских периодических изданий.

Особое место занимает публикация в № 1 «Откликов русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП», вызвавшая, в частности, гневную отповедь З. Гиппиус и В. Ходасевича как доказательство просоветской ориентации «Верст». Публикация, однако, сопровождалась редакционным предуведомлением, в котором, среди прочего, говорилось о «свирепой официальной цензуре» и о «в большинстве своем бездарных литературных сподвижниках» большевиков[954]. Среди отзывов был приведен и принадлежащий Б. Пастернаку, а «восторженный тон “напостовцев”» охарактеризован как «хорошая мина при плохой игре»[955].

Характерной особенностью «Верст» является и помещение в них специальных филологических работ, «”Хождение Афонасия Никитина” как литературный памятник» (в № 1) и «О метрике частушки» (№ 2). Их автором стал выдающийся лингвист кн. Н.С. Трубецкой. Важно отметить, что, хотя Трубецкой был один из основателей евразийства и его крупнейшим идеологом, в опубликованных в «Верстах» работах он представлен исключительно как академический филолог.

Помещение в «Верстах» статьи Трубецкого о метрике частушки свидетельствует о том интересе, который Святополк-Мирский испытывал к жанру частушки: в № 1 были опубликованы 38 частушек, записанных в Рязанской губернии.

Еще одной особенностью «Верст» стала публикация во всех трех номерах специального приложения (под названием «Материалы»), куда включались

---

[953] Там же.
[954] <От редакции>. Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП // Версты. – 1926. – № 1. – С. 193.
[955] Там же.

тексты особой, по мнению редакторов, историко-культурной значимости, находящиеся за пределами традиционной литературной периодики: в № 1 – «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное» (публикация, подготовленная А. Ремизовым); в № 2 – «Апокалипсис нашего времени» В. Розанова; в № 3 – материалы, посвященные философу Н.Ф. Федорову[956].

«Европейская» часть «Верст» включала, в свою очередь, переведенные самим Святополк-Мирским статьи Б. Грутхейсена («Парадокс буржуазного миросозерцания»), Р. Фернандеза («Заметки о современной французской литературе») и Э.М. Форстера «Современная английская литература». А. Койре рецензировал новейшие издания Жильсона, Бергсона, Грутхейсена и Э. Мейерсона, В. Ильин – Ш. Рише, Е. Извольская – М. Жуандо и Ж. Грина, сам Святополк-Мирский – книги Р. Фернандеза и Т.С. Элиота.

Таким образом, заявленный в № 1 «отзыв не только на явления русской культуры, но и на иностранную литературу и жизнь»[957] был реализован в «Верстах» в высокой степени[958]. Святополк-Мирский как инициатор и редактор «Верст» воплотил свою идею о создании трансграничной культурной реальности «*по обе стороны советского частокола*». В «Верстах» Святополк-Мирский проявил себя как редактор с определенной *литературной* идеологией, литературный критик, переводчик. Абсолютное большинство опубликованных им в «Верстах» текстов писателей, философов, историков культуры, живших и в эмиграции, и в СССР, стали классическими. Святополк-Мирский на практике воплотил тезис, заявленный в 1924 г. Б. Эйхенбаумом: «Усмотреть в становящемся на его глазах признаки того, что в будущем окажется “историей литературы” – основное дело критика»[959].

---

[956] *Сетницкий Н. А.* Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова // Версты. – 1928. – № 3. – С. 259–277; Из переписки Н. Ф. Федорова с В. А. Кожевниковым. О Туркестане. <Публикация> S. <Сетницкого Н. А.> // Версты. – 1928. – № 3. – С. 278–288.

[957] <От редакции> // Версты. – 1926. – № 1. – С. 6.

[958] При том, что некоторые идеи Святополк-Мирского-редактора так и остались невоплощенными: напр., статьи о кинематографе или привлечение к участию в журнале Вяч. Иванова.

[959] *Эйхенбаум Б.* Нужна критика // Жизнь искусства. (Пг.) – 1924. – № 4. – С. 12. Цит. по: История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи. – С. 11.

Тем не менее, в момент своего появления «Версты» вызвали исключительно негативную реакцию[960]. Русская эмиграция увидела в Святополк-Мирском и редактируемом им журнале, по слову П.Б. Струве, «гниль и распад, выверты и приплясывания», «какие-то гаденькие и подленькие пирушки по поводу чумы»[961]. Святополк-Мирский уверял Сувчинского, что наиболее резкие высказывания о «Верстах» и о Святополк-Мирском лично – статьи З. Гиппиус и В. Ходасевича – развивают в нем «чувство превосходства, гордыню»[962]. Однако после третьего номера издание «Верст» было остановлено. Заявленного в № 1 «естественного сочетания наиболее живых и нужных тяготений русской современности» не произошло.

Третьему, и оказавшемуся последним, номеру было предпослано редакционное предисловие, которое А.А. Саакянц, на основании знакомства с черновым автографом, атрибутировала как принадлежащее Святополк-Мирскому[963]. В предисловии признавалось, что не литература, а «вопросы политические, экономические и социальные больше чем когда-нибудь всецело поглощают наше внимание»[964]. Тут же констатировалось, что «по самой природе своей “Версты” стоят вне актуального, злободневного подхода к этим вопросам», причина чего в том, что редакторы – «все-таки эмигранты», и соответственно «не могут воспринимать биение русской жизни с достаточной непосредственностью. Оно доходит до нас только через искажающую среду, через вторые руки»[965]. Далее подчеркивалось, что заявленная прежде задача остается актуальной: «способствовать объединению той части эмигрантской интеллигенции, которая хочет смотреть вперед, а не назад; с другой стороны, способствовать пониманию русской современности в широком историческом масштабе, [и] не забывая, что

---

[960] См. обзор откликов на № 1: *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 439–442. См. также: *Ефимов М. В.* К рецепции творчества И. А. Бунина в эмиграции: Д.П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Том 70. – № 6. – С. 44–57.
[961] Цит. по: *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. – С. 45.
[962] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 61.
[963] *Саакянц А. А.* Журнал «Версты» // Новый журнал. – 1991. – № 183. – С. 217.
[964] От редакции // Версты. – 1928. – № 3. – С. 5–6.
[965] Там же.

“русское шире России” и что все человечество так или иначе втянуто в наши, русские, проблемы»[966].

Последнее предложение в редакционном обращении утверждает, что центральной идеей «для нас» (редакторов «Верст») является «идея неразрывности личности и коллектива, *идея Общего Дела*»[967]. После прекращения издания «Верст» Святополк-Мирский будет вовлечен в раскол евразийского движения и сопутствующее ему издание газеты «Евразия»[968]. Политизация, от которой Святополк-Мирский стремился оградить «Версты», станет для Святополк-Мирского естественной составляющей его деятельности.

Эти события вызваны глубокой идеологической метаморфозой, которую Святополк-Мирский претерпел во второй половине 1920-х гг. Период 1928–1932 гг., с момента прекращения издания «Верст» и до отъезда Святополк-Мирского в СССР, в значительной степени связан с переориентацией Святополк-Мирского – от литературной критики и истории литературы – к политике и идеологии. Подробное рассмотрение механизма этой переориентации корректно отнести к изучению «советского» периода (и его предыстории) жизни и творчества Святополк-Мирского (1932–1939 гг.)[969].

Представляется целесообразным выделить два этапа в деятельности Святополк-Мирского в 1920-е гг. В 1920–1928 гг. Святополк-Мирский выступал преимущественно как литературный критик и историк литературы. В период 1928–1932 гг. его деятельность в первую очередь связана с политической публицистикой и историей. В 1930 г. Святополк-Мирский уже будет утверждать: «… специальность моя *не* литература, а история»[970].

---

[966] Там же, курсив авторов.
[967] Там же, курсив авторов.
[968] *Ефимов М. В.* Д. П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. – 2015. – Вып. 1 (41). – С. 39–52.
[969] См. предварительные публикации: *Ефимов М.* Мирский как советский критик: стратегия / трагедия двусмысленности // Политика литературы – поэтика власти / Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. – М., 2014. – С. 214–226; *Ефимов М. В.* Д. П. Святополк-Мирский: нетипичный эмигрант в нетипичных обстоятельствах // Нансеновские чтения 2012 / Научн. ред. М. Н. Толстой. – СПб., 2014. – С. 354–366.
[970] *Smith G. S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–32 // The Slavonic and East European Review. – 1994. – Vol. 72. – № 1. – P. 133, курсив Святополк-Мирского.

Однако ни эта профессиональная переориентация, ни глубокие изменения в идеологических установках Святополк-Мирского, приведшие его к радикальной переоценке в сфере литературы и искусства, не отменяют значение сделанного им в качестве литературного критика и историка литературы в 1920-е гг.

Как историку литературы Святополк-Мирскому принадлежат книги по истории русской литературы, написанные для англоязычной аудитории и на долгие десятилетия ставшие одними из самых востребованных для славистов всего мира. Как литературный критик Святополк-Мирский знакомил англоязычную публику с крупнейшими достижениями современной ему русской литературы. В своих русскоязычных печатных высказываниях Святополк-Мирский способствовал установлению и распространению своеобразного канона русской литературы высокого модернизма, с акцентом на фигурах Цветаевой, Пастернака, Мандельштама, Ремизова. Святополк-Мирский последовательно проводил мысль о единстве русской литературы, неподвластной политико-географическим границам. При этом Святополк-Мирский был эффективным посредником между русской литературной эмиграцией и британскими (и шире – европейскими) интеллектуалами.

Многообразие видов деятельности Святополк-Мирского – критика, историка, эссеиста, переводчика, редактора – не должно скрывать главного импульса, который двигал им. Святополк-Мирский был глубоко предан русской культуре и русской литературе; его деятельность – яркая и значительная страница в истории русской культуры XX в.

Заключение

Исследованный материал позволяет охарактеризовать вклад Д.П. Святополк-Мирского в историю русского литературоведения и литературной критики как многоплановый и недостаточно оцененный и изученный до настоящего времени.

Деятельность Святополк-Мирского уместно интерпретировать в контексте ряда разноуровневых и взаимосвязанных оппозиций. Это касается как профессиональной деятельности Святополк-Мирского (историк литературы / литературный критик; историк русской литературы / историк английской литературы, русскоязычный литературный критик / англоязычный историк литературы, филолог / историк), так и биографии Святополк-Мирского в социокультурном аспекте (профессиональный гуманитарий / профессиональный военный, привилегированный аристократ в дореволюционной России / русский эмигрант в Европе). Существенной чертой этих оппозиций была их взаимная динамика, они не были статичными, и Святополк-Мирский представлял собой пример их динамичного синтеза.

И. Берлин отмечал «своеобразную двойственность отношения» русской литературы к связи между Россией и Западом: это было, с одной стороны, «страстное неудовлетворенное стремление войти в европейскую жизнь, стать ее частью», с другой – «обиженное (“скифское”) презрение к западным ценностям, ни в коей мере не ограничивающееся исповеданием “славянофильства”; но чаще всего то было нерешительное, робкое сочетание этих противоречивых чувств»[971]. Уместно сказать, что эти «противоречивые чувства» проявились в работах Святополк-Мирского, но выражены они были с исключительной яркостью и силой.

Сам Святополк-Мирский в годы своей эмиграции последовательно избегал какой-либо публичной биографической авторепрезентации. Между тем,

---

[971] *Берлин И.* История свободы. Россия. 2-е изд. / Предисловие А. Эткинда. – М., 2014. – С. 391.

некоторые маркеры в биографическом измерении уместны и необходимы как корреляты к деятельности Святополк-Мирского в качестве историка литературы и литературного критика[972].

При всей специфичности своего положения Святополк-Мирскому свойственны характерные черты, общие всему литературному поколению родившихся в России в 1890-х гг. Это, в первую очередь, усвоение принципа модерности, осознание смены культурно-исторических эпох, ощущение мировоззренческого кризиса. Осознание изжитости идейных установок XIX в. привело к необходимости формулирования не только новой эстетики, но и новой жизнестроительной стратегии. События Первой мировой войны, революции и гражданской войны в России вызвали к жизни новое мироощущение. Гибель дореволюционной России стала переломным событием в биографиях всех деятелей русской культуры, бывших участниками и свидетелями событий русской революции.

Эмиграция сотен тысяч человек коренным образом изменила социокультурный ландшафт России. Жизнь в изгнании, в свою очередь, поставила вопрос не только о физическом выживании, но и о социальной и культурной самоидентификации тех, кто лишился родины.

Рассматривая феномен авторской личности Святополк-Мирского, необходимо учитывать его принципиальные составляющие: дореволюционную биографию Святополк-Мирского в ее социокультурном и интеллектуальном изводах, самоидентификацию как русского эмигранта в Европе, стратегию поведения в иноязычной среде.

Сын кн. П.Д. Святополк-Мирского (1854–1914), министра внутренних дел в 1904–1905 гг., и кн. Е.А. Святополк-Мирской (1864–1926), урожденной гр. Бобринской, Святополк-Мирский самим фактом своего рождения принадлежал к

---

[972] См. исследования, рассматривающие вопрос о «конструировании биографии» на материале текстов и биографий русских писателей-модернистов и филологов формальной школы: *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна. Биография – рефлексия – письмо. – СПб., 2008; *Левченко Я. С.* Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М., 2012. – (Исследования культуры).

высшему кругу военной и чиновной аристократии Российской империи[973]. При этом до начала Первой мировой войны Святополк-Мирский совмещает причастность к двум формально-противоположным группам: столичному аристократическому офицерству и группе петербургских и царскосельских поэтов и филологов. Святополк-Мирский ни разу публично не высказался по поводу двойственности своего положения, однако в 1922 г. сделал весьма показательное замечание в письме к П.П. Сувчинскому: «…покойный Гумилев десять лет тому назад сказал про меня <…> что, мол, говорит он глупости, но для стрелка[974] и это хорошо. А Гумилев был человек вообще свободный от интеллигентщины»[975].

Слова о «свободе от интеллигентщины» свидетельствуют об одной из важнейших характеристик Святополк-Мирского – его сознательном и последовательном дистанцировании от русской интеллигенции.

В 1923 г., в статье о Пушкине, опубликованной в журнале «The Slavonic Review», Святополк-Мирский конструировал устойчивую и недвусмысленную в своей оценочности антитезу: высокая дворянская культура противостоит интеллигенции как социальной группе с определенным и порочным типом «группового мышления».

В 1924 г., в эссе о поэте гр. В.А. Комаровском, с которым был хорошо знаком, Святополк-Мирский писал о «культурной почве» аристократии: «Он [Комаровский] вышел не из той среды, из которой выходили все деятели русской литературы и культуры за последние шестьдесят лет. Отпрыск старой, московско-петербургской дворянской фамилии с обширным родством и сильной семейной традицией, он был совершенно не задет интеллигентской культурой. Культурную

---

[973] См.: *Ефимов М. В.* Д. Святополк-Мирский: между аристократией и интеллигенцией // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013 / [отв. ред. Н.Ф. Гриценко]. – М., 2014. – С. 102–109.

[974] Не окончив университет, Святополк-Мирский поступил в 1911 г. вольноопределяющимся в Лейб-гвардии 4-ый стрелковый императорской фамилии полк. В 1912 г. после офицерского экзамена произведен в офицеры. Служа в Царском Селе, познакомился с Н. С. Гумилевым и гр. В. А. Комаровским. В 1913 г. вышел в отставку, стал готовиться к государственным экзаменам по историко-филологическому факультету (классическое отделение), получил разрешение держать экзамен экстерном. В мае 1914 г. окончил университет; в начале Первой мировой войны был мобилизован.

[975] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 20. Гумилев – фигура для Святополк-Мирского значимая именно в этом контексте. В августе 1921 г. в своем третьем «Русском письме» «Recent developments in Poetry. Poetry and Politics» («Современные течения в поэзии. Поэтика и политика») Святополк-Мирский особо подчеркивал, что Гумилев – это «<е>динственный поэт, добровольно поступивший на военную службу <…> войсковым офицером он участвовал в кампании 1914 года в Восточной Пруссии» (*Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 37, пер. с англ. М. В. Бондаренко).

почву его составляли семейные предания, старое, более французское, чем русское воспитание, старая дедовская библиотека <…>, наконец, и едва ли не больше всего, свод анекдотов, дипломатических, светских, придворных, с прочным генеалогическим основанием, все услышанное с живых слов – непосредственная традиция, доходящая до самого осьмнадцатого века»[976]. В словах о «незадетости интеллигентской культурой» совершенно очевидны сочувственные коннотации, и портретирование «семейной традиции» в значительной степени носит автобиографические черты.

При этом Святополк-Мирский осознавал ограниченность «сословного» мироощущения и не был апологетом современного ему российского дворянства. Свою книгу о Ленине 1931 г. он начнет словами: «…не надо забывать, что накануне революции <1917 г.> российский помещичий класс достиг такого состояния культурного упадка, что простой факт обладания некоторой интеллектуальной культурой “деклассировал” тех, кто ею обладал, и отделял их от родного класса, неспособного иметь свою собственную интеллигенцию»[977].

Опыт кадрового боевого офицера был одним из определяющих в биографии Святополк-Мирского. В письме 1926 г. Святополк-Мирский заметил, что верит «только в гвардейских офицеров»[978], а в 1925 г. писал кн. Д.А. Шаховскому по поводу присылки обещанной статьи: «… получив письмо Ваше вспомнил, что я офицер Генерального штаба, и что для нашей корпорации нет отговорок отсутствием времени, незнанием или неумением, сел и написал»[979]. Весьма примечательно, что в 1925 г., в расцвете творческих сил и в процессе написания своих главных работ по истории русской литературы, Святополк-Мирский называет «нашей корпорацией» офицеров-генштабистов.

Вместе с тем именно дореволюционный опыт Святополк-Мирского определил круг его интеллектуальных интересов. Учеба в Санкт-Петербургском университете, сначала на факультете восточных языков (китайское отделение),

---

[976] Там же. – С. 96–97. Впервые: *Святополк-Мирский Д., кн.* Памяти гр. В. А. Комаровского // Звено. – 1924. – 22 сент. – № 86. – С. 2.
[977] *Mirsky D. S.* Lenin.– Boston, 1931. – (Makers of the Modern Age.) – P. V.
[978] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 55.
[979] *Шаховской Иоанн*, архиепископ. Биография юности: Установление единства. – Р. 202–203.

потом – на историко-филологическом (классическое отделение), ввела Мирского в круг профессиональных историко-литературных занятий.

Необходимо, однако, заметить, что ни в эмиграции, ни впоследствии в СССР Святополк-Мирский никогда в строгом смысле не работал по специальности (филолог-классик). И все же именно университетская среда способствовала приобщению Святополк-Мирского к новейшим достижениям российской филологической науки. Этот опыт оказался определяющим для последующей работы Святополк-Мирского в Великобритании в качестве преподающего и активно публикующегося слависта. Святополк-Мирский проявлял устойчивый интерес к британской литературной теории 1920-х гг. (А.А. Ричардс и др.). По сути, Святополк-Мирский синтезировал методологии российских и британских теоретиков литературы: от русских формалистов он заимствовал принцип историзации литературно-критического суждения, от британских историков литературы – принцип эстетической оценки историко-литературного материала.

Общение в 1910-х гг. с петербургскими филологами и филологами-поэтами стало решающим в интеллектуальной биографии Святополк-Мирского и чрезвычайно плодотворным в свете его последующих историко-литературных наблюдений и обобщений. Его стихотворный опыт, нашедший отражение в единственной книге стихов[980], несет след эпигонской рецепции «петербургской поэтики». Неслучайно Н.С. Гумилев-рецензент отметил «узость горизонта» «отточенных и полнозвучных строф»[981]. В 1922 г. Святополк-Мирский отмечал, что «петербургские поэты подтянуты, пожалуй, немножко “однообразной” красивостью»[982]. При этом, как заметил Л. Вэньфэй, в «Истории русской литературы» Святополк-Мирский «любит оценивать своих любимых писателей и поэтов такими категориями классицизма, как “сдержанность” (restraint), “мера”

---

[980] *Святополк-Мирский Д., кн.* Стихотворения. 1906–1910. – СПб.: Сириус, 1911.
[981] *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлендер (при участии Р. Д. Тименчика); вступ. ст. Г. М. Фридлендера; подгот. текста, коммент. Р. Д. Тименчика. – М., 1990. – (Любителям российской словесности). – С. 116–117.
[982] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 75.

(measure)»[983]. Как представляется, эти категории принадлежат не столько классицизму как таковому, сколько «новому классицизму», поэтика которого напрямую связана с акмеистами. В начале 1920-х гг. Святополк-Мирский видел будущее русской поэзии в «новом классицизме», воплощенном именно в петербургских поэтах. Однако важно отметить, что широта интеллектуального диапазона позволяла Святополк-Мирскому усваивать, ценить и пропагандировать поэтику и совершенно иного рода – «московскую», представленную столь различными между собой фигурами, как Б.Л. Пастернак, М.И. Цветаева, А.М. Ремизов.

Революция и гражданская война бесповоротно изменили траекторию биографии Святополк-Мирского. В статье 1931 г. «История одного освобождения»[984], объясняя причины своего обращения в марксизм-ленинизм и разрыв со всей своей предшествующей биографией, Святополк-Мирский писал: «Революция уничтожила наш класс, и изгнание поставило нас в социальные условия, весьма отличные от тех, что были “нашими по праву”. Мы смогли увидеть капиталистический мир снизу, как те, кто нас выдворил, могли ранее смотреть на нас. Мы больше не принадлежали к правящей буржуазии, мы стали деклассированными и безработными, в лучшем случае мы были мелкобуржуазными интеллектуалами»[985].

Ранее в этой статье Святополк-Мирский писал о начальном периоде своей эмиграции («около 1922 г.») как о времени, когда вместе с другими эмигрантами он, «ощущавший себя элитой нации, не мог не чувствовать себя парией, низшим существом рядом с довольной западной буржуазией и – в еще большей степени – в сравнении с победоносными рабочими крестьянами нашей собственной страны»[986].

---

[983] *Вэньфэй Л.* Д. П. Святополк-Мирский и его «История русской литературы» // Русская литература. – 2013. – № 3. – С. 209.

[984] Опубликована сначала по-французски (La Nouvelle Revue Française. – 1931. – № 216 – P. 384–389), а потом – в сильно сокращенном варианте – по-русски (Литературная газета. – 1932. – 29 февраля. – № 10 (179). – С. 2). Здесь цитируется по переводу французского текста.

[985] *Mirsky D. S.* Uncollected Writings on Russian Literature. – P. 363; англ. пер. Дж. Смита франц. текста Святополк-Мирского; пер. с англ.

[986] Там же. – P. 361.

«История одного освобождения» была призвана подтвердить полную лояльность Святополк-Мирского советскому строю и идеологии, а также дезавуировать все убеждения, предшествовавшие его обращению в коммунистическую веру. Эмигранты, современники Святополк-Мирского, точно определяли эту статью как «покаянную»[987]. Однако при всей жестко заданной риторичности «Истории одного освобождения» было бы опрометчиво воспринимать ее лишь как публичное самооправдание.

Тридцатилетний Святополк-Мирский оказался в эмиграции в апреле 1920 г., когда ему удалось покинуть польский концлагерь, в котором он находился как военнопленный, вместе с отрядом генерала Н.Э. Бредова. В этой точке можно заметить своеобразие эмигрантского «маршрута» Святополк-Мирского. В отличие от многих своих собратьев по оружию, в эмиграции Святополк-Мирский избирает образ жизни и род занятий, ничего общего не имеющий с его военной биографией, и способ адаптации к западноевропейской жизни коренным образом отличался от того, что был характерен для большинства «белых воинов».

Из Афин в сентябре 1920 г. Святополк-Мирский писал своему давнему знакомцу, английскому писателю М. Берингу: «Это были ужасные годы потерь (в феврале 1920-го был убит мой брат, погибли *все* мои друзья, за исключением двоих) и разочарований. Сначала в России, с ее Распутиным, Керенским, большевиками и всеми остальными, а затем и в Европе с ее бесславным Версальским договором, проклятым надувателем Вильсоном, ничтожным трусом Ллойдом Джорджем и предателями-французами. Если бы не [журналы «Лондонский Меркурий» и «Новое французское обозрение»] и всё то, что они отстаивают, у меня не было бы и тени сомнения, что в Англии и Франции дела обстоят хуже, чем в России. Но если у вас есть такие люди, как Клодель и Честертон, остается надежда на возрождение. Огромным благом является то, что

[987] Письмо В. Набокова к Г. Струве от 25 апреля 1932 г. // Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. Часть вторая (1931–1935) / Публикация Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина; комментарии А. А. Долинина // Звезда. – 2004. – № 4. – С. 146.

после шести лет изоляции можно вновь вступить в контакт с широким миром»[988]. В этом же письме Святополк-Мирский спрашивал у Беринга совета о том, каким образом он мог бы начать заниматься литературным трудом во Франции или Англии, попутно сообщая о том, что «уже немного освоился с современным греческим [языком]» и «начал писать книгу на французском о французской поэзии»[989]. Письмо это чрезвычайно характерно: в нем органично сочетаются презрение к ведущим европейским политикам, неослабеваемый интерес к европейской интеллектуальной жизни, широта интеллектуальных интересов самого Святополк-Мирского и готовность вступить в европейский литературный мир «после шести лет изоляции».

Благодаря содействию Беринга Святополк-Мирский начал печататься в ведущих английских литературных изданиях, в первую очередь – в престижном «The London Mercury». Сделав блестящий дебют в журнале, Святополк-Мирский продолжал в нем печататься почти до самого своего отъезда из Англии[990]. Как литературный критик – причем не только в сфере русской литературы – Святополк-Мирский оказался исключительно востребованным в английской интеллектуальной периодике. Знание Святополк-Мирским древних и современных европейских языков и широчайшая эрудиция позволили ему стать – в Англии и Франции – авторитетным обозревателем новейшей европейской литературы в области гуманитарного знания. При этом Святополк-Мирский трезво соотносил свое положение с тем, в каком оказались оставшиеся в России. Так, в письме К.И. Чуковскому (май 1922 г.) он писал: «Мы здесь так боимся, что между нами и вами вырастет неодолимая пропасть <…> Вы, остающиеся в России, для нас как святые и подвижники, так как если Русская Культура выживет, она будет обязана вам, вашему героическому усилию. Мы не больше

---

988 *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 240–241, курсив Святополк-Мирского.
989 Там же. – С. 241.
990 Последняя публикация Мирского в «London Mercury» датируется 1931 г.

как крысы, спасшиеся с корабля, Вам еще, может быть, суждено спасти корабль. Я вполне сознаю наши обязанности по отношению к вам»[991].

В 1922 г. Святополк-Мирский начал преподавать в Школе славистики Лондонского университета, созданной старым другом семьи Святополк-Мирских, крупным английским славистом сэром Б. Пэрсом. Святополк-Мирский стал первым и единственным в то время штатным специалистом по русской литературе в Англии.

По свидетельству самого Святополк-Мирского, осенью 1922 г. его лекционная нагрузка включала пятичасовую рабочую неделю (в течение трех рабочих дней)[992], а, например, в феврале 1923 г. он – помимо этого – 8 часов в неделю вел занятия по русскому языку[993]. В течение года Святополк-Мирский был занят в Школе в течение 30 недель (три десятинедельных триместра с продолжительными каникулами весной, летом и около Нового года), но и это время он, большей частью, отдавал работе не собственно преподавательской, а писательской[994], а также выступлениям с публичными лекциями вне стен Школы (и, соответственно, оплачивавшихся отдельно). При этом исключительно важно, что, как отмечает Дж. Смит, Святополк-Мирский «очевидным образом рассматривал свою университетскую зарплату <…> не более как подачку, а оплачиваемые обязанности – как неудобство, даже как утомительную поденщину. Мирский чувствовал себя совершенно свободным продавать свои таланты и, соответственно, уделял значительную часть своих сил оплачиваемой работе, бывшей дополнением к его профессиональной академической деятельности» – и «его преподавательская работа была унизительна для человека его семейной традиции»[995].

Однако вполне очевидно (по крайней мере – ретроспективно), что работа в Школе славянских исследований обеспечила Святополк-Мирскому не только постоянный (хоть и небольшой) доход и социальный статус, но и послужила

---

[991] Там же. – С. 244.
[992] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 94.
[993] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 21.
[994] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 79.
[995] Ibid. – P. 96, 210.

стимулом к написанию его главных книг – двух томов «Истории русской литературы» и книги о Пушкине[996], а также позволила – в многочисленных публикациях в «The Slavonic Review» – реализовать основные интересы Святополк-Мирского, которые он определял как «историко-литературные и методологические»[997]. При этом сам же Святополк-Мирский признавался, что «не мо[жет] вообще работать без внешнего принуждения»[998]. Можно сказать, что именно преподавательской «поденщине» Святополк-Мирский в значительной степени обязан своими выдающимися достижениями. Самое известное из них – двухтомная «История русской литературы», по поводу которой Д. Дэви заметил, что не существует ни одной англоязычной истории английской литературы, которая могла бы сравниться с историей *русской* литературы, написанной *по-английски* Святополк-Мирским[999]. Святополк-Мирский создал, по сути, новый в русском историко-литературном дискурсе жанр *авторской истории литературы*, но принципиальная специфика заключалась также в том, что эта история русской литература излагается на иностранном языке.

Святополк-Мирский предстает в своих англоязычных работах по истории русской литературы и как профессиональный литературовед, и одновременно как популяризатор достижений русской литературы и русской культуры. При этом Святополк-Мирский в значительной степени ориентировался на английскую традицию «literary criticism», понимая под ней *синтез* истории литературы и литературной критики.

Как уже было отмечено, работа в Школе славянских исследований не поглощала всего времени Святополк-Мирского. Он был исключительно плодовит как литературный критик, выступал с публичными лекциями. Круг общения Святополк-Мирского в Англии – это коллеги по Школе (напр., А.Ф. Мейендорф), знакомые слависты (напр., М. Флоринский и Я. Лаврин), некоторая часть немногочисленной русской колонии (в том числе Дионео-Шкловский, Тыркова-

---

[996] В 1925 г. вышла в свет «Новая русская литература» («Modern Russian Literature»), в 1926 г. – первый том «Истории русской литературы» и «Пушкин», а в 1927 г. – второй том «Истории».
[997] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 19.
[998] Ibid. – P. 19.
[999] Цит. по: *Mirsky D.S.* Uncollected Writings on Russian Literature. – P. 35.

Вильямс[1000]). Общение Святополк-Мирского с жившими в Лондоне русскими аристократами – Голицыными, Бенкендорфами – было лишь продолжением давнего дореволюционного знакомства. Явным образом свободный от сословных предрассудков и аристократического высокомерия, Святополк-Мирский не имел намерения заводить светские знакомства в британском высшем обществе (хотя, например, Беринг и знакомил Святополк-Мирского с леди Джулиет Дафф[1001]).

Зато Мирский свел близкое знакомство со многими крупными британскими интеллектуалами того времени, в первую очередь – с Джейн Эллен Харрисон и членами группы «Блумсбери». Общение с Харрисон, выдающимся историком религии, стало для Святополк-Мирского взаимно обогащающим[1002]. Данная Мирским характеристика Харрисон позволяет увидеть, какие черты он считал наиболее плодотворными для интеллектуала: «парадоксальное и пленительное слияние <…> качеств, которые редко встречаются вместе. У нее было удивительно сочувственное понимание всего молодого и современного (казалось, растущее с приближением старости) и, в то же время, развитая самодисциплина, принадлежавшая эпохе, воспитанной лучше нынешней; юношеская открытость свежим впечатлениям, духовная живость, почти бодрость, а также благородное и спокойное достоинство манер и поведения»[1003]. Для Святополк-Мирского Харрисон воплотила все то лучшее, что было в викторианских и эдвардианских интеллектуалах. Учитывая эрудицию и разносторонность интересов их обоих, общение с Харрисон было для Святополк-Мирского исключительно обогащающим.

Общение с «блумсберийцами» было иного свойства. Святополк-Мирский, написавший в 1922 г., что «Англия сохнет и отмирает, но Германия гниет»[1004], с

[1000] Общение с Тырковой-Вильямс было в значительной степени связано с ее мужем, журналистом и редактором «The Times», Гарольдом Вильямсом, крупным специалистом по России.
[1001] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 92.
[1002] Не из-за одной лишь редакторской помощи, конечно, которую Харрисон оказывала Святополк-Мирскому при подготовке его английских книг исключительно щедро. Святополк-Мирский посвятил Харрисон второй том своей «Истории русской литературы», «Историю русской литературы с древнейших времен до смерти Достоевского (1881)».
[1003] *Mirsky D. S.* Jane Ellen Harrison. (Died 15 April, 1928) // The Slavonic and East European Review. – 1929. – Vol. 7. – № 20. – P. 416.
[1004] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 19.

самого начала был скептически настроен не столько к самим блумсберийцам (с которыми он в тот момент и не был лично знаком), сколько к их идеологии. «Трезвое декадентство» было для Святополк-Мирского эстетически привлекательно, но идейно – совершенно бесперспективно. Показательно, что одним из верных признаков духовной бесплодности Блумсбери Святополк-Мирский считал царивший там культ Чехова (мечтая – еще в 1920 г. в Афинах – противопоставить ему Лескова[1005]). Святополк-Мирский сформулировал «идеологию Блумсбери» в своей русскоязычной статье 1924 г. о Литтоне Стречи: «… утонченный и культурный человек может наслаждаться, наблюдая обезьяньи игры деятельных людей, но для него самого единственная достойная деятельность – искусство <…> английская интеллигенция с презрительной улыбкой отмежевалась от всего того, что у нас принято, не без оснований, считать за самое существо английского духа, – от уверенной в себе практической деятельности»[1006]. Однако именно к блумсберийцам – Л. Вулфу и Дж.М. Кейнсу – Святополк-Мирский обратится, когда будет искать деньги на издание своего журнала «Версты».

Критическое отношение Святополк-Мирского к идеологии блумсберийцев не должно заслонять от нас того факта, что в 1920-е гг. это были, пожалуй, самые рафинированные британские интеллектуалы, регулярное общение с которыми было возможно лишь при условии интеллектуального «паритета» (возможность интеллектуального превосходства над собой в Блумсбери едва ли признавали), и Святополк-Мирский – в глазах блумсберийцев – этому условию в полной мере соответствовал, и – более того – был постоянным консультантом основанного Вулфами издательства «Hogarth Press».

Английские знакомства Святополк-Мирского во многом способствовали и возникновению общения с французскими интеллектуалами. Так, при посредничестве Харрисон Святополк-Мирский в 1924 г. был приглашен к участию в знаменитых «Декадах Понтиньи» – организуемых в Бургундии П.

[1005] *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи. – С. 241.
[1006] *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937. – С. 76, 77.

Дежарденом ежегодных встречах ведущих европейских интеллектуалов. Участие в «Декадах Понтиньи» было одним из высших «знаков отличия», которых из русских эмигрантов – помимо Святополк-Мирского – были удостоены лишь Л.И. Шестов, Н.А. Бердяев и А. Койре[1007]. В Понтиньи Святополк-Мирский общался с А. Жидом, Ш. дю Босом и с особенно заинтересовавшими его Р. Фернандесом и Б. Грутхейсеном[1008].

Святополк-Мирский достиг не просто высокой степени социально-интеллектуальной адаптации, но был принят в высшем эшелоне европейских интеллектуалов как полноправный участник. При этом – как показывает, например, случай с видным блумсберийцем Р. Фраем[1009] – Святополк-Мирский не испытывал никакой потребности в «интеллектуальной мимикрии», и мог высказываться сколь угодно свободно об «обреченности Европы», не заботясь о том, насколько это может шокировать собеседника.

Исключительно важно, что эта англо-французская жизнь Святополк-Мирского ни в коей мере не мешала его действенной вовлеченности в литературную жизнь русского зарубежья. Святополк-Мирский много печатался по-русски в эмигрантской периодике[1010], до середины 1920-х гг. регулярно публиковал статьи в крупнейшем «толстом» журнале эмиграции, «Современных записках», редактировал журнал «Версты», ставший заметным явлением в русской литературной эмиграции. Более того, Святополк-Мирский, насколько можно судить, в значительной степени воспринимал себя как «арбитра вкуса» в русском литературном зарубежье. Афористичные и безапелляционные суждения Святополк-Мирского стали предметом ожесточенной полемики в кругах русских писателей-эмигрантов.

[1007] См.: *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 100–101.

[1008] В письме к Сувчинскому из Понтиньи в 1925 г. Святополк-Мирский писал: «Я живу в европейской и интеллектуальной атмосфере, и не без удовольствия» (*Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 40, пунктуация исправлена).

[1009] *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – P. 102.

[1010] Хотя чрезвычайно характерно, что один из первых русскоязычных текстов Святополк-Мирского-эмигранта («О современной английской литературе. Письмо из Лондона») был опубликован в Советской России, в издаваемом К. Чуковским журнале «Современный Запад» (1923. – № 2. – С. 139–150). Случай этот, впрочем, уникальный. До приезда Святополк-Мирского в СССР в 1932 г. его тексты там, разумеется, не печатались.

Святополк-Мирский выработал различные подходы, обращаясь к русскоязычной и англоязычной аудиториям. В своих англоязычных работах Святополк-Мирский выступал как проводник сведений о классической и современной русской литературе. Однако эта трансляция никоим образом не была свободна от индивидуальных оценок самого Святополк-Мирского. В статьях, написанных по-русски, Святополк-Мирский делал акцент на современной русской литературе и выступал при этом не только как литературный критик, но и как литературный идеолог. Святополк-Мирский устойчиво противопоставлял вторичную и эпигонскую, по его мнению, литературу русского зарубежья 1920-х гг. (исключение он делал лишь для М. Цветаевой и А. Ремизова) плодотворным экспериментам писателей, живущих в СССР. Взгляды Святополк-Мирского привели его к размежеванию с русской эмиграцией, и не только литературной. Однако, даже в условиях нараставшей взаимной враждебности Святополк-Мирский широко пользовался органами эмигрантской периодической печати.

Картина, складывающаяся из приведенных фактов, свидетельствует, казалось бы, об успешности Святополк-Мирского в Европе[1011]. Если сравнивать Святополк-Мирского с его современниками и сверстниками в эмиграции, то это, пожалуй, так и есть. Как историк литературы и литературный критик Святополк-Мирский реализовал себя за эмигрантские двенадцать лет в полной мере. Сделанное им в этом качестве – написанные книги и статьи – оказались вкладом, ценность которого ничуть не уменьшилась за прошедшие почти девяносто лет – как для русскоязычного читателя, так и для англоязычного. Более того, социальная среда, в которой Святополк-Мирский находился, живя в Европе, была не помехой для его работы, а фактором исключительно благоприятным. К тому же, образ жизни Святополк-Мирского в эмиграции разительно отличался от того, какой вели в эмиграции большинство русских беженцев-интеллектуалов[1012].

[1011] Также и в США, где не только издавались все книги Святополк-Мирского, но и куда он сам совершил поездку с лекционным турне в 1928 г. и переезд куда одно время рассматривал. Подробнее см.: *Smith G. S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–[19]32. – P. 115–139.

[1012] Святополк-Мирский был одиноким человеком. Его мать, до своей смерти в 1926 г., жила недалеко от Парижа, в Курбевуа (Courbevoie), в доме, в котором Святополк-Мирский регулярно останавливался во время своих приездов во Францию. После смерти матери Святополк-Мирский часто бывал в доме своей старшей сестры Софьи (в замужестве – Похитоновой) в Гренобле. Святополк-Мирский, судя по всему, не поддерживал своих родственников

Однако сам Святополк-Мирский еще в 1923 г. писал в частном письме о свойственной ему «чисто эмоциональной почве оскорбленного эмигрантского самолюбия»[1013]. При этом финансовая независимость Святополк-Мирского и его высокий статус среди британских интеллектуалов, достигнутые им благодаря исключительной трудоспособности и сосредоточенности, приводили к регулярным осложнениям с близкими Святополк-Мирскому людьми в русской эмиграции. Так, для Святополк-Мирского оказалась в высшей степени травматичной история с поиском финансов для издания журнала «Версты». Соредактор журнала, П.П. Сувчинский попросту самоустранился от этого, возложив все денежные хлопоты на Святополк-Мирского[1014]. Святополк-Мирский был вынужден максимально использовать свои личные знакомства и связи, чтобы найти средства для журнала. Характерно, что за финансовой поддержкой он обращался в первую очередь к Дж. Э. Харрисон и блумсберийцам, а также к супружеской чете, князю и княгине Бассиано-Каэтани, финансировавших французский журнал «Commerce» (в котором сотрудничал Святополк-Мирский)[1015]. Есть веские основания предполагать, что положение просителя денег у «богатых иностранцев», для Святополк-Мирского совершенно неприемлемое, было одним из решающих факторов в переоценке им своих перспектив на Западе.

Святополк-Мирский был вправе пренебрегать своими аристократическим происхождением и воспитанием[1016], но не был согласен, когда этим пренебрегали европейские аристократы, богатые буржуа и власть имущие, в которых

финансово; у него не было жены и детей. Его доходы делали возможным регулярную финансовую помощь М. Цветаевой, которая прекратилась лишь в начале 1930-х гг., когда у Святополк-Мирского резко ухудшились отношения с его работодателем, Б. Пэрсом, приведшие к уходу Святополк-Мирского из лондонской Школы славянских исследований.

[1013] *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – P. 22–23.

[1014] Показательно, что близкий к Сувчинскому в последние годы его жизни В. Козовой, перечисляя заслуги Сувчинского перед русской культурой, приписывает ему едва ли не единоличную заслугу в «появлени[и] журнала “Версты”, издания по своему облику и богатству уникального» (*Kozovoï V.* Из переписки Б. Пастернака и П. Сувчинского // Revue des études slaves. – Tome 58. – Fascicule 4. – P. 638).

[1015] См.: *Efimov M.* La dimensione russa di «Commerce»: il principe D. Svjatopolk-Mirskij e E. Izvol’skaja / Ефимов М. Русское измерение «Commerce»: кн. Д. Святополк-Мирский и Е. Извольская [Рец.: Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Eds. Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015] // Enthymema. № 13 (2015). [Электронный ресурс]: URL: http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/6706 (дата обращения: 28.09.2017).

[1016] Почти все, кто встречался со Святополк-Мирским, отмечали его полное пренебрежение к светским условностям, эксцентричность поведения и поношенную одежду.

Святополк-Мирский – в силу этого – видел столь ненавистное ему мещанство, проедающее, по его мнению, наследие старой и гниющей Европы[1017]. Однако, как ретроспективно показали события после приезда Святополк-Мирского в СССР в 1932 г., именно на Западе Святополк-Мирский и смог быть уникальным посредником между русской и европейской культурой.

Святополк-Мирский не оставил последовательного и систематического описания своих взглядов на методологию историко-литературного и литературно-критического письма. Отсутствие автоописания делает для исследователя необходимым реконструировать эти взгляды, их реализацию в конкретных текстах и их контекст. Данная процедура усложняется тем, что литературная личность Святополк-Мирского с трудом поддается типизации и обобщающей оценке: слишком велика внешняя разница между Святополк-Мирским эмигрантского и советского периодов. К тому же, знание о советском периоде деятельности Святополк-Мирского создает (часто непроизвольно) особую, ретроспективную оптику восприятия Святополк-Мирского-эмигранта. Идеологически окрашенный советский период деятельности Святополк-Мирского имеет многообразные предпосылки в его эмигрантской деятельности. Однако, как представляется, их рассмотрение будет уместней отнести к исследованию, посвященному работам Святополк-Мирского, созданным в СССР.

Противоречивость взглядов и высказываний Святополк-Мирского не уменьшает их значения в истории русской литературы и необходимости их истолкования. Сделанное Святополк-Мирским за годы его эмиграции, его книги и статьи, до настоящего времени сохраняют свою ценность. Более того, есть все основания утверждать, что именно деятельность Святополк-Мирского эмигрантского периода является высшей точкой в его интеллектуальной биографии. Именно в эти годы Святополк-Мирский создал свои наиболее значительные работы, проявил себя как разносторонний и проницательный

[1017] Показательно, что разрыв с Б. Пэрсом и увольнение из Школы славянских исследований и были вызваны тем, что Пэрс как работодатель был многолетним ежегодным поручителем за Святополк-Мирского перед британскими властями, и «левый поворот» Святополк-Мирского делал это поручительство невозможным.

историк классической и аналитик современной русской литературы. Именно годы эмиграции стали для Святополк-Мирского временем подлинного расцвета.

Историко-литературное и литературно-критическое наследие Святополк-Мирского 1920-х гг. – это яркая и оригинальная страница в истории культурных связей России и Европы в XX в., в истории литературы русского зарубежья, в истории русской литературы и литературной критики минувшего столетия.

Список литературы

Источники

1. Антология новой английской поэзии / Вступ. ст. и коммент. М. Гутнера. – М.: Захаров, 2002. – 398 с.

2. *Д.С.М.* [Рец.] Б. Пастернак. Рассказы. М.: Круг, 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. № 1. – С. 168–169.

3. *Д.С.М.* [Рец.] И. Бабель. Рассказы. Государственное издательство. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. – № 1. – С. 168.

4. *Д.С.М.* [Рец.] К. Федин. Города и годы. Государственное издательство. 1924 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. № 1. – С. 169–170.

5. *Д.С.М.* [Рец.] О. Мандельштам. Шум времени. Изд. Время. 1925 // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. № 1. – С. 169.

6. *Д.С.М.* Литературный феномен // Звено. – 1925. – 21 декабря. – № 151. – С. 2.

7. *Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи / Сост. М. В. Андронов, И. Н. Крамов. Вступит. ст. М. Я. Полякова. – М.: Советский писатель, 1978. – 325 с.

8. *Мирский Д.* Моим критикам // Пушкин: Временник Пушкинской комиссии / АН СССР. Ин-т литературы. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1936. – [Вып.] 1. – С. 262–264.

9. *Мирский Д.* История одного освобождения // Литературная газета. – 1932. – 29 февраля. – № 10 (179). – С. 2.

10. *Мирский Д.* О литературе и искусстве: Статьи и рецензии 1922–1937 / Сост., подг. текстов, коммент., мат-лы к библиографии О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; вступ. статья Дж. Смита. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 616 с.

11. *Мирский Д.* Проблема Пушкина // Литературное наследство [А. С. Пушкин] / План тома, орг. материалов, лит. ред., подбор ил. и оформл. И. С.

Зильберштейна и И.В. Сергиевского. – М.: Жур.-газ. объединение, 1934. – (Лит. наследство / Отв. ред. П. И. Лебедев-Полянский; Зам. ред. М. Б. Храпченко; Зав. ред. И. С. Зильберштейн; Т. 16/18). – С. 91–111.

12. *Мирский Д.* А. С. Пушкин (из биографии) // Звезда. – 1937. – № 1. – С. 102–146; № 2. – С. 205–251.

13. *Мирский Дм.* Нико Пиросманишвили // Литературная Грузия. – 1971. – № 7. – С. 11–12.

14. *Мирский Д. П.* Статьи о литературе / Сост. М. Андронов. Вступ. статья Н. Анастасьева. – М.: Художественная литература, 1987. – 303 с.

15. *Мирский Д. С.* История русской литературы с древнейших времен до 1925 года / Пер. с англ. Р. Зерновой. – London: Overseas Publications Interchange Ltd, 1992. – 882 p.

16. *Мирский Д.С.* О современной английской литературе. Письмо из Лондона // Современный Запад. – 1923. – № 2. – С. 139–150.

17. *Мирский Д. С.* Стихотворения. Статьи о русской поэзии / Comp. and ed. by G. K. Perkins and G. S. Smith, with an Intro. by G. S. Smith. – Oakland: Berkeley Slavic Specialties, 1997. – 298 p.

18. Неизвестные письма Д. П. Святополка-Мирского середины 1920-х годов / Вступит. ст., публ. и коммент. А. Б. Рогачевского // Диаспора: Новые материалы. Т. 2. – СПб.: Феникс, 2001. – С. 349–367.

19. *Перхин В.В.* Одиннадцать писем (1920–1937) и автобиография (1936) Д.П. Святополк-Мирского // Русская литература. – 1996. – № 1. – С. 235–262.

20. Письмо Д. П. Святополк-Мирского В. М. Жирмунскому (1922) (Публикация В. В. Перхина) // Русская литература. – 2008. – № 4. – С. 143–148.

21. Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. – Paris: La Presse franco-russe, 1924. – XIII, 211 с.

22. Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Составил кн. Д.Святополк-Мирский. Вступит. ст. проф. Г. П. Струве. – New York: Russica Publishers, Inc. 1979. – 211 p.

23. Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. и предисл. кн. Д. Святополк-Мирский. Вступ. ст. Е. Б. Белодубровского. – Новосибирск: Изд-во «Свиньин и сыновья», 2010. – 292 с.

24. «... с Вами беда – не перевести»: Письма Д. П. Святополка-Мирского к А.М. Ремизову (1922–1929) / Публикация Роберта Хьюза // Диаспора: Новые материалы. Вып. V / Отв. редактор Олег Коростелев. – СПб.: Феникс, 2003. – С. 335–401.

25. *Святополк-Мирский Д., кн.* Английские пуристы // Звено. – 1925. – 13 июля. – № 128. – С. 2–3.

26. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Б.Л. Пастернак. Рассказы // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 544–545.

27. *Святополк-Мирский Д., кн.* Беллок // Дни. – 1925. – 8 ноября. – С. 3.

28. *Святополк-Мирский Д., кн.* Байрон (К столетию со дня смерти, 1824 – 18 апреля – 1924) // Звено. – 1924. – 21 апреля. – № 64. – С. 2–3.

29. *Святополк-Мирский Д., кн.* Валерий Яковлевич Брюсов (Род. 23 декабря 1873 – ум. 9 октября 1924) // Современные записки. – 1924. – № 22. – С. 414–426.

30. *Святополк-Мирский Д.П.* «Великая поэзия совершенно нового рода…» / Предисл., примеч. В. Перхина. Пер. с англ. М. Бондаренко // Литературная Россия. – М., 1992. – С. 10.

31. *Святополк-Мирский Д., кн.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Версты. – 1927. – № 2. – С. 247–254.

32. *Святополк-Мирский Д.П.* Веяние смерти в предреволюционной литературе // Русский узел евразийства: Восток в русской мысли: Сб. трудов евразийцев / Сост. С. Ю. Ключников. Отв. ред. Н. И. Толстой. – М.: Беловодье, 1997. – С. 358–365.

33. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Г. Блок. Рождение поэта. Повесть о молодости Фета. По неопубликованным материалам. Труды Пушкинского Дома при Российской Академии Наук // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 475–476.

34. *Святополк-Мирский Д. П.* «Глубоко человечен и трогателен»: Неизвестный некролог С. А. Есенина / Предисл. и публ. В. Перхина // Русский рубеж: Спец. выпуск газеты «Литературная Россия». – 1990. – № 3. – С. 16.

35. *Святополк-Мирский Д., кн.* Годовщины: 1. Некрасов. 2. Зинаида Гиппиус. 3. Хлебников. 4. Джойс // Версты. – 1928. – № 3. – С. 140–149.

36. *Святополк-Мирский Д.* Две смерти: 1837–1930 // Смерть Владимира Маяковского. Берлин: Петрополис, 1931. С. 47–66.

37. *Святополк-Мирский Д., кн.* Джордж Сейнтсбери // Дни. – 1925. – 25 декабря. – № 888. – С. 3.

38. *Святополк-Мирский Д., кн.* Есенин // Воля России. – 1926. – № 5. – С. 75–80.

39. *Святополк-Мирский Д.П.* Есенин // Русское зарубежье о Есенине. Т. 2: Эссе, очерки, рецензии, статьи. – М.: ИНКОН, 1993. – С. 61–66.

40. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Издания Российского Института Истории Искусств // Современные записки 1925. – № 24. – С. 434–438.

41. *Святополк-Мирский Д.* Искусство биографии (Литтон Стрэчи) // Звено. 1924. – 28 января. – № 52. – С. 2.

42. *Святополк-Мирский Д. П.* История русской литературы с древнейших времен по 1925 год / Пер. с англ. Р. Зерновой. Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2007. – 872 с.

43. *Святополк-Мирский Д., кн*. [Рец.] И. Э. Бабель. Рассказы // Современные записки. – 1925. № 26. – С. 485–488.

44. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] К. Федин. Города и годы // Современные записки. – 1925. – № 24. – С. 432–434.

45. *Святополк-Мирский Д., кн.* Константин Федин // Звено. 1925. – 6 апреля. – № 114. – С. 2.

46. *Святополк-Мирский Д., кн.* Критические заметки // Версты. – 1927. – № 2. – С. 255–262.

47. *Святополк-Мирский Д.* «Крысолов» М. Цветаевой // Воля России. – 1926. – № 6/7. – С. 99–102.

48. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] Литературная Россия. Сборник современной русской прозы. Под редакцией Вл. Лидина. I. «Новые Вехи» // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 473–475.

49. *Святополк-Мирский Д., кн.* Литературная пресса в Англии. Классики и романтики // Звено. – 1925. – 27 апреля. – № 117. – С. 2.

50. *Святополк-Мирский Д. П.* Литературно-критические статьи / Вступ. ст. и примеч. В. В. Перхина // Русская литература. – 1990. – № 4. – С. 120–154.

51. *Святополк-Мирский Д.* Маклаков и Вишняк // Евразия. – 1929. – 6 апреля. – № 20. – С. 2–3.

52. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] М. И. Цветаева. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924 // Современные записки. – 1926. – № 27. – С. 569–572.

53. *Святополк-Мирский Д., кн.* Молодые русские прозаики // Звено. – 1925. – 2 марта. – № 109. – С. 2–3.

54. *Святополк-Мирский Д., кн.* Новое в английской литературе. Морис Беринг // Звено. – 1924. – 11 августа. – № 80. – С. 3.

55. *Святополк-Мирский Д., кн.* О консерватизме. Диалог // Благонамеренный. – 1926. – Март–апрель. № 2. – С. 87–93.

56. *Святополк-Мирский Д., кн.* О московской литературе и протопопе Аввакуме // Евразийский временник. – 1925. – № 4. – С. 338–350.

57. *Святополк-Мирский Д., кн.* О нынешнем состоянии русской литературы // Благонамеренный. – 1926. – Январь–февраль. № 1. – С. 90–97.

58. *Святополк-Мирский Д.П.* О современном состоянии русской поэзии / Предисл. и публ. Г. Струве, послесловие Дж. Смита // Новый Журнал. – 1978. – Кн. 131. – С. 79–110.

59. *Святополк-Мирский Д.* О Толстом: 1828–1928 // Евразия. – 1928. – 24 ноября. – № 1. – С. 6–7.

60. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] О. Э. Мандельштам. Шум времени // Современные записки. – 1925. – № 25. – С. 541–543.

61. *Святополк-Мирский Д., кн.* Памяти гр. В. А. Комаровского // Звено. – 1924. – 22 сентября. – № 86. – С. 2.

62. *Святополк-Мирский Д., кн.* Письмо в редакцию [«Звена»] // Звено. – 1926. – 16 мая. – № 172. – С. 12–13.

63. *Святополк-Мирский Д., кн.* Поэты и Россия // Версты. – 1926. – № 1. – С. 143–146.

64. *Святополк-Мирский Д. П.* Поэты и Россия: статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вступ. ст. В. В. Перхина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 380 с. – (Русское зарубежье).

65. *Святополк-Мирский Д.* Проза поэтов // Евразия. – 1929. – 24 августа. – № 34. – С. 7–8.

66. *Святополк-Мирский Д.* Роман Тынянова о Грибоедове // Евразия. – 1929. – 16 февраля. – № 13. – С. 7.

67. *Святополк-Мирский Д.* Современная английская литература. Поэты // Дни. – 1925. – 6 декабря. – № 872. – С. 3.

68. *Святополк-Мирский Д.* Современная английская поэзия. Младшее поколение // Дни. – 1926. – 31 января. – С. 4.

69. *Святополк-Мирский Д., кн.* Современные английские романисты // Звено. – 1923. – 14 мая. – № 15. – С. 3.

70. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] «Современные записки» (I–XXVI, Париж 1920–1925 гг.). «Воля России» (1922, 1925, 1926 гг. № I–II. Прага) // Версты. – 1926. – № 1. – С. 206–210.

71. *Святополк-Мирский Д.* «Современные записки», книга 39-ая // Евразия. 1929. – 10 августа. – № 33. – С. 8.

72. *Святополк-Мирский Д. П.* Статьи и рецензии в журнале «Slavische Rundschau» (1929–1932). Пер. с нем. Т. В. Марченко. Подгот. текста и коммент. М. В. Ефимова, Т. В. Марченко. Вступит. ст. М. В. Ефимова // Литературный Факт. – 2016. – № 1–2. – С. 83–178.

73. *Святополк-Мирский Д., кн.* Стихотворения. 1906–1910. – СПб.: Сириус, 1911. – 76 с.

74. *Святополк-Мирский Д.* Французская книжка о новейшей русской литературе // Евразия. – 1929. – 13 апреля. – № 21. – С. 6–7.

75. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Цветаева М. Молодец: Сказка. Прага: Пламя, 1924]. «Крысолов» М. Цветаевой // Воля России. – 1926. – № 6/7. – С. 99–102.

76. *Святополк-Мирский Д., кн.* [Рец.] T. S. Eliot. Poems. 1905–1925 // Версты. – 1927. – № 2. – С. 263–265.

77. Советское кино глазами Дмитрия Мирского / Вступит. ст., публ. и прим. Р. М. Янгирова // Литературное обозрение. – 1993. – № 5. – С. 88–100.

78. «Судья строгий, но праведный»: Статьи и рецензии Д. Мирского в журнале «The Slavonic Review» (1922–1929). Публ., вступит. ст. и коммент. О. А. Коростелева и М. В. Ефимова; пер. с англ. М. В. Ефимова // Русская литература. 2013. – № 2. – С. 199–232.

79. *Mirsky D. P., Prince*. [Preface] // The life of the Archpriest Avvakum by himself / Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. – L.: Hogarth Press, 1924. – P. VII–XXX.

80. *Mirski D.S.* A Russian Letter: Introductory // The London Mercury. – 1920 (December). – Vol. III. – № 14. – P. 207–209.

81. *Mirski D.S.* A Russian Letter: The Symbolists – I // The London Mercury. – 1921 (February). – Vol. III. – № 16. – P. 427–429.

82. *Mirski D. S., Prince.* A Russian Poetess // The Outlook. – 1922. – 18 March. – P. 217–218.

83. *Mirsky D. S., Prince.* A History of Russian Literature from the Earliest Times to the Death of Dostoyevsky (1881). – London: George Routledge – New York: Alfred Knopf, 1927. – XIV, 388 p.

84. *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. Comprising A History of Russian Literature & Contemporary Russian Literature / Ed. by F. J. Whitfield. – London: Routledge & Kegan Paul – New York: Alfred Knopf, 1949. – XI, 518, XXIV p.

85. *Mirsky D. S.* A History of Russian Literature. From Its beginnings to 1900 / Ed. and abridged by Francis J. Whitfield. – N. Y.: Vintage, 1958. – 383 p. (Vintage Books, K-67, Vintage Russian Library, V-720).

86. *Mirsky D. S.* A Russian Letter: Recent Developments in Poetry. Poetry and Politics // The London Mercury. – 1921 (August). – Vol. IV. – № 22. – P. 414–418.

87. *Mirsky D. S., Prince*. Babel // The Nation and the Athenaeum. – 1926. – 23 January. – P. 581–582.

88. *Mirsky D. S.* Byron // The London Mercury. – 1924. – № 9. – P. 603–616.

89. *Mirsky D. S.* Centenary of the Death of Griboyedov (1829 – January – 1929) // The Slavonic and East European Review. – 1929 (June). – Vol. 8. – № 22. – P. 140–143.

90. *Mirsky D. S.* Chekhov and the English // The Monthly Criterion. – 1927. – № 6. – P. 292–304.

91. *Mirsky D. S., Prince.* Contemporary Russian Literature: 1881–1925. – London: George Routledge – New York: Alfred Knopf, 1926. – XV, 372 p.

92. *Mirsky D. S., Prince.* Emily Brontë // The London Mercury. – 1923. – № 7. – P. 266–272.

93. *Mirsky D. S.* S. A. Esenin: Obituary // The Slavonic Review. – 1926 (March). – Vol. 4. – № 12. – P. 706–707.

94. *Mirsky D. S.* [Rev.] G. Fletcher. Europe's Two Frontiers: A Study of the Historical Forces at Work in Russia and America as They Will Increasingly Affect European Civilisation. London, 1930 // The Criterion. – 1931. – № 10. – P. 534–536.

95. *Mirsky D. S.* [Rev.] Gogol. By Janko Lavrin (The Republic of Letters). London: Routledge, 1926 // The Slavonic Review. – 1926. – Vol. 5. – № 13. – P. 223.

96. *Mirsky D. S.* Jane Ellen Harrison (Died 15 April, 1928) // The Slavonic and East European Review. – 1929 (January). – Vol. 7. – № 20. – P. 414–416.

97. *Mirsky D. S.* H.G. Wells and History – I // The Criterion. – 1932. – № 12. – P. 1–9.

98. *Mirsky D. S.* Lenin. – Boston: Little, Brown & Co., 1931. – (Makers of the Modern Age).

99. *Mirsky D. S.* [Rev.] Lermontov. Opyt istoriko-literaturnoy otsenki, by B. Eichenbaum. State Press. Leningrad, 1924 // The Slavonic Review. – 1925 (March). – Vol. 3. – № 9. – P. 733–735.

100. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*C. H. C. Wright.* French Classicism. Cambridge, Mass., 1920; *J. D. M. Ford.* Main Currents of Spanish Literature. London; *J. Fitzmaurice-Kelly, ed.* Cambridge Readings in Spanish Literature. Cambridge, 1920; *R. A. Nicholson.* Studies in Islamic Poetry. Cambridge) // The London Mercury. – 1921 (December). – Vol. V. – № 26. – P. 210–212.

101. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*G. Bullett.* Walt Whitman. London, 1924; *J. M. Murry.* To the Unknown God. London, 1924; *C. Falls.* The Critic's Armoury. London, 1924; *T. Quayle.* Poetic Diction: A Study of Eighteenth Century Verse. London, 1924; *O. Doughty.* Forgotten Lyrics of the Eighteenth Century. London, 1924; *E. K. Chambers, ed.* Essays and Studies by Members of the English Association. Vol. X. Oxford–London, 1924; *A. L. Hayward.* The Dickens Encyclopaedia. London–New York, 1924; *L. Hearn.* Miscellanies. 2 vol. London, 1924; *E. T. Griffiths, ed.* Li chantari di Lancellotto. Oxford, 1924.) // The London Mercury. – 1925. – Vol. XI. – № 11. – P. 659–661.

102. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*H. G. de Maar.* A History of Modern English Romanticism. London, 1924. Vol. I. Elizabethan and Modern Romanticism in the Eighteenth Century; *O. W. Firkins.* William Dean Howells. Cambridge, Mass., 1924; *M. E. Speere.* The Political Novel: Its Development in England and in America. New York; *G. Bradford.* Bare Souls. London; *A. Maude.* «Tolstoy on Art» and Its Critics. London; *S. S. Koteliansky and P. Tomlinson, transl. and ed.* The Life and Letters of Anton Tchekhov. London; *W. Starkie.* Jacinto Benavente. London, 1924; *I. Brown.* Leconte de Lisle. New York, 1924; *J. C. Dawson.* Toulouse in the Renaissance: The Floral Games; University and Student Life: Etienne Dolet (1532–1534). New York, 1923; *Sir Edmund Gosse.* Taillemant des Réaux, or the Art of Miniature Biography. Oxford.) // The London Mercury. – 1925. – № 12. – P. 322–324.

103. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*G. B. Ives, tr.* The Essays of Montaigne. 4 vol. Cambridge, Mass., 1925; *E. H. R. Tatham.* Francesco Petrarca: The First Modem Man of Letters. 2 vol. London, 1925–1926; *R. Lull.* Blanquema: A Thirteenth Century Romance. Tr. and introd. E. A. Peers. London, s. d.; *S. S. Koteliansky, ed. and tr.* Dostoevsky Portrayed by His Wife. London; *C. Garnett, tr.* The Letters of Anton Pavlovitch Tchehov to Olga Leonardovna Knipper. London; *D. G. Larg.* Madame de Staël. Tr. V. Lucas. London; *H. J. Weigand.* The Modern Ibsen. London.) // The London Mercury. – 1926. – № 14. – P. 540–542.

104. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*E. Legouis.* Spenser. London – New York, 1926; *W.H. Van der Smissen, transl. and ed.* Goethe's «Faust». London – New York, 1926; *Somadeva.* The Ocean of Story (Katha sarit sagara). Trad. C. H. Tawney, ed. N. M. Penzer. Vol. VI. London, 1924; *A. A. Scott.* Betty Paoli: An Austrian Poetess of the 19th Century. London, 1926; *W. Starkie.* Luigi Pirandello. London, 1926; *J. Fitzmaurice-Kelly.* A New History of Spanish Literature. London, 1926; *C. Duff, ed.* Quevedo: The Choice Humorous and Satirical Works. Trad. Sir Roger l'Estrange, et al. London – New York, s.d. [1926].) // The London Mercury. 1926. – № 15. – P. 552–554.

105. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*B. Fairley.* Charles M. Doughty. London; *R. L. Megroz.* Francis Thompson. London; *C. M. MacLean.* Dorothy and William Wordsworth. Cambridge; *Lord Ernie.* The Light Readings of Our Ancestors. London; *A. S. Collins.* Authorship in the Days of Johnson. London.) // The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 546–548.

106. *Mirsky D. S.* Literary History and Criticism (*E. M. Forster.* Aspects of the Novel. London; *J. Carruthers.* Scheherazade, or the Future of the English Novel. London – New York; *J. G. MacLeod.* Beauty and the Beast. London; *L. P. Smith.* The Prospects of Literature. London; *T. S. Eliot.* Shakespeare and the Stoicism of Seneca. London.) // The London Mercury. – 1927. – № 17. – P. 208–210.

107. *Mirsky D. S.* L'histoire d'une emancipation // La Nouvelle Revue Française. 1931. – 1 septembre. – Vol. XXXVII. – № 216. – P. 384–397.

108. *Mirsky D. S.* Marina Tsvetaeva // The New Statesman. – 1926. – 27 February. – Vol. 26. – № 670. – P. 611–613.

109. *Mirsky D. S.* Michael Herschensohn: Obituary // The Slavonic Review. – 1925 (June). – Vol. 4. – № 10. – P. 171–174.

110. *Mirsky D. S.* Mólodets. A Fairy Tale. By Marina Tsvetayeva. Prague: Plamya, 1924 // The Slavonic Review. – 1926 (March). – Vol. 4. – № 12. – P. 775–776.

111. *Mirsky D. S.* Mr Lytton Strachey // The London Mercury. – 1923. – № 8. – P. 175–184.

112. *Mirsky D. S., Prince*. Modern Russian Literature. – London: Oxford University Press, Humphrey Milford, 1925. – 120 p.

113. *Mirsky D. S.* Modern Russian Poetry. An Anthology. Chosen and translated by Babette Deutsch and Avrahm Yarmolinsky. London (John Lane), 1923. 6s. net. (Printed in the U.S.A., forming part of The European Library, edited by J. E. Spingarn) // The Slavonic Review. – 1923. – Vol. 2. – № 5. – P. 451–452.

114. *Mirsky D. S., Prince*. Notes // Oxford Book of Russian Verse / Chosen by Hon. Maurice Baring; with notes by Prince D. S. Mirsky. – Oxford: Clarendon Press, 1924. – P. 189–206.

115. *Mirsky D. S.* Periods of Russian Literature // The Slavonic and East European Review. – 1931 (March). – Vol. 9. – № 27. – P. 682–694.

116. *Mirsky D. S.* Pouchkine // Commerce. – 1928. – № 16. – P. 83–97.

117 *Mirsky D. S.* Pushkin // The Slavonic Review. – 1923 (June). – Vol. 2. – № 4. – P. 71–84.

118. *Mirsky D. S.* Pushkin. – London: George Routledge – New York: E. P. Dutton, 1926. (Republic of Letters Series, ed. W. Rose). . – V, 266 p.

119. *Mirsky D. S.* Pushkin. Introd. G. Siegel. – New York: E. P. Dutton, 1963. – XII, 288 p.

120. *Mirsky D. S.* Recent Books on Pushkin and His Times // The Slavonic Review. – 1922. – Vol. 1. – № 2. – P. 475–478.

121. *Mirsky D. S.* Recent English translations of contemporary Russian fiction // The Slavonic and East European Review. – 1931. – Vol. 9. – № 19. – P. 752–763.

122. *Mirsky D. S.* Recent Foreign Books (*M. Praz.* Poeti inglesi dell' Ottocento. Firenze, 1925; *M. Praz.* La Fortuna di Byron in Inghilterra. Firenze, 1925; *G.*

Prezzolini. La Culture italienne. Trad. G. Bourgin. Paris, 1925; *M. Gorki.* Lénine et le paysan russe. Trad. M. Dumesnil de Gramont. Paris, 1925; *A. Germain.* De Proust à Dada. Paris, 1924; *J. Romains.* Le Mariage de Le Trouhadec La Scintillante. Paris, 1925.) // The London Mercury. – 1925. – № 13. – P. 442–444.

123. *Mirsky D. S.* Recent Publications in Russia // The Slavonic Review. – 1926 (December). – Vol. 5. – № 14. – P. 459–460.

124. *Mirsky D. S.* Recent Russian Anthologies // The Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 255–257.

125. *Mirsky D. S.* The Present State of Russian Letters // The London Mercury. – 1927. – № 16. – P. 275–286.

126. *Mirsky D. S., Prince*. Through Foreign Eyes (An address delivered at the annual meeting of the Bronte' Society, Leeds, 3 March) // Bronte' Society Publications. – 1923. – Vol. 6. – № 33. – P. 147–152.

127. *Mirsky D. S.* Tolstoy (1828 – 28 August / 9 September – 1928) // The Slavonic and East European Review. 1928 (June). Vol. 7. № 19. P. 77–80.

128. *Mirsky D. S.* T. S. Eliot et la fin de la poesie bourgeoise // Echanges. – 1931. – № 5. – P. 44–58.

129. *Mirsky D. S.* Uncollected Writings on Russian Literature. Edited, with an Introduction and Bibliography, by G.S. Smith. Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1989. (Modern Russian Literature and Culture, Studies and Texts, vol. 13). – 406 p.

130. *Mirsky D. S.* [Rev.] Problems of Poetics (Voprosy Poetiki), a non-periodical series, published by the Department of Literature (Slovesnykh Iskusstv–literally, Verbal Arts). No. IV. Through Literature (Skvoz' Literaturu), by B. M. Eichenbaum. Leningrad, 1924. No. V. The Problem of Poetical Language (Problema Stikhotvornago Yazyka), by Yu. Tynyanov. Leningrad, 1924 // The Slavonic Review. – 1924 (June). – Vol. 3. – № 7. – P. 227–228.

131. *Mirsky D. S.* Russian Literature since 1917 // The Contemporary Review. – 1922. – № 122. – P. 205–211.

132. *Mirsky D. S.* The Background of the Russian Films // The London Mercury. – 1931. – № 24. – P. 53–64.

133. *Mirsky D. S.* The Revival of Russian Fiction // The Nation and the Athenaeum. – 1925. – 14 March. – P. 811–812.

134. *Mirsky D. S.* Valery Bryusov // The Slavonic Review. – 1924 (December). – Vol. 3. – № 8. – P. 441–443.

135. *Mirsky D. S.* Vladimir Mayakovsky (1893 – 14 April, 1930) // The Slavonic and East European Review. – 1930 (June). – Vol. 9. – № 25. – P. 220–222.

136. *Mirsky D.S.* [Rev.] Volya Rossii, a Journal of Politics and Culture. Edited by V. I. Lebedev, M. L. Slonim, E. A. Stalinsky, and V. V. Sukhomlin. Fourth Year. Prague. 1925 // The Slavonic Review. – 1925 (June). – Vol. 4. – № 10. – P. 254–255.

137. *Mirsky D. S.* [Rev.] Voprosy Poetiki (Problems of Poetics): an unperiodical series, published by the Department of History of the Verbal Arts in the Russian Institute for the History of the Arts (Razryad Istorii Slovesnykh Iskusstv Rossiyskogo Instituta Istroii Iskusstv). Vol. 1. – Gogol's Technique of the Comic (Tekhnika Komicheskogo u Gogol'a). By A. Slonimsky. Petr., 1923. Vol. 2. – Russian Prosody (Russkoe Stikhoslozhenie). By V. Tomashevsky. Petr., 1923. Vol. 3. Rhyme, its History and Theory (Rifma, ee Istoria i Teoria). By V. Zhirmunsky. Petr., 1923 // The Slavonic Review. – 1924 (March). – Vol. 2. – № 6. – P. 658–659.

138. *Mirsky D. S*. Why I Became a Marxist // Daily Worker. – 1931. – 30 June. – P. 2.

139. *D.S.M.* Chekhov // Encyclopædia Britannica: The Three New Supplementary Volumes constituting with the Volumes of the Latest standard Edition the Thirteenth Edition. – L.; N. Y., 1926. – Vol. I. – P. 572–573.

140. *D.S.M.* [Rev.] Cheshsky Kukolny i Russky Narodny Teatr. By Petr Bogatyrev. (The Marionette Theatre of the Czechs and the Russian Folk-Theatre.) Berlin, 1923 // The Slavonic Review. – 1923 (December). – Vol. 2. – № 5. – P. 460–461.

141. *D.S.M.* Dostoevski // Encyclopædia Britannica. 14e ed. – L.; N. Y., 1929. – Vol. VII. – P. 546–547.

142. *D.S.M.* [Rev.] Formalizm v Russkom Literaturovedenii (Formalism in Russian Literary Studies). By Professor N. I. Etimov. Smolensk, 1929. (Reprint from

the Bulletin of Smolensk University.); [Anon.] Zapadnaja Belorussija na skam'e podsudimyx. Minsk, 1929 // The Slavonic and East European Review. – 1930 (March). – Vol. 8. – № 24. – P. 736.

143. *D.S.M.* [Rev.] G. A. Sengeli. Traktat o russkom stixe. Moskva–Petrograd, 1923 // The Slavonic Review. – 1924 (March). – Vol. 2. – № 6. – P. 657.

144. *D.S.M.* Gorki // Encyclopædia Britannica. 14e ed. – L.; N. Y., 1929. – Vol. X. – P. 532.

145. *D.S.M.* England // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – №. 1–2. – S. 112–114.

146. *D.S.M.* Englische Rossica [Kulturchronik] // Slavische Rundschau. – 1930. Februar. – Bd. 2. – № 2. – S. 158–159.

147. *D.S.M.* [Rev.] M. P. Alekseev. Voltaire et Schouvaloff: Fragments inedits d'une correspondance franco-russe au XVIII siecle. Odessa, 1928; M. P. Alekseev. Etjudy o Marlinskom. Irkutsk, 1928; Sibir' v romane Defo. Irkutsk, 1928 // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 551–552.

148. *D.S.M.* [Rev.] N. von Arseniew. Die Russische Literatur der Neu Zeit und Gegenwart in ihren Geistigen Zusammenhangen. Mainz // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 490–491.

149. *D.S.M.* [Rev.] Nachala: Zhurnal istorii literatury i istorii obshchestvennosti. (First Principles: A Review of Literary and Social History) by The Academicians S. Oldenburg; S. Platonov // The Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 266–267.

150. *D.S.M.* Russian Literature. // Encyclopædia Britannica. 14th edn. – L.; N. Y., 1929. – Vol. XIX. – P. 751–758.

151. *D.S.M.* Tolstoy // Encyclopædia Britannica. 14e ed. – L.; N. Y., 1929. – Vol. XXII. – P. 273–275.

152. *D.S.M.* Turgenev // Encyclopædia Britannica. 14e ed. – L.; N. Y., 1929. – Vol. XXII. – P. 586.

153. *D.S.M.* [Rev.] Valery Bryusov i nasledie Pushkina. (Bryusov and the Legacy of Pushkin). V. Zhirmunsky. Petrograd («Elzevir»). 1922 // The Slavonic Review. – 1922 (June). – Vol. 1. – № 1. – P. 266.

154. *D.S.-M.* [Rev.] V. Ja. Kirpotin. Radikal'nyj Raznocinec: D. I. Pisarev. Leningrad // Slavische Rundschau. – 1929. – Bd. 1. – S. 829.

155. *D.S.Mi.* Russian Literature // Encyclopædia Britannica: The Three New Supplementary Volumes constituting with the Volumes of the Latest standard Edition the Thirteenth Edition. – L.; N. Y., 1926. – Vol. III. – P. 435–439.

156. *Smith G. S.* D. S. Mirsky: Four letters to Ariadna Tyrkova Williams (1926), with an Unpublished Review by Ariadna Tyrkova Williams (1924) // Slavonic and East European Review. – 1993. – Vol. 71. – № 3. – P. 482–489.

157. *Smith G. S.* D. S. Mirsky to Dorothy Galton: Forty Letters from Moscow (1932–1937) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1996. – Vol. 29. – P. 93–131.

158. *Smith G. S.* D. S. Mirsky: Two Letters to Elizaveta Polonskaia (1935, 1936) on Translating Kipling and Christina Rossetti // Slavonic and East European Review. 1995. – Vol. 73. – № 3. – P. 490–498.

159. *Smith G. S.* The Correspondence of D. S. Mirsky and Michael Florinsky, 1925–<19>32 // Slavonic and East European Review. – 1994. – Vol. 72. – № 1. – P. 115–139.

160. *Smith G. S.* The Letters of D. S. Mirsky to P. P. Suvchinskii, 1922–1931. – Birmingham, 1995. – 238 p. – (Birmingham Slavonic Monographs, No. 26).

161. *Smith G. S.* D. S. Mirsky and Hugh McDiarmid: A Relationship and an Exchange of Letters (1934) // Slavonica. – 1996–1997. – Vol. 3. – № 2. – P. 49–60.

162. *Smith G. S., Davies R.* D. S. Mirsky: Twenty-Two Letters (1926–<19>34) to Salomeya Halpern, Seven Letters (1930) to Vera Suvchinskaya (Traill) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1997. – Vol. 30. – P. 89–120.

163. *Smith G. S., Kaznina O.* D. S. Mirsky to Maksim Gorky: Sixteen Letters (1928–1934) // Oxford Slavonic Papers. New Series. – 1993. – Vol. 26. – P. 87–103.

164. *Sv'atopolk-Mirskij D.* Der Russische Historische Roman der Gegenwart // Slavische Rundschau. – 1932. – Bd. 4. – S. 10–17.

165. *Sv'atopolk Mirskij D.* Die Literatur der Russischen Emigration // Slavische Rundschau. – 1929. April. – Bd. 1. – № 4. – S. 290–294.

166. *Sv'atopolk-Mirskij D.* Dostojevskij im Westen – I: Dostojevskij in Frankreich und England // Slavische Rundschau. – 1931. – Bd. 3. – S. 310–318.

Литература

167. *Автономова Н. С.* «Славянское обозрение»: научные споры и культурная дипломатия // *Автономова Н. С.* Открытая структура: Якобсон – Бахтин – Лотман – Гаспаров. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.– С. 59–74. – (Российские Пропилеи).

168. *Адамович Г. В.* Собр. соч.: в 18 т. Т. 2: Литературные беседы («Звено»: 1923–1928) / вступ. ст., сост., подгот. текста и примеч. О. А. Коростелева. – М.: Изд-во «Дмитрий Сечин», 2015. – 784 с.

169. *Айхенвальд Ю.* Силуэты русских писателей / Предисл. В. Крейда. М.: Республика, 1994. – 591 с. – (Прошлое и настоящее).

170. *Бахтин Н. М.* Философия как живой опыт. Избранные статьи. Сост., предисловие, комментарии С. Федякина. – М.: Лабиринт, 2008. – 240 с.

171. *Бем А. Л.* Исследования. Письма о литературе / Сост. С. Г. Бочарова; Предисл. и коммент. С. Г. Бочарова и И. З. Сурат. М.: Языки славянской культуры, 2001. – 448 с. – (Studia philologica).

172. *Бем А. Л.* Письма о литературе / Alfred Ljudvigovic Bern. Dopisy o literature. Сост. и предисл. Милуша Бубеникова и Ленка Вахаловска, подгот. текста Любови Белошевекой, Милуши Бубениковой, Милуши Задражиловой, прим. Любови Белошевской и Милуши Бубениковой. – Praha: Slovansky ustav, Euroslavica, 1996. – 366 с.

173. *Берлин И.* История свободы. Россия. 2-е изд. / Предисловие А. Эткинда. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – 544 с.

174. Библиотека великих писателей. Пушкин / под ред. проф. С. А. Венгерова. [В 6 т.] Т. 1–6. – Пг.: Издание Брокгауз – Ефрон, 1915.

175. *Бирюков А. М.* Жизнь на краю судьбы. Писатели на Колыме: биограф. очерки. – Новосибирск: Свиньин и сыновья, 2006. – 922 с.

176. *Блок А. А.* Собрание сочинений в восьми томах / Под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. – М.–Л.: Государственное издательство художественной литературы, 1960–1963. – Т. 5. – 800 с.

177. *Богомолов Н.* [Рец.:] Святополк-Мирский Д. П. Поэты и Россия: Статьи, рецензии, портреты, некрологи / Сост., подг. текстов, прим. и вст. ст. В. В. Перхина. СПб.: «Алетейя», 2002. 384 с. Тираж 1200 экз. / Русское зарубежье.) // Toronto Slavic Quarterly. – 2002. – № 2. [Электронный ресурс]: URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/02/bogomolov2.shtml#mirsky (дата обращения: 08.09.2017).

178. *Бобров С. П.* Новое о стихосложении А. С. Пушкина: Трехдольный паузник у Пушкина; Разбор статьи В. Я. Брюсова о технике Пушкина; Добавления; Объяснительные примечания. – М.: Мусагет: Синодальная типография, 1915 . – 39 с.

179. *Боратынский Е. А.* Полное собрание сочинений: В 2 т. / Под ред. и с примеч. М. Л. Гофмана. – СПб.: Изд. Разряда изящной словесности Имп. акад. наук, 1914–1915. – Т. 1 – XC, 336 с.; Т. 2 – VI, 360 с. – (Акад. б-ка рус. писателей; Вып. 10–11).

180. *Брик О.* Звуковые повторы (Анализ звуковой структуры языка) // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып. 1–2. – Пг.: 18-ая Государственная Типография, 1919. – С. 58–98.

181. *Бунин И. А.* Публицистика 1918–1953 годов / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; вступ. ст. О. Н. Михайлова; коммент. С. Н. Морозова, Д. Д. Николаева, Е. М. Трубиловой. – М., 2000. – 640 с.

182. *Венцлова Т.* Собеседники на пиру: Литературоведческие работы. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 624 с.

183. *Вишняк М. В.* «Современные записки». Воспоминания редактора. – Bloomington: Indiana University Press, 1957. – 336 p. – (Indiana University Publications Graduate School Slavic and East European Series. Vol. 7.).

184. *Волошинов В.* Слово в жизни и слово в поэзии // Звезда. –1926. – № 6. – С. 244–267.

185. *Вэньфэй Л.* Д. П. Святополк-Мирский и его «История русской литературы» // Русская литература. – 2013. – № 3. – С. 203–212.

186. *Г. Л. [Лозинский Г. Л.]* «Горе от ума» в Англии // Звено. – 1926. – 31 января. – № 157. – С. 8.

187. *Г. Л. [Лозинский Г. Л.]* [Рец.:] Pushkin By Prince D. S. Mirsky. – London: George Routledge & Sons, Ltd; New-York: E. P. Dutton & Co. 1926. V+266 стр. in 8o // Звено. – 1926. – 28 февраля. – № 161. – С. 14.

188. *Гинзбург Л. Я.* Записные книжки. Воспоминания. Эссе. – СПб.: «Искусство–СПБ», 2002. – 768 с.

189. *Гиппиус З. Н.* Мечты и кошмар (1920–1925.) / Сост., вступ. статья, коммент. А. Н. Николюкина. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2002. – 560 с.

190. *Гиппиус З. Н.* Чего не было и что было. Неизвестная проза (1926–1930 гг.) / Сост., вступ. статья, комментарии А. Н. Николюкина. – СПб.: ООО «Издательство “Росток”», 2002. – 592 с.

191. *Глебов С.* Евразийство между империей и модерном: История в документах. – М.: Новое издательство, 2010. – 632 с. – (Новые границы).

192. *Грачева А. М.* Собúнные друзья протопопа Аввакума (А. Ремизов – П. Паскаль – В. Малышев – А. Панченко**) //** А. М. Панченко и русская культура: Сборник статей / Сост. С. А. Кибальника и А. А. Панченко; Предисловие С. А. Кибальника. – СПб.: «Пушкинский Дом», 2008. – С. 353–362.

193. *Гроссман Л.* Жанры литературной критики // Искусство. – 1925. – Т. 2. – С. 61–81.

194. *Грякалова Н. Ю.* Бессюжетная проза Бориса Пильняка 1910-х – начала 1920-х годов (генезис и повествовательные особенности) // Русская литература. – 1998. –№ 4. – С. 14–38.

195. *Грякалова Н. Ю.* Человек модерна. Биография – рефлексия – письмо. – СПб.: «Дмитрий Буланин», 2008. – 384 с.

196. *Грякалова Н., Симчич О.* Малые жанры в русской прозе XX века: Генезис и типология. – Perugia: Universita degli Studi di Perugia, 2003. – 161 с.

197. *Гумилев Н. С.* Письма о русской поэзии / Сост. Г. М. Фридлендер (при участии Р. Д. Тименчика); вступ. ст. Г. М. Фридлендера; подгот. текста, коммент. Р. Д. Тименчика. – М.: Современник, 1990. – 381 с. – (Библиотека «Любителям российской словесности»).

198. *Д.Ф. [Философов Д.В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Составлена кн. Д. П. Святополком-Мирским. Париж, 1924 // За свободу! – 1924. – 26 мая. – № 137 (1192). – С. 4.

199. *Депретто К.* Формализм в России: предшественники, история, контекст / Авториз. пер. с франц. В. Мильчина. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 328 с.

200. *Диксон В.* [Рец.:] Contemporary Russian Literature by Prince D. S. Mirsky. Alfred A. Knopf. New York 1926. Современная Русская Литература, Кн. Д. Святополк-Мирский. Изд. Альфред Кнопф. Нью-Йорк, 1926 // Благонамеренный. – 1926. – № 2. – С. 167–169.

201. *Дубин Б.* Классика, после и рядом: Социологические очерки о литературе и культуре. Сб. статей. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 345 с. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LXXXVIII).

202. *Дымшиц А. Л.* Александр Блок в работе над Пушкиным // Литературный архив: Материалы по истории литературы и общественного движения. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1938. – Вып. 1. – С. 352–358.

203. *Dionео [Шкловский И. В.].* «Он изрядно подшутил» // Последние новости. – 1926. – 25 августа. – № 1981. – С. 2–3.

204. *Егоров Б. Ф.* О мастерстве литературной критики. Жанры. Композиция. Стиль. – Л.: Советский писатель, Ленинградское отделение, 1980. – 318 с.

205. *Егоров О. Г.* Неакадемические истории русской литературы первой четверти XX века (П. А. Кропоткин, Р. В. Иванов-Разумник, Д. П. Святополк-Мирский) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – Тамбов, 2011. – № 1 (8). – С. 74–82.

206. *Ефимов М. В.* Д.П. Святополк-Мирский: нетипичный эмигрант в нетипичных обстоятельствах // Нансеновские чтения 2012 / Научн. ред. М. Н. Толстой. – СПб.: Санкт-Петербургский Институт истории РАН; ИКЦ «Русская эмиграция», 2014. – С. 354–366.

207. *Ефимов М. В.* К рецепции творчества И. А. Бунина в эмиграции: Д. П. Святополк-Мирский // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2011. – Том 70. – № 6. – С. 44–57.

208. *Ефимов М.В.* Литературная критика в журнале «Современные записки» (по новым материалам) // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. – 2014. – № 3 (38). – С. 7–19.

209. *Ефимов М.* Мирский как советский критик: стратегия / трагедия двусмысленности // Политика литературы – поэтика власти / Сб. статей; под ред. Г. Обатнина, Б. Хеллмана и Т. Хуттунена. – М.: Новое литературное обозрение, 2014. – С. 214–226.

210. *Ефимов М. В*. Д. П. Святополк-Мирский в газете «Евразия» (1928–1929 гг.): поиск синтеза «авторского канона» русской литературы с евразийской и марксистской идеологиями // Вестник Православного Свято-Тихоновского Гуманитарного Университета. Серия III: Филология. – 2015. Вып. 1 (41). – С. 39–52.

211. *Ефимов М. В.* Д. Святополк-Мирский: между аристократией и интеллигенцией // Ежегодник Дома русского зарубежья имени Александра Солженицына. 2013 / [отв. ред. Н. Ф. Гриценко]. – М.: Дом русского зарубежья имени Александра Солженицына, 2014. – С. 102–109.

212. *Ефимов М. В.* Статьи и рецензии Д. П. Святополк-Мирского в журнале “Slavische Rundschau” (1929–1932 // Литературный Факт. – 2016. – № 1–2. – С. 83–94.

213. *Ефимов М. В*. «Mirsky and I»: К вопросу о творческих связях В.В. Набокова и Д.П. Святополк-Мирского // Русская литература. – 2015. – № 2. – С. 241–251.

214. *Ефимов Н. И.* Формализм в русском литературоведении // Науч. известия Смоленского гос. ун-та. – 1929. – Т. 5. – Вып. 3. – С. 31–107.

215. *Efimov M.* La dimensione russa di «Commerce»: il principe D. Svjatopolk-Mirskij e E. Izvol'skaja / Ефимов М. Русское измерение «Commerce»: кн. Д. Святополк-Мирский и Е. Извольская [Рец.: Letters from D. S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Eds. Sophie Levie and Gerald S. Smith. Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015] // Enthymema. – 2015. – № 13. [Электронный ресурс]: URL: http://riviste.unimi.it/index.php/enthymema/article/view/6706 (дата обращения: 20.11.2017).

216. *Жирмунский В. М.* Теория литературы. Поэтика. Стилистика / Отв. ред. Ю. Д. Левин, Д. С. Лихачев; изд. подг. Н. А. Жирмунской. – Л.: Издательство «Наука», Ленинградское отделение, 1977. – 406 с.

217. *Жуковский А. Ю.* Т. С. Элиот как арбитр поэзии: Литературная критика 1920-х – 1930-х гг. Дис. … канд. филол. наук. – М., 2014. – 192 с.

218. *Зенкин С. Н.* «Поколение»: Опыт деконструкции понятия // Поколение в социо-культурном контексте XX века. – М.: Наука, 2005. – С. 130– 136.

219. *Зубарев Д. И.* Князь и вождь (исследование). – М., 2015. [Электронный ресурс]: URL: http://scepsis.net/library/id_3720.html (дата обращения: 05.09.2017).

220. *Иванова Е. В.* «Скифы» А. Блока и идеология евразийства // Записки Русской академической группы в США = Transactions of the Association of Russian-American scholars in the USA. – 2011–2012. – Vol. XXXVII. – P. 304–317.

221. Из переписки В. Ф. Ходасевича с Мережковскими // Вступ. ст., публ. и коммент. Н. А. Богомолова // Новое литературное обозрение. – 2008. – № 90. – С. 115–119.

222. Из переписки Н. Ф. Федорова с В. А. Кожевниковым. О Туркестане. <Публикация> S. <Сетницкого Н.А.> // Версты. – 1928. – № 3. – С. 278–288.

223. *<Измайлов Н. В., Модзалевский Б. Л.>* Пушкин: Очерк жизни и творчества. – Л.;. М.: Петроград, 1924. – 115 с.

224. История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / Под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 792 с.

225. *К. В. [Мочульский К. В.]* Новое о Пушкине // Звено. – 1924. – 28 января. – № 52. – С. 3.

226. *К.В. [Мочульский К. В.]* [Рец.:] Русская лирика. Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака. Составлял кн. Святополк-Мирский. Изд-во «Франко-русская печать». Париж 1924 // Звено. – 1924. – 11 февраля. – № 54. – С. 4.

227. *К. В. [Мочульский К. В.]* [Рец.:] The life of the Archpriest Avvakum by himself. Translated from the seventeenth century Russian by Jane Harrison and Hope Mirrlees with a preface by Prince D. P. Mirsky. London 1924 // Звено. – 1925. – 27 апреля. – № 117. – С. 4.

228. *Казаркин А. П.* Русская литературная критика XX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2004. – 350 с.

229. *Казнина О. А.* «Версты»: литературный журнал левых евразийцев // Литература русского зарубежья, 1920–1940. Выпуск 5 / <отв. ред. Ю.А. Азаров.) – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – С. 129–146.

230. *Казнина О. А.* [Рец.] Д. Мирский о русской литературе (D. S. Mirsky. Uncollected Writings on Russian Literature / Ed. with an Introd. and Bibliography by G. S. Smith. Berkeley, 1989) // Вопросы литературы. – 1990. – № 1. – С. 218–233.

231. *Казнина О.* Д. П. Святополк-Мирский и евразийское движение // Начала: религиозно-философский журнал. – 1992. – № 4. – С. 81–88.

232. *Казнина О.* Дж. Смит о литературе русского зарубежья: Д.П. Святополк-Мирский // Славяноведение. – 2000. – № 4. – С. 39–45.

233. *Казнина О. А.* Русские в Англии: Русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века. – М.: Наследие (ИМЛИ РАН), 1997. – 416 с.

234. *Каспэ И.* Искусство отсутствовать: незамеченное поколение русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2005. – 191 с. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LII).

235. *Клятис-Сергеева А. Ю.* Сумерки свободы: Борис Пастернак в критике 1920-х годов. – [М.:] Азбуковник, 2016. – 398 с.

236. *Коростелев О. А.* От Адамовича до Цветаевой: Литература, критика, печать Русского зарубежья. – СПб.: Издательство им. Н.И. Новикова; Издательский дом «Галина скрипсит», 2013. – 489 с.

237. *Корш Ф. Е.* Разбор вопроса о подлинности окончания «Русалки» Пушкина по записи Д.П. Зуева // Известия Отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. – 1898. – Т. III. – Кн. 3. – С. 633–785.

238. *Kozovoï V.* Из переписки Б. Пастернака и П. Сувчинского // Revue des études slaves. – Tome 58. – Fascicule 4. – P. 637–648.

239. *Крайний А. <Гиппиус З. Н.>* Литературная запись: О молодых и средних // Современные записки. – 1924. – № 19. – С. 243–248.

240. *Крайний А. <Гиппиус З. Н.>* О «Верстах» и прочем // Последние новости. – 1926. – 14 августа. – № 197. – С. 2–3.

241. Краткая литературная энциклопедия / Гл. ред. А. А. Сурков. – Т. 4: Лакшин – Мураново. – М.: Советская энциклопедия, 1967. – 1024 стб.

242. *Красавченко Т. Н.* Английская литературная критика XX века. – М.: ИНИОН РАН, 1994. – 282 с.

243. *Красавченко Т. Н.* Мирский Д. П. // Литературная энциклопедия русского зарубежья (1918–1940). <Т. 1.> Писатели русского зарубежья. – Ч. II. – М.: РОССПЭН, 1997. – С. 267–269.

244. *Кривенкова М.* Лев Толстой в восприятии Святополка-Мирского // Русская филология. 13: Сборник научных работ молодых филологов: Памяти Елены Швайковской / Отв. ред.: Т. Кузовкина (литературоведение), О. Паликова (лингвистика). – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2002. – С. 116–123.

245. Критика русского зарубежья. В 2-х тт. Сост., прим., преамбулы О. Коростелева, Н. Мельникова. – М.: Олимп, 2002. – Т. 1 – 471 с. Т. 2 – 462 с.

246. *Купман К. А.* Блок – участник венгеровского издания Пушкина: Статья первая // А. Блок и основные тенденции развития литературы начала XX века. – Тарту, 1986. – С. 62–75. – (Учен. зап. Тарт. ун-та. Вып. 735. Блоковский сб. 7).

247. *Купман К. А.* Блок – участник венгеровского издания Пушкина: Статья 2 // Блоковский сб. / Каф. рус. лит. Тарт. ун-та. [Т.] 12: Русская культура XX века: Метрополия и диаспора. – Тарту, 1996. – С. 15–38.

248. *Лавров А. В.* В. М. Жирмунский в начале пути // Русское подвижничество / Сост. Т. Б. Князевская; отв. ред. Б. В. Раушенбах. – М.: Наследие, 1996. – С. 337–352.

249. *Лавров А. В.* «Рожденные в года глухие»: Александр Блок и З. Н. Гиппиус // *Лавров А. В.* Этюды о Блоке. – СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2000. – С. 261–265.

250. *Лавров В. А.* «Духовный озорник»: К портрету князя Д. П. Мирского, критика и историка литературы // Русская литература. – 1994. – № 4. – С. 134–141.

251. *Левченко Я. С.* Другая наука: Русские формалисты в поисках биографии / Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 304 с. – (Исследования культуры).

252. *Ли Су Ен.* Спор эстетики и политики (полемика 1920–1930-х годов вокруг «Конармии» и «Одесских рассказов» И. Бабеля) // Русская литература. – 2004. – № 3. – С. 212–219.

253. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / Под общ. ред. О. Н. Михайлова; Отв. ред. Ю. А. Азаров. – Вып. 3. – М.: ИМЛИ РАН, 2004. – 592 с.

254. Литература русского зарубежья, 1920–1940 / < отв. ред. Ю. А. Азаров.> – Выпуск 5. – М.: ИМЛИ РАН, 2013. – 544 с.

255. Литературная энциклопедия Русского Зарубежья (1918–1940): 3 т. Т. 2: Периодика и литературные центры / РАН Ин-т науч. информации по общест. наукам; Гл. ред. и сост. А.Н. Николюкин. – М. : РОССПЭН, 2000. – 639 с.

256. *Львов В. А.* Литературная критика формальной школы (Ю. Н. Тынянов, В. Б. Шкловский, Б. М. Эйхенбаум). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, Факультет журналистики, Кафедра литературно-художественной критики и публицистики, 2014. – 26 с.

257. Литературный энциклопедический словарь. Под редакцией В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. – М.: Советская энциклопедия. М., 1987. – 752 с.

258. *М.* [Рец.] Е. В. Аничков. Западные литературы и славянство. Очерк первый. Перепутье и разрыв XI–XV вв. Прага: Пламя, 1926 // Благонамеренный. 1926. Январь–февраль. – № 1. – С. 167–168.

258. *Мандельштам О. Э.* Сочинения. В 2-х т. Т. 2. Проза / Сост. и подгот. текста С. Аверинцева и П. Нерлера; Коммент. П. Нерлера. – М.: Худож. лит., 1990. – 464 с.

259. *Мартынов Г. Г.* Материалы к росписи содержания сериальных изданий русского зарубежья (после 1917 г.). Версты // Петербургская библиотечная школа: журнал. – СПб.: Библиотека Российской академии наук, 2003. – Вып. № 3. – С. 34–48.

260. *Михайлова М. В.* Литературная критика: эволюция жанровых форм // Поэтика русской литературы конца XX – начала XX века. Динамика жанра. Общие проблемы. Проза. / [Научные ред. В. А. Келдыш, В. В. Полонский]. – М.: ИМЛИ РАН, 2009. – С. 620–704.

261. *Мочульский К. В.* Классицизм в современной русской поэзии [Рец. на кн.: Гумилев Н. С. Огненный столп. Пб.: Петрополис, 1922; Кузмин М. А. Эхо: Стихи. Пб.: Картонный домик, 1921; Кузмин М. А. Нездешние вечера. Пб.: Петрополис, 1921; Маслов Г. В. Аврора: Поэма. Пб.: Картонный домик, 1922; Рождественский В. А. Золотое веретено: Стихи. Пб.: Петрополис, 1921; Иванов Г. В. Сады: Третья книга стихов. Пб.: Петрополис, 1921; Адамович Г. В. Чистилище: Стихи. Книга вторая. Пб.: Петрополис, 1922] // Современные записки. – 1922. – № 11. – С. 368–379.

262. *Мочульский К.* Русская поэзия за границей в 1924 г. // Временник Общества друзей русской книги (Париж). – 1925. – № 1. – С. 65–67.

263. *Николаев Д. Д.* Н. С. Лесков в восприятии русского зарубежья 1920-х гг // Горький, Шмелев, Тэффи и другие. Юбилейный сборник к восьмидесятилетию Лидии Алексеевны Спиридоновой. – М.: Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН, 2015. – С. 205–229.

264. *Николаев Н. И.* М. М. Бахтин, Невельская школа философии и культурная история 1920-х годов // Бахтинский сборник. – Вып. 5 / Отв. ред. В. Л. Махлин. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – С. 210–280.

265. *Никольский Ю.* Материалы по Фету. 1. Исправления Тургеневым фетовских «Стихотворений», 1850 г. // Русская мысль (София). – 1921. – Кн. 8–9. – Август-сентябрь. – С. 211 – 227.

266. *Обатнин Г.* «Восьмидесятники» и «потерянное поколение 1914 года» // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LXXV). – С. 450–483.

267. *Осовский О.* Николай Бахтин на страницах журнала “Звено” (1926–1928) // Культурное наследие российской эмиграции 1917–1940: в 2-х кн. / под общ. ред. Е. П. Челышева, Д. М. Шаховского. – М.: Наследие, 1994. – Кн. 2. – С. 167–181.

267. *Осоргин М. А.* [Рец.:] Шкловский В. Б. Zoo, или Письма не о любви. Берлин: Геликон, 1923 // Современные записки. – 1923. – № 17. – С. 486–488.

268. <От редакции> // Версты. – 1926. – № 1. – С. 6.

269. От редакции // Версты. – 1928. – № 3. – С. 5–6.

270. Отклики русских писателей на резолюцию XIII съезда РКП // Версты. – 1926. – № 1. – С. 193–205.

271. *Перхин В. В.* Арест, допросы и реабилитация Д. П. Святополк-Мирского (по архивным материалам) // Русская литература. – 1997. – №1. – С. 220–237.

272. *Перхин В. В.* Короткая рецензия Д. П. Святополк-Мирского // Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика : Сб. ст. и материалов [Науч. конф., 25–26 сент. 2002 г., С.-Петерб. гос. ун-т] / Ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – С. 110–121.

273. *Перхин В. В.* О единстве русской литературной критики (1917–1937): По материалам наследия Д. П. Святополк-Мирского // Вестник С.-Петерб. ун-та. Сер. 2: История, языкознание, литературоведение. – 1994. – Вып. 3. – С. 57–64.

274. *Перхин В. В.* О рецензиях Д. П. Святополк-Мирского в газете «Евразия» // Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. ст / ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – С. 100–105.

275. *Петрова Т. Г.* Литературная критика русской эмиграции первой волны. Современные отечественные исследования. Аналитический обзор обзор / Российская акад. наук, Ин-т научной информации по общественным наукам. – М.: ИНИОН РАН, 2010. – 137 с. – (Теория и история литературоведения).

276. *Петрова Т. Г.* Обсуждение природы литературной критики в эмигрантской прессе // Русское зарубежье: История и современность: Сб. ст. / РАН. ИНИОН. Центр комплексных исслед. рос. эмиграции; Ред. кол.: Мухачёв Ю.В. (гл. ред.) и др. – М., 2014. – Вып. 3 / Ред.-сост. вып. Мухачёв Ю.В., Петрова Т.Г. – С. 128–133.

277. *Петкова Г.* «Школьный канон» П. М. Бицилли: взгляд рецензентов // Детские чтения. – 2014. – № 1. – С. 72 –94.

278. Письма В. В. Набокова к Г. П. Струве. 1925–1931. Часть первая. Публикация Е. Б. Белодубровского и А. А. Долинина. Вступительная заметка и комментарии А. А. Долинина // Звезда. – 2003. – № 11. – С. С.115– 150.

279. Письма Сергея Эфрона Евгению Недзельскому / Публ. Л. В. Зубовой. Примеч. Е. И. Лубянниковой, Л. В. Зубовой, Е. Б. Коркиной, Г. <Б.> Ванечковой. – Abo/Turku: Abo Akademi, 1994. – 184 с.

280. *Прайс Н. Ю.* Публицистическая деятельность Д. П. Святополк-Мирского 1919–1932 гг.: творческая индивидуальность в контексте развития русской эмигрантской периодики. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук. – Краснодар, 2015. – 26 с.

281. *Пушкин А. С.* Письма к жене / Изд. подгот. Я. Л. Левкович; Отв. ред. А. Л. Гришунин; АН СССР. – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1986. – 262 с.

282. Пушкин и культура русского зарубежья: Международная научная конференция, посвященная 200-летию со дня рождения / Сост. М. А. Васильева. – М.: Русский путь, 2000. – 408 с. – (Библиотека-фонд «Русское Зарубежье»: Материалы и исследования. Вып. 2).

283. *Резникова Н. В.* Огненная память. Воспоминания о Алексее Ремизове. – Berkeley: Berkeley Slavic Specialties, 1980. – 152 p. – (Modern Russian literature and culture. Studies and texts. Volume 4).

284. Речи о Пушкине, 1880–1960-е годы / Сост., подгот. текстов и коммент. В. С. Непомнящего, М. Д. Филина; Послесл. В. С. Непомнящего. – М.: Текст, 1999. – 390 с.

285. *Rogachevskaya E.* Британские интеллектуалы и русские медведи («Житие протопопа Аввакума» на английском языке») // Jews and Slavs. Vol. 14: Judaeo-Slavica et Russica. Festschrift Professor Ilya Serman. – Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2004. – С. 49–60.

286. *Рогачевский А.* И. А. Бунин и «Хогарт Пресс» // И. А. Бунин: Новые материалы. Вып. 1 / Сост., ред. О. Коростелева и Р. Дэвиса. – М.: Русский путь, 2004. – С. 333–353.

287. *Розанов И. Н.* Русская лирика. От поэзии безличной – к исповеди сердца. Историко-литературные очерки. – М.: Задруга, 1914. – 417 с.

288. *Ронен О.* Заглавия. Четвертая книга из города Энн: Сборник эссе. – СПб.: ООО «Журнал “Звезда”», 2013. – 400 с.

289. Русская лирика: Избранные произведения русской поэзии от Ломоносова до наших дней / Сост. Владислав Ходасевич. – М.: «Польза», В. Антик и К°, 1914. – 299 с. – (Универсальная библиотека; № 597–599).

290. Русский литературный портрет и рецензия: Концепции и поэтика: Сб. ст / ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2000. – 127 с.

291. Русский литературный портрет и рецензия в XX веке: Концепции и поэтика: Сб. ст. и материалов [Науч. конф., 25–26 сент. 2002 г., С.-Петерб. гос. ун-т] / Ред.-сост. В. В. Перхин. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2002. – 149 с.

292. *Саакянц А. А.* Журнал «Версты» // Новый журнал. – 1991. – № 183. – С. 211–217.

293. *Садовской Б. А.* Лебединые клики / сост., послесл. и коммент. С. В. Шумихина. – М.: Советский писатель, 1990. – 475 с.

294. *Садовской Б.* Л. А. Мей // Русская мысль. – 1908. – № 7. – С. 145–155.

295. *Сегал Д. М.* Пути и вехи: Русское литературоведение в двадцатом веке. – М.: Водолей, 2011. – 280 с.

296. *Сеземан В. Е.* Эстетическая оценка в истории искусства // Мысль. – 1922. – № 1. – С. 117– 147.

297. *Сеземан В. Э.* Искусство и культура (к проблеме эстетики) // Версты. – 1927. - № 2. – С. 185–204.

298. С*еземан В.* [Рец.] Путь, орган русской религиозной мысли. № 4, июнь – июль 1926 // Версты. – 1927. - № 2. – С. 275–280.

299. *Сеземан В.* [Рец.] А. Ф. Лосев. Философия вмени. Москва, 1927 г. 254 стр. Издание автора; А. Вейдеман. Мышление и бытие (Логика достаточного основания). 327 стр. Рига, 1927 г. // Версты. – 1928. - № 3. – С. 163–172.

300. С*еземан В.* [Рец.] «Путь», орган русской религиозной мысли. № 5 (октябрь–ноябрь 1926 г.) и № 6 (январь 1927 г .) // Версты. – 1928. - № 3. – С. 175–181.

301. *Сетницкий Н. А.* Капиталистический строй в изображении Н. Ф. Федорова // Версты. – 1928. – № 3. – С. 259–277.

302. Смерть Владимира Маяковского. – Берлин: Петрополис, 1931. – 66 с.

303. *Смит Дж.* Взгляд извне: Статьи о русской поэзии и поэтике / Пер. М. Л. Гаспарова и Т. В. Скулачевой. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – 528 с. – (Studia poetca).

304. *Смит Д.* «О современном состоянии русской поэзии» и путь Д. П. Святополка-Мирского // Новый журнал. – 1978. – № 131. – С. 111–115.

305. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – Т. 1. – М.: Новое литературное обозрение, 2011. – 952 с.

306. «Современные записки» (Париж, 1920–1940). Из архива редакции / Под редакцией Олега Коростелева и Манфреда Шрубы. – Т. 3. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 1016 с.

307. *Сорокина Н. В.* Д.П. Святополк-Мирский о Г. Р. Державине // XII Державинские чтения. Институт русской филологии. – Тамбов Изд-во ТГУ им. Г. Р. Державина, 2008. – С. 30–32.

308. *Степун Ф. А.* [Рец.] «Благонамеренный». Журнал русской литературной культуры. Книга II // Современные записки. – 1926. – № 28. – С. 483–486.

309. *Степун Ф. А*. [Рец.] Шкловский В. Б. Сентиментальное путешествие: Восп. 1917–1922. М., Берлин: Геликон, 1923 // Современные записки. – 1923. – № 16. – С. 411–414.

310. *Струве Г*. Из моего архива // Мосты. – 1970. – № 15. – С. 396–412.

311. *Струве Г. П.* Кн. Д. П. Святополк-Мирский о русской поэзии в 1922 году // Новый журнал. – 1978. – № 131. – С. 78–79.

312. *Струве Г. П.* Русская литература в изгнании. – 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б.Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. Вступ. ст. К. Ю. Лаппо-Данилевского. – Париж: YMCA-Press; М.: Русский путь, 1996. – 448 с.

313. *Сухих И. Н.* Русский литературный канон XX века: формирование и функции // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2016. – Том 17. – Выпуск 3. – С. 329–336.

314. *Тиханов Г.* Миша и Коля: Брат-Другой (пер. с англ. Е. Канищевой и А. Полякова) // Новое литературное обозрение. – 2002. – № 5 (57). – С. 54–68.

315. *Томашевский Б. В.* Ритмика четырехстопного ямба по наблюдениям над стихом «Евгения Онегина» // Пушкин и его современники: Материалы и исследования / Комис. для изд. соч. Пушкина при Отд-нии рус. яз. и словесности Рос. акад. наук. – Пг.: Тип. Рос. акад. наук, 1918. – Вып. 29/30. – С. 144–187.

316. *Томашевский Б. В.* Пятистопный ямб Пушкина // Очерки по поэтике Пушкина. – Берлин: Эпоха, 1923. – С. 7–143.

317. Трижды услышанный шум: Рецензии на книгу «Шум времени». Вступит. заметка и публ. К. Поливанова // Литературное обозрение. – 1991. – № 1. – С. 55–58.

318. *Туринцев А.* Опыт обзора // Версты. – 1926. – № 1. – С. 213–228.

319. *Тынянов Ю.* Конец // Версты. – 1927. – № 2. – С. 92–103.

320. *Тынянов Ю.* Литературное сегодня // Русский современник. – 1924. – № 1 [май]. – С. 291–306.

321. *Тынянов Ю.* О литературном факте // ЛЕФ. – 1924. – № 2 (6). – С. 101–116.

322. *Тынянов Ю. Н.* Поэтика. История литературы. Кино / Подг. изд. и комментарии Е. А. Тоддеса, А. П. Чудакова, М. О. Чудаковой. – М.: Наука, 1977. – 575 с.

323. *Тынянов Ю.* Промежуток // Русский современник. – 1924. – № 4 [декабрь]. – С. 209–221.

324. Указатель содержания журнала «Русский современник» / Сост. М. А. Николаева // Новое литературное обозрение. – 1997. – № 26. – С. 371–376.

325. *Ушакова О. М.* Т. С. Элиот как автор и издатель литературных журналов // Вестник ПСТГУ. Серия III: Филология. – 2011. – Вып. 1 (23). – С. 145–150.

326. *Федотов Г. П.* Собрание сочинений в 12 т. Т. 5: И есть, и будет / Примеч. С. С. Бычков. – М.: Sam & Sam, 2011. – 424 с.

327. *Флейшман Л.* Из пастернаковской переписки [Святополк-Мирский] // *Флейшман Л.* От Пушкина к Пастернаку. Избранные работы по поэтике и истории русской литературы. – М.: Новое литературное обозрение, 2007. – (Научное приложение. Вып. LVIII). – С. 668–676.

328. *Форстер Е. М.* Современная английская литература / Перев. с рукописи Д. С. М. // Версты. – 1927. – № 2. – С. 240–246.

329. *Ханзен-Лёве О. А.* Русский формализм. Методологическая реконструкция развития на основе принципа остранения. Пер. с нем. С. А.

Ромашко. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 669 с. – (Серия «Studia philologica»).

330. *Ходасевич В.* Брюсов (Отрывки из воспоминаний) // Современные записки. – 1925. – № 23. – С. 212–236.

331. *Ходасевич В.Ф.* Колеблемый треножник: Избранное / Сост. и подгот. текста Перельмутера В. Г.; Коммент. Беня Е. М.; Под общ. ред. Богомолова Н. А. – М.: Советский писатель, 1991. – 688 с.

332. *Ходасевич В.* О «Верстах» // Современные записки. – 1926. – № 29. – С. 433–441.

333. *Ходасевич В.* О формализме и формалистах // Возрождение. – 1927. – 10 марта. – № 646.

334. *Ходасевич В. Ф.* О чтении Пушкина // Современные записки. – 1924. – № 30. – С. 227–234.

335. *Ходасевич В. Ф.* Собрание сочинений: В 8 т. / Сост., подгот. текста, комм. Дж. Малмстада и Р. Хьюза; Вступ. статья Р. Хьюза. Т. 2: Критика и публицистика (1905–1927). – М.: Русский путь, 2010. – 720 с.

336. Хрестоматийные тексты: русская педагогическая практика XIX в. и поэтический канон. Редакторы тома А. Вдовин, Р. Лейбов. – Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus / University of Tartu Press, 2013. – 345 с. – (Acta Slavica Estonica IV. Труды по русской и славянской филологии. Литературоведение, IX).

337. *Хьюз Р.* Из писем П. П. Сувчинского к А. М. Ремизову 1920-х годов // На рубеже двух столетий: Сборник в честь 60-летия Александра Васильевича Лаврова / Сост. Вс. Багно, Дж. Малмстад, М. Маликова. – М.: Новое литературное обозрение, 2009. – (Научная библиотека: научное приложение; вып. LXXV). – С. 759–770.

338. *Цветаева М.* Поэт о критике // Благонамеренный. – 1926. – № 2. – Март-апрель. – С. 94–125.

339. *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы / Сост., подгот. текста и коммент. А. Саакянц и Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1994. – 720 с.

340. *Цветаева М.* Собрание сочинений: В 7 тт. Т. 7: Письма / Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. – М.: Эллис Лак, 1995. – 848 с.

341. *Цетлин М.* [Рец.:] Русская лирика: Маленькая антология от Ломоносова до Пастернака / Сост. Д. П. Святополк-Мирский. Париж: Франко-русская печать, 1924 // Современные записки. – 1925. – № 24. – С. 440–442.

342. *Черниговский Д. Н.* Биография А. С. Пушкина в литературоведении 1920–1930-х годов в СССР и русском зарубежье: генезис, эволюция, методология. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. – М.: ГОУВПО «Московский педагогический государственный университет», 2008. – 482 с.

343. *Черниговский Д. Н.* Первая биография Пушкина в русском зарубежье: О книге Д. П. Святополк-Мирского // Филологические науки. – 2008. – № 6. – С. 99–105.

344. *Чудакова М. О.* Социальная практика и научная рефлексия в творческой биографии Б. Эйхенбаума // Revue des études slaves. – 1985. – Tome 57. – Fascicule 1. – P. 27–43.

345. *Чудовский В.* Несколько мыслей к возможному учению о стихе (с примерным разбором стихосложения в первой главе «Евгения Онегина») // Аполлон. – 1915. – № 8/9. – С. 55–95.

346. *Шаховская З. А.* В поисках Набокова. Отражения / вступ. ст. П. М. Алешковский. – М.: Книга, 1991 . – 317 с.

347. *Шаховской Иоанн, архиепископ.* Биография юности: Установление единства. – Paris: YMCA Press, 1977. – 418 с.

348. *Шевеленко И. Д.* Литературный путь Цветаевой: идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи / Изд. 2-е, испр. и доп. – М.: Новое литературное обозрение, 2015. – 448 с.

349. *Шкловский В.* Бабель (Критический романс) // ЛЕФ. – 1924. – № 2 (6). – С. 152–155.

350. *Шкловский В.* Техника романа тайн // ЛЕФ. – 1924. – № 4 (август – декабрь). – С. 125–155.

351. *Эджертон В. П.* Приключения американского слависта в Советской России (О Лескове, Эйхенбауме, Громыко и о полезности «Правды») // Тыняновский сборник: Пятые тыняновские чтения / Отв. ред. М. О. Чудакова. – Рига: Зинатне – М.: Импринт, 1994. – С. 336–346.

352. *Эйхенбаум Б.* В ожидании литературы // Русский современник. – 1924. – № 1 [май]. – С. 280–290.

353. *Эйхенбаум Б.* Методы и подходы // Книжный угол. – 1922. – № 8. – С. 13–33. [Электронный ресурс]: URL: http://www.chukfamily.ru/Kornei/Biblio/eihenbaum.htm (дата обращения: 23.09.2017).

354. *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. – Л.: Советский писатель, 1969. – 552 с.

355. *Эйхенбаум Б. М.* Путь Пушкина к прозе // Пушкинский сборник памяти профессора С. А. Венгерова. (Пушкинист. IV / Под ред. Н. В. Яковлева). – М.–Пг.: Государственное издательство, 1923. – С. 59–74.

356. *Эйхенбаум Б. М.* Сквозь литературу: Сб. ст. – Л. : Academia, 1924. – 279 с. – (Вопросы поэтики / Рос. ин-т ист. искусств; вып. 4).

357. *Элиот Т. С.* Назначение поэзии. Статьи о литературе. Перевод с английского. – Киев: AirLand, 1996. – 350 с. – (Citadelle).

358. *Эткинд Е. Г.* Психопоэтика. «Внутренний человек» и внешняя речь: статьи и исследования / сост. и авт. вступ. ст. А. М. Эткинд . – СПб. : Искусство-СПб, 2005 . – 703 с.

359. *Якобсон Р.* Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сб. ст. Пер. с англ., франц., нем., чешского, польск. и болгар. Под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. Сост. М. Я. Поляков. Пред. В. П. Крутоуса – М.: Прогресс, 1975. – С. 193–230.

360. Янко Лаврин и Россия / Отв. ред. Ю. А. Созина. – М.: Институт Славяноведения РАН, 2011. – 356 с. – (Серия “Slavica et Rossica”).

361. *Aldington R.* Voltaire. – London: Routledge & Sons, 1925. – 278 p.

362. *[Anon.]* [Review] // The Spectator. – 1924. – April 12. – P. 606.

363. <*Anon.*> [Rev.] Contemporary Russian Literature. By Prince D. S. Mirsky. (Routledge.) (Book Review) // The Spectator. – 1926. – July 17. – P. 105.

364. <*Anon.*> [Rev.] Modern Russian Literature. By Prince D.S. Mirsky. Oxford University Press. 2 s. 6 d. // The New Statesman. – 1926. – March 27. – P. 754.

365. A reader's guide to contemporary literary theory / Raman Selden, Peter Widdowson, Peter Brooker. 5th ed. – Harlow etc.: Pearson Longman, 2005. – xi, 302 p.

366. *B. P.* <*Pares B.*> [Rev.] A History of Russian Literature by Prince D. S. Mirsky // The Slavonic Review. – 1927. – Vol. 6. – № 16. – P. 233–234.

367. *Babel I. E.* The Story of My Dovecote / Translated by Prince D. Mirsky // The Slavonic and East European Review. – 1931 (June). – Vol. 10. – № 28. – P. 1–11.

368. *Beasley R.* Reading Russian: Russian Studies and the Literary Canon // Russia in Britain, 1880–1940: From Melodrama to Modernism. Ed. Rebecca Beasley, Philip Ross Bullock. – Oxford: Oxford University Press, 2013. – P. 162–187.

369. *Berlin I.* Russian Literature: The Great Century // Nation. – 1950. – № 170. – P. 180–183, 207–208. [Электронный ресурс]: URL: http://berlin.wolf.ox.ac.uk/published_works/singles/greatcentury.pdf (дата обращения: 12.08.2017).

370. *Berlin I.* A View of Russian Literature // Partisan Review. – 1950 (July–August). – № 17. – P. 617–623. [Электронный ресурс]: URL: http://berlin.wolf.ox.ac.uk/published_works/singles/bib42.pdf (дата обращения: 12.08.2017)

371. *Beržaitė D.* A Foreign Canon for the Russian Classical Literature // Russian Classical Literature Today / The Challenges/Trials of Messianism and Mass Culture. – Cambridge: Cambridge Scholars Publishing, 2014. – P. 48–58.

372. *Brooks J.* Russian Nationalism and Russian Literature: The Canonization of the Classics // Nation and Ideology: essays in honor of Wayne S. Vucinich / Ed. I. Banac, J. G. Ackerman & R. Szporluk. – Boulder: Columbia University Press, 1985. – P. 315–334.

373. *Bullock P. R.* Untranslated and Untranslatable? Pushkin's Poetry in English, 1892–1931 // Translation and Literature. – 2011. – Vol. 20. – № 3: Translating Russia, 1890–1935. – P. 348–372.

374. Checklist of the works of Isaak Babel' (1894–1940) and translations. Compiled by Efraim Sicher. [Электронный ресурс]: URL: https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/BABEL2.pdf (дата обращения: 05.06.2017).

375. *Deutsch B.* [Rev.] The Twin Pillars. Pushkin, by Prince D. S. Mirsky. New York: E. P. Dutton and Company. 266 pages. $2.50. Gogol, by Janko Lavrin. New York: E. P. Dutton and Company. 263 pages. $2.50 // The New Republic. – 1926. – July 7. – № 47. – P. 206.

376. D. S. Mirsky: Profile critique et bibliographique / Établie par Nina Lavroukine et Leonid Tchertkov; Avec la collab. de C. Robert. – Paris: Institut d'études slaves, 1980. – 109 p. – (Série "Écrivains russes en France "; Tome LVIII).

377. *Di Salvo M.* Б. Эйхенбаум – Литературная критика и полемика // Revue des études slaves. – 1985. – Tome 57. – Fascicule 1. B. M. Èjxenbaum: la mémoire du siècle, sous la direction de Catherine Depretto. – P. 57–60.

378. *Eliot T. S.* The Function of Criticism // The Criterion. – 1923 (October). – Vol. 2. – № 5. – P. 31–42.

379. *Eliot T. S.* The Sacred Wood: Essays on Poetry and Criticism. – L.: Methuen, 1920. – XVIII, 155 p.

380. *Eliot T. S.* Tradition and the Individual Talent // The Egoist. – 1919 (Sept.). – Vol. 6. – No. 4. – P. 54–55 (Part I); 1919 (December). – Vol. 6. – No. 5. – P. 72–73 (Parts II–III).

381. *Freidin G.* Justifying the Revolution As an Aesthetic Phenomenon: Nietzschean Motifs in the Reception of Isaac Babel (1923–1932) // Nietzsche In Soviet Culture. – Oxford: Oxford University Press, 1994. [Электронный ресурс]: URL: https://web.stanford.edu/~gfreidin/Publications/babel/babel_nietzsche.pdf (дата обращения: 15.08.2017).

382. *Griboyedov A.* The Mischief of Being Clever / Translated by Sir Bernard Pares, with an introduction by Prince D. S. Mirsky. – London: Eyre & Spottiswoode, 1925. – 68 p.

383. *Hodgson K., Smith A.* Introduction: Twentieth-Century Russian Poetry and the Post-Soviet Reader: Reinventing the Canon // Twentieth-Century Russian Poetry: Reinventing the Canon. Ed. Katharine Hodgson, and Joanne Shelton, and Alexandra Smith. – Cambridge: Open Book Publishers, 2017. – P. 1–42.

384. *Jacobson R.* Von einer Generation, die ihre Dichter vergeudet hat // Slavische Rundschau. – 1930. – № 7. – S. 481–495.

385. Jane Ellen Harrison: Forty seven letters to D. S. Mirsky, 1924–1926 / Ed. by G. S. Smith // Oxford Slavonic Papers. New series. – 1995. – Vol. XXVIII. – P. 62–97.

386. *Kaun A.* [Rev.] Mirsky D.S., Prince. Contemporary Russian Literature. New York: Alfred A. Knopf, 1926 // The Saturday Review of Literature. – 1926. – September 4. – Vol. III. – № 6. – P. 86–87.

387. *Kaun A.* Russian Literature – General Characteristics // Art and Archaeology. 1922. – February. – Vol. XIII. – № 2. – P. 83–89.

388. La rivista «Commerce» e Marguerite Caetani. Direzione di Sophie Levie. III. Letters from D.S. Mirsky and Helen Iswolsky to Marguerite Caetani. Edited by Sophie Levie and Gerald S. Smith. – Roma: Edizioni di Storia e Letteratura, 2015. – xxvi, 127 p.

389. *Lavroukine N.* Maurice Baring & D. S. Mirsky: A Literary Relationship // Slavonic and East European Review. – 1984. – Vol. 62. – № 1. – P. 25–35.

390. *Lavroukine N.* Through Russian Eyes: D. S. Mirsky on Maurice Baring // Chesterton Review. – 1988. – Vol. XIX. – № 1. – P. 51–62.

391. *Lee E.* Shaw, Thomas Budge // Dictionary of National Biograph. – Vol. 51: Scoffin – Sheares. – L.: Elder Smith & Co., 1897. – P. 447–448.

392. *Livak L.* Russian Emigrés in the Intellectual and Literary Life of Interwar France. A Bibliographical Essay. – Montreal–Kingston–London–Ithaca: McGill-Queens University Press, 2010. – viii, 544 p.

393. *Martin W.* Criticism and the Academy // The Cambridge History of Literary Criticism. Volume VII: Modernism and the New Criticism. Edited by A. Walton Litz, Louis Menand, and Lawrence Rainey. – Cambridge: Cambridge University Press, 2000. – P. 269–321.

394. *McLean H.* Roman Jakobson, A Memoir // Vademecum: К 65-летию Лазаря Флейшмана / Составление и редакция Андрея Устинова. – М.: Водолей, 2010. – С. 642–659.

395. *Megrelishvili T.* Русский литературный канон в зеркале современности // Toronto Slavic Quarterly. Academic Electronic Journal in Slavic Studies. – 2013. – № 44. – P. 35–48. [Электронный ресурс]: URL: http://sites.utoronto.ca/tsq/44/tsq44_megrelishvili.pdf (дата обращения: 01.11.2017).

396. *Nabokov V.* Selected Letters 1940–1977. Ed. Dimitri Nabokov and Mathew J. Bruccoli. – San Diego: Harcourt Brace Jovanovich / Bruccoli Clark, 1990. – 624 p.

397. Oxford Book of Russian Verse / Chosen by Hon. Maurice Baring; with notes by Prince D.S. Mirsky. – Oxford: Clarendon Press, 1924. – 211 p.

398. *Radziwill C.* [Rev.] Pushkin, by D. S. Mirsky. New York: E. P. Dutton & Company. $ 2.50 // Commonweal. – 1926. – September 1. – P. 410.

399. *Régis G*. Il'ja Zdanevič sur Puškin // Revue des études slaves. – 1987. – Tome 59. – Fascicule 1–2. Alexandre Puškin, 1799–1837. – P. 402– 403.

400. *Shakhnovski [I. K.]* A Short History of Russian Literature (With a Supplementary Chapter Bringing the Work down to Date (Written Especially for this Book by Serge Tomkeyeff. – London: Kegan Paul, Trench, Trubner & Co., 1921. – 180 p.

401. *Smith G. S.* D. S. Mirsky: A Russian-English Life, 1890–1939. – Oxford: Oxford University Press, 2000. – xviii, 398 p.

402. *Smith G. S.* Marina Tsvetaeva i D. P. Svyatopolk Mirsky // Marina Tsvetaeva. Actes du 1er colloque international, ed. Robin Kemball. – Bern, 1991. – P. 192–206.

403. *Stacy R. H.* Russian Literary Criticism: A Short History. – Syracuse: Syracuse University Press, 1974. – ix, 267 p.

404. *Wellek R.* Concepts of Criticism. Ed. and with an Introduction by Stephen G. Nichols, Jr. – New Haven and London: Yale University Press, 1967. – 420 p.

405. *Weststeijn W. G.* The Russian émigré-journal “Versty” // Reviews, Zeitschriften, Revues. Ed. Sophie Levie. – Amsterdam-Atlanta: Rodopi, 1994. – P. 169–197.

406. *Williams A.* [Rev.] Russkaya Lirika: Malenkaya Antologiya ot Lomonosova do Pasternaka (Russian Lyric Verse. A Short Anthology from Lomonosov to Pasternak) by Prince D. S. Mirsky // The Slavonic Review. – 1924 (June). – Vol. 3. – № 7. – P. 205–207.

407. *Zohrab I.* Remizov, Williams, Mirsky and English Readers (With Some Letters from Remizov to Ariadna Tyrkova-Williams and Two Unknown Reviews) // New Zealand Slavonic Journal. Festschrift in honour of Patrick Waddington. – Wellington, 1994. – P. 259–288.